

ТВОРЕНІЯ
БЛАЖЕННАГО ІЕРОНИМА
(СТРИДОНСКАГО).

ЖИЗНЬ БЛАЖЕННАГО ІЕРОНИМА (СТРИДОНСКАГО).

Въ ряду знаменитѣйшихъ отцевъ-учителей древней западной церкви, послѣ св. Кипріана, епископа карфагенскаго, занимаетъ самое видное мѣсто блаженный Іеронимъ.

По своей обширной и многосторонней учености, обни-мавшей различныя области знанія, по своей неустомимой дѣятельности и удивительнымъ трудамъ на пользу христіанской науки и Христовой Церкви, по своей истинно подвижнической и глубоко поучительной жизни, по своему сильному вліянію, какое онъ имѣлъ на современный ему ходъ дѣлъ въ церкви западной и отчасти восточной, наконецъ по многочисленности и важности его писаній, которыя имѣютъ и будутъ имѣть большое значеніе во всѣ времена христіанства,—блаженный Іеронимъ принадлежитъ къ такимъ великимъ, знаменитымъ и плодовитымъ ученіемъ и назиданіемъ отцамъ-учителямъ церкви, каковы—въ церкви западной св. Амвросій и блаженный Августинъ, въ Церкви восточной—Оригенъ, Аѳанасій великій, Василій великій, Григорій Нисскій и другіе.

Тогда какъ другіе знаменитые отцы-учители церкви съ церковной и пастырской кафедрой вѣщали свое сильное слово къ своей паствѣ или ко всему міру христіанскому, бл. Іеронимъ, удалявшійся отъ міра, всецѣло посвятившій себя на тяжелые труды подвижничества, проводилъ жизнь то въ путе-

шестьяхъ, то въ пустынѣ, то въ тѣсной и убогой кельи инока, и-изъ этого скромнаго уединенія подавалъ свой голосъ за истину или объ истинѣ, слѣдилъ за всѣми важными событіями и движеніями въ церкви и жизни христіанской, въ большемъ количествѣ разсматривалъ разнообразныя свои писанія къ христіанамъ восточной и западной церкви и не рѣдко давалъ совѣты и наставленія современнымъ пастырямъ церкви.

Его слово и его мысль всегда имѣли своеобразный характеръ, какъ выраженіе его сильной и своеобразной души. Слово его всегда было смѣлое, открытое и прямое, какъ выраженіе души открытой и прямой, и потому часто встрѣчало противодѣйствіе со стороны оскорбленнаго самолюбія, а сильное и до крайности рѣзкое обличеніе имъ пороковъ современныхъ христіанъ, ерешковъ и всякихъ вообще нарушителей чистоты и святости церковнаго ученія, — обличеніе увлекавшее часто его самого за предѣлы умѣренной ровности, вызывало противъ него вражду, оскоточеніе и клевету. За то многихъ онъ съ особеннымъ успѣхомъ наставлялъ, разумялъ, обличалъ, спасалъ и увлекалъ своимъ словомъ, полнымъ силы, искренности, самоотверженія и преданности благу бжганаго.

При обширныхъ своихъ ученыхъ занятіяхъ, при многословной и разнообразной перепискѣ съ друзьями и знакомыми, отвѣчая на все, чтобы ни предложено было ему со стороны ищущихъ совѣта или наставленія, бл. Іеронимъ и по этому уже одному не всегда могъ быть осмотрителенъ въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ и выводахъ, въ своихъ отвѣтахъ и рѣшеніяхъ на предлагаемые ему вопросы и недоумѣнія. Какъ человѣкъ съ пылкимъ характеромъ, съ душою весьма воспримчивою и гнечалительною, его не трудно было вывести изъ спокойнаго состоянія духа и въ эти минуты заставить его говорить то, что можетъ расходиться съ прежде высказанными его воззрѣніями; но эти случаи относятся къ области не основ-

ныхъ его воззрѣній и христіанскихъ убѣжденій, а къ области частныхъ и спорныхъ мнѣній, гдѣ онъ отдичается свободою изслѣдованія и воззрѣній; и за то, всегда благонамѣренный и искреннии, онъ никогда не выдавалъ за рѣшительную истину того, что выходило отъ него, какъ совѣтъ, мнѣніе и изслѣдованіе, и никогда не упорствовалъ, если его поправляли съ любовью къ истинѣ, съ основательнымъ разъясненіемъ того, что недоговорено или переговорено было въ его писаніяхъ.

Большую часть жизни своей бл. Іеронимъ провелъ на востокѣ, гдѣ и написана имъ большая часть его произведеній. Но по характеру первоначальнаго воспитанія своего, онъ—римлянинъ, а потому и по всѣмъ симпатіямъ своимъ, по характеру своихъ ученыхъ трудовъ, по духу богословскихъ воззрѣній, равно и по самому языку (латинскому) своихъ писаній, онъ подходитъ ближе къ западнымъ отцамъ церкви, чѣмъ къ восточнымъ. Главное, что съ этой стороны отличаетъ его творенія отъ твореній восточныхъ отцевъ Церкви,—это нерасположенность его къ чисто догматическимъ вопросамъ, разсужденіямъ и воззрѣніямъ. Творенія Іеронима богаты учеными изслѣдованіями, руководительными правилами къ изъясненію св. Писанія, практическими совѣтами и наставленіями и аскетическимъ ученіемъ; но теоретическіи догматы, отвлеченное богословское воззрѣніе было ему не по духу, и онъ не могъ своею мыслію долго и спокойно держаться въ области догматическихъ изслѣдованій, если обращали его мысль въ эту область другіе. Этимъ объясняется, почему онъ, живя на востокѣ во время самыхъ живыхъ и горячихъ споровъ православныхъ съ аріанами, мало принималъ въ томъ живаго участія и даже иногда уклонялся отъ участія въ томъ, между тѣмъ какъ онъ съ востока слѣдилъ за движеніемъ ересей въ западной церкви и писалъ опроверженіе ихъ (напр. ересь Пелагіанъ и ересь Гельвидія, отвергавшаго приснодѣвство Божіей Матери). Это

потому, что западныя ереси искажали практическую сторону христіанства. Частныя, отличительныя черты многосторонней ученой его дѣятельности и разнообразныхъ его писаній, особый характеръ ученой, нравственной и догматической его мысли мы укажемъ при встрѣчѣ съ самыми его писаніями.

Бл. Иеронимъ постоянно и постепенно возрастать и усовершенсился въ своей ученой, какъ и аскетической жизни. Оттого первые годы его жизни на избранномъ уже имъ самимъ поприщѣ, нѣкоторыя изъ первыхъ его возрѣній и убѣжденій и тѣмъ болѣе первыя его сочиненія часто далеко не похожи на дальнѣйшія и послѣднія.

Труженикъ на поприщѣ христіанскаго самоотверженія и аскетической жизни, и труженикъ на пользу христіанской науки, христіанской истины и распространенія христіанскаго вѣдѣнія между ближними—вотъ не много словъ, которыми очерчивается съ главныхъ сторонъ вся полнота многосложной дѣятельности и поучительной жизни бл. Иеронима. И потому писать жизнь бл. Иеронима не возможно безъ обзоренія всей ученой его дѣятельности и безъ разбора главныхъ его твореній; равно какъ и на оборотъ, еслибы нужно было говорить о писаніяхъ его, для этого нужно было бы писать цѣлую его жизнь. Оттого самыя лучшіе источники для жизнеописанія бл. Иеронима—собственныя его писанія, и самая лучшая біографія его будетъ та, которая будетъ извлечена изъ его писаній и вмѣстѣ будетъ обнимать своимъ содержаніемъ всю ученую дѣятельность его и объяснять происхожденіе и сущность каждаго изъ его твореній.

Такъ и составлялись всѣ жизнеописанія бл. Иеронима, какія мы имѣемъ изъ подъ рукъ издателей его твореній. Лучшіе изъ нихъ въ этомъ отношеніи—одно изъ двухъ (первое) жизнеописаній, помѣщенныхъ въ XXII томѣ *Cursus complet. Hagrologiæ*. Мы главнымъ образомъ это жизнеописаніе имѣли

въ виду при составленіи нашей біографіи бл. Іеронима, которую здѣсь предлагаемъ.

Въ жизни бл. Іеронима довольно рѣзко обозначаются два главныхъ періода съ особымъ характеромъ ученой и подвижнической его дѣятельности: это I) время его воспитанія и безпрерывныхъ путешествій его и странствованій,—время его любознательности и желаній учиться,—время тяжелой борьбы съ самимъ собою, до поселенія его въ Виѳлеемѣ, 344—387; II) время безвыходной жизни въ Виѳлеемѣ, время ученой его дѣятельности и трудовъ на пользу церкви и вмѣстѣ время высокой аскетической жизни, 387—420 г.

I.

Жизнь бл. Іеронима до поселенія его въ Виѳлеемѣ (344—387).

Блаженный Іеронимъ родился въ Далмаціи, въ городѣ Стридонѣ, лежавшемъ, какъ опредѣляетъ самъ Іеронимъ ¹⁾, на границѣ Далмаціи съ Панноніею. Годъ рожденія Іеронима, по всѣмъ соображеніямъ ²⁾, не могъ быть раньше 340 г по Р. Х.

¹⁾ De vir. illustr. cap. CXXXV. Утомительно и бесполезно было бы изслѣдованіе того, гдѣ теперь мѣсто древняго Стридона въ Панноніи. Бл. Іеронимъ самъ говоритъ, что Стридонъ еще въ его время былъ разрушенъ Готами. Интересовавшіеся изслѣдованіемъ этого полагаютъ древній Стридонъ на мѣстѣ нынѣшняго Стридова, Стригова, или Стригны, на границахъ Венгріи и Кроаціи, между рѣками Дравою и Мурюю. Въ 15 в. на одномъ холмѣ этого города стояла церковь во имя бл. Іеронима. Смотр. Act. Sanct. t. VIII. Sept. 30. § III. Къ имени Іеронима прибавляютъ иногда имя отца его, Евсевія; и тогда полное имя Іеронима пишутъ такъ: блаженный Евсевій Іеронимъ стридонскій пресвитеръ.

²⁾ Самъ Іеронимъ прямо не указываетъ года своего рожденія. Просперъ, писатель ближайшій по времени (V в.) къ блж. Іерониму, указалъ 331 годъ, и говоритъ, что Іеронимъ умеръ 90 лѣтъ въ 420 году. Такъ долго и вѣрили на слово свидѣтельству Проспера, считая несправедливостью выправлять древнее

Вспоминая о своемъ дѣтствѣ, Иеронимъ часто говорилъ о множествѣ слугъ въ отцовскомъ домѣ, о своей привычкѣ къ роскошному столу, о своемъ *домашнемъ* учителѣ и о своемъ товариществѣ съ дѣтства съ такимъ человѣкомъ, каковъ былъ богатый, ученый и знатный Бонозъ. Все это даетъ основаніе заключать, что отецъ Иеронима, Евсевій, былъ человѣкомъ богатымъ и знатнымъ. У Иеронима была сестра (имя ея неизвестно), которую онъ ильбно любилъ, горько оплакивалъ потомъ паденіе ея и искренно радовался, когда узнать объ ея возстаніи;—былъ младшій братъ, Павлініанъ, съ именемъ котораго мы не разъ встрѣтимся въ жизни и твореніяхъ Иеронима;—была тетка по матери, Касторина, на которую долгие гнѣвался Иеронимъ, моветъ быть за небрежный надзоръ ея за сестрою его;—была бабка, о которой Иеронимъ говоритъ, какъ о заступницѣ своей предъ строгимъ учителемъ. Это послѣднее обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что Иеронимъ нигдѣ не говоритъ о своей матери, что вину нравственнаго паденія сестры своей слагаетъ на небрежную тетьку, даетъ основаніе думать, что Иеронимъ лишился матери своей еще въ раннемъ дѣтствѣ и воспитывался въ этомъ отношеніи сиротою.

Семенство бл. Иеронима было все христіанское. Эта выгода въ дѣлѣ начальнаго воспитанія Иеронима не всякому доставалась тогда на долю сверстниковъ его. И это не осталось безразличнымъ для будущей судьбы Иеронима: въ послѣдствіи онъ не разъ обращался къ воспоминаніямъ о своемъ дѣтствѣ

свидѣтельство. Но ближайшее знакомство съ ходомъ жизни Иеронима по писаніямъ сачало оца показало, что нельзя держаться Просперова свидѣтельства: если Иеронимъ родился въ 331 году, то весь ходъ жизни его будетъ представляться страннымъ; тогда видно, что Иеронимъ, будучи 40 лѣтъ, называетъ себя юношею и 25 лѣтній свой возрастъ называетъ временемъ дѣтства. Легче исправить свидѣтельство Проспера, чѣмъ помириться съ такою путаницею въ жизни Иеронима. И потому ищутъ годъ рожденія его между 310—316 г. Мы полагаемъ 311 н. разница съ свидѣтельствомъ Проспера на 13 лѣтъ.

и юности и всегда съ достоинствомъ говорилъ о себѣ, что онъ съ ранняго дѣтства воспитанъ и утверждёнъ въ христіанскомъ благочестіи. Иначе воспоминаеть Иеронимъ о начальномъ свѣтскомъ (научномъ) образованіи своемъ. Живому, рѣзвому и горячему по природѣ и характеру, Иерониму, съ самаго ранняго дѣтства, досталось имѣть домашнимъ учителемъ своимъ чело-вѣка суроваго, строгаго и взыскательнаго: какимъ описываетъ своего Орбилія (имя домашняго учителя) самъ Иеронимъ. Живая, нѣжная и впечатлительная душа Иеронима росла и развивалась подь вліяніемъ двухъ противоположныхъ нравственныхъ силъ: съ одной стороны его горячо любила, нѣжила и лелѣяла его старая бабушка; съ другой стороны на него постоянно вѣяло педагогическимъ холодомъ, строгостию и взыскательностію суроваго учителя, которому дитя, какъ видно, отдано было въ полное педагогическое распоряженіе ¹⁾. Но въ этихъ ли противоположныхъ вліяніяхъ на впечатлительную душу дитяти заключается, между прочимъ, причина той постоянной строгости къ себѣ и другимъ въ характерѣ Иеронима, которая составляетъ отличительную черту его личности и которая однакожь такъ мало гармонируетъ съ его мягкою и полною любовью къ другимъ душею? Извѣстно, что нѣжная и впечатлительная души, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, сильно поддаются вліянію окружающей ихъ среды, и полученныя въ это время глубокія впечатлѣнія остаются въ нихъ не изгладимыми на всю остальную жизнь.

Не свѣтлыя воспоминанія остались въ душѣ Иеронима и о нравственно-религіозномъ состояніи христіанъ его родины; свѣжую душу юнаго христіанина глубоко оскорбляли нѣкоторые явные недостатки мѣстной его церкви. Онъ называетъ

¹⁾ Самъ Иеронимъ пишетъ: memini, me puerum ad Orbilium saevientem de aviae sinu tractum esse captivum, et ceter. Apolog. adv. Rufin. lib. 1.

свою родину «средоточіемъ невѣжества и грубости, гдѣ не знаютъ другаго бога, кромѣ своего чрева, гдѣ занимаются только настоящимъ, нисколько не думая о будущемъ, и гдѣ святѣе всѣхъ тотъ, кто всѣхъ богаче». И епископъ этой паствы, Лупицинъ, былъ, по отзыву Іеронима, «кормчій слабый и невѣдущій, который взялся править судомъ полуразбитымъ и со всѣхъ сторонъ заливаемымъ водою; это былъ слѣпецъ, который другихъ слѣпцевъ велъ въ яму» ¹⁾. Судъ этотъ можно признать строгимъ и преувеличеннымъ со стороны Іеронима, всегда и вездѣ жаждущаго и ищущаго одного совершенства: мы знаемъ, что онъ едвали не хуже этого описывалъ и римскую церковь своего времени; не пропустилъ случая упрекнуть и христіанъ Церкви восточной. Но все же въ основаніи его отзыва о церкви стридонской нужно полагать дѣйствительныя явленія, которыхъ не могъ бы одобрить судъ и самый снисходительный. Въ этихъ обстоятельствахъ, въ связи съ другими глубоко потрясавшихъ нѣжную и благочестивую душу юнаго еще Іеронима, не заключается ли, между прочимъ, причина того безграничнаго самоотверженія и той не утомимой дѣятельности, съ какими онъ шелъ по избранному пути, желая служить всѣми своими силами благу и совершенству современныхъ ему христіанъ? Мы тѣмъ охотиѣе допускаемъ вліяніе этихъ обстоятельствъ на такую высокую рѣшимость Іеронима, что впереди въ жизни его мы не встрѣтимъ какихъ нибудь опредѣленныхъ рѣзко выдающихся причинъ, которыми бы удобно объяснялось то настроеніе его души, съ какимъ является онъ сейчасъ по окончаніи своего образованія.

По окончаніи домашняго образованія, Іеронимъ, и по собственному желанію своему и влеченію духа, и по видамъ отца, и по обычаю времени, отправляется въ Римъ для того,

¹⁾ Epist. ad Chromat., Iovin. et Evseb.

чтобы въ тамошнихъ школахъ и у тамошнихъ знаменитыхъ ученыхъ получить высшее образованіе и изучить науки. Мы не видимъ опредѣленной, *частной* цѣли, съ какою Іеронимъ вступилъ бы на эту дорогу высшего образованія. Можетъ быть независимое положеніе отца его давало ему возможность не назначать своего сына ни къ какому частному ученому званію или труду: кажется, со стороны его предполагалось просто видѣть своего сына образованнымъ человѣкомъ безъ частныхъ видовъ; не видно, чтобы и самъ Іеронимъ созидалъ себѣ при этомъ опредѣленные планы; онъ отправлялся въ Римъ слушать всѣ гуманныя науки, какими владѣло тогдашнее знаніе. Бонель и теперь не разлучался съ Іеронимомъ, одушевляясь одною съ нимъ цѣлю и однимъ рвеніемъ къ наукѣ. Іеронимъ былъ еще не крещенъ, слѣдуя обычаю того времени.

Съ особымъ чувствомъ уваженія вспоминаемъ мы это время въ исторіи христіанства. Родители безъ боязни отдавали своихъ дѣтей учиться у языческихъ наставниковъ, сколько не опасаясь за чистоту ихъ христіанскихъ убѣжденій и за сохраненіе христіанскаго ихъ настроенія; дѣти, слушая науку, созданную гениемъ языческихъ народовъ, слушая съ словъ наставника-язычника, въ кругу товарищей—на половину язычниковъ, читая и изучая сочиненія, писанныя язычниками,—христіанскія дѣти, подъ вліяніемъ всего этого, менѣе всего благопріятствовавшаго христіанству, не только не ослабляли своихъ христіанскихъ убѣжденій и христіанскаго настроенія духа, но еще очищали, возвышали, расширяли и укрѣпляли ихъ при выходѣ изъ среды и изъ подъ вліянія язычества. Нельзя сказать, чтобы язычество въ школахъ и въ наукѣ этого времени, о которомъ говорится, не проявляло старой вражды своей къ христіанству: удаленная изъ судовъ и съ площадей вражда эта еще жива и свѣжа была именно въ школахъ и наукѣ языческой, гдѣ язычество все еще мечтало о побѣдѣ. Отчего же выходило такое

явленіе въ пользу христіанства, а не язычества? Не объяснишь этого духомъ времени и перевѣсомъ господства христіанства надъ язычествомъ въ сферѣ государственной и жизни общественной; не объяснишь этого явленія и противоположностію и открытою враждою христіанства съ язычествомъ, когда представители того и другаго, отталкивая другъ друга, тѣмъ самымъ осторожно блюдутъ свое уметвенное и нравственно-религіозное достоинствѣ; ибѣтъ, нужно отдать справедливую честь тогдашнему домашнему воспитанію дѣтей со стороны христіанскихъ родителей и тогдашнему вліянію домашняго христіанскаго благочестія, которымъ проишалаась и дышала семейная жизнь и дѣятельность христіанъ. Самъ Іеронимъ все сокровище христіанскаго настроенія собственной души усвоить исключительно вліянію домашняго своего воспитанія. Сблизкая подобныя явленія того времени съ духомъ и обстоятельствами времени нашего, когда домашняя жизнь и домашнее воспитаніе слишкомъ мало христіанскаго даютъ молодому поколѣнію, а гуманная школы и науки не дружелюбно относятся и къ тому небольшому запасу христіанскаго знанія и настроенія, какой выносятся изъ домашней среды воспитаніи этихъ школъ и этихъ наукъ, мы не можемъ оторваться душой отъ того добраго, благодатнаго времени, которое такъ много обличительнаго и поучительнаго можетъ передать нашему времени и нашему учащемуся поколѣнію! . . . Іеронимъ, какъ и Бонозъ, шли въ Римъ слушать науку, учиться искусству въ школахъ у язычниковъ, и мы увидимъ, что вынесли изъ этой среды наши два друга относительно христіанскихъ своихъ убѣжденій.

Чему и какъ учился, что изучалъ Іеронимъ въ римскихъ школахъ, у римскихъ ученыхъ того времени?

Не многосложенъ былъ курсъ наукъ, какія преподавались тогда современному юношеству, или какія пришлось слушать въ Римѣ Іерониму: *Грамматика, Риторика и Діалектика*—

вотъ названія наукъ, которыя заключали тогда въ себѣ весь курсъ наукъ словесныхъ, не исключая и исторіи словесности, и курсъ логики и философіи. Къ этому присоединялись еще практическія занятія по ораторскому искуству въ школахъ, или въ судахъ, и чтеніе философскихъ системъ въ подлинникѣ. Такъ описываетъ по крайней мѣрѣ свои занятія самъ Иеронимъ подъ руководствомъ наставниковъ въ Римѣ. Грамматикѣ Иеронимъ учился у знаменитаго тогда Доната, котораго Иеронимъ хвалилъ за искусство, съ калкимъ онъ объяснялъ древнія произведенія словесности ¹⁾,—риторикѣ—у знаменитѣйшаго Векторіана, который во все время продолженія своихъ уроковъ удивлялъ слушателей своимъ искусствомъ и знаніемъ и заслужилъ отъ нихъ честь видѣть собственную статую на площади Траяна среди великихъ мужей имперіи, а подъ конецъ жизни удивилъ язычниковъ тѣмъ, что обратился въ христіанство ²⁾. Объ учителѣ діалектики Иеронимъ не упоминаетъ; говоритъ только, что изъ этой науки онъ узналъ различные законы сужденій и способы умозаключеній ³⁾.

Не великъ былъ, говоримъ, курсъ наукъ, на которомъ воспитывали тогда въ Римѣ юношество; нельзя хвалить эти науки и за тогдашнее направленіе ихъ. Подъ вліяніемъ практическаго взгляда Рима, эти науки, какъ и всѣ другія, потеряли теперь то высокое нравственное значеніе знанія, какъ существенной потребности разумнаго духа человѣческаго, какимъ они проинались въ свое время въ Греціи, а получили житейское, утилитарное направленіе, по которому достоинство науки измѣнялось степенью приложенія ея къ общественной

¹⁾ Apolog. adv. Rufin. Lib. 1.

²⁾ Отъ него остались небольшія сочиненія и въ христіанской литературѣ: сочиненія противъ Аріяна и толкованія на посланія апост. Павла. De vit. illustr. cap. CI.

³⁾ Apolog. adv. Rufin. Lib. 1.

жизни, или житейской пользы. Отсюда образовался фальшивый характеръ въ методахъ преподаванія наукъ, въ способахъ изученія ихъ, и особенно въ дѣлѣ упражненія въ ораторскомъ искусствѣ. Римское краснорѣчіе утратило въ это время прежнюю свою силу и свое достоинство; его часто замѣняла бездушная и надутая декламація. Учащихся заставляли писать о предметахъ и не относящихся къ дѣйствительной жизни и недостойныхъ искусства, или защищать ложь и опровергать истину. Самъ Иеронимъ часто съ неудовольствіемъ послѣ воспоминалъ объ этомъ жалкомъ направленіи краснорѣчія и въ школахъ и въ обществѣ римскомъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ припоминаетъ о себѣ, какъ онъ учился декламировать сочиненныя имъ словопренія, какъ ходилъ по временамъ съ этою цѣлю въ судебныя мѣста, какъ тамъ краснорѣчивѣйшіе ораторы спорили между собою съ такимъ ожесточеніемъ, что, забывая дѣло, начинали ругаться и осмѣли другъ друга ѣдкими остротами ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій онъ говоритъ о себѣ, какъ ему, уже въ глубокой старости, часто представлялось во снѣ, будто онъ въ изящной причесѣ и въ тойъ декламировалъ въ присутствіи ритора-учителя своего сочиненное словопреніе и какъ, пробудившись отъ сна, радъ бывалъ, что это сонъ, а не дѣйствительность ²⁾. Такое направленіе краснорѣчія не нравилось молодому Иерониму и отвращеніе его отъ такихъ судебныхъ преній, на которыя мы указали, было причиною, можетъ быть, того, что онъ и самъ не избралъ себѣ званія адвоката, къ которому по видимому готовили его римскіе ораторы, и хвалили другихъ, своихъ друзей, уклонившихся отъ этого званія. «Вы, писалъ онъ послѣ двумъ тулузскимъ друзьямъ своимъ, Миннервію и Александру, — вы поступили какъ умные и

¹⁾ Comment in epist. ad Galat. cap. II.

²⁾ Apolog. adv. Rufin. Lib. 1.

образованные люди, что оставили *собачье*, по выраженію Апція, *краснорѣчіе* и обратились къ витійству Христову, то есть, оставили должность адвокатовъ или судебныхъ ораторовъ» ¹⁾. Но, при всемъ томъ, Иеронимъ не остался свободнымъ отъ вліянія этого фальшиваго направленія въ тогдашнемъ краснорѣчій, и слѣды ложнаго вкуса очень замѣтны въ сочиненіяхъ его, особенно первыхъ по времени. Время отъ времени Иеронимъ постоянно выросталъ въ этомъ отношеніи и очищалъ и усовершенялъ свой вкусъ подъ вліяніемъ христіанской и отеческой литературы, такъ что самыя первыя литературныя произведенія совершенно не похожи на послѣднія: мы увидимъ это; но увидимъ и то, что совершенно онъ не освободился отъ этого вліянія, какое произвелъ въ немъ ложный вкусъ тогдашней риторики, до конца своей литературной дѣятельности.

При изученіи діалектики, Иеронимъ, подъ вліяніемъ природной любознательности и особаго сочувствія къ философіи, любилъ читать и изучать системы древнихъ философовъ. По собственному его признанію, онъ прочиталъ и изучилъ, бывши въ Римѣ, философскія сочиненія Платона, Диогена, Клитомаха, Крантора, Карнеада, Поссидонія, Порфирія и комментаріи Александра Афродизея на сочиненія Аристотеля ²⁾. Подъ вліяніемъ этой любви къ древнему любомудрію, въ связи съ любовью къ древнимъ произведеніямъ словесности, Иеронимъ собиралъ поупкою и списываніемъ разныя произведенія древнихъ философовъ и поэтовъ; составленную изъ такихъ сочиненій бібліотеку постоянно, какъ увидимъ, и послѣ имѣлъ при себѣ, перечитывалъ ее и до того усвоилъ себѣ содержаніе многихъ изъ этихъ книгъ, что, при разсужденіи его о какихъ бы то ни было предметахъ, у него ложились какъ бы неволью съ пера

¹⁾ Epist. ad. Minerv. et Alexandr.

²⁾ Apolog. adv. Rufin. Lib. III.

на бумагу цѣлыя отрывки изъ языческихъ сочиненій въ подтвержденіе тѣхъ мыслей, которыя онъ излагалъ или доказывалъ: это вы встрѣтите не только въ сочиненіяхъ его ученаго или историческаго характера, но и въ его перепискѣ и даже въ толкованіяхъ на св. Писаніе. Это—такая черта въ сочиненіяхъ Иеронима, за которую укоряли его друзья и враги, которую онъ и самъ не одобрялъ въ послѣдствіи и рѣшился отвыкнуть отъ ней; но не отвыкъ совершенно до конца своей жизни и ученой дѣятельности. Эта черта довольно иногда затрудняетъ чтеніе твореній Иеронима на латинскомъ языкѣ: часто нужно смотрѣть да смотрѣть, чтобы примѣтить фразу, взятую изъ языческаго поэта или философа.

Есть и еще одна черта въ характерѣ Иеронима, которую оставилъ въ немъ Римъ своимъ могучимъ вліяніемъ и которая сохранилась въ душѣ его на всю жизнь. Пылкая, впечатлительная душа, увлеченная натура Иеронима нравственно не устояла противъ напора наглаго и обаятельнаго распутства, какимъ упивался и тогда еще дряхлый Римъ подъ знаменемъ древняго язычества. Какъ широки были размѣры, въ какихъ поддѣлся Иеронимъ обаянію столичнаго разврата, мы не знаемъ; знаемъ только, что паденіе его совершилось именно подъ дѣйствіями всесторонняго вліянія распутства и разгула страстей, какими волновалась неистощимо испортившаяся и заживо разлагавшаяся жизнь всемірной столицы. Вотъ исповѣдь въ этомъ отношеніи самаго Иеронима. Въ письмѣ къ другу своему Иліодору Иеронимъ съ горечью воспоминаетъ о своемъ прошедшемъ и, описывая всю широту римскаго распутства, предостерегаетъ друга отъ тѣхъ соблазновъ, отъ какихъ не могъ уберечься самъ. «И даю тебѣ, пишетъ онъ, это наставленіе не потому, чтобы самъ я, какъ искусный кормчій, сохранилъ свой корабль и свой грузъ въ цѣлости, и не потому, чтобы не зналъ, что такое буря. Напротивъ, подобно человѣку, только что выбро-

шенному бурею на берегъ, я указываю другимъ пловцамъ на подводный камень и дрожащимъ голосомъ волю: берегитесь, здѣсь, въ этой безднѣ, волнуемой непрерывно вихремъ, любовь къ наслажденіямъ плоти, какъ другая Харибда, привлекаетъ путниковъ и губить ихъ. Тамъ безстыдство, подобно извѣстной Сциллѣ, является подь пріятнымъ лицомъ женщины и производитъ гибельное крушеніе невинности. Здѣсь берегъ, населенный варварами, здѣсь демонъ, съ своими клевретами, рыщетъ по морю, какъ пиратъ (разбойникъ), готовый наложить свои цѣпи на всѣхъ, кто только попадетъ въ его руки. Будьте всегда осторожны. Пусть море кажется вамъ такъ же спокойно, какъ тихое озеро; пусть поверхность водъ его чуть-чуть колыхается подь тихимъ вѣтеркомъ: эта равнина скрываетъ подь собою высокія горы; подь нею кроется врагъ, внутри ея опасность. Изготовьте же свои снасти, распустите паруса: напечатлѣйте на челѣ своемъ знаменіе креста; эта мнимая тишина на самомъ дѣлѣ—бура»¹⁾. Можемъ думать однакоже, что паденіе Іеронима было не минутное, не случайное, не такое, которымъ падаютъ иногда и великіе праведники въ минуты сильныхъ искушеній и котораго не повторяютъ болѣе; нѣтъ, паденіе юнаго Іеронима было болѣе или менѣе продолжительнымъ увлеченіемъ на путь порока,—увлеченіемъ, въ продолженіе котораго ему стали извѣстными всѣ разгульные хоро- воды и оргіи, которыя создаю и разыгрывало безстыдное на этотъ разъ язычество. Мы такъ думаемъ потому, что Іеронимъ, будучи уже въ пустынѣ, среди плуриительныхъ подвиговъ поста и молитвы, не могъ иногда, какъ самъ говоритъ о себѣ, безъ труда освободить мысль и воображеніе свое отъ соблазнительныхъ образовъ, въ какіе облакался разгулъ страстей римскаго юношества. Такія глубокія раны не бывають слѣдствіемъ минутныхъ увлеченій.

¹⁾ Epist. ad. Heliodor. hortatoria

Какъ бы то ни было впрочемъ, для насъ замѣчательны тѣмъ эти обстоятельства изъ жизни юнаго Іеронима, что они, кажется намъ, произвели крутой и рѣшительный переломъ въ дѣляхъ жизни и въ направленіи мыслей его. Съ такими горячими, живыми и впечатлительными натурами людей, какова была и натура Іеронима, бываетъ такъ, что одно какое либо, сильно потрясающее ихъ, обстоятельство вдругъ производитъ переломъ въ ихъ мысляхъ, дѣйствіяхъ и желаніяхъ и даетъ иное, часто неожиданное, направленіе жизни ихъ: съ ними бываетъ такъ, какъ было съ Ефремомъ сирійскимъ, Марією египетскою и многими другими. Такіе люди неожиданно могутъ удивлять міръ своими добродѣтелями и подвижническими трудами, доселѣ удивляя его своими пороками. Іеронимъ среди ученическихъ увлеченій за разгульною римскою молодежью и вмѣстѣ среди олушевленныхъ занятій науками и больше всего философією, вдругъ хочетъ сдѣлаться инымъ человѣкомъ, совѣмъ не тѣмъ, къ чему могло вести его все предыдущее образованіе его.

Нравственный переворотъ въ своей жизни Іеронимъ началъ съ того, что вдругъ пожелалъ принять крещеніе. Это—не въ обычаѣ тогдашняго времени: кто отлагалъ свое крещеніе тогда,—отлагалъ до лѣтъ самаго зрѣлаго мужества, а часто и до глубокой старости. Іеронимъ принимаетъ крещеніе послѣ 20-ти лѣтъ (ок. 364 г.), когда самъ себя называетъ еще юношею. Вмѣстѣ съ этою рѣшимостью, Іеронимъ, доселѣ преданный наукамъ да шумнымъ развлеченіямъ, ищетъ занятій релігіозныхъ, упражненій, оживляющихъ душу священными воспоминаніями христіанской древности. Подъ Римомъ, въ землѣхъ подъ этимъ городомъ, тянулись на огромномъ пространствѣ пещеры, образующія собою какъ бы другой Римъ: это—священные убѣжища христіанъ и первые ихъ храмы въ тяжкія времена гоненій и вмѣстѣ послѣднія жилища, гдѣ полагались

смертные останки братьев и мучеников христианских. Это-то подземелья (катакомбы), священные по великим воспоминаніямъ первыхъ вѣковъ христианства, съ любовью посѣщаль теперь Иеронимъ въ часы отдохновенія отъ научныхъ занятій. «Вмѣстѣ съ своими товарищами и сверстниками, пишетъ онъ о себѣ, я имѣлъ обычай по воскреснымъ днямъ посѣщать гробницы апостоловъ и мучениковъ, спускаться часто въ пещеры, вырытыя во глубинѣ земли. въ стѣнахъ которыхъ по обѣимъ сторонамъ лежатъ тѣла усоншихъ, и въ которыхъ такая темнота, что здѣсь почти сбывается это пророческое изреченіе: *да снидутъ во адъ живи* (Ис. 54, 16); изрѣдка свѣтъ, впускаемый сверху, умѣряетъ ужасъ мрака, такъ что отверстіе, чрезъ которое онъ входитъ, лучше назвать щелью, чѣмъ окошкомъ. Тамъ ходятъ шагъ за шагомъ (ощупью) и среди мрачной ночи воспоминается (приходитъ на память) этотъ Виргиліевъ стихъ: «повсюду ужасъ, и самое безмолвіе пугаетъ душу» ¹⁾).

Мы думаемъ, что среди этого нравственнаго потрясенія и перелома въ душѣ Иеронима, подъ влияніемъ свѣдѣнаго и глубокаго чувства раскаянія объ утратѣ невинности, начало слагаться въ душѣ его то убѣжденіе, которое послѣ, подъ влияніемъ другихъ причинъ, принимало у него размѣры крайности, — убѣжденіе, въ силу котораго онъ любилъ въ похвалахъ своихъ дѣвству превозносить его достоинство до униженія достоинства брака и брачнаго состоянія. Всмотрѣваясь въ существо этого убѣжденія Иеронима, нельзя не замѣтить въ немъ болѣе силы чувства, чѣмъ ясности и отчетливости сознанія или зрѣлости убѣжденія. «Дѣвство я до небесъ превозношу не потому, чтобы оно было моею добродѣтелию, а болѣе изъ особаго уваженія къ тому, чего самъ не имѣю. Хвалить въ дру-

¹⁾ Comment in Ezechiel cap. XI

гихъ то, чего самъ не имѣешь—это выраженіе искренней и скромной исповѣди». Такое объясненіе своего уваженія и своихъ чрезмѣрныхъ похвалъ дѣвству высказываетъ самъ Иеронимъ¹⁾, и въ этомъ объясненіи нельзя не видѣть связи между похвалами его дѣвству и между нравственнымъ его паденіемъ. Такія пылкія натуры, какова натура души у Иеронима, способны всю жизнь оплакивать то, что въ свое время способны были потерять въ одну минуту

По обычаю тогдашняго времени нельзя было быть ученымъ, не посѣтивши лично лучшія училища и не послушавши разныхъ ученыхъ. Тѣмъ менѣе живая, тревожная, постоянно жаждущая дѣятельности и рѣдко утомлявшаяся душа Иеронима могла остановиться въ своихъ познаніяхъ на томъ, что могли дать ему риторическія и философскія школы въ Римѣ. Окончивши то въ своемъ образованіи, что можно было окончить въ Римѣ, Иеронимъ вмѣстѣ съ тѣмъ же своимъ товарищемъ и другомъ, Бонозомъ, предпринимаетъ путешествіе.

Путешествовать на этотъ разъ они рѣшились въ Галлію, гдѣ преподаваніе особенно словесныхъ наукъ въ нѣкоторыхъ школахъ спорило тогда съ преподаваніемъ въ римскихъ школахъ. Но на пути въ Галлію они посѣтили²⁾ Аквилею, этотъ богатый и славный тогда городъ въ верхней Италиі, близъ Адриатическаго моря. Но, какъ увидимъ сейчасъ, не столько ученія, сколько другія тайныя цѣли занимали уже теперь душу этихъ двухъ молодыхъ путешественниковъ. Въ Аквилеѣ мы ихъ видимъ не въ школахъ, а въ монастырѣ. Они проводятъ время въ бесѣдахъ не съ представителями свѣтской науки, а

1) Epist. ad Pammachium pro libr. contra Iovinian.

2) Были или не были они теперь въ Стрдонѣ, это—такое обстоятельство, которое не имѣетъ никакого значенія и вліянія въ ходѣ дѣлъ въ жизни Иеронима. А потому мы и не считаемъ нужнымъ рѣшать этотъ вопросъ, на которомъ останавливаются другіе

изучаютъ науку христіанскаго вѣдѣнія, и обращаются, бесѣдуютъ и дружатся съ подвижниками въ монастыряхъ и вообще съ людьми благочестивой жизни. Въ Аквилеѣ былъ тогда епископомъ Валеріанъ, человекъ, отличавшійся строгою христіанскою жизнію и ревностію по вѣрѣ въ борьбѣ съ аріанствомъ, отъ котораго онъ совершенно очистилъ свою паству. Достоянный епископъ окружилъ себя отличнымъ клиромъ изъ людей умныхъ, благочестивыхъ и достойныхъ своего священнаго званія. Это были: пресвитеръ *Хромаціи*, братъ его діаконъ *Евсевій*, архидіаконъ *Ювинъ*, другъ и родственникъ ихъ, *Иліодоръ*, впоследствии епископъ, племянникъ его, *Непоціанъ*, извѣстный по письмамъ къ нему Іеронима, иподіаконъ *Никасъ*, съ которымъ тоже послѣ переписывался Іеронимъ. Къ этому обществу принадлежалъ инокъ *Хрисогонъ*, въ которомъ послѣ Іеронимъ удивлялся глубинѣ смиренія. Тамъ былъ и *Руфинъ*, наставленный и утвержденный въ вѣрѣ братьями Хромаціемъ и Евсевіемъ, — Руфинъ, который скоро сталъ любимѣйшимъ другомъ Іеронима, а потомъ жестокимъ и непримиримымъ врагомъ его. Къ этому обществу привязался въ Аквилеѣ всей юной и пылкой душой Іеронимъ и въ бесѣдахъ съ нимъ о христіанствѣ и добродѣтели любилъ проводить время. Особенно полюбилъ онъ трехъ друзей, Хромація, Евсевія и Ювина, за ихъ строго-христіанскую жизнь и обширныя богословскія познанія. Они съ своей стороны уважали и цѣнили въ Іеронимѣ богатые дарованія, любовь къ знанію и высказывающееся стремленіе къ строгой аскетической жизни. Іеронимъ послѣ писалъ къ нимъ всегда съ восторгомъ и самыми пріятными воспоминаніями объ ихъ благочестіи и о своей любви и привязанности къ нимъ.

Во время пребыванія своего въ Аквилеѣ, Іеронимъ жилъ, кажется, въ томъ же монастырѣ, гдѣ проживалъ тогда и Руфинъ. Тутъ эти два ревные юноши сошлись и въ мысляхъ и

въ желаніяхъ и взялись изучать христіанское богословіе. Мы увидимъ послѣ, что Іеронимъ съ особенною пріятностію вспоминалъ объ этомъ времени, когда онъ съ Руфиномъ, изучая богословскія науки, разсуждалъ, спорилъ, вмѣстѣ ошибаясь и вмѣстѣ поправляя свои ошибки, съ помощію общихъ наставниковъ и друзей своихъ въ Аквилеѣ. Но болѣе всего замѣчательно для насъ слѣдующее обстоятельство изъ жизни Іеронима въ Аквилеѣ. Вмѣстѣ съ Руфиномъ онъ часто удалялся изъ Аквилеи въ Конкордію, — мѣсто рожденія его друга, и тамъ любилъ бесѣдовать съ почитаемымъ старцемъ Павломъ, ученикомъ св. Кипріана и страстнымъ любителемъ Тертуліана, котораго Павелъ иначе и не называлъ, какъ своимъ господиномъ. Вмѣстѣ съ Павломъ Іеронимъ много читалъ писаній Тертуліана и много слышалъ объ немъ ¹⁾. Послѣ этого намъ хорошо объясняется, почему въ богословскихъ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ Іеронима очень рѣзко выдаются по мѣстамъ такія воззрѣнія, какія извѣстны были и принадлежали только африканской церкви, и тѣ крайнія мнѣнія, которыя развиты съ особою силою только у Тертуліана. Подъ вліяніемъ особаго душевнаго состоянія, когда Іеронимъ, рванувшись отъ міра, искалъ другой среды для своей жизни и когда аквилейскіе друзья много могли подѣйствовать на выборъ его въ пользу жизни монашеской, Іеронимъ цѣликомъ взялъ изъ писаній Тертуліана то суровое ученіе его о дѣвствѣ, о брачномъ состояніи и о второмъ бракѣ для христіанъ, къ которому и безъ того самъ по себѣ могъ быть склоненъ своимъ покаяннымъ чувствомъ Іеронимъ. Тертуліанъ, значитъ, — руководитель Іеронима въ ученіи его о дѣвствѣ, о бракѣ и вдовствѣ.

Изъ Аквилеи Іеронимъ отправился въ Галлію вмѣстѣ съ Бонозомъ. Въ Галліи они довольно долго пробыли въ городѣ

¹⁾ Epist. ad Paul. senem concordienс.

Тревирахъ (Трирѣ), — въ этомъ знаменитомъ галльскомъ городѣ, гдѣ часто проживали римскіе императоры и гдѣ поэтому само собою развились школы и высоко поднято было образованіе ¹⁾. Здѣсь, какъ и въ Римѣ, Иеронимъ хотѣлъ заниматься науками и пріобрѣтеніемъ (списываніемъ) книгъ; но выборъ книгъ и характеръ ученыхъ занятій, кажется, опредѣлялись теперь у него не столько прежнею цѣлію путешествія, сколько вліяніемъ послѣднихъ обстоятельствъ и отношеніями къ нему аквилейскихъ друзей: мы знаемъ, что онъ, посѣщая школы трирскія и слушая свѣтскія науки, въ тоже время списывалъ, по просьбѣ Руфина ²⁾, недавно вышедшій обширный трактатъ Пларія шитавійскаго о *соборахъ*, написанный этимъ знаменитымъ защитникомъ вѣры въ 358 году для епископовъ галльскихъ. Имѣя главное мѣстопробываніе въ Трирѣ, Иеронимъ путешествовалъ по другимъ мѣстамъ Галліи. Въ числѣ замѣчательныхъ явленій Иеронимъ передаетъ, что онъ видѣлъ варварскій народъ въ Бретани, называвшійся тогда *Антикотами*, которые любили питаться человѣческимъ мясомъ, не смотря на то, что въ лѣсахъ ихъ водились большими стадами свиньи и разные звѣри ³⁾. Однимъ изъ постоянныхъ занятій Иеронима въ Галліи было изученіе мѣстнаго языка. Послѣ онъ дѣлалъ свои замѣчанія о немъ сравнительно съ языкомъ Галатянь, когда писалъ толкованіе на посланіе къ нимъ апостола Павла ⁴⁾. Послѣдующая перениска Иеронима показываетъ, что онъ, будучи въ Галліи, знакомился не съ учеными только людьми, но и съ лицами, съ которыми связи могли опредѣ-

¹⁾ Императоръ Граціанъ, пзвѣстный любитель учености и покровитель ученыхъ, далъ особые привилегіи школъ трирской, имѣвшей уже многихъ знаменитыхъ наславниковъ. Præfot. in 2, lib. comment. in Ep. ad Galat.

²⁾ Epist. ad Ruf. monach.

³⁾ Сморг. Contr. Iovin. Lib. II.

⁴⁾ Præfot. in 2, lib. Comment. in. ep. ad. Galat.

ляться только нравственными и религиозными отношеніями. Мы знаемъ напримѣръ, что онъ писалъ съ востока къ Гедибіѣ, которая съ отдаленныхъ предѣловъ Галліи посылала къ нему за совѣтомъ касательно разумѣнія многихъ истинъ свящ. Писанія и правилъ поведенія въ состояніи вдовства ¹⁾).

Нельзя не примѣтить, что въ путешествіи Іеронима по Галліи, въ его ученыхъ занятіяхъ, въ его изученіи страны, въ его знакомствахъ и связяхъ не видно ни определенной мысли, ни определенной цѣли, ни однообразнаго плана. Это, значитъ, что человѣкъ дѣлаетъ не то, чѣмъ занята душа его: во все время пребыванія Іеронима въ Галліи, душу его не покидала дума о жизни уединенной и аскетической, о такой святой и нравственно высокой жизни, свѣтлый и возвышенный образъ которой онъ видѣлъ въ святомъ обществѣ аквилейскихъ друзей своихъ. Подъ влияніемъ разнородныхъ, разнообразныхъ и разнохарактерныхъ впечатлѣній Галліи, этой полудикой и полуобразованной тогда страны, завѣтная дума его о монашествѣ глубже и глубже проникала въ его душу и овладѣла наконецъ всѣмъ существомъ его, всѣми мыслями и желаніями его. Тамъ, на берегахъ Рейпа, онъ рѣшилъ свою судьбу, — далъ обѣтъ предъ Богомъ и своею совѣстію посвятить себя на жизнь аскетическую. Тоже самое сдѣлалъ и другъ его, Бонозъ. Съ этою неизмѣнною рѣшимостію они возвратились изъ Галліи въ Аквилею, въ общество друзей своихъ, или, какъ Іеронимъ называлъ ихъ, въ общество блаженныхъ.

Въ этомъ обществѣ Іеронимъ встрѣтилъ теперь Еваргія пресвитера антиохійскаго, путешествовавшаго съ востока на западъ и теперь только что возвратившагося тоже изъ Галліи. Въ Галліи онъ былъ свидѣтелемъ чуда надъ одною женою, невинно осужденною на смерть. Обстоятельства этого чуда —

¹⁾ Epist. (CXX) ad Hedibiam de XII questionibus N T.

слѣдующія. Къ правителю лигурійской области привели женщину, которую мужъ обвинилъ въ преступныхъ связяхъ съ однимъ юношею. Подъ пыткой желѣзныхъ когтей юноша объявилъ себя виновнымъ въ преступленіи, котораго онъ не совершалъ: онъ хотѣлъ скорѣе умереть въ мукахъ смертной казни, чѣмъ терпѣть продолжительность мученій отъ ужасныхъ звѣрскихъ пытокъ. Женщина на этотъ разъ была тверже его. Никакія орудія пытокъ не могли исторгнуть у ней мнимаго признанія въ преступленіи, котораго она не знала. Среди мученій она молится къ Господу Іисусу объ укрѣпленіи силъ своихъ для перенесенія невиннаго страданія. Послѣ напрасныхъ истязаній, судья приговариваетъ и жену и юношу къ смерти. На мѣстѣ казни, среди толпы, устремившейся къ кровавому зрѣлищу, юноша умираетъ подъ ударомъ меча. Но тотъ же самый палачъ тѣмъ же мечемъ четыре раза ударяетъ по слабой шеѣ женщины, и---мечъ сгибается, не дѣлая даже вреда невинной. Толпа волнуется, желая спасти невинную; но ликторы усмиряютъ народъ и новый палачъ новымъ мечемъ еще три раза поражаетъ женщину и она, какъ бы мертвая, падаетъ на землю. Клирики, назначенные для погребенія подобныхъ тѣлъ, замѣчаютъ въ женщинѣ признаки жизни и спасаютъ ее отъ новаго преслѣдованія суда. Разсказъ Евагрія объ этомъ чудѣ растрогалъ аквилейскую братію и они убѣдительно просили Іеронима записать это происшествіе на память потомства. Іеронимъ уважилъ просьбу друзей, и вотъ что было первымъ предметомъ перваго сочиненія его. Это было въ 370 г. Сочиненіе имѣетъ форму *письма* къ другу *Иннокентію*. Предметъ сочиненія частный, но само сочиненіе замѣчательно тѣмъ, что написано со всѣмъ первымъ жаромъ и искусствомъ тогдашняго свѣтскаго краснорѣчія, безъ нужды и безъ строгаго вкуса расточасмаго молодымъ и неопытнымъ сочинителемъ. Вотъ образчикъ: «миѣ ли, говоритъ онъ въ началѣ письма,

мигъ ли, который не правиль еще и на тихомъ озерѣ легкою ладью, ввѣрять себя шумящимъ водамъ Евксина? Я уже вижу кипящія волны, ихъ бѣлѣющую пѣну; я трепещу бури и подводныхъ камней, и если пускаюсь въ открытое море, если берусь за кормило, то лишь потому, что объ этомъ умоляетъ меня Иннокентій»¹⁾. Мы нарочито выпиываемъ эти строки, чтобы показать, какъ это первое сочиненіе Иеронима, сильно отзывающагося школою тогдашняго римскаго краснорѣчія, равно какъ и другія ближайшія по времени произведенія къ нему, мало походятъ на дальнѣйшія и особенно на послѣднія писанія. Иеронимъ въ этомъ отношеніи постоянно выросталъ и совершенствовался, постоянно исправлялъ и усовершенствовалъ литературный вкусъ свой по образцамъ христіанскихъ писателей, оставляя образцы писателей языческихъ.

Фамиліи дѣла вызвали Иеронима изъ Аквилей на родину, въ Стридонъ. Особенно слухи о дурномъ поведеніи сестры его сильно огорчили его и заставили его поспѣшить на родину. Дурные слухи о сестрѣ оправдались. Но къ утѣшенію своему, онъ нашелъ, что благочестивый діаконъ стридонской церкви, Юліанъ, своими совѣтами и убѣжденіями, началъ уже извлекать падшую изъ пропасти, въ которую попала она по юношеской неопытности и увлеченію. Иеронимъ немедленно послѣ писалъ письма къ этому Юліану и всегда съ глубокою благодарностію отзывался объ его благотворномъ участіи въ судьбѣ падшей сестры своей. Теперь же по этому поводу Иеронимъ сильно размолвилъ съ теткою своею, Касториною, и вѣроятно жестоко укорялъ ее за слабый надзоръ за своею сестрою. Кажется, что онъ упрекалъ въ этомъ же и епископа стридонскаго. Люпицина и за это навлекъ на себя гнѣвъ и вражду этого епископа, котораго Иеронимъ изобра-

¹⁾ Письмо 1-е, къ Иннокентію.

жаетъ слабымъ въ своихъ прямыхъ обязанностяхъ, но сильнымъ во враждѣ и преслѣдованіи противъ тѣхъ, кто подпадалъ его гнѣву: въ письмахъ къ Юліану, гдѣ Іеронимъ благодарить его за спасеніе сестры своей, тутъ же всегда дурно отзывается о Люпичинѣ, какъ о личномъ врагѣ своемъ: «пусть эта гидра испанская (Люпицій) грызетъ меня своими злобными клеветами, пищеть онъ въ одномъ письмѣ своемъ къ Юліану ¹⁾. я не боюсь суда человѣческаго, зная, что долженъ отвѣчать за свое поведеніе предъ судією моимъ, Богомъ».

Эти огорченія, испытанныя Іеронимомъ на родинѣ, глубоко потрясли душу его и произвели въ ней рѣшительный и неожиданный поворотъ. Іеронимъ рѣшился уже быть монахомъ; но онъ еще не имѣлъ въ виду опредѣленнаго плана, гдѣ и какъ онъ посвятить жизнь свою Богу. Доселѣ онъ питалъ безотчетную привязанность къ аввилейской братіи и, можетъ быть, на долго не разлучился бы съ этимъ благочестивымъ обществомъ. Но теперь онъ вдругъ рѣшилъ въ душѣ своей, что монахомъ нельзя быть въ городѣ среди родныхъ и знакомыхъ. Ему нужна была теперь страна, гдѣ бы никто не зналъ и не развлекалъ его, ему нужна была пустыня съ невозмутимымъ молчаніемъ, гдѣ бы онъ былъ одинъ въ бесѣдѣ съ своею душою, своею совѣстію и съ Богомъ.

Въ 372 году, Іеронимъ вдругъ, *какъ бы внезапною бурсю, былъ увлеченъ* ²⁾ непреодолимымъ желаніемъ перенестись въ ту землю, которая давно сдѣлалась предметомъ посѣщеній благочестивыхъ поклонниковъ. Востокъ—страна древнихъ наукъ и преданій, свидѣтель величайшихъ дѣяній, совершившихся въ мірѣ, такъ богатый священными воспоминаніями для богоговѣйнаго сердца христіанина,—востокъ не могъ не при-

¹⁾ Ad. Iulian. diacon. Aquil. epist. VI.

²⁾ Собственное выраженіе Іеронима (*me subito turbo convulsit*). Значить переселеніе на востокъ для самаго Іеронима было нечаяностію.

влекать къ себѣ Іеронима, который жаждалъ теперь и религиозныхъ познаній, и аскетическихъ подвиговъ, и удаленія отъ шума жизни и людей, и внутренняго покоя души. Подъ вліяніемъ этихъ непреодолимыхъ желаній онъ вдругъ оставилъ Италію, любимое общество своихъ друзей аквилейскихъ и, пользуясь предложеніемъ Евагрія (прибывшаго, какъ мы уже замѣтили, съ востока по дѣламъ церкви и теперь отправлявшагося въ родную землю)—быть ему спутникомъ и руководителемъ, Іеронимъ отправился въ желанную страну. Вмѣстѣ съ нимъ отправились туда,—Иппокентій, искренній другъ Іеронима, Гилась, прежде бывшій рабомъ бл. Меланіи, но заслужившій себѣ свободу честностію и чистотою жизни, и Іліодоръ. При утомительныхъ трудахъ путники эти, какъ описываетъ самъ Іеронимъ, прошли Θракію, Понтъ, Вионнію, Галатію, Каппадокію и палящую Киликію; наконецъ послѣ тяжелаго странствованія, вступили въ Сирію, какъ въ пристань къ желанной странѣ, послѣ бурь и кораблекрушенія. Во время путешествія Іеронимъ видѣлъ Анкиръ, митрополию Галатіи, и былъ свидѣтелемъ возмущавшихъ ее ересей. Въ окрестностяхъ Киликіи посѣтилъ онъ св. старца Θεодосія съ его братіею, котораго теперь лично, а послѣ письменно, просилъ, чтобы онъ своими молитвами содѣйствовалъ ему скорѣе разстаться съ міромъ и утвердиться въ пустынѣ и въ жизни аскетической ¹⁾).

На отдаленныхъ предѣлахъ Сиріи, въ пустынѣ, сопредѣльной Сарацинамъ, Іеронимъ хотѣлъ начать труды своей уединенной аскетической жизни. Но еще на пути его постигла тяжкая болѣзнь, отъ которой не могла предохранить его и дружеская заботливость о немъ Евагрія. Это обстоятельство заставило Іеронима остаться въ Антиохіи, въ домѣ своего спут-

¹⁾ Всѣ эти обстоятельства описаны самимъ Іеронимомъ въ его письмѣ къ Руфину.

ника Евагрія. Послѣ тяжкой болѣзни Іеронимъ для поправленія силъ, значительно унавшихъ и отъ болѣзни и отъ борьбы душевной, отправился, по совѣту Евагрія, въ родовое помѣстье его,—Маронію, не въ далека отъ Антиохіи. Здѣсь, оправившись не много отъ слабости, онъ, въ видахъ необходимаго для здоровья развлеченія,—проводилъ время то въ беседахъ съ новыми для него лицами ¹⁾, то болѣе съ своими старыми друзьями,—греческими и римскими классиками, которые всегда, какъ и теперь, были при немъ. Еще въ римской школѣ онъ имѣлъ особенную страсть собирать книги и даже собственноручно списывать ихъ. Удаляясь на востокъ, рѣшаясь на всегда оставить родину, друзей и все близкое сердцу, Іеронимъ не могъ расстаться съ своею библіотекою, которая стоила многихъ трудовъ и усилій ²⁾. Эта любовь къ книгамъ не оставляла Іеронима и во всю жизнь его; для приобрѣтенія ихъ онъ не щадилъ никакихъ трудовъ и издержекъ, и самымъ дорогимъ для него подаркомъ со стороны его друзей былъ тотъ, когда они присылали ему хорошую книгу, которой недоставало въ его библіотекѣ. «Ты замѣнишь для меня все услуги тѣмъ, писалъ онъ изъ пустыни къ одному другу, если доставишь мнѣ списки книгъ, которыхъ нѣтъ у меня и которыхъ перечень прилагаю здѣсь» ³⁾. Евагрій изъ уваженія къ талантамъ и привычкамъ Іеронима вполне удовлетворялъ этой склонности

¹⁾ Здѣсь-то онъ нашелъ назидательный для себя примѣръ рѣдкаго цѣломудрія въ одной благочестивой и уже престарѣлой чегѣ, которая хотя съ самыхъ юныхъ лѣтъ была связана узами брака, но никогда не нарушала своего дѣвства. По прозвѣ самаго Іеронима благочестивый старецъ разсказалъ ему чудную повесть о себѣ и о своей подругѣ. Іеронимъ послѣ передалъ намъ ее въ своихъ сочиненіяхъ, написавши, какъ говорить онъ, тоже самое, что слышалъ отъ старца. См. *Vita Malchi monachi*.

²⁾ *Bibliothecam, quam mihi Romæ summo studio ac labore confeceram, carere omnino non poteram. Epist. ad. Evstoch.*

³⁾ *Epist. ad. Florent.*

его. Онъ замѣнялъ собою потерю всѣхъ друзей, оставленныхъ имъ на западѣ. Кромѣ прекраснаго помѣщенія и содержанія, онъ нанималъ писцевъ, которые служили Иерониму въ перепискѣ необходимыхъ для него сочиненій, и принялъ на себя заботу получать и доставлять всѣ письма, какія изъ разныхъ мѣстъ присылались на его имя. Рѣдкое безкорыстіе и самоотверженіе дружбы!

Между тѣмъ не одна болѣзнь и истинно великодушное поведеніе Евагрія въ отношеніи къ своему другу задержала Иеронима въ Антиохіи и отвлекала отъ Сирійской пустыни, которую онъ избралъ мѣстомъ своихъ будущихъ подвиговъ; виною этому была и обычная его любознательность, для которой представлялась теперь обильная пища. Въ Антиохіи былъ въ то время человѣкъ, который изъясненіемъ св. Писанія славился на всемъ востокѣ и привлекалъ къ своей каюдрѣ многочисленныхъ слушателей; это—Аполлиарій, епископъ лаодикійскій, впоследствии ересеначальникъ, но въ то время еще не обнаружившій своихъ заблужденій и уважаемый самыми великими святителями церкви. Съ этимъ-то знаменитымъ наставникомъ того времени познакомился бл. Иеронимъ живя въ Антиохіи и у него слушалъ первые уроки о св. Писаніи съ большимъ вниманіемъ и прилежаніемъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ послѣ говорилъ Иеронимъ, не безъ разборчивости и осторожности, стараясь усвоить преимущественно одно полезное и отрицать не правый смыслъ въ толкованіи слова Божія. Но, увлеченный примѣромъ своего учителя, Иеронимъ захотѣлъ попробовать свои молодыя силы въ томъ же дѣлѣ и написалъ *толкованіе на книгу пророка Авдія*. Можно представить, что это было за толкованіе. Оставивши историческую и буквальную сторону книги, Иеронимъ пустился въ объясненія таинственныя и аллегорическія. Толкованіе это не дошло до насъ. Но, спустя тридцать лѣтъ, когда Иеронимъ писалъ другое толкованіе на

эту книгу Писанія, самъ дѣлаеть отзывъ объ немъ не какъ о книгѣ, назначаемой для употребленія, а какъ объ опытѣ юношескаго упражненія, котораго недостатковъ послѣ самъ стыдился ¹⁾.

Иеронимъ пробылъ въ Антиохіи около двухъ лѣтъ (до 374 г.). При виѣшенемъ довольствѣ, при расположеніи къ нему Евагрія, онъ перенесъ здѣсь тяжелую вѣсть о потерѣ любимыхъ своихъ друзей, бывшихъ спутниковъ своихъ. Пиногентій, называвшій при всѣхъ случаяхъ Иеронима не иначе какъ братомъ и котораго Иеронимъ съ своей стороны называлъ *частью души своей*, на пути къ Іерусалиму, послѣ непродолжительной болѣзни умеръ ²⁾; за нимъ послѣдовалъ и Гиласъ. Оставленный друзьями, которые рѣшились всюду слѣдовать ему и готовы были раздѣлять его будущіе подвиги. Иеронимъ, не смотря на горячую любовь къ себѣ Евагрія, все еще удерживавшаго его въ Антиохіи, началъ думать о ближайшей цѣли своего прибытія на востокъ и рѣшился одинъ теперь идти въ пустыню. Но, какъ будто еще опасаясь предстоящихъ подвиговъ и желая найти для себя подкрѣпленіе, онъ вспомнилъ о блаженномъ аввѣ Θεодосіѣ, съ которымъ видѣлся въ Кіапкіи на пути изъ Италіи и къ нему и всей благочестивой братіи его *отправилъ письмо* ³⁾, исполненное глубокаго смиренія и самоуниженія и, кажется, внутренней, тайной борьбы съ самимъ собою въ виду предстоящаго ему пустыннаго уединенія и трудовъ подвижника. «Поелику такой грѣшникъ, какъ я, писалъ онъ, недостойнъ жить въ вашей обители, населенной, какъ земной рай, множествомъ святыхъ; то я, по крайней мѣрѣ, умоляю васъ (я увѣренъ, что вы можете неходатайствовать эту милость миѣ)

¹⁾ Prætat. in comment. Abul.

²⁾ Ex duobus oculis unum perdidit. Innocentium enim. partem anime mee, repentinus febrium ardor abstraxit.

³⁾ Это—*третье* по времени сочиненіе Иеронима.

молить Бога, да избавитъ меня отъ этаго міра. Я ничего такъ сильно не желаю, какъ увидѣть себя свободнымъ отъ рабства міру. Доставьте же мнѣ вашими молитвами эту блаженную свободу. Я желаю, но отъ васъ зависитъ испросить мнѣ эту милость, чтобы мнѣ быть въ состояніи исполнить то, чего желаю. Я похожъ на бѣдную овцу, отставшую отъ стада; если добрый пастырь не придетъ взять меня на рамена свои и отнесть въ овчій дворъ, я навсегда останусь слабымъ и колеблющимся и упаду тогда именно, какъ буду употреблять всѣ свои усилія, чтобы подняться. Я тотъ блудный сынъ, который въ распутной жизни расточилъ все, что отецъ мой далъ мнѣ, и который, обольщаясь мірскими удовольствіями, доселѣ не хотѣлъ итти къ нему просить прощенія во грѣхахъ своихъ. Все, что я сдѣлалъ доселѣ въ этомъ отношеніи, ограничивается только безплодными желаніями и пустыми планами будущаго обращенія: а діаволь не перестаетъ опутывать меня новыми сѣтями и противопоставлять мнѣ новыя препятствія. Мнѣ кажется, будто великое море окружаетъ меня со всѣхъ сторонъ; и въ такомъ положеніи я не умѣю ни отступить назадъ, ни итти впередъ. Итакъ, отъ вашихъ молитвъ ожидаю я благоприятнаго вѣянія Св. Духа, которое поможетъ мнѣ продолжать мое плаваніе и счастливо войти въ пристань».

Среди этой нерѣшимости и боренія съ самимъ собою, среди скорби о потерѣ друзей, Иеронима неожиданно посѣтилъ Иліодоръ, спутникъ его изъ Рима въ Палестину. Оставивъ Иеронима у Евагрія въ Антіохіи, Иліодоръ, въ продолженіе болѣзни Иеронима, успѣлъ уже посѣтить св. землю, быть въ Іерусалимѣ и на обратномъ пути поспѣшилъ навѣстить друга. Легко представить, какъ радостна была Иерониму нечаянная встрѣча съ такимъ другомъ среди своего одиночества. Иліодоръ обрадовалъ Иеронима не только своимъ прибытіемъ, но и вѣстію о путешествіи на востокъ Руфина вмѣстѣ съ блаженною

Меланію. Іеронимъ такъ былъ радъ этой вѣсти, что едва вѣ-
риль отъ радости. Любящая душа его, ища уединенія, въ тоже
время еще не въ силахъ была пожертвовать желанію уедине-
нія любовью къ друзьямъ; онъ готовъ былъ идти на встрѣчу
своему другу аквилейскаго уединенія, увидѣть и обнять его,
если бы не мѣшала тому слабость здоровья, разстроеннаго
болѣзнію. Но дожидаясь съ такимъ рвеніемъ свиданія съ од-
нимъ другомъ, Іеронимъ долженъ былъ разстаться съ другимъ.
Вопреки ожиданію Іеронима Іліодоръ вскорѣ началъ соби-
раться въ дорогу. Ни совѣты и увѣщанія, ни горячія мольбы
не могли поколебать Іліодора, который, по расположенію къ
своей родицѣ, а болѣе по нуждамъ родственнымъ, долженъ
былъ оставить Іеронима и возвратиться на западъ. Іеронимъ
опять остался одинокимъ на жертву овладѣвавшему имъ скукѣ
и унынію, которыя онъ послѣ такъ сильно описывалъ, орошая
слезами письма къ своимъ друзьямъ. Іліодоръ старался ласками
смягчить и облегчить горечь разлуки для Іеронима. Онъ про-
силъ его писать изъ своего уединенія пустыннаго и даже обѣ-
щаль, что, со временемъ по полученіи новаго приглашенія, онъ
можетъ быть еще послушаетъ его совѣта; но это была лишь
оговорка. Іліодоръ съ нимъ простился.

Разставшись съ однимъ другомъ и недождавшись другаго,
Іеронимъ и мыслью и сердцемъ обратился теперь къ пустынѣ,
куда давно рвалась душа его. Уединенная, безмолвная молитва
и покаянные подвиги самоотверженія казались ему единствен-
нымъ теперь благомъ одинокой души. Съ обычною своею энер-
гіею и рѣшимостію онъ вдругъ оставилъ пріютъ и гостепріим-
ство Евагрія и удалился въ пустыню Халцидскую, куда давно
уже рвалась душа его. Это было въ 374 году.

Пустыня халцидская, подобно многимъ другимъ пустынямъ
сирійскимъ, въ IV вѣтѣ наполнена была, какъ замѣчаетъ блаж.
Теодоритъ, «безчисленнымъ множествомъ шюковъ, которые въ

тѣлахъ, подверженныхъ немощамъ природы, жили какъ безстрастные» ¹⁾. Сюда-то, на непрерывные труды духовныхъ подвиговъ, такъ долго и съ такимъ нетерпѣніемъ рвался и наконецъ удалился Іеронимъ. Если бы этотъ юный подвижникъ никогда не упомянулъ намъ о своихъ занятіяхъ въ пустынѣ халцидской, и тогда намъ не трудно было бы понять, что этотъ человѣкъ, въ которомъ кипѣлъ непрерывный жаръ душевнаго рвенія, не могъ, можно сказать, ни на минуту оставаться безъ подвиговъ, соотвѣствующихъ святости и высотѣ иноческаго званія и возвышенной настроенности его собственнаго ума. Раздѣляя время между богомысліемъ, чтеніемъ св. книгъ, которыя всегда имѣлъ подъ руками, и молитвою, какъ сладостнымъ окончаніемъ всякаго размышленія и всякаго труда, Іеронимъ и теперь, какъ въ послѣдствіи, не чуждался и труда тѣлеснаго, который всегда считался необходимою принадлежностію монашеской жизни, и снискивалъ себѣ хлѣбъ въ потѣ лица своего ²⁾. Довольно указать на наставленіе, преподанное имъ нѣкоему Рустиву объ обязанностяхъ иноческой жизни, чтобы оправдать это послѣднее предположеніе. «Будь всегда чѣмъ либо занятъ, говорить онъ ему, такъ чтобы діаволъ никогда не находилъ тебя празднымъ. Если апостолы, которые могли жить отъ благовѣствованія, работали своими руками, чтобы никому не быть въ тягость, и если они сами подавали милостыню даже тѣмъ, отъ кого имѣли право принимать вещественныя блага въ замѣнъ духовныхъ, или проповѣдуемыхъ; то почему же тебѣ самому не дѣлать того, что необходимо для тебя?

¹⁾ См. Theodoret. Relig. hist.

²⁾ Отвѣчая на укоръ сирійскихъ иноковъ, которые наставляли въ послѣдствіи объ удаленіи его изъ пустыни за мнимое участіе его въ ереси, онъ говоритъ имъ: «своею рукою, всякій день, и своимъ собственнымъ потомъ, я снискиваю себѣ пропитаніе, помня, что написалъ апостолъ: *не трудившійся, ниже ѣстъ* и проч. Epist. ad. Marcum presbiter.

Итакъ, занимайся плетеніемъ корзины изъ тростника, или коробовъ изъ бѣлы, копаніемъ земли, планировкой своего сада, и если посѣдешь тамъ овощи, или посадишь деревья рядами, то дѣлай каналы для проведенія воды во всѣ мѣста..... Прививай дикія яблони, чтобы, подождавши немного, вкушать тебѣ отъ нихъ плоды трудовъ своихъ. Строй ульи для пчелъ, которыхъ Соломонъ представляетъ тебѣ въ образецъ правильной дѣятельности, и отъ этихъ маленькихъ животныхъ поучись правильному труду въ монастырѣ. Занимайся также плетеніемъ рыболовныхъ сѣтей, или переписываніемъ книгъ, чтобы, въ одно и тоже время, и рука твоя пріобрѣтала пищу для тѣла, и душа насыщалась добрымъ чтеніемъ. Человѣкъ праздный, обыкновенно, бываетъ добычею нескончаемыхъ желаній. Въ монастыряхъ египетскихъ постановлено правиломъ—принимать только тѣхъ, кто способенъ работать своими руками. Цѣль этого не столько та, чтобы они могли пріобрѣтать необходимое для тѣлесной жизни, сколько та, чтобы удовлетворять душевной потребности и не дать иноку времени предаваться пустымъ и опаснымъ помысламъ» 1). Видно, что всѣ эти совѣты Іеронима другому были имъ самимъ пережиты и переиспытаны. Болѣе же обычнымъ занятіемъ его было списываніе книгъ; такъ между прочимъ самъ онъ свидѣтельствуетъ, что въ этой пустынѣ онъ переписалъ евангеліе отъ Маттея, которое потомъ перевелъ на латинскій языкъ 2).

Но какъ трудно побѣждать себя! Этотъ неустрашимый и рѣшительный мужъ, который бросился въ пустыню далекую отъ возмутительныхъ соблазновъ и шума людскаго и бросился для того, чтобы погасить здѣсь жаръ обыкновенныхъ человѣческихъ страстей и огонь плотскихъ помысловъ,—этотъ чело-

1) Epist. ad. Rusticum monachum.

2) De vir. illustr. cap. 3.

вѣтъ, при всѣхъ своихъ духовныхъ подвигахъ и тѣлесныхъ трудахъ, былъ часто возмущаемъ искусительными воспомина- ніями и образами недостойными его званія. Здѣсь, въ пустынѣ халцидской, при первыхъ попыткахъ борьбы Іеронима съ самимъ собою, вдругъ вполне сказалась вся живая и пламенная природа его, тѣмъ сильнѣе и неотступнѣе возстававшая со всѣми сво- ими слабостями и силами противъ молодаго подвижника, чѣмъ рѣшительнѣе, быстрѣе и неуступчивѣе онъ самъ шелъ про- тивъ всего въ самомъ себѣ, что противорѣчило высокому образу подвижнической жизни. Величественъ и поучителенъ тотъ образъ борьбы, который велъ Іеронимъ самъ съ собою на первыхъ порахъ своей подвижнической жизни. Онъ самъ описываетъ его. Зрѣлище минувшей для него прелести Рима со всѣми ея обольстительными картинами, часто возникало и оживлялось въ его воображеніи; въ немъ воскресали оставленные мечты бур- ной юности и—онъ не могъ отбиться отъ нихъ. «Сколько разъ, писалъ онъ впоследствии, сколько разъ уже въ уединеніи, въ этой обширной пустынѣ, раскаленной жаромъ солнца, которая не представляетъ инокамъ ничего, кромѣ жалкаго пристанища, я воображалъ себя среди пріятностей Рима! Мои члены были покрыты ничтожнымъ вретисцемъ, а грязная кожа походила по цвѣту на Еѳіопа. Каждый день слезы, каждый день стенанія; и если сонъ, при всемъ моемъ сопротивленіи, отягчалъ меня, я бросалъ на голую землю свои кости, едва связанные между собою; о пищѣ и питіи я и не говорю ничего; принимать что либо вареное—это уже роскошь. И при всемъ томъ я, кото- рый изъ страха геенны осудилъ себя къ такую темницу, не имѣющій въ обществѣ никого, кромѣ скорпіоновъ и дикихъ звѣрей, я... воображеніемъ часто предстоялъ предъ хоромъ юныхъ дѣвъ!... Мое лицо пожелтѣло отъ постовъ, а душа волновалась помыслами въ охладѣломъ тѣлѣ; плоть казалась уже мертвою, но огонь страстей еще пылалъ въ ней. Вотъ

почему, лишенный всякой помощи, я припадалъ къ ногамъ Иисуса, орошалъ ихъ слезами, отиралъ власами; цѣлыя недѣли оставлялъ безъ пищи свое слабое тѣло. Я не краснѣю за свою невѣрность, напротивъ плачу, что я не то, чѣмъ долженъ быть. Помню, какъ я часто день и ночь ходилъ и вопіялъ къ Богу, ударяя себя въ перси,—да водворится миръ въ моей душѣ! Я боялся своей келліи, смотрѣлъ на нее, какъ на соучастницу моихъ мыслей, и, разгнѣванный, ожесточенный противъ самаго себя, я углублялся одинъ въ безмолвную пустыню. Если гдѣ примѣчалъ глубокую долину, крутую гору, обрывистую скалу, тамъ было мѣсто моей молитвы, тамъ была темница для моей жалкой плоти» ¹⁾).

Иеронимъ, отправляясь изъ Антиохіи въ пустыню; понесъ съ собою, какъ мы видѣли, извѣстіе, что Руфинъ, другъ его, отправился тоже на востокъ и остановился въ Египтѣ. Среди тяжелой борьбы съ самимъ собою, подвижникъ нашъ съ особенною силою любящей души предавался воспоминанію о друзьяхъ своихъ и хотѣлъ поддерживать самыя живыя и искреннія связи съ ними. Новые слухи подтвердили извѣстіе, что Руфинъ въ 370 г. дѣйствительно оставилъ Аввилею и въ Римѣ желаніемъ нашелъ блаж. Меланію, которая воодушевлена была тѣмъ же видѣть востокъ. Это была одна молодая вдова, знатнаго рода, потерявшая въ одинъ годъ мужа и двухъ дѣтей. Оставивъ въ Римѣ еще одно малолѣтнее дитя—Публиколу, столь извѣстнаго впослѣдствіи въ исторіи Августина, блаж. Меланія рѣшилась итти въ Египетъ вмѣстѣ съ Руфиномъ. Съ богатыми милостынями и пламеннымъ желаніемъ поучиться мудрости у великихъ подвижниковъ востока, Меланія посѣтила дивныхъ старцевъ горы Нитрійской и, возвратившись опять въ Александрію, долгое время пребывала тамъ, щедро покровительствуя и утѣшая

¹⁾ Epist. ad Evstoch.

преслѣдуемыхъ за вѣру въ годину бѣдствій церкви александрийской по смерти св. Аѳанасія. Руфинъ такъ пребывалъ въ Александріи и жилъ среди иноковъ ея, съ усердіемъ и любознательностію слушалъ уроки знаменитаго въ то время Дидима, изъ школы котораго онъ вынесъ любовь къ Оригену и къ самымъ ошибкамъ его; искалъ назиданія въ бесѣдахъ и жизни многихъ славныхъ подвижниковъ Египта ¹⁾. Когда Руфинъ былъ еще въ Александріи, Иеронимъ, обрадованный его прибытіемъ на востокъ, спѣшилъ рассказать другу обо всемъ случившемся съ нимъ со времени ихъ разлуки, и, приглашая его къ себѣ, *написалъ къ нему письмо*, полное дружеской пріязни и желанія скораго свиданія съ нимъ. «Теперь, любезный мой Руфинъ, я собственнымъ опытомъ узналъ то, что Богъ иногда даетъ болѣе, нежели сколько просить у Него; что Онъ часто даруетъ то, чего око не видало, ухо не слышало и что на сердце человѣку не приходило. Вотъ я, который желалъ не болѣе какъ того, чтобы имѣть возможность переписываться съ тобою, и такимъ образомъ имѣть удовольствіе хотя мысленно видѣть тебя, и этимъ ограничивалъ самыя пламенные желанія свои,—я теперь имѣю радость слышать, что ты пришелъ въ пустыню египетскую, чтобы посѣтить общества иноковъ, тамъ обитающихъ, и видѣть это многочисленное братство отшельниковъ, провождающихъ на землѣ жизнь небесную. О, еслибы, по особенной милости Господа нашего Иисуса Христа, я могъ быть восхищеннымъ подобно Филиппу, когда онъ преподавалъ крещеніе евнуху царицы кандакійской, или Аввакуму, когда онъ несъ пищу Даниилу! Съ какою нѣжностію

¹⁾ Пробывши здѣсь около 6-ти лѣтъ, Руфинъ вмѣстѣ съ Меланію отправился въ Іерусалимъ и тамъ—на горѣ Елеонской, поселился среди отшельниковъ, изъявившихъ желаніе жить подъ его надзоромъ. Блаженная Меланія, всегда слѣдовавшая его совѣтамъ, основала также монастырь для лицъ своего пола и въ продолженіи 27 лѣтъ вспомоствовала нуждамъ странниковъ и немощныхъ. Pallad. Lavsaic. CXVIII.

я обнял бы тебя, съ какимъ жаромъ облобызаль бы эти уста, которыя нѣкогда бесѣдовали со мною! Но какъ я не заслуживаю, чтобы Богъ сдѣлалъ для меня такое чудо, то вмѣсто себя посылаю къ тебѣ это письмо, какъ нѣжную цѣпь, которую сама любовь устроила, чтобы привлечь тебя сюда.... Повѣрь мнѣ, любезный братъ мой, ни одинъ пловецъ, застигнутый бурей, не устремляетъ съ такимъ безпокойствомъ взоровъ своихъ на пристань, ни какая земля, опаленная лучами солнца, не жаждетъ дождя съ такимъ жаромъ, ни какая мать, сидя на берегу моря, не ожидаетъ возвращенія своего сына съ такимъ нетерпѣніемъ, съ какимъ я желаю видѣть тебя». Но далѣе, рассказавъ о всѣхъ обстоятельствахъ своего путешествія изъ Италіи въ Сирію, Иеронимъ, какъ бы въ нѣкоторомъ предчувствіи, что его любовь не поддержится впоследствии его другомъ, продолжаетъ: прошу тебя, мой любезный Руфинъ, не забывай отсутствующаго друга своего; потому что нужно слишкомъ много времени и труда, чтобы найти истиннаго друга.... дружба не покупается, любовь не продается. Другъ, который можетъ перестать любить, не былъ никогда истиннымъ другомъ».

И такъ какъ къ этому времени Евагріи доставилъ Иерониму письмо, въ которомъ итальянскіе друзья извѣщали его объ удаленіи Боноза, оставленнаго имъ въ Италіи, на какой-то пустынный островъ Средиземнаго моря, то сиріенскій подвижникъ нашъ въ томъ же письмѣ къ Руфину сообщаетъ ему и эту пріятную и общую для нихъ новость, присовокупляя свой взглядъ на прекрасный подвигъ Боноза. «Пусть греки и римляне перестанутъ хвалиться предъ нами чудесными дѣяніями, или, лучше сказать, химерическими подвигами своихъ героевъ. Вотъ молодой человѣкъ, воспитанный вмѣстѣ съ нами въ изученіи свободныхъ наукъ и высоко стоящій надъ сверстниками своимъ происхожденіемъ и богатствомъ,—онъ оставляетъ мать,

сестеръ и брата, которые нѣжно любятъ его, и удаляется на пустынный островъ, окруженный со всѣхъ сторонъ водами бурнаго моря, ужасающей огромною своею пустынностію, ничего не представляющейъ взору, кромѣ утесистыхъ и обнаженныхъ скалъ.... И однако же это печальное мѣсто—для него рай. Брось на минуту свой взоръ, любезный другъ мой, и обрати туда всѣ свои мысли: вотъ, вокругъ этого острова непрестанно волнуется море, всегда бурное и ярящееся; вторгаясь во впадины скалъ и разбивая волны объ утесы, оно производитъ шумъ, раздающійся по всему поморью. Бесплодная земля не раждаетъ зелени; сухое поле безъ деревьевъ, не даетъ тѣни. Повсюду только утесистыя скалы, образующія собою, какъ бы мѣсто заключенія, на которое нельзя смотрѣть безъ ужаса. А Бопозъ, спокойный, безтрепетный, облекшійся духовными оружіями, о которыхъ говоритъ ап. Павелъ, то внемлетъ Богу въ чтеніи св. Писанія, то самъ глаголетъ къ Нему въ пламенныхъ молитвахъ своихъ. Благодарю Тебя, Божественный Иисусе мой, за то, что Ты даровалъ мнѣ такого человѣка, который можетъ молиться за меня, когда Ты приидешь судить міръ»....

Отвѣчалъ ли Руфинъ на эти, полныя любви, искренности и преданности, письма Иеронима, или нѣтъ, неизвѣстно. Вообще не видно, чтобы онъ съ своей стороны поддерживалъ эту глубокую и горячую привязанность къ нему его друга. Но сердце Иеронима, готовое расточать свою любовь и почтеніе всякому, кто только могъ чѣмъ бы то ни было привлечь его, казалось, еще не подозрѣвало въ Руфинѣ того равнодушія и нечувствительности, которыми впоследствии заплатилъ онъ за истинно дружеское расположеніе къ нему Иеронима.

На основаніи слуха, что Руфинъ уже въ Иерусалимѣ, Иеронимъ отправилъ свое письмо къ нему въ Иерусалимъ на имя общаго благодѣтеля всѣхъ странниковъ, котораго онъ

зналъ только по рассказамъ Иліодора, именно на имя *Флоренція*, и при этомъ написалъ къ нему рекомендательное *письмо* о своемъ другѣ. Въ не многихъ строкахъ Иеронимъ выразилъ всю глубину смиренія и самоуничиженія въ отношеніи къ Руфину, а равно и—безкорыстной и пламенной любви къ нему. «Не суди, любезный мой Флоренцій, обо мнѣ по нему (Руфину). Ты увидишь ярко отражающіяся на его лицѣ черты святости. Что до меня,—я не болѣе, какъ прахъ и пыль. Для меня довольно и того, что я могу выносить своими глазами блескъ его добродѣтелей. Онъ чистъ и бѣлѣ снѣга, а я оскверненъ грѣхами». Когда Флоренцій отвѣтилъ, что Руфина нѣтъ еще въ Иерусалимѣ, Иеронимъ *вторымъ письмомъ* просилъ его взять у Руфина, въ случаѣ его прибытія въ Иерусалимъ, и доставить ему въ пустыню нѣкоторыя книги; при этомъ Иеронимъ послалъ и каталогъ книгъ, которыя ему нужно было переписать для своей библіотеки, и обо всемъ этомъ просилъ позаботиться Флоренція, предлагая ему съ своей стороны подобнаго рода услуги.

Иліодоръ, возвратившись въ Италію, рассказалъ всѣмъ аквилейскимъ друзьямъ, что общій другъ ихъ, Иеронимъ удался въ пустыню. Вслѣдствіе этого Иеронимъ вдругъ получилъ нѣсколько писемъ изъ Италіи и съ радостію и любовію отвѣчалъ всѣмъ имъ. Иеронима сильно занимала судьба несчастной сестры своей, нѣкогда павшей на скользкомъ пути юности, но потомъ извлеченной изъ глубины паденія отеческимъ попеченіемъ діакона Юліана, за что Иеронимъ называлъ его отцемъ, а сестру свою дочерью его о Христѣ ¹⁾. Поэтому прежде другихъ Иеронимъ написалъ *письмо къ этому діакону Юліану*, виновнику спасительной переменны въ падшей. Иеронимъ отъ души благодарилъ за его истинно отеческое участіе.

¹⁾ Soror mea sancti Juliani in Christo fructus est.

Онъ писалъ ему—помнить ученіе апостола, что добрыя дѣла наши не погибаютъ; говорилъ, что онъ уготовилъ себѣ награду отъ Господа за свое благое дѣло, и просилъ чаще извѣщать о состояніи сестры своей, которая составляетъ славу благочестиваго діакона. Иеронимъ какъ бы не довѣрялъ еще этой спасительной перемѣнѣ въ своей сестрѣ, еще боялся за нее и, признавая необходимость дальнѣйшаго отеческаго надзора надъ нею, писалъ въ тоже время своимъ италійскимъ друзьямъ,—Хромацію, Іовину и Евсевію, дружески умоляя ихъ, чтобы каждый изъ нихъ поддерживалъ ее своими совѣтами и неотказывалъ въ наставленіи. Онъ хотѣлъ даже, чтобы епископъ Валеріанъ благоволилъ воодушевить ее нѣсколькими строками своего письма, увѣряя, что сестра его вполне утвердилась бы въ добродѣтели, увидѣвъ, что выснія лица принимаютъ участіе въ ея судьбѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, скорбя о непріязненныхъ отношеніяхъ своихъ съ своею теткою, Кастириною, которая вѣроятно началась укоромъ со стороны Иеронима за отсутствіе въ ней материнской заботливости о сестрѣ его, Иеронимъ теперь написалъ и къ ней письмо, въ которомъ желаетъ смягчить гнѣвъ ея и примириться съ нею. «Гнѣвайтесь и не сокрушайте, сказалъ Давидъ (Пс. 4, 5) или, какъ изъясняетъ ап. Павелъ, солнце да не зайдетъ во гнѣвъ вашемъ. Что же станется съ нами въ день суда,—съ нами, которыхъ видѣло солнце коспящими во гнѣвъ, не въ теченіе одного дня, но въ продолженіи столбкихъ лѣтъ».

Въ чувствахъ дружбы, любви и назиданія въ это время написаны Иеронимомъ письма,— кому въ отвѣтъ, а кому для отвѣта,—къ Пикеасу, иподіакону аквилейскому, Хрисагону, монаху аквилейскому, двамъ Эмонскимъ¹⁾, и къ Антонію монаху.

¹⁾ Эмонскимъ, а не Ермонскимъ: эти дѣвы подвизались въ Эмонѣ, не боль-

При началѣ своихъ подвижническихъ трудовъ въ пустылѣ, Иеронимъ искалъ для себя образцевъ въ жизни первыхъ великихъ подвижниковъ иноческаго житія. Его мысль и душа не могла оторваться отъ великихъ подвижниковъ, Антонія и Павла. Жизнь Антонія великаго, написанная св. Аѳанасіемъ ¹⁾ и столь обильная назиданіями, какъ и достоинствомъ изложенія, внушила Иерониму мысль изложить *сказанія о жизни* другаго, великаго, современнаго подвижника и перваго основателя пустынночества,—о жизни *св. Павла Оувейскаго*. Иеронимъ написалъ ее въ часы отдохновенія отъ подвижническихъ трудовъ и, предназначивъ этотъ трудъ свой для Павла, старца вонкордійскаго, одного, какъ мы видѣли, изъ италійскихъ друзей своихъ, отправилъ его *при письмѣ къ нему*. Смиранный составитель житія сознается, что онъ вовсе не считалъ нужнымъ заботиться о красотѣ и изысканности слога, при описаніи простаго и смиреннаго ученика Христова, но на самомъ дѣлѣ разсказъ его живъ и полонъ занимательности и назиданія. Послѣ описанія жизни знаменитаго пустытника, Иеронимъ отдается влеченію чувства и дѣлаетъ сравненіе между подвижникомъ пустыни и современными богачами міра. «Теперь, подѣ конецъ этой книги, я хочу спросить тѣхъ, которые не знаютъ мѣры своему богатству, которые обставляютъ мраморомъ свои дома, которые на одну нить золота употребляютъ цѣну богатыхъ городовъ,—чего когда либо не доставало этому полуодѣтому старцу? Вы пьете изъ драгоценныхъ сосудовъ,—ему достаточно было сложить руки, чтобы утолить жажду; вы имѣете драгоценныя туники, шитыя золотомъ,—онъ не имѣлъ даже грубой одежды, которая покрываетъ вашихъ рабовъ. За

шомъ городѣ Паппоніи. вѣнши Стрицова, а не на горѣ Ермоѣ въ Палестинѣ, какъ полагають нѣкоторые

¹⁾ На латинскій языкъ она переведена Евagriемъ англіохъ который посвятилъ ее Иліодору, другу Иеронима.

то, какъ ни бѣденъ онъ былъ, ему открытъ рай, а васъ, отягченныхъ золотомъ, ожидаетъ гenna. Онъ нагъ, но сохранилъ одежду Христову, а вы, одѣтые шелкомъ, потеряли ее. Павелъ лежитъ покрытый ничтожною пылью, чтобъ возстать въ славѣ, — великолѣпные мраморы вашихъ гробницъ тяготѣютъ надъ тѣми, которые должны сгорѣть съ своимъ богатствомъ. Пощадите же себя ради Бога, пощадите, по крайней мѣрѣ, эти богатства, которыя вы такъ любите. Для чего зарывать въ могилу мертвецовъ въ золотыхъ одеждахъ? Для чего ваша честолюбивая гордость не унимается даже среди печали и слезъ? Богатые труны останутся ли цѣлыми въ шелкѣ?... Заклинаю тебя, кто бы ты ни былъ, читатель, помни грѣшнаго Иеронима, который, если бы Богъ предложилъ ему выборъ, избралъ бы скорѣе туніку Павла съ его добродѣтелями, нежели порфиру царей съ ихъ могуществомъ» 1).

Но среди этой одушевленной переписки съ друзьями и знакомыми и вмѣстѣ подъ вліяніемъ пустыннаго одиночества, Иеронима сильнѣе всего занимала мысль объ Иліодорѣ, о томъ другѣ и спутникѣ его на востокъ, съ которымъ онъ думалъ раздѣлять труды и молитву пустынической жизни, съ которымъ такъ нѣжно и трогательно прощался въ Антиохіи и котораго все еще надѣялся видѣть своимъ сподвижникомъ въ пустынѣ: разставаясь съ Иеронимомъ, Иліодоръ, въ утѣшеніе скорбящаго и плачущаго, какъ дитя, друга своего, говорилъ, что, можетъ быть, устроивши свои домашнія дѣла въ Италіи и по полученіи писемъ отъ Иеронима изъ пустыни, онъ и рѣшится быть ему сподвижникомъ пустыннаго житія. Иеронимъ, не покидая этой надежды, рассчитывалъ много на первое *письмо* свое къ *Иліодору*, и дѣйствительно письмо это и по содержа-

1) Въ своемъ каталогѣ знаменитыхъ мужей Иеронимъ ставитъ эту книгу *первою* въ ряду прочихъ своихъ твореній. Lib. de vir. illustr. cap. CXXXV.

нію и по чувству и по отдѣлкѣ — одно изъ лучшихъ писемъ Иеронима. Въ каталогѣ своемъ онъ называетъ это письмо свое Иліодору *увещательнымъ* (exhortatoria). Поддерживая во всемъ письмѣ самыя пѣжныя и живыя выраженія дружбы и любви, Иеронимъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ искусствомъ и силою излагаетъ равнообразныя убѣжденія другу возвратиться на востокъ, въ пустыню. Опровергая всевозможныя препятствія, какія только могъ выставить въ оправданіе себя Иліодоръ, Иеронимъ умоляетъ его, закликаетъ, убѣждаетъ, настаиваетъ, угрожаетъ; чтобы какъ нибудь заставить его расторгнуть узы плоти и прови, которые, казалось Иерониму, удерживали его въ Италіи. Онъ то влечетъ его къ себѣ изображеніемъ добродѣтели, то располагаетъ къ иноческой жизни покоемъ и сладостію ея, то умоляетъ во имя любви къ Иисусу Христу, то устрашаетъ его бѣдствіями, какіе постигаютъ людей въ мірѣ, особенно тѣхъ, кто предпочитаетъ Господу Иисусу блага мірскія; наконецъ начертываетъ картину того, что должно случиться въ послѣдній день міра и суда, когда Иисусъ Христосъ воздастъ каждому по дѣламъ его. Выписываемъ начало и конецъ изъ этого прекраснаго письма. «По той искренней дружбѣ, которую любовь укрѣпила между нами, и по чувствамъ своего и моего сердца, ты можешь цѣнить то усиліе и ту настойчивость, съ какими я старался удержать тебя въ пустынѣ. Это самое письмо, которое я написалъ къ тебѣ и которое почти изглажено моими слезами, довольно показываетъ тебѣ, какою скорбію я былъ пораженъ при твоёмъ отбытіи, и сколькихъ вздоховъ и стенаній оно стоило мнѣ. Но, подобно малому дитяти, котораго приемы такъ милы и пріятны, ты своими ласками такъ умѣлъ усладить свой отказъ на мои прозбы, что я не зналъ тогда, на что рѣшиться. Въ самомъ дѣлѣ, что я могъ тогда сдѣлать? Молчать? Но я былъ не въ силахъ управлять своими чувствами такъ, чтобы умѣть притвориться на счетъ

того, чего я желалъ съ такимъ жаромъ. Просишь тебя еще съ большею настойчивостію? Но у тебя не доставало любви слушать Отринутая любовь сдѣлала, что могла. Она отпустила того, кого не могла удержать при себѣ. За то теперь умоляетъ его заочно. Ты и самъ совѣтовалъ мнѣ при разставаніи, чтобы я, поселившись въ пустынѣ, побуждалъ тебя письмами. Я обѣщаль и—вотъ исполняю обѣщаніе»..... «Придетъ, придетъ день, заключаетъ Іеронимъ письмо свое къ Иліодору, когда это смертное и тлѣнное тѣло облечется нетлѣніемъ и бессмертіемъ. Блаженъ рабъ, котораго Господь обрящетъ тогда бдящимъ! Тогда, при звукѣ трубы, народы земные вострепещутъ, а ты возрадуешься. При видѣ Господа, грядущаго судить міръ, раздадутся повсюду плачевные вопли и ужасныя степенія; народы, пораженные ужасомъ, будутъ бить себя въ перси. Цари, нѣкогда могущественные и страшные, но теперь одиночіе и разоблаченные отъ своего величія, вострепещутъ предъ Судією. А ты, который всю жизнь проведешь въ бѣдности и неизвѣстности, скажешь тогда въ восторгѣ радости: вотъ Тотъ, Кто распялся за меня; вотъ Судія мой, котораго нѣкогда видѣли плакавшимъ въ ясляхъ, покрытымъ ветхими пеленами. Вотъ Тотъ, Кто, будучи еще на груди матерней, долженъ былъ бѣжать въ Египеть,— Богъ отъ злобы смертнаго. Вотъ Спаситель, который нѣкогда былъ увѣнчанъ терніемъ и облаченъ порфиною!..... Написать это къ тебѣ, любезный братъ мой, заставила меня любовь моя къ тебѣ. Но, чтобы могъ ты нѣкогда быть участникомъ въ томъ блаженствѣ, которое ищущимъ его слѣбитъ такихъ трудовъ, имѣй мужество и твердость подражать имъ».

Какъ ни трогательно, какъ ни убѣдительно письмо это, но оно не произвело того дѣйствія на Иліодора, какаго ожидалъ Іеронимъ. Иліодоръ не пошелъ въ пустыню къ Іерониму: Господь судилъ ему быть добрымъ пастыремъ, который нази-

даль свою паству высокою христіанскою жизнью. Но письмо Іеронима принято было въ Римѣ съ особеннымъ уваженіемъ и читано было повсюду съ восторгомъ, такъ что многіе выучили его даже наизусть.

Мы видѣли, съ какимъ жаромъ и постоянствомъ Іеронимъ предавался подвигамъ самоотверженія, поста и молитвы. Но ни эти подвиги, ни занятія по перепискѣ съ друзьями, ни ученія упражненія не ослабили въ немъ силы тѣхъ искушеній, съ какими постоянно онъ боролся теперь. Чтобы положить преграду преступному движенію своихъ мыслей и дѣйствию воображенія, Іеронимъ присоединилъ къ подвигамъ покаянія и молитвы утомительный трудъ—изученіе еврейскаго языка. Сдѣлавшись ученикомъ одного Іудея, обратившагося въ христіанство, онъ предположилъ не только пзучить его въ такой мѣрѣ, чтобы понимать свящ. книги, но и усвоить свойства и идиотизмы его, усвоить въ совершенствѣ,—трудъ весьма не легкій, особенно въ его время ¹⁾. Это непріятное и трудное занятіе особенно для Іеронима, до сихъ поръ занимавшагося одними пріятными науками, помогало укрощать пылкость воображенія. Все это онъ самъ описываетъ въ одномъ письмѣ своемъ. «Когда я былъ молодъ и жилъ въ глубинѣ пустыни, въ тѣсномъ уединеніи, то не могъ выносить разженія похоти, которая пылала во мнѣ. Сколько ни старался я угасить почти непрерывными постами этотъ пламень, возжигаемый въ плоти моей растлѣнною природою, но тысячи преступныхъ мыслей не преставали поддерживать этотъ пламень въ моемъ сердцѣ. Итакъ, чтобы изгнать изъ своего воображенія эти безпокойныя мысли, я отдался въ ученіе пустыннику, изъ евреевъ обратившемуся въ христіанство; и послѣ того, какъ вкусилъ столько

¹⁾ Прибавимъ къ этому. что во времена Іеронима не знали еще точекъ означающихъ гласныя буквы.

послажденій въ живыхъ и блестящихъ выраженіяхъ Квинтиліана, въ глубокомысленномъ и увлекающемъ краснорѣчіи Цицерона, въ естественныхъ и тонкихъ оборотахъ Плинія, въ важномъ и величественномъ стилѣ Фронтана,—я принудилъ себя изучить алфавитъ еврейскій и произносить эти слова, которыя такъ шипятъ и дышатъ тяжело. Какихъ трудовъ стоило мнѣ это изученіе! Сколько разъ испытывалъ я непреодолимыя трудности! Сколько разъ бросалъ свое предпріятіе, теряя всякую надежду на успѣхъ! и потомъ снова принимался за то же, усиливаясь достигнуть цѣли упорнымъ трудомъ. Свидѣтели тому—моя совѣсть и тѣ, съ кѣмъ я жилъ тогда. Но, наконецъ, благодареніе Богу! я имѣлъ радость вкушать сладкіе плоды ученія, начатки котораго мнѣ казались столь трудны и непріятны ¹⁾).

Для той же цѣли Іеронимъ присоединилъ къ изученію языка еврейскаго и халдейскій. Здѣсь онъ не менѣе встрѣтилъ трудностей, и самъ сознается, чего стоило ему понять книгу пророка Даніила, написанную на языкѣ халдейскомъ, хотя и еврейскими буквами ²⁾. Съ этой-то поры пробудилась въ немъ охота и расположеніе къ тѣмъ важнымъ занятіямъ

¹⁾ При изученіи языка еврейскаго примѣшивалась и другая цѣль. Ему хотѣлось, между прочимъ, заградить уста евреевъ которые долгое время утверждали, что церковь содержитъ книги св. Писанія въ испорченномъ видѣ и что она большею частію сама извратила ихъ смыслъ.

²⁾ Praefat. ad versionem Danielis. Впрочемъ Іеронимъ никогда не хвалился своимъ знаніемъ этого языка и не полагался на себя, когда нужно было перевести съ халдейскаго на латинскій кн. Товита. Онъ прямо обратился къ одному чело-вѣку, который зналъ совершенно языкъ еврейскій и халдейскій и тогда какъ послѣдній словесно переводилъ ему на еврейскій съ сиро-халдейскаго, Іеронимъ тутъ же диктовалъ все это писцамъ на языкѣ латинскомъ. Это было трудомъ одного дня. Praef. ad. vers. Tov. Равнымъ образомъ, говоря о своемъ языко-знаніи (Apolog. adv. Ruff. cap. II), онъ называетъ себя только трезычнымъ (Hebraeus, Latinus, Graecus,—trilinguis), не упоминая о халдейскомъ.

въ изъясненіи и переводѣ св. Писанія, которымъ онъ впоследствии посвятилъ себя съ такимъ усердіемъ для блага церкви.

Миновалась борьба съ плотію, настала другая—съ страстіемъ къ языческимъ писателямъ. Принесши съ собою въ пустыню халцидскую любимую свою бібліотеку, состоящую по большей части изъ твореній языческихъ писателей, Иеронимъ въ свободные часы отъ иноческихъ подвиговъ, послѣ ночей, проведенныхъ въ молитвѣ и слезахъ, послѣ долгихъ размышленій о словѣ Божіемъ, съ жадностію принимался за чтеніе греческихъ и римскихъ классиковъ; и рѣчь пророческая казалась ему тогда уже грубою для вкуса, изнѣженнаго красотами античныхъ писателей. Сознаніе о такомъ преступномъ смѣшеніи божественнаго съ человѣческимъ сильно возмущало душу благочестиваго подвижника; началась опять борьба съ самимъ собою, борьба, вызывавшая тяжкіе вздохи объ этой тайной склонности сердца. «Несчастный! я, который занимается Цицерономъ, я постился! Послѣ частыхъ всепощныхъ бдѣній, послѣ слезъ, которыя заставляли меня проливать память о грѣхахъ прошедшихъ, я бралъ въ руки Платона! Если иногда, приходя въ себя, я начиналъ читать пророковъ, ихъ языкъ казался мнѣ необработаннымъ и жесткимъ, и своими слѣзыми очами не видя свѣта, я вмѣнялъ это въ вину не очамъ, а солнцу» ¹⁾! И какъ велика сила страстныхъ увлеченій! И при сознаніи ихъ губительнаго дѣйствія на насъ, нерѣдко противъ собственной воли и въ тоже время съ какимъ-то страннымъ удовольствіемъ, мы опять предаемся въ жертву имъ. Долго колебался такимъ образомъ Иеронимъ, не находя въ себѣ силъ остановить свое обольщеніе; вдругъ одинъ особенный случай надолго устранилъ его.

«Во время сетырдесятницы, (такъ описываетъ этотъ

¹⁾ Epist. ad Evstoch

случай самъ Иеронимъ), жестокая горячка такъ овладѣла истощеннымъ моимъ тѣломъ, что казалось, расторгала всѣ болѣзненные члены его. Холодное тѣло, едва замѣтное биеіе сердца свидѣтельствовали о скорой смерти и окружавшіе меня уже готовились къ погребенію. Въ это время я представленъ былъ предъ лице Судіи, окруженнаго такимъ блескомъ и величіемъ, что я палъ на землю, не въ силахъ будучи смотрѣть вверхъ. На вопросъ, какого я исповѣданія, я отвѣчалъ, что я христіанинъ. Тогда Судія возразилъ, — ты обманываешься, ты ццеронистъ, а не христіанинъ, ибо творенія Цицерона совершенно овладѣли твоимъ сердцемъ. Потомъ я осужденъ былъ принять жестокое тѣлесное наказаніе отъ рукъ ангеловъ; — воспоминаіе объ этомъ оставило въ душѣ моей такое сильное впечатлѣніе, что и послѣ болѣзни долго лежало во мнѣ горькое сознаніе своей вины. Я тогда же предъ лицомъ Судіи далъ клятвенный обѣтъ не читать впредь книгъ языческихъ писателей Пробудившись, я, къ великому удивленію всѣхъ, открываю глаза, но увлажненные такимъ дождемъ слезъ, что своею скорбію я убѣдилъ бы (въ томъ, что со мною случилось) самыхъ невѣрныхъ. И это не было только сновидѣніе, или одно изъ тѣхъ летучихъ грезъ, которыя часто обольщаютъ насъ Свидѣтельствуюсь тѣмъ сѣдалищемъ, предъ которымъ я былъ простертъ: свидѣтельствуюсь тѣмъ страшнымъ судомъ, предъ которымъ я трепеталъ. Ахъ! не приведи Богъ, быть въ подобномъ испытаніи! И послѣ того я читалъ съ такимъ прилежаніемъ божественныя писанія, съ какимъ предъ тѣмъ творенія языческія¹⁾

Признавъ въ этомъ сновидѣніи внушеніе сверхъестественное, отклоняющее его отъ опаснаго увлеченія, Иеронимъ надолго отказался отъ своей склонности, и въ послѣдствіи (ок. 401 г.)

¹⁾ Epist. ad Evstoch.

самъ сильно возставалъ противъ тѣхъ, которые, «оставивъ мудрость вѣтъ, чтобы вкушать хлѣбъ животный (Слово Божіе), возвращались къ сладости поэтовъ» 1). «Все это, писалъ онъ объ языческой поэзіи, плѣняетъ васъ своею пріятностію и, увлекая слухъ стихами, которые звучать въ пріятныхъ переходахъ тоновъ, проникаетъ даже во внутреннее духа. Но когда прочитаешь съ бѣльшимъ вниманіемъ и углубленіемъ, они (стихи) не дають читателю ничего, кромѣ пустаго звука и шума словъ; не находишь въ нихъ ничего питательнаго, ничего, дающаго душѣ истинную пищу. Тѣ, которые съ увлеченіемъ читають ихъ, продолжаютъ оставаться въ гладѣ истины и лишеніи добра». «Пріятно ли Богу изъ устъ христіанина слышать слова: Юпитеръ всемогущій, или: клянусь Геркулесомъ, или—Касторомъ, и другія подобныя слова? А нынѣ мы видимъ, что даже священники Божіи, оставивъ евангеліе и пророковъ, читають комедіи, поють сладострастныя слова изъ стихотвореній пастушеской поэзіи, держать въ рукахъ Виргилія, и, что въ юношахъ бываетъ зломъ необходимости, то они дѣлають по страсти къ наслажденію» 2).

Впослѣдствіи Іеронимъ, по видимому, не устоялъ въ этой своей рѣшимости: отказавшись на всегда отъ языческой мудрости, онъ, во многихъ твореніяхъ своихъ, писанныхъ уже послѣ страшнаго сновидѣнія, весьма часто помѣщалъ мысли писателей языческихъ, нерѣдко приводилъ цѣлыя мѣста изъ ихъ писаній и даже изучалъ по прежнему нѣкоторыхъ изъ нихъ. Пользуясь этимъ мнимымъ нарушеніемъ обѣта со стороны Іеронима, Руфинъ, во время непріязненнаго отношенія своего къ Іерониму, укорялъ его въ клятвопреступленіи и въ нарушеніи обѣта даннаго имъ предъ лицемъ Судіи, не читать

1) Epist. ad Fabiol.

2) Epist. ad Damas. (гдѣ изъясняется притча о блудномъ сынѣ).

впредь языческихъ книгъ ¹⁾). Но Иеронимъ не измѣнилъ своему обѣту, когда опять сталъ читать языческія писанія, а, измѣнивъ свой взглядъ на нихъ, измѣнилъ и цѣль, для которой читалъ ихъ: прежде онъ читалъ ихъ съ сердечнымъ увлеченіемъ и для удовольствія, теперь сталъ читать для блага и пользы церкви, какъ человекъ ученый и вмѣстѣ какъ защитникъ христіанства противъ язычества, который хотѣлъ поражать послѣднее его же оружіемъ, по примѣру предшествовавшихъ ему отцевъ и учителей церкви. Вотъ его собственныя мысли по этому предмету: «Ты спрашивалъ меня, писалъ онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ къ Магнусу, для чего я въ свѣихъ книгахъ иногда вставляю мѣста изъ писаній свѣтскихъ и эту языческою нечистотою, какъ бы пятнаю чистоту церкви; я намѣренъ тебѣ дать только краткій отвѣтъ. Кто не знаетъ, что Соломонъ предлагалъ философамъ тиресимъ нѣкоторые вопросы и отвѣчалъ на нихъ? Апостоль, въ посланіи къ Титу, воспользовался стихомъ Епименида: *Критяне присно лживи, зліе зѣрїе, утробы праздныя* (Тим. 1, 12). И въ другомъ посланіи привелъ шестистопный стихъ Менандра: *тлѣятъ обычаи близи бестыды злы* (1 Кор. 13, 33). Онъ же, разсуждая предъ Аѳинянами въ Ареопагѣ, приводитъ въ свидѣтельство Арата: *Того бо и родъ есмы* (Дѣян. 7, 28)... Мало того, вождь Христова воинства и непобѣдимый защитникъ христіанскои вѣры, искусно обращаетъ въ подтвержденіе своей вѣры даже случайную надпись (тамъ же ст. 23) Научился онъ у истиннаго Давида исторгать мечъ изъ вражескихъ рукъ и отсѣкать голову гордаго Голіафа собственнымъ его оружіемъ. Читалъ онъ во Второзаконіи повелѣніе Господне обрить прежде голову у плѣнной жены, обрѣзать всѣ волосы и ногти, и потомъ уже брать ее себѣ въ замужество. Что же удивительнаго,

¹⁾ Inoectiv. Ruf. lib. II.

если и я хочу языческую ученость, ради изящества рѣчи и красоты членовъ, сдѣлать изъ рабы и плѣнницы израильянокю,—если все, что есть въ ней мертваго, языческаго, похотливаго, ложнаго, отсѣваю и изглаживаю и, такимъ образомъ очистивши ее, раждаю отъ нея чады Господу Саваоу? Трудъ мой слушать къ умноженію членовъ церкви Христовой»... За тѣмъ онъ по порядку перечисляетъ священныхъ писателей и отцевъ церкви, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ, съ указаніемъ ихъ твореній, наполненныхъ свидѣтельствами изъ языческихъ сочиненій въ пользу христіанской вѣры. Нельзя не отдать должной справедливости этому взгляду Іеронима на изученіе языческой литературы,—взглядъ, который онъ нажилъ опытностію и образовалъ послѣ предварительнаго соблазна и оболыченія ею въ лѣта пылкой молодости.

Но не одни внутреннія испытанія среди пустыннаго уединенія возмущали душу Іеронима, онъ встрѣтился еще съ однимъ испытаніемъ отъвне, именно со стороны обстоятельствъ и безпорядковъ, бывшихъ тогда въ церкви антиохійской, къ области которой принадлежала и пустыня халцидская. И неустрашимый противникъ всѣхъ внутреннихъ искушеній не имѣлъ надлежащей твердости устоять противъ испытаній одного внѣшняго искушенія, изъ котораго онъ вышелъ болѣе побѣжденнымъ, нежели побѣдителемъ. Именно, въ церкви антиохійской, долго возмущаемой и раздраемой буйствомъ арианъ, произошли новые безпорядки и раздѣленія, съ одной стороны отъ того, что одни изъ православныхъ хотѣли видѣть на патріаршемъ антиохійскомъ престолѣ Мелетія, другіе—Павлина, ариане же—своего Аввоія, съ другой—отъ того, что сами православные, принимая не въ одинаковомъ смыслѣ слова *существо* (*ὕστα*) и *лице* (*ὡπρόσωπον*), всѣ разсуждали о Троицѣ православно, а между тѣмъ одна партія въ ученіи

другой подозрѣвала ересь ¹⁾. Духъ этаго раздѣленія проникъ и въ пустыню халцидскую, гдѣ обиталъ Іеронимъ. Раздѣлившіеся въ своихъ мнѣніяхъ иноки требовали и отъ Іеронима, чтобы онъ объявилъ, какого онъ держится мнѣнія. Не появивъ ни силы вопроса, ни сущности раздѣленія между антiохійскими христіанами, онъ давалъ отвѣты, не относящіеся прямо къ вопросу и не удовлетворяющіе желанія иноковъ; когда сіи настаивали, онъ пришелъ въ раздраженіе, свойственное его характеру, и думалъ видѣть всѣхъ восточныхъ христіанъ уклонившимися на сторону аріанской ереси. Подъ вліяніемъ душевныхъ огорченій и негодованія противъ личныхъ обидъ отъ своихъ собратій, онъ написалъ письмо къ папѣ Дамасу, въ которомъ, осыпая несправедливыми укоридами и поношеніями всѣхъ восточныхъ христіанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ до излишества восхваляя папу и достоинство его власти, проситъ у него совѣта и правилъ, какъ поступать и вѣровать ему въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и недоумѣніяхъ. «Заклинаю тебя именемъ Распятаго, именемъ Троицы единосущной, написать ко мнѣ: долженъ ли я отрицать, или исповѣдывать три ипостаси. Скажи еще, съ кѣмъ я долженъ имѣть общеніе въ Антіохіи, ибо *камненсы* ²⁾ ничего такъ не домогаются, какъ проповѣдывать, основываясь на авторитетѣ вашего единенія, три ипостаси въ смыслѣ древнемъ». Это было въ 376 году.

Читая письмо это, нельзя не видѣть, что при изліяніи огорченной души, Іеронимъ вышелъ изъ предѣловъ терпливой умѣренности и въ порывѣ обынаго ему раздраженія, не могъ избѣжать тѣхъ крайностей и преувеличеній, съ которыми

¹⁾ Это злѣное разногласіе и раздѣленіе Антіохійцевъ помирилъ св. Афанасій въ своихъ посланіяхъ къ нимъ.

²⁾ Такъ называли тѣхъ изъ православныхъ въ Антіохіи, кот рые. не имѣя у себя храмовъ. занятыхъ аріанами, собирались для богослуженія въ открытѣмъ подѣ (caupus).

мы часто встрѣтимся въ его полемикѣ и различныхъ его твореніяхъ. Напрасно поэтому латинскіе богословы ставятъ нѣкоторыя мѣста и выраженія изъ этого письма Іеронима въ основаніе церковнаго ученія о верховномъ преимуществѣ римской кафедры. Довольно имѣть въ виду характеръ Іеронима, степень его богословскихъ познаній въ то время, обстоятельства и особенно душевное состояніе, подъ вліяніемъ котораго написано письмо, чтобы судить, дѣйствительно ли вытекали тѣ выраженія изъ искренняго и прямого убѣжденія Іеронима ¹⁾; тѣмъ болѣе, что и все содержаніе письма дышетъ раздраженіемъ и не чуждо преувеличенія.

Жаль также, что Іеронимъ питалъ болѣе нерасположенія къ православному и благочестивому Мелетію, чѣмъ Виталію, котораго епископство было явнымъ и неизвинительнымъ расколомъ въ церкви. *Кампенсы* заслуживали похвалы, а не порицанія со стороны Іеронима; вовсе не проповѣдывая ипостасей *въ смыслъ древнемъ* (какъ говорилъ Іеронимъ, понимая подъ этимъ *смыслъ аріанскій*), они были православны и привязаны къ сторонѣ Мелетія. Самое названіе ихъ, вѣроятно данное аріанами въ насмѣшку, служило доказательствомъ ихъ привязанности къ вѣрѣ и благочестію.

Какъ ни убѣдительно было письмо Іеронима къ папѣ Дамасу, оно однако же оставлено имъ безъ отвѣта. Между тѣмъ безпокойство не утихало; постоянные вопросы къ Іерониму со стороны иноковъ пустыни о предметахъ вѣры болѣе и болѣе раздражали его нетерпѣніе. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ перваго письма къ Дамасу, Іеронимъ написалъ къ нему *другое письмо*, гдѣ опять закликаетъ его дать свой пастырскій совѣтъ, чего ему держаться и кому слѣдовать. Не

¹⁾ Мы еще увидимъ впоследствии, какъ онъ подъ вліяніемъ такого же душевнаго волненія отвѣтитъ о Римѣ и самой церкви его, теперь такъ восхваляемой.

видно, чтобы папа отвѣчалъ и на это письмо Иеронима. Не понимая издали хорошо положенія дѣлъ и сущности восточныхъ споровъ, недалководный папа могъ затрудниться въ руководительномъ совѣтѣ Иерониму, который самъ на мѣстѣ и среди самыхъ споровъ не могъ разобрать въ чемъ дѣло: и Дамасу и Иерониму не понятны и не уловимы были догматическія тонкости восточныхъ споровъ. Если же отвѣчалъ папа Иерониму, то онъ могъ совѣтовать ему одно изъ двухъ: или держаться стороны Павлина и вмѣстѣ съ нимъ исповѣдывать ученіе объ ипостасяхъ св. Троицы, потому что папа дасть общительную грамоту Павлину, или же не держаться никого и уклониться на время съ востока, потому что около Павлина не примирились православные въ своихъ спорахъ и церковномъ разобщеніи. Какъ бы то ни было, но мы видимъ, что Иеронимъ, не упоминая объ отвѣтѣ папы, нашелъ нужнымъ оставить свою пустыню. Вотъ какъ описываетъ онъ послѣднія обстоятельства пребыванія своего тамъ *въ письмѣ къ Марку* ¹⁾, написанномъ предъ выходомъ изъ пустыни: не даютъ мнѣ ни одного уголка въ пустынѣ; каждый день спрашиваютъ меня о вѣрѣ, какъ будто я безъ вѣры окрещенъ. Объявляю свое исповѣданіе по ихъ требованію,—имъ не нравится; подписываюсь,—не вѣрятъ. Одного только хотятъ, чтобы я удалился отсюда. Надо уступить имъ.... . Это было писано зимою, въ началѣ 379 года. И какъ ни прискорбно было Иерониму разстаться съ любезною пустынею, весною того же 379 года онъ оставилъ свое уединеніе и отправился въ Антиохію.

Со времени удаленія Иеронима изъ пустыни халцидской, настаетъ для него новая жизнь. Онъ принимаетъ санъ пре-

¹⁾ Пресвитеру а можетъ быть и епископу города Теледо въ окрестностяхъ пустыни халцидской.

свитера и вмѣстѣ съ тѣмъ вступаетъ на поприще общественной дѣятельности. Доселѣ жилъ онъ, какъ мы видѣли, жизнью болѣе частною, вдали отъ всякихъ общественныхъ заботъ, еще никѣмъ не знаемый, кромѣ друзей своихъ; теперь какъ самая жизнь, такъ и писанія его, съ этого времени имѣютъ характеръ болѣе общественный. Не пустыня, не уединенная келлія монастыря становится мѣстомъ его пребыванія (разумѣемъ до поселенія его въ Вилеємъ до 387 года), не одни простые иноки являются его друзьями; тогдашнія столицы міра, Цариградъ и Римъ и представители церкви восточныхъ и западныхъ, — вотъ гдѣ и съ кѣмъ обращается теперь Іеронимъ. Равнымъ образомъ, не одни дружескія письма составляютъ исключительный предметъ его занятій, но труды ученые, такіе труды, которые касаются прямо блага церкви и которые какъ тогда, такъ и впослѣдствіи имѣли и имѣютъ всеобщее значеніе.

Прибывъ въ Антиохію ¹⁾, Іеронимъ опять помѣстился у друга своего. Евагрія, который, по прежнему, не переставалъ оказывать ему свою привязанность и любовь. Еще такъ не давно чуждавшійся вмѣшательства во всякіе религіозные споры и не терпѣвшій никакихъ партій, теперь, или въ слѣдствіе письма Дамаса, какъ мы уже замѣчали, или же въ слѣдствіе дружескаго совѣта Евагрія, державшагося стороны Павлина, Іеронимъ присоединился къ сторонѣ его же. Иначе и быть не могло, какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ Іерониму, что папа

¹⁾ Бароній (ad an. 378) думаетъ, что Іеронимъ изъ пустыни огривился въ Іерусалимъ; но изъ твореній Іеронима видно, что прежде смерти Дамаса, онъ тамъ не былъ. Тамъ, посѣтивши Іерусалимъ, уже оставивши Римъ, по смерти Дамаса, онъ говоритъ: *Vidi multa miracula (in Hierosolyma), et quae prius ad me fama pertulerat, oculorum iudicio comprobavi.* (Contr. Ruff. lib. III). Эти слова достаточно говорятъ, что Іеронимъ не посѣщалъ Іерусалима прежде втораго путешествія на востокъ.

изъ всѣхъ епископовъ антиохійскихъ находился въ общеніи только съ Павлиномъ. Павлинъ съ своей стороны спѣшилъ извлечь для себя выгоду изъ общенія съ Іеронимомъ: чтобы прикрѣпить его къ своей сторонѣ, Павлинъ настаивалъ на томъ, чтобы Іеронимъ принялъ санъ пресвитера. Смиранный подвижникъ долго противился настоятельному убѣжденію Павлина. При томъ высокомъ понятіи, какое соединялъ онъ съ званіемъ пастыря, Іеронимъ не находилъ въ себѣ силъ достойно проходить многотрудное поприще пастырскаго служенія и, еще не покидавшій мысли о пустынномъ отшельничествѣ, уступилъ (379 г.) настойчивости Павлина только подъ условіемъ—быть свободнымъ отъ всякихъ обязанностей священнаго сана. Сознаніе своего недостойнства и высокое благоговѣніе къ священству возрасло въ немъ до такой степени, что онъ никогда не совершалъ литургіи и въ 394 году, ни просьбы и убѣжденія братій, ни настоятельныя нужды, не произвели въ немъ рѣшимости принести на святомъ олтарѣ безкровную жертву, въ то время, когда въ виелеемской обители не стало ни одного пресвитера ¹⁾. Какой уродъ для тѣхъ, которые изъ за честолюбія ищутъ смиреннаго служенія священства!...

Во время настоящаго пребыванія своего въ Анхіохіи, Іеронимъ написалъ ²⁾ сочиненіе: *споръ между послѣдователемъ Люцифера и православнымъ* ³⁾ (*Altercatio Luciferiani et*

¹⁾ Lib. contr. Ioan. Hierosolym.

²⁾ Самъ Іеронимъ ставитъ его послѣ сочиненій, написанныхъ въ пустынѣ и прежде «Хроники», переведенной въ Константинополѣ.

³⁾ Заблужденіе Люциферіанъ произошло отъ Люцифера, еписк. Кагліарскаго. Этотъ епископъ, извѣстный по своимъ писаніямъ и ревности противъ аrianства въ царствованіе Констанція, не могъ стерпѣть снисхожденія, какое употреблено относительно епископовъ собора Римнійскаго, принятыхъ, послѣ ихъ раскаянія, въ единеніе съ церковію, по рѣшенію св. Аѳанасія на соборѣ Александрійскомъ 362 года. Онъ не хотѣлъ слѣдовать этому рѣшенію. Вскорѣ другое обстоятельство сильнѣе раздражило его. Люциферъ, въ видахъ примиренія анти-

orthodoxi). Завязавшійся случайно между Эладіемъ — люциферіаномъ и православнымъ, споръ этотъ продолжался два дѣла, каждый разъ съ новымъ жаромъ, рѣзкими и часто оскорбительными упреками съ той и другой стороны. Предметъ его, главнымъ образомъ, вращался около двухъ вопросовъ: епископы собора Римнійскаго, вступившіе въ общеніе съ аріанами, могутъ ли быть, послѣ искренняго раскаянія, принимаемы въ единеніе съ церковію, и нужно ли перекрещивать тѣхъ, которые уже крещены еретиками? Православный утверждаетъ первый вопросъ и отрицаетъ другой. Въ сочиненіи господствуютъ приемы школьные. Если твореніе не много любопытно съ этой стороны, за то больше значенія имѣеть въ отношеніи православнаго ученія. Въ немъ есть замѣчательныя мысли о преданіи церковномъ и мнѣніе Іеронима относительно церквей частныхъ, принимающихъ свое названіе отъ какого бы то ни было частнаго лица, а не отъ Самаго Основателя церкви, Иисуса Христа.

Споры иноковъ въ пустынѣ халцидской и особенно ближайшее знакомство съ догматическими спорами въ Антиохіи могли убѣдить Іеронима, что онъ при всемъ своемъ обширномъ знаніи и при постоянныхъ ученыхъ занятіяхъ, еще весьма не далекъ въ знаніи собственно *богословскомъ*: догматическая сторона вѣры менѣе всего доселѣ была имъ изучена. Поэтому

охійскихъ христіанъ, посвятилъ Павлина епископомъ Антиохіи, а многіе епископы востока отказались признать его. Тогда, при своей рѣшительности и упорствѣ характера, онъ прервалъ всякое сношеніе не только съ отдами Римнійскими, но и съ св. Аелнасіемъ и произвелъ расколъ, въ который увлекъ многіхъ христіанъ съ востока и запада. По возвращеніи въ Каппадокію, онъ пребывалъ въ своемъ упорствѣ до самой смерти (370 года). Между его последователями извѣстенъ особенно даконъ Иларій, утверждавшій, что аріане, равно какъ и другіе еретики, должны быть перекрещиваемы при обращеніи ихъ къ православной вѣрѣ. Блажен. Іеронимъ опровергаетъ и его въ разговорѣ, писанномъ противъ Люциферіанъ.

Иеронимъ рѣшился теперь еще учиться догматамъ вѣры и учиться у какогонибудь знаменитаго наставника. Слава о необыкновенной учености и рѣдкихъ добродѣтеляхъ св. Григорія епископа константинопольскаго, съ которымъ общая молва соединяла тогда имя *Богослова*, остановила вниманіе Иеронима. Съ нетерпѣливымъ рвеніемъ ревностнаго и любознательнаго ученика въ 380 году онъ оставилъ Антихію и отправился въ Константинополь слушать тамъ уроки величайшаго изъ богослововъ, который возбуждалъ удивленіе въ цѣломъ тогдашнемъ христіанскомъ мірѣ своимъ глубокимъ знаніемъ св. Писанія, тонкимъ и пронизательнымъ умомъ, сильнымъ воображеніемъ и побѣдоноснымъ краснорѣчіемъ. Принятый съ особенною благосклонностію св. Григоріемъ, Иеронимъ около двухъ лѣтъ не только пользовался его наставленіями въ храмѣ, наравнѣ съ другими, но слушалъ и частные его уроки и наставленія. Прозорливый наставникъ понялъ своего ученика; за то, можетъ быть, никто лучше послѣдняго не могъ цѣнить еще тогда этаго великаго и вселенскаго учителя. Мы видимъ, какъ часто, съ какимъ уваженіемъ и справедливою гордостію ¹⁾ Иеронимъ отзывался о своемъ знаменитомъ наставникѣ ²⁾, какъ высоко ставилъ его авторитетъ не только при изъясненіи трудныхъ мѣстъ Писанія ³⁾, но и тамъ, гдѣ нужно было ему указать вообще на духъ своей вѣры и своего ученія ⁴⁾.

¹⁾ Quis apud latinos par est? Quo ego magistro glorior et exulto. Lib. I. adv. Ruff.

²⁾ Сморг. Comment. in Isai Lib. III. Epist. ad. Nepotian., Epist. ad Domnionem.

³⁾ Gregorius Naziansenus, vir valde eloquens, et in Scripturis apprime eruditus, quum de hoc mecum tractabat loco, solebat dicere et cæt. Comment in Eph. cap. 5, или: Gregorius Nazian. Episcopus, vir eloquentissimus, præceptor meus, quo scripturas explanate didici et cæt. Lib. de vir. illustr. cap. 117.

⁴⁾ «Рамъ и Григорій—вотъ источники моей вѣры и моего ученія».

Въ это же время Иеронимъ имѣлъ сношенія въ Константинополѣ съ другимъ знаменитымъ лицомъ того вѣка—св. Григоріемъ Нисскимъ, прибывшимъ въ столицу, безъ сомнѣнія, для присутствованія на 2-мъ вселенскомъ соборѣ (381 г.). Сей святитель къ этому времени окончилъ, или еще обаячивалъ свое знаменитое твореніе противъ Евномія и читалъ его Иерониму и св. Григорію Богослову ¹⁾. Два великіе богослова восточной церкви достойно оцѣнили въ молодомъ подвижникѣ отличныя способности ума и свойства сердца, любовь къ христіанской наукѣ, широту возрѣній на потребности христіанскаго знанія, и почтили его своимъ искреннимъ довѣріемъ, хотя Иеронимъ желалъ только у нихъ учиться.

Но съ занятіемъ ученика Иеронимъ соединялъ въ Константинополѣ и труды писателя. Частію въ видахъ ученыхъ занятій, а больше по просьбѣ друзей ²⁾. умѣвшихъ цѣнить дарованія Иеронима, во время пребыванія своего въ Константинополѣ, онъ занимался слѣдующими учеными трудами:

1) перевелъ *Хронику Евсевія на латинскій языкъ* (*Chronicon omnimodae historiae*). Въ этомъ трудѣ Иеронимъ, какъ самъ онъ ³⁾ говоритъ, и передавалъ текстъ Евсевія и умножалъ его собственными добавленіями. Такъ событія отъ временъ Нины и Авраама до разрушенія Трои онъ переводилъ безъ всякой перемѣны, съ этаго же времени, то 20 года царствованія Константина Великаго, начинаются его измѣненія и прибавленія, заимствованныя преимущественно изъ Светонія и другихъ римскихъ историковъ. Далѣе, отъ себя написалъ ту часть (заключ. во 2-й книгѣ), которая описываетъ событія отъ

¹⁾ De vii. illust. cap. 12.

²⁾ Ut et experimentum caperem ingenio mei, et amicis jubentibus obedirem. Comment. in Isai. Lib. III.

³⁾ Praefat. in Chron. Euseb.

20 года царствования Константина до временъ Валента и Валентиніана, то есть, до 378 г. ¹⁾).

2) По просьбѣ своихъ друзей Иеронимъ перевелъ въ Константинополѣ 14 бесѣдъ Оригена на прор. Іеремію и 14 бесѣдъ на прор. Іезекіиля. Избѣгая необходимости говорить что нибудь въ осужденіе Оригена и не желая дать повода къ соблазну вѣрующимъ, для которыхъ назначался этотъ трудъ, Иеронимъ выпускалъ тѣ мѣста подлинника, которыя заключали въ себѣ не правыя по его взгляду мысли ²⁾. Иеронимъ многое, кромѣ того, прибавилъ и измѣнилъ, особенно въ бесѣдахъ на прор. Іезекіиля ³⁾, чѣмъ далъ поводъ къ упрекамъ, которые впоследствии дѣлалъ ему Руфинъ.

3) Въ тоже время Иеронимъ написалъ небольшое сочиненіе *о Серафимахъ*. Онъ диктовалъ его писцамъ и торопился дѣломъ, желая скорѣе удовлетворить просьбамъ друзей и сдѣлать опытъ своихъ слабыхъ силъ, какъ говорилъ онъ ⁴⁾. Глазная болѣзнь мѣшала полной обработкѣ этого сочиненія, особенно въ отношеніи чистоты и изящества слога. Въ толкованіи этомъ

¹⁾ Ibid. Лучшимъ изданіемъ Евсевіевой Хроники считаютъ—Іосифа Скатигера, который дошедшія до него отрывки Хроники, сохраненныя Синкелломъ, Кедринномъ, Зонарою и друг. соединилъ въ одно цѣлое вмѣстѣ съ переводомъ Иеронима, гдѣ недостатки и поврежденія послѣдняго добавлялъ первыми и обратно. Но изъ всего этого вышелъ какой-то сборникъ, во многомъ не похожій на свой подлинникъ (см. Hanck. de Byzant. Script. Gr. p. I. c. 1 pag. 90. § 9) и потому справедливо отвергаютъ многое, представленное здѣсь за подлинное произведеніе св. Евсевія. (Cave Script. Eccles. Hist. vol. I p. 93 — Du Pin Nouv. Biblioth. eccl. T. 2 pag. 4). Уже въ началѣ вѣнциска вѣка Зоравъ и Ан. Майй, при помощи найденнаго древняго армянскаго списка и немного удѣлѣвшихъ греческихъ словъ составили болѣе вѣрную Хронику Евсевія Evsebiî Pamph. Chronica cum Canon. Lib. II et cat. Mediolani 1818 См. и editor. præf. 16

²⁾ Hieron. apolog. adv. Ruf. Lib. II

³⁾ Ibid. Lib. III

Comment in Isai cap. 6

Иеронимъ занимается изъясненіемъ 6-й главы прор. Исаи и между прочимъ явно идетъ противъ толкованія той же главы Оригеномъ ¹⁾. Опытъ толкованія обилень счастливыми мыслями, меткими приспособленіями и сближеніями, твердыми и умными размышленіями и нравственными уроками, полными назиданія; критика по отношенію къ Оригену здѣсь скромна и уважительна. Въ этомъ опытѣ, равно какъ и въ другихъ толкованіяхъ своихъ, Иеронимъ старается болѣе назидать чѣмъ удовлетворять пытлиности читателей.

Въ Константинополѣ продолжались уже между тѣмъ дѣйствія втораго вселенскаго собора, который долго занимался приведеніемъ въ порядокъ церковныхъ дѣлъ, разстроенныхъ полувѣковымъ буйствомъ и волненіемъ аріанъ. Папа Дамасъ безъ сочувствія отнесся къ желанію и предпріятію императора Θεодосія о созваніи вселенскаго собора въ Константинополь. Папѣ хотѣлось имѣть этотъ соборъ въ Римѣ, тѣмъ болѣе, что аріанство въ это время въ значительныхъ силахъ развилось уже и на западѣ и волновало церкви. Когда вселенскій соборъ состоялся въ Константинополѣ, папа устроилъ въ 382 году и у себя соборъ въ Римѣ и, желая дать ему характеръ вселенскаго, приглашалъ къ себѣ и епископовъ восточныхъ. Почти всѣ восточные епископы отказались отъ такого приглашенія. Но Павлинъ, какъ покровительствуемый царицею, отправился вмѣстѣ съ Епифаніемъ кипрскимъ на соборъ въ Римъ. Съ этими епископами отправился въ Римъ и Иеронимъ. Дамасъ уже имѣвшій случай получить высокое понятіе о просвѣщеніи и ревности Иеронима къ православнои вѣрѣ, пригласилъ

¹⁾ Такъ Оригенъ утверждать что два Серафима, которыхъ видѣлъ прор. Исаія споявшими предъ престоломъ Божиимъ были Иисусъ Христосъ и Святыи Духъ; юный толковникъ не колеблется отрицать это мнѣніе и—замѣтить, что «гораздо лучше говорить просто о предметахъ вѣтвннхъ, чѣмъ краснорѣчиво о ложныхъ».

его 1) раздѣлять труды отцевъ собора, особенно по вопросу о церкви антиохійской, обстоятельства которой такъ хорошо были ему извѣстны. Между прочимъ, предметомъ спора на соборѣ были аполинаристы, или, лучше, вопросъ—какъ принимать ихъ въ единеніе съ церковію въ случаѣ обращенія ихъ. Пользовавшійся особеннымъ авторитетомъ въ знаніи богословія, Іеронимъ, по порученію папы, составлялъ будто и формулу вѣры для аполинаристовъ, которую предлагали имъ какъ условіе, подъ которымъ они могутъ быть принимаемы въ общеніе съ церковію вселенскою 2).

Это новое положеніе Іеронима на поприщѣ служенія благу церкви, вскорѣ смѣняется другимъ, болѣе труднымъ и болѣе дѣятельнымъ періодомъ въ его жизни. По удаленіи епископовъ востока (въ слѣд. 383 году), Дамасъ убѣдилъ Іеронима остаться въ Римѣ и поручилъ ему важную при себѣ должность,—дѣлопроизводителя по церковной перепискѣ. Эту должность онъ и отправлялъ около трехъ лѣтъ 3). Папа питалъ особенную привязанность къ Іерониму за его ученые труды, которые читалъ всегда съ удовольствіемъ и благодарностію; а чтобы судить о преданности Іеронима къ Дамасу, довольно

1) Выраженіе Іеронима относительно своего прибытія въ Римъ: *нужды церкви привели меня въ Римъ*—заставляетъ думать. Только волю Дамаса онъ могъ считать для себя обязательною (Baron ad an 382 num. 2). Сверхъ того, приглашеніе Павлина могло довершить его рѣшимость.

2) См. Apolog. Ruff. pr. Orig. Hieron. contr. Ruff.

3) Cum in chartis ecclesiasticis juvenem Damasum, Romane Urbis episcopum, et orientis atque occidentis sinodicis consultationibus responderem. Epist. ad Ageruchiam. Ложно утверждаютъ нѣкоторые (Ciaconius de gestis cardinalium p. 103. Venet. 1583.—Miscrologus in ecclesiast. observ. c. 21. in max. biblic. Patr. T. 8. p. 177 и друг.), будто Іеронимъ занималъ при Дамасѣ должность кардинала, еще вовсе неизвѣстную въ то время; Phil. Bonamici первый отвергъ это нелѣпое мнѣніе, которое такъ любили выставлять западные писатели. (Сморг. De claris pontificar. epistolarum scriptoribus p. 147. Romæ. 1753 8).

указать на тѣ ученые труды, которые совершилъ онъ съ удивительнымъ терпѣніемъ, единственно по просьбѣ этого перво-священника. Таковы:

1) Сличеніе латинскаго перевода Новаго Завѣта съ греческимъ подлинникомъ. Чтобы понять важность этого труда Иеронимова, нужно обратить вниманіе на состояніе латинскихъ переводовъ Новаго Завѣта въ то время. Съ самаго начала христіанства стали появляться различные латинскіе переводы Новаго Завѣта ¹⁾, наиболѣе, кажется, въ Африкѣ, и мало по малу такъ умножились, что во времена Августина невозможно было пересчитать ихъ ²⁾. Эти переводы, между которыми одинъ былъ болѣе другихъ извѣстный, употребительный, народный (*vulgata*) ³⁾, или Италійскій ⁴⁾, были такъ повреждены и такъ различны были одинъ отъ другаго, что сколько было образцовъ, столько различныхъ чтеній ⁵⁾. Отсюда, по сознанію самаго Иеронима ⁶⁾, произошелъ такой беспорядокъ, что излишнее усердіе часто приписывало прочимъ евангелистамъ то, о чемъ одинъ изъ нихъ или говорилъ обширнѣе, или выражалъ иначе, — исправляло, такимъ образомъ, одного евангелиста по другому;

¹⁾ Еще Тертуліанъ упоминалъ о нихъ.

²⁾ Avgust. de doctrina Christ. l. 2. c. 11. «qui scripturas ex hebræa lingua in græcam verterunt, numerari possunt; latini avtem interpretes nullo modo; ut enim cuivis primis fidei temporibus in manus venit codex græcus, et aliquantulum facultatis sibi utriusque linguæ habere videbatur, avsus est interpretari». Смотр. Ernest. institut. interpret. N. T. p. 2. c. 4. 11. ed. 4.

³⁾ Этими именами часто его называетъ Иеронимъ въ своихъ твореніяхъ.

⁴⁾ Avgust. de doctr. Christ. l. 2. c. 15. «In ipsis avtem interpretationibus Itala cæteris praeferatur; nam est verborum tenacior cum perspicuitate sententiae». Здѣсь Августинъ называетъ италійскимъ тотъ самый, который Иеронимъ — общимъ, употребительнымъ, народнымъ (*vulgata*).

⁵⁾ Hieron. Præf. in Evang. «apud nos mixta omnia; si latinis exemplaribus fides habenda est, respondeant, quibus? Tot enim unt exemplaria, quot codices.

⁶⁾ Ibid.

даже замѣчанія, надписанныя читателями на поляхъ, неопытными переписчиками были вносимы въ текстъ, а въ кодексахъ латино-греческихъ текстъ латинскій нерѣдко былъ исправляемъ по греческому, весьма худо понимаемому ¹⁾. Ясно поэтому, что Иеронимъ оказалъ великую услугу, когда, уступая настоятельной нуждѣ, свѣрилъ темные и смѣшенные переводы латинскіе съ ихъ греческимъ подлинникомъ и очистилъ ихъ отъ всего, что привнесли туда неопытность и невѣжество. Въ исполненіе этой, возложенной на него, обязанности онъ имѣлъ желаніе держаться строгой разборчивости осторожнаго критика. Недовѣряясь первымъ попавшимся образцамъ греческимъ и особенно новѣйшимъ, изданнымъ Луціаномъ и Исихіемъ въ 4-мъ вѣкѣ ²⁾, въ которыхъ онъ находилъ неодинаковую степень точности и достоинства ³⁾, Иеронимъ обращался къ древнѣйшимъ, самымъ лучшимъ, по его сознанію, и только на нихъ основывалъ свои исправленія ⁴⁾, не слишкомъ уклоняясь, впрочемъ, въ тоже время, и отъ употребительнѣйшаго латинскаго чтенія, чтобы избѣжать неудовольствія со стороны народа, привычнаго къ этому послѣднему.

Какъ ни полезенъ былъ этотъ трудъ Иеронимовъ, онъ не избѣжалъ однакоже упрековъ со стороны неблагомыслящихъ и вскорѣ встрѣтилъ противниковъ. Эти противники не указывали въ исправленіи обыкновенные недостатки, которые неизбѣжны въ такомъ большомъ трудѣ одного человѣка, а хотѣли видѣть въ немъ презрѣніе къ авторитету переводовъ древнихъ,

¹⁾ Ibid. Michaëlis Einleit. in die Göttl. Schrift. des N. B. T. 1. § 77.

²⁾ Præf. in Evang. Hieron.—Semleri p. 30. Millius Proleg. ad N. T. p. 69. n. 728.

³⁾ Hieron. Præf. in Evangel.

⁴⁾ Hieron. Comm. in Matth. 24, 36. Semler. p. 33. Millius 1. c. n. 727.

Вѣроятно онъ свѣрялъ переводы латинскіе по тексту, находившемуся и въ спискѣ (Гекзамлахъ) Оригена. (Ibid.).

утвержденныхъ будто всеобщимъ употребленіемъ вѣрующихъ, и—исправленіе словъ Самаго Иисуса Христа. «Противъ этого рода зависти два обстоятельства утѣшаютъ меня, писалъ онъ къ папѣ Дамасу, во первыхъ, что такой трудъ поручилъ мнѣ ты, какъ епископъ, во вторыхъ, что, по признанію самихъ противниковъ, отличающееся (отъ подлинника) не важно» ¹⁾. Это письмо къ Дамасу говоритъ только о четырехъ евангелистахъ; но вѣроятно Иеронимъ въ скорости окончилъ послѣ и остальные книги Новаго Завѣта ²⁾, по крайней мѣрѣ всѣ посланія апостола Павла, изъ которыхъ онъ приводитъ много исправленныхъ имъ мѣстъ ³⁾. Этотъ исправленный Иеронимомъ переводъ Новаго Завѣта, поврежденный потомъ опять во многомъ и большею частию смѣшанный съ древнимъ, народнымъ (*vulgata*), подъ конецъ 8 вѣка удержалъ общественный авторитетъ.

2) Латинскій переводъ Ветхаго Завѣта, явившійся вѣроятно въ концѣ перваго вѣка ⁴⁾ и бывший въ общемъ употребленіи у римлянъ во времена Иеронима, тоже имѣлъ столько разнообразныхъ списковъ, что едва могъ быть тернимъ; нельзя было ни заимствовать изъ него что либо, ни сослаться на него въ подтвержденіе какой нибудь мысли, и потому представлялась крайняя нужда и для него въ исправленіи. По предложенію Дамаса Иеронимъ рѣшился и на этотъ трудъ и

¹⁾ Praef. ad Evang.

²⁾ Epist. ad Augustinum. Et, si me, ut dicis, in Novi Testamenti emendatione suscipias et caet.

³⁾ Такъ наприм. въ посланіи къ Римлянамъ 12, 12 вмѣсто: spe gaudentes, Domino servientes (духомъ горяще, Господеви работающе), читали: spe gaudentes, temporari servientes. Ошибка произошла отъ того, замѣчаетъ Иеронимъ, что переписчики смѣшали два слова, которыя весьма мало отличаются для глаза и написалъ χαροῦν вмѣсто κυριου. Онъ представляетъ еще нѣсколько подобныхъ мѣстъ въ письмѣ къ Павлу.

⁴⁾ Eichhorn. in V. T. Th. I. § 322.

въ видѣ опыта началъ съ латинскаго перевода псалтири, которую и сталъ сравнивать съ текстомъ LXX. Онъ дѣлалъ это сличеніе съ нѣкоторою поспѣшностію ¹⁾, не смотря на то, псалтирь *римская* (такъ названа исправленная имъ) вошла въ церковное употребленіе, хотя и не вездѣ съ равнымъ уснѣхомъ ²⁾. Впослѣдствіи, когда равнодушіе, а по мѣстамъ и неудовольствіе народа, привыкшаго къ старому чтенію, допустили вскорѣ вкратъся опять многимъ погрѣшностямъ ³⁾, исправленнымъ Иеронимомъ, Иеронимъ по просьбѣ Павлы и Евстохій, уже въ Палестинѣ, приложилъ особенное стараніе ⁴⁾ къ изданію вновь исправленной псалтири, которая такъ же принята была многими церквами, преимущественно *галликанскими*, именемъ которыхъ она и называется. Наконецъ еще позже, по просьбѣ Софронія, имѣвшаго частые споры съ іудеями, Иеронимъ перевелъ псалтирь съ еврейскаго, которую самъ онъ представлялъ образцемъ точности и вѣрности ⁵⁾. Такимъ образомъ въ Римѣ Иеронимъ положилъ начало тѣмъ неимовѣрнымъ

¹⁾ Praef. in libr. Psalm. secundum LXX.

²⁾ Martian. Proleg. ad Bibl. div. Hieronimi.

³⁾ Quod quia rursus videtis scriptorum vitio depravatum, plusque antiquum errorem, quam novam emendatione valere. Epist. ad Pavl.

⁴⁾ Въ этомъ изданіи онъ означалъ чертою (—) и двумя точками (:) то, о чемъ болѣе сказано въ LXX, чѣмъ въ еврейскомъ, и ставилъ между звѣздочкою (*) и двумя точками (:) то, что было прибавлено съ еврейскаго. Объ этомъ то изданіи онъ писалъ къ Софронію: Quorum (LXX) translationem diligentissime emendatam olim meae linguae hominibus dedi. Смотр. S. Bibl. de Vence t. X. p. 67.

⁵⁾ Впрочемъ Иеронимъ касательно употребленія псалтири допускалъ такое правило. Иное дѣло то, что нужно пѣть въ церкви изъ уваженія къ древности, иное то, что должно знать для совершеннаго пониманія св. Писанія: Sic omnino psallendum, ut fit in Ecclesia, et tamen sciendum, quid hebraica veritas habeat: atque aliud est propter vetustatem in Ecclesia decantandum, aliud sciendum propter eruditionem Scripturarum.

трусамъ, которые продолжалъ потомъ въ Впелеемѣ цѣлые десятки лѣтъ.

Между тѣмъ Дамасъ, не столько ученый, сколько любившій ученость, въ часы свободные отъ дѣлъ управленія любилъ заниматься чтеніемъ священнаго Писанія или толкованій отеческихъ, и, если встрѣчалъ при этомъ для себя какія нибудь недоразумѣнія, всегда требовалъ отъ Іеронима изъясненія, предлагая ему съ своей стороны различные вопросы. По такому поводу написаны были Іеронимомъ объясненія на слово *осанна*, на притчу *о блудномъ сынѣ* ¹⁾ и рѣшено много вопросовъ, на которые иногда отвѣчалъ самъ Іеронимъ, иногда же ограничивался только указаніемъ мѣста въ отеческихъ твореній или нѣлаго творенія, гдѣ бы папа могъ найти себѣ удовлетворительный отвѣтъ.

Въ минуты досуга Іеронимъ предавался большею частію чтенію, называя его нищею своего духа; но папа не одобрялъ въ немъ этаго, или желалъ, чтобы «чтеніе его приносило чаще плоды», то есть книги. Папа такъ цѣнилъ ученость Іеронима, что, съ жадностію перечитывая и даже списывая всѣ его творенія, писанныя имъ въ различныхъ мѣстахъ, постоянно осведомлялся, нѣтъ ли какого новаго произведенія, вышедшаго изъ рукъ Іеронима. А при такомъ поощреніи ничего не казалось труднымъ для неутомимо-ревнивой предприимчивости Іеронима.

Среди полезныхъ занятій въ угожденіе папѣ, появленіе новой ереси вызвало Іеронима на поприще полемической письменности, которою онъ доселѣ еще не занимался. До 4 вѣка никто не возражалъ противъ хвалебныхъ пѣсней въ честь Богородицы, какъ Присподѣвы. Но въ это время явилась ересь (антидикомаріанитовъ), отвергавшая присподѣвство Богома-

¹⁾ То и другое сочиненіе имѣютъ форму письма къ папѣ; второе носитъ такое заглавіе: *Ad Damasum de duobus filiis frugi et luxurioso.*

терп; она, явившись прежде на востокъ ¹⁾, а потомъ, въ бытность Иеронима въ Римѣ, перешла на западъ и начинала смущать благоговѣйное чувство христіанъ къ величію Богородицы. *Гельвидій*, ученикъ аріанскаго епископа въ Медиоланѣ, Авксентія, человекъ, какъ описываетъ его Иеронимъ, грубый и едва знакомый съ первыми начатками образованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ безпокойнаго и возмутительнаго нрава, явился въ Римѣ проповѣдникомъ этой ереси. Словамъ еретика мало вѣрили; поэтому онъ взялся за перо, чтобы распространять лжеученіе писаніемъ. На основаніи нѣкоторыхъ, толкуемыхъ имъ по своему, мѣстъ св. Писанія (Мат. 1, 18, 24. 25; XVI, 55.—Мар. VI, 3.—Лук. II), онъ составилъ безъ связи и порядка цѣлую книгу, чуждую по мѣстамъ смысла и правильнаго языка. Въ этой книгѣ Гельвидій доказывалъ, будто св. Дѣва, по рожденіи Спасителя, имѣла отъ Іосифа дѣтей, упоминаемыхъ въ св. Писаніи подъ именемъ братьевъ Іисуса Христа,—будто вообще дѣвство ниже брака и проч. Долго Иеронимъ не рѣшался опровергать еретика, не рѣшался не изъ признанія трудности опровергать его и не отъ недостатка ревности по вѣрѣ, а изъ опасенія, какъ бы своимъ обличеніемъ не придать важности богохульной ереси, а равно и не ожесточить еретика, готоваго въ своемъ упорствѣ итти къ дальнѣйшимъ глупостямъ и защищать новыя заблужденія. Но просьбы друзей расположили его начать борьбу и онъ написалъ въ опроверженіе Гельвидія цѣлую книгу или *трактатъ о приснодѣвствѣ Маріи* (*Adversus Helvidium de virginitate Mariæ perpetua*) и въ защиту вселенскаго ученія церкви. Сочиненіе это исполнено основательныхъ и вѣрныхъ сужденій и доказательствъ, правильнаго и яснаго толкованія тѣхъ свидѣтельствъ изъ св. Пи-

¹⁾ Она появилась первоначально въ Аравіи, но сильное и убѣдительное посланіе къ вѣрующимъ св. Елифанія Кипрскаго разсѣяло соблазнительныя толки тамъ легковѣрныхъ. *Ephraim. Næges. LXXVII. Lib. III cap. 6, 7.*

санія и ученія церкви, на которыхъ опирался Гельвидій. За то по мѣстамъ сочиненіе отзывается еще приѣмами риторики. Кажется, Іеронимъ не зналъ еще, что большая часть этихъ доказательствъ была раскрыта уже св. Епифаніемъ Кипрскимъ, не за долго предъ тѣмъ опровергавшимъ ту же ересь антикомаріанитовъ ¹⁾. Указывая общій источникъ ересей въ порочной жизни, Іеронимъ въ этомъ сочиненіи весьма рѣзко возстаётъ противъ различныхъ злоупотребленій и развращенія нравовъ современнаго общества. Это было въ 383 году.

Обличительную письменность свою Іеронимъ спустя не много (384 г.) поддержалъ опроверженіемъ остатковъ древнихъ ересей—Новаціанъ и Монганистовъ, все еще проявлявшихся въ Римѣ и во время пребыванія тамъ Іеронима. Суровое ученіе первыхъ относительно падшихъ во время гоненій и богохульное заблужденіе послѣднихъ, оскорблявшее божественное поклоненіе Духу Святому, вызвали противъ себя благочестивую ревность Іеронима. *Въ двухъ письмахъ къ Маркеллу* которая просила у него защиты отъ еретиковъ, покушавшихся увлечь ее въ свою секту, онъ раскрылъ и обличилъ ихъ ложные толки, имѣя въ виду научить въ тоже время и Маркеллу истинному пониманію тѣхъ основаній въ словѣ Божіемъ, на которыхъ утверждались заблуждающіе, понимая ихъ въ превратномъ смыслѣ. Здѣсь проведена прекрасная параллель между ученіемъ православнымъ и еретическимъ, въ которой весьма ясно представляется достоинство перваго и фальшивая сторона и несостоятельность послѣдняго.

При такой ученой и оживленной дѣятельности Іеронима въ Римѣ, онъ, и среди развлеченій столицы и шума город-

¹⁾ Смотри S. Eriphan. Haeres. Lib. III. cap. 6, 7. Помѣстивъ этаго славнаго святителя въ своемъ каталогѣ (cap. CXIV), Іеронимъ ничего не упоминаетъ о твореніяхъ его противъ этихъ еретиковъ, писанныхъ около 377 г., слѣдовательно еще за долго до составленія каталога.

скаго, оставался тѣмъ же подвижникомъ, какимъ былъ въ пустынѣ халцидской. При непрестанныхъ занятіяхъ, въ немъ живы были та же потребность удаленія отъ всего мірскаго и суетнаго, та же любовь, готовая служить всякому, кто только имѣлъ случай оказать ему малѣйшее расположеніе или заявить свою нравственную нужду. Поэтому съ строгостію жизни подвижника соразмѣрялись въ немъ и отношенія благочестиваго христіанина, живущаго въ мірѣ, среди людей, — отношенія, чуждыя всякихъ виѣшнихъ суетныхъ побужденій, вытекавшія изъ одной любви къ Богу и къ ближнимъ. Кромѣ папы Дамаса, питавшаго особую любовь и уваженіе къ нему за его блестящія способности и обширныя познанія почти во всѣхъ отрасляхъ христіанскаго знанія, цѣлое общество благочестивыхъ женъ и дѣвъ, знаменитыхъ родомъ и богатствомъ, окружило Іеронима въ Римѣ, съ цѣлію получать отъ него наставленія въ св. Писаніи и во всемъ, касающемся вѣры и благочестія. Какъ ни велика въ немъ была любовь къ уединенію и тишинѣ, какъ ни уклонялся онъ отъ этихъ требованій, но онъ и не могъ и находить несправедливымъ отказаться отъ нравственнаго сношенія съ людьми, для которыхъ въ высшей степени плодотворны и спасительны были эти сношенія. Іеронимъ рѣшился удовлетворять духовнымъ нуждамъ благочестивыхъ подвижницъ, и вскорѣ въ лицѣ ихъ увидѣлъ представительницъ того высокаго цѣломудрія и дѣвства, которыхъ самъ былъ ревностнымъ и всегдашнимъ проповѣдникомъ.

Руководя преданныхъ себѣ женъ и дѣвъ ¹⁾ къ высшему

¹⁾ Общество женъ, искавшихъ руководства и пользовавшихся уроками Іеронима, составляли: блаж. Павла, Маркелла, Евстохія, Влезилла, Леа, Авелла, Альбина, Маркеллина, Фелицита, Припцинія, Фелиціана Софронія и другія, рѣже упоминаемыя въ его сочиненіяхъ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: Павла, Маркелла и Евстохія, столь извѣстныя въ послѣдующей исторіи Іеронима. Блаж. Павла занимаетъ первое мѣсто какъ по своему роду и высокому положенію

духовному совершенству, Иеронимъ имѣлъ въ виду одно дѣло Божіе и исполнялъ его съ неимовѣрною любовію. То изъ желанія удовлетворить благочестивой любознательности одной, не рѣдко толкуеть какое нибудь трудное мѣсто Писанія, то въ отвращеніе опасности оболъщенія со стороны еретиковъ, ни-

въ обществѣ, такъ еще болѣе по высокимъ добродѣтелямъ. Вступивъ въ бракъ съ Токсоціемъ, потомкомъ Энея и Юлія, отъ котораго имѣла п шестерыхъ дѣтей—Блезиллу, Павлину, Юлію, Евстохію, Руфину и Токсоцію — она вскорѣ потеряла свое счастье съ смертію своего супруга; восторжествовавъ надъ своею скорбію, благодушно преклонила подъ десницу божественную, столь болѣзненно ее поразившую. Отказавшись отъ свѣта и заключившись въ монастырь, Павла раздала богатство свое на бѣдныхъ, любила ухаживать за больными, погребала на свой счетъ умершихъ въ нищетѣ и считала для себя великою потерю, если какой несчастный получалъ помощь изъ другихъ рукъ, а не отъ нея. Выѣхавъ съ тѣмъ для всѣхъ знаменитыхъ женъ римскихъ она была образцемъ нравственной чистоты и цѣломудрія; ея поведеніе было таково, что и злорѣчіе не смѣло касаться ея добраго имени. Забывши всѣ связи родственныя, отеческій домъ, дѣтей, родныхъ, она, какъ увидимъ послѣ, удалилась на востокъ и тамъ провела остатокъ дней своихъ. Иеронимъ, какъ другъ и наставникъ блаж. Павлы, былъ руководителемъ и дочерей ея. Евстохія сначала вела жизнь свѣтскую, но потомъ, подъ руководствомъ благоч. Маркеллы стала отрекаться мало по малу отъ мірскихъ удовольствій и желать труднаго подвига дѣвства. Иеронимъ своими наставленіями укрѣпилъ ее въ этомъ подвигѣ. Къ ней то онъ писалъ убѣдительное письмо о дѣвствѣ. Маркелла—знаменитая вдова римская. Св. Афанасій, въ бытность свою въ Римѣ, возбудилъ въ ней желаніе оставить все и избрать жизнь иноческую. При наставленіи Иеронима и собственно прилежномъ чтеніи слова Божія она такъ усѣла въ пониманіи его, что, по удаленіи Иеронима, при возмншемъ какомъ либо недоумѣніи относительно трудныхъ мѣстъ Писанія, часто приходили въ Маркеллѣ и отъ нея требовали разрѣшенія. Просьба и любознательность ея побудили Иеронима написать и посвятить ей многія сочиненія, касающіяся преимущественно свѣщ. Писанія. «Всякій разъ, какъ я принимаюсь за божественное чтеніе, говорилъ послѣ Иеронимъ, не могу не укорить себя въ томъ, что я, живя въ монастырѣ и имѣя всегда предъ глазами ясли Госиода, не дѣлаю того, что сдѣлала бы эта жена» (Маркелла. См. Comm. in Ephes. p. 219). Она управляла обителью инокинь, проводила ночи въ молитвѣ, вела жизнь строгую, научала своихъ подчиненныхъ и словомъ и примѣромъ. Эта добродѣтельная мать имѣла достойную дочь *Азеллу*, 50 лѣтъ прожившую въ непрестанныхъ подвигахъ поста, молитвы, псалмопѣвн и тѣлесныхъ трудахъ.

пять для другой цѣлыя книги, разоблачая топчайшія хитрости оболъстителей. Тамъ строгость подвижнической жизни юной дѣвы, высокое самоотверженіе и добровольная нищета привлекають вниманіе Іеронима и онъ, благодаря мать за достойную дочь, въ примѣръ и назиданіе для юныхъ дѣвъ, восхваляетъ высоту ея дѣвства, яркими чертами изображаетъ красоту добродѣтелей и будущую награду за нихъ. По такимъ и подобнымъ разнообразнымъ нравственнымъ побужденіямъ написано Іеронимомъ, во время пребыванія въ Римѣ, къ одной Маркеллѣ 16 писемъ ¹⁾. Здѣсь безутѣшная мать скорбитъ о смерти любимой дочери, борется между естественнымъ чувствомъ безутѣшной скорби и сознаниемъ его недостойнства для христіанскаго упованія:—Іеронимъ пишетъ къ ней письмо, собираетъ въ немъ всѣ мѣста Писанія, гдѣ только говорится о безутѣшной скорби и сокрушеніи, прибавляетъ къ нимъ свое сильное слово, представляетъ плачь ея соблазномъ для христіанъ и язычниковъ и камнемъ претѣновенія для возраждающагося благочестія ея другой дочери, требующей добраго примѣра. По такимъ побужденіямъ написано одно изъ *трехъ писемъ къ Павлу*—о смерти Блезиллы ²⁾. Вотъ женщина, среди обаяній роскоши и разсѣянности застигнутая болѣзнію, начинаетъ чувствовать милосердное посѣщеніе Божіе, тяготится воспоминаніемъ прошедшей жизни и представленіемъ будущаго суда. Іеронимъ спѣшитъ поддержать и утвердить въ ней добрыя расположенія сердца: при одрѣ болѣзни онъ читаетъ ей книгу Екклесіаста, показываетъ все ничтожество благъ земныхъ и исторгаетъ въ ней горькія слезы раскаянія. Больная умираетъ и при смерти проситъ опечаленныхъ родственниковъ только объ одномъ: «да умоляютъ они Господа простить ее въ томъ,

¹⁾ Вмѣстѣ съ тѣми двумя, о которыхъ мы выше сказали.

²⁾ Такое же письмо есть и въ письмахъ къ Маркеллѣ,—письмо о смерти
Лен.

что она не могла сдѣлать всего, чего хотѣла». Это—Блезилла, вторая дочь Павлы ¹⁾. Вотъ другая, среди изнѣженности отъ удовольствій міра, но подъ руководствомъ умной наставницы, принимаетъ на себя трудный подвигъ дѣвства и уже начинаетъ спасительное дѣло отреченія отъ мірскихъ удовольствій. Это—Евстохія, третья дочь Павлы. Мудрыя наставленія Иеронима довершаютъ ея рѣшимость: онъ пишетъ къ ней письмо, или лучше, цѣлый трактатъ о дѣвствѣ, гдѣ, ублажая ея высокую рѣшимость, предлагаетъ высокія правила для духовнаго совершенства, основанныя на словѣ Божіемъ и ученіи церкви. Въ то же время, желая подавить въ ней всякое чувство къ прежнимъ удовольствіямъ, Иеронимъ съ жаромъ, силою и увлекательностію слова, возстаетъ въ томъ же письмѣ противъ соблазновъ и обольщеній жизни мірской, сопровождая свое слово по мѣстамъ рѣзкимъ и обличительнымъ приложеніемъ къ образу жизни современныхъ римлянъ. То какой нибудь матери предлагаетъ совѣтъ воспитанія дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія, то самъ является огласителемъ, преподающимъ первыя начатки христіанскаго знанія питомцамъ, которыхъ старается увлечь отъ общества язычниковъ; то является руководителемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни. Все это было обычнымъ дѣломъ Иеронима, дѣломъ удивительнымъ, которое онъ совершалъ всегда съ блестящимъ успѣхомъ. Таковы были отношенія Иеронима въ кругу женъ и дѣвъ римскихъ. Онъ раскрывалъ предъ ними новый, малоизвѣстный до того времени въ Римѣ, путь ²⁾, по которому они должны были идти къ Господу, въ краткіе дни земнаго странствованія своего. Не однѣ только жены и дѣвы, но и многіе мужчины

¹⁾ Иеронимъ началъ было по просьбѣ большой Блезиллы писать и толкованіе на книгу Екклесіаста; но смерть большой заставила его отложить этотъ трудъ на дальнѣйшее время. Смотр. Предисловіе на кн. Екклесіаста.

²⁾ Жизнь монашескую.

искали у Иеронима того же, чѣмъ пользовались эти жены. Кромѣ самаго папы Дамаса, были и другіе благочестивые ревнители религіознаго просвѣщенія и христіанскаго назиданія, которые пользовались христіанскими уроками и совѣтами Иеронима: Таковы—Паммахій, Марцеллинъ, Домніопъ, Рogaціанъ, Океанъ, которыхъ Иеронимъ, по ихъ благочестію и борьбѣ съ соблазнами развращеннаго общества римскаго, сравнивалъ съ вавилонскими отроками въ пещи. Мы увидимъ послѣ переписку Иеронима съ нѣкоторыми изъ этихъ ревнителей благочестія.

Папа скучалъ и жалѣлъ, когда долго не видалъ новыхъ сочиненій изъ подъ пера Иеронима. Поэтому онъ продолжалъ то посылать къ нему свои вопросы и недоумѣнія, желая имѣть отъ него письменное разрѣшеніе ихъ, то прямо поручалъ ему сдѣлать то или другое въ ученomъ отношеніи. По этимъ побужденіямъ написанъ Иеронимомъ *отвѣтъ* Дамасу на пять вопросовъ. Вопросы папы касались наказанія Каина, времени выхода израильтянъ изъ Египта, благословенія Іакова Исаакомъ, названія нѣкоторыхъ животныхъ у Моисея нечистыми и цѣли ветхозавѣтнаго обрѣзанія. Иеронимъ отвѣчалъ только на три первыхъ вопроса, а о двухъ послѣднихъ замѣтилъ, что хорошія объясненія на нихъ можно читать у Тертуліана и Оригена ¹⁾. По предложенію папы *переведены* Иеронимомъ на латинскій языкъ *двѣ бесѣды Оригена на Пѣснь Пѣсней*. Переводчикъ замѣтно и самъ увлеченъ былъ бесѣдами Оригена; въ предисловіи къ переводу онъ такъ отзывается объ этомъ мужѣ: «Оригенъ превосходитъ другихъ толкователей, но въ изъясненіи Пѣсни Пѣсней онъ превзошелъ самаго себя; онъ такъ пре-

¹⁾ Когда Иеронимъ диктовалъ писцу отвѣты на вопросы папы, къ нему пришелъ еврей и принесъ еврейскій кодексъ св. книгъ, котораго давно добивался Иеронимъ. Это обстоятельство отчасти и было причиною того, почему Иеронимъ отвѣтилъ на три, а не на всѣ пять вопросовъ папы.

красно изъясняетъ образы и аллегоріи этой книги, что объ немъ справедливо можно сказать тоже, что говоритъ о себѣ невѣста: *везде мя царь въ ложницу свою*. По предложенію папы Іеронимъ началъ и переводъ книги Дидима о Святомъ Духѣ. Но переводъ былъ еще не конченъ, какъ умеръ папа; обстоятельства Іеронима послѣ того совершенно измѣнились и онъ окончилъ начатый трудъ послѣ, уже въ Вилеємѣ. Много и еще сочиненій, которыя были частію задуманы и обдуманы, частію очерчены въ планѣ и начаты Іеронимомъ въ Римѣ, во время этаго трехлѣтняго пребыванія его тамъ, а окончены и вышли въ свѣтъ послѣ, въ Вилеємѣ. Сюда относятся: *изъясненіе Псалмовъ*, которыхъ только часть объяснена теперь въ письмахъ къ Маркеллѣ, *сравненіе перевода Акимы съ кодексомъ еврейскимъ*, который доставилъ ему упомянутый нами еврей, сочиненіе *противъ скупости*, *объ образѣ жизни египетскихъ пустынниковъ* и *разговоръ* о томъ, считать ли двоеженцемъ того, кто вступилъ во второй бракъ христіаниномъ, похоронивши первую жену, будучи еще язычникомъ, и можно ли допускать такого къ степенямъ священства?

11 декабря 384 года умеръ Дамась, преданный почитатель и высокій покровитель Іеронима. На кафедрѣ римскую избранъ былъ Сирицій, человѣкъ добрый и броткій, но не расположенный ни цѣнить, ни покровительствовать Іерониму, подобно своему предмѣстнику: не беремъ опредѣлять подлинный смыслъ фразы; но Іеронимъ выразился о новомъ папѣ: «этотъ человѣкъ по своему уму судилъ о другихъ» ¹⁾. Вскорѣ по своемъ рукоположеніи Сирицій издалъ постановленіе, которымъ двоеженцы извергались изъ клира и въ томъ числѣ такіе двоеженцы, у которыхъ первая жена умерла еще тогда, когда они были въ язычествѣ. Это постановленіе противно было мнѣнію

¹⁾ De suo ingenio caeteros aestimabat. Lib. III. contr. Ruff.

Иеронима, который не за долго предъ тѣмъ открыто доказывалъ противное мнѣніе. Тогда открылось, что Иеронимъ, этотъ ученый и высокой нравственности человѣкъ, этотъ самоотверженный труженикъ на пользу общую и пламенный ревнитель блага ближнихъ, — Иеронимъ нажилъ себѣ въ Римѣ больше враговъ и недоброжелателей, чѣмъ друзей и почитателей. По смерти Дамаса, подѣ конецъ трехлѣтняго пребыванія своего въ Римѣ, Иеронимъ сдѣлался предметомъ всеобщаго недовольства, гнѣва, жалобъ и преслѣдованій. Неустрашимое дерзновеніе, съ какимъ часто говорилъ онъ о жадности и корыстолюбіи, изнѣженности и грубыхъ порокахъ современнаго Рима, рѣзко-обличительная рѣчь противъ худыхъ монаховъ, небрежныхъ пресвитеровъ и клириговъ, безчестныхъ дѣвъ, нескромныхъ вдовицъ, неправедныхъ богачей, возбудили противъ него множество личныхъ враговъ. Кажется, письмо Иеронима къ Евстохію, проникнутое рѣзкимъ обличеніемъ всѣхъ пороковъ современнаго Рима, было самою главною причиною всеобщей и ожесточенной ненависти противъ писателя. Руфинъ, который послѣ явился только отголоскомъ обвиненій и укоризнъ, взводимыхъ на Иеронима, утверждалъ (можетъ быть въ жару спора и преувеличивая дѣло), что язычники, богоотступники и всѣ тогдашніе ненавистники имени христіанскаго, наперерывъ переписывали это письмо Иеронима, потому что оно описывало самыми постыдными образами все общество римскихъ христіанъ, — всякое сословіе, всякое званіе, всю тогдашнюю церковь, — что пороки, въ которыхъ обыкновенно старались уличать христіанъ язычники и на которые можно было смотрѣть еще какъ на клевету, онъ представлялъ въ своемъ письмѣ не только справедливыми, но даже въ большихъ размѣрахъ и худшемъ видѣ, чѣмъ представляли ихъ враги христіанства ¹⁾. Но пока жилъ его покровитель,

¹⁾ Ruf invest Lib II.

Дамасъ, всё молчали, никто не дерзалъ подрывать его расположенности къ Иерониму; за то со смертію этого папы злоба и ненависть, зависть и клевета возстали на него со всею силою, чтобы очернить въ глазахъ всѣхъ доброе о немъ мнѣніе. Это было тѣмъ удобнѣе, что самъ Сирицій, какъ мы уже замѣтили, не считалъ къ нему расположенности и довѣрія. Со всѣхъ сторонъ на него посыпались клеветы, ругательства, оскорбленія ¹⁾. Враги порицали въ немъ походку, взглядъ, улыбку, самую простоту въ одеждѣ и образъ жизни; мало того, они вздумали заподозрить самыя чистыя, истинно христіанскія, отношенія его къ благочестивымъ женамъ и дѣвамъ. Ни высота добродѣтелей послѣднихъ, сознаваемая всѣми, ни всегдашняя предосторожность Иеронима, (по которой онъ не позволялъ себѣ войти ни въ какой домъ, если только онъ не былъ во всеобщемъ уваженіи и добромъ мнѣніи другихъ), не въ силахъ были заградить злорѣчивыя уста клеветниковъ, искавшихъ его гибели. «О зависть, снѣдающая прежде всего саму себя, о коварство сатанинское, всегда преслѣдующее дѣла святыхъ», — писалъ онъ въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. «Никакой другой городъ не составилъ бы такой басни ²⁾ о Павлѣ и Меланіи, которыя презрѣли свои богатства, оставили своихъ дѣтей и возвысили крестъ Господень, какъ бы нѣкоторое знамя благочестія! Еслибы онѣ посѣщали публичныя бани, употребляли благовонія, еслибы дѣлали богатство и вдовство предметомъ роскоши и разгула, онѣ слыли бы у нихъ добрыми. Еслибы язычники, еслибы іудеи порицали ихъ жизнь, онѣ имѣли бы утѣшеніе не жаловаться на тѣхъ, которые не съ Христомъ. Но, стыдъ, это христіане, которые не обращая

¹⁾ Ego probrosus, ego versipellis et lubricus, ego mendax et arte satanae decipiens. Licet me sceleratum quidem putent et omnibus flagitiis obrutum. Epist. ad Asellam.

²⁾ Клеветали на ихъ отношенія къ Иерониму.

вниманія на свое поведеніе, не замѣчая брѣвна въ своемъ глазѣ, ищутъ сучка въ глазѣ другаго! Они возстаютъ противъ добрыхъ предпріятій (*propositum*) ¹⁾ и, какъ лекарства для своей болѣзни, желали бы, чтобы никто не былъ святымъ, чтобы всѣ были грѣшны,—всѣ погибали» ²⁾!

Оскорбленный до глубины души, Іеронимъ началъ съ жаромъ защищать правоту своего дѣла. Тутъ Іеронимъ опять, какъ и въ пустынѣ халцидской при спорахъ съ иноками обшностасяхъ, не выдержалъ себя: опять сказалась тутъ вся кипучая натура его, въ которой и подвиги пустынные не охладили еще жара раздраженія. Опъ вышелъ изъ себя и, въ порывѣ негодованія, поражалъ противниковъ своихъ тономъ язвительной полемики и языкомъ рѣзкимъ до оскорбленія ³⁾; началъ

¹⁾ Этимъ словомъ Іеронимъ называетъ желаніе жизни иноческой.

²⁾ *Epist. ad Asellam.*

³⁾ Это особенно можно видѣть изъ одного Іеронимова письма этого времени къ Маркеллѣ объ Оназѣ, одномъ изъ главныхъ враговъ Іеронима, принимавшемъ обличіе его на свой счетъ. Вотъ извлеченіе изъ этого письма: «Врачи, называемые хирургами, почитаются жестокими и—несчастные они! (Кажется, говорится это въ тонѣ ироническомъ). Не несчастіе ли не чувствовать боли отъ ранъ другаго, безъ милости рѣзать омертвѣлыя части, производить безъ содроганія операнцію, которая приводитъ въ ужасъ страждущаго, и за это носить имя врага?.... Такова природа человѣческая,—ей горька истина, одни пороки кажутся ей пріятными..... Не удивительно же и то, что мы, возстая противъ порока, оскорбляемъ людей... Я намѣренъ отсѣкать вараченные и страждущіе зловоніемъ носы,—такъ пусть и бьется тотъ, у кого зараженъ этимъ носъ. Я возстаю противъ пустаго каркала въ воронѣ,—такъ пусть и смекнетъ ворона, что она пустая болтуня. Какъ будто только и есть одинъ человѣкъ во всемъ Римѣ съ носомъ, испорченнымъ рапами разврата? Какъ будто одинъ Оназъ Сегестанъ, раздвинувъ щеки бросаетъ изъ нихъ слова напыщенные и пустыя, какъ пузырь?—Я говорю, что злодѣйствомъ, клятвенпреступленіемъ, ложью, пѣкоторыя лица купили себѣ достоинство, не вѣсть какое. Что нужды въ томъ тебѣ, который чувствуешь себя невпущимъ?—Я осмѣваю адвоката, который самъ имѣетъ нужду въ защитникѣ, смѣюсь надъ красорѣчіемъ, которое стоитъ два гроша,—какая нужда въ томъ тебѣ, который такъ краснорѣчивъ?—Я возстаю противъ пресвитеровъ-взяточниковъ;—тебѣ, богачу, за чѣмъ озлобляться? Миѣ угодно смѣяться надъ масками, ночными совами, нильскими чудовищами; такъ все, чтобы я ни сказалъ при этомъ, ты думаешь, что это—противъ тебя?—Не кажется ли тебѣ, что ты хорошь потому, что носишь счастливое имя? (*Opasus* отъ *ὄψαω*, помогать, пользу приносить). Но дадутъ и роцѣ названія свѣтлой (*lucis*), хотя она отиудъ не свѣтитъ; саду—имя парка (*parcae*), хотя онъ ничего не щадитъ; фуриямъ—Евменидъ, не смотря на то, что онѣ нисколько не благосклонны; и въ народѣ зовутъ воіоповъ серебряными. Если ты сердиться, когда описываютъ предметы скверные, такъ я восною тебѣ съ Церсіемъ:

Пусть царь и царица въ зятя тебя ищутъ,

Пусть юныя дѣвы тебя завлекаютъ,

Пусть все, что ты топчешь, становится розой. (Сатира 2).

возставать вообще на всё народныя приличія и отношенія, на все, что до того времени ни въ какомъ пастырѣ не встрѣчало еще обличительнаго слова,—и возставалъ съ такою ожесточенною рѣчью, что впослѣдствіи самъ сознавалъ ея неумѣренность ¹⁾. Но голосъ личныхъ враговъ Іеронима не умолкалъ отъ этаго; напротивъ вражда еще болѣе разгоралась и грозила новою местию. Іеронимъ рѣшился уступить враждѣ и—мысль о пустынномъ уединеніи, о св. землѣ, о востокѣ, такъ нѣкогда увлекавшая его сердце, опять воскресила въ немъ непреодолимое желаніе удалиться въ пустыню, и жизнь въ пустынѣ снова рисовалась его воображеніемъ въ прекрасной картинѣ. Римъ, со всѣмъ своимъ величіемъ уже не казался ему тѣмъ, чѣмъ прежде; въ глазахъ его онъ былъ уже теперь Вавилономъ ²⁾, жители его—язычниками, самая церковь—попираемою идолослуженіемъ ³⁾. «Тамъ, (на востокѣ) писалъ онъ къ Маркеллѣ, грубый хлѣбъ, овощи, добытыя своими руками, полевые занятія, дадутъ мнѣ, правда, простую пищу, но за то невипную. При такой жизни, сонъ не отвлечетъ меня отъ молитвы, ни сытость отъ чтенія. Лѣтомъ, тѣнь какого нибудь дерева приготовляетъ пріятное убѣжище; осенью, умѣренный воздухъ и листья, лежація на землѣ, указываютъ мѣсто отдохновенія..... Пусть Римъ наполняется своимъ шумомъ, арены—

Однако я далъ бы тебѣ совѣтъ скрыть нѣчто, чтобы казаться еще лучшимъ. Еслибы не видно было носа въ твоемъ лицѣ и не слышенъ былъ звукъ твоего голоса, тогда-бы ты могъ казаться и пригожимъ и краспорѣчивымъ». Чтобы попятъ всю ѣдкость языка въ этомъ письмѣ, пужно представлять, кажется, что у Оназа были испорчены позорною болѣзнію и носъ и голосъ.

¹⁾ Такъ, одинъ галльскій инокъ, просилъ Іеронима (уже въ Визелемѣ) написать убѣдительное письмо къ его матери и сестрѣ, которыя невольными связями съ клириками приводили въ соблазнъ цѣлый городъ. Іеронимъ долго отказывался и считалъ это для себя дѣломъ стороннимъ. «Гдѣ же твоя древняя неустрашимость, съ которою ты, поражая острою рѣчью всю вселенную, явилъ себя Луціліемъ?» возразилъ инокъ. «Это то и удерживаетъ меня и не позволяетъ отрыватъ устъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ сталъ обличать пороки другихъ, я самъ сдѣлался порочнымъ, и съ того времени злоба людей научила меня молчанію». Praef. in epist. ad Matrem et Filiam.

²⁾ Praefat. ad libr. Didimi. Cum in Babylone versarer et purpuratae meretricis essem colonus. Rufin. Lib. III.

³⁾ Ibid. Gentiles in ea (Roma) populi et persecutores principes morabantur. Locus, qui fratris (Remi) genuit parricidiam (Romulum). Ora, ut de Babylone Hierosolymam regrediar. Ep. ad Asellam.

своими жестокостями, циркъ—своимъ безуміемъ, театръ—роскошнымъ великолѣпіемъ..... что до меня, благо миѣ прилѣчатся ко Господу и на Него возлагать свою надежду».

Въ августѣ 385 года, Иеронимъ на всегда простился съ Римомъ. Павлиніанъ, младшій братъ его, пресвитеръ Викентій и нѣсколько иноковъ рѣшились сопутствовать ему на востокъ. Множество приверженныхъ къ нему лицъ провожали его до самаго корабля. Готовый уже отплыть отъ берега, онъ съ стѣсненнымъ скорбію сердцемъ обливаясь слезами поспѣшно набросилъ прощальное письмо въ Азеллѣ ¹⁾, котораго каждая строка дышетъ тяжелымъ чувствомъ огорченной души. «Благодарю Бога моего, что я удостоился ненависти міра. Молись, чтобы миѣ возвратиться изъ Вавилона въ Іерусалимъ, да не господствуетъ надо мною Навуходоносоръ, а Іисусъ сынъ Іоседековъ, да придетъ Эздра, котораго имя значить помощникъ, и отведеть меня *въ отечество мое*. Неразумный я, что хотѣлъ пѣть пѣснь Господню на *земль чужой* и, оставивши гору Синай, искалъ спасенія въ Египтѣ». Итакъ Римъ, къ которому прежде Иеронимъ рвался съ востока всей душой, какъ къ центру православія, Римъ теперь для него—развращенный и языческій Вавилонъ, гдѣ нельзя пѣть и пѣсни Господней, какъ на землѣ чужой; а востокъ, Іерусалимъ, гдѣ прежде онъ видѣлъ все, кромѣ православія, теперь для Иеронима—отечество, свобода, спасеніе..... Мы не выводимъ отсюда ничего въ пользу церкви восточной; потому что изъ этаго частнаго и личнаго отзыва Иеронима ничего еще существеннаго не выходитъ объ историческомъ и догматическомъ значеніи той или другой церкви. Но выставлемъ это на видъ для того, чтобы показать, какъ Иерониму, въ минуты его раздраженія, не трудно было сказать какое либо преувеличеніе, на которомъ нельзя ничего основывать. Прежде у него Римъ представлялся центромъ православія и вселенскаго ученія церкви, а востокъ—страною религіозныхъ раздоровъ; теперь Римъ не имѣетъ ничего, а востокъ—все. Гдѣ же тутъ ученіе о непогрѣшимомъ плавенствѣ римскаго епископа?.....

На пути Иеронимъ заѣхалъ въ Кирръ; отсюда, повидавшись съ св. Епифаніемъ, онъ въ третій разъ отправился въ

¹⁾ Quam jam navem conscenderem. raptim flens dolensque conscripsi.

Аптіохію ¹⁾). Между тѣмъ блажен. Павла, ежеминутно помышлявшая оставить свое отечество и посѣтить пустыни Антоніевы и Павловы, вскорѣ по удаленіи Иеронима, простившись со всѣмъ дорогимъ и близкимъ сердцу, съ малолѣтними дѣтьми, которыми оставила одно богатое наслѣдіе—милосердіе Иисуса Христа, отправилась тоже на востокъ. Встрѣтившись въ Антиохіи съ Иеронимомъ, пользовавшимся особымъ ласковымъ пріемомъ еп. Павлина, они вмѣстѣ условились идти къ священной цѣли своего путешествія ²⁾). Знаменитый учитель подробно описываетъ исторію этого благочестиваго странствованія по Палестинѣ, касаясь впрочемъ только тѣхъ мѣстъ, о которыхъ говорится гдѣ нибудь въ священ. книгахъ ³⁾). Иеронимъ и Павла, кажется, были неразлучны во все время путешествія; они взяли съ собою въ руководители ученыхъ изъ іудеевъ ⁴⁾; потому что Иерониму для полнаго знанія свящ. Писанія хотѣлось не только видѣть своими глазами всю эту чудную страну, посѣтить остатки древнихъ городовъ, но и узнать на самыхъ мѣстахъ, какія **имена** сохранились и какія привнесены владычествомъ римлянъ. «Тѣ, которые посѣщали Аонны, говорилъ онъ, гораздо лучше понимаютъ исторію грековъ, и тѣ, которые шли изъ Троады чрезъ Левкацію и Акроцеравнійю до Сициліи, потомъ оттуда шли до устьевъ Тибра, — тѣ лучше знаютъ 3-ю книгу Эцены. Тоже нужно и для знанія св. Писанія» ⁵⁾). Съ смиреннымъ видомъ богомольца и съ испытующимъ вниманіемъ ученаго странствуя по святой землѣ, Иеронимъ вмѣстѣ съ блаженною Павлою достигли Иерусалима. Съ благоговѣйною мыслию обходивъ и здѣсь мѣста, освященные стопами Сына Божія, они удостоились наконецъ войти въ пещеру гроба и воскресенія Христова, вѣрными устами прикоснуться тому самому мѣсту, гдѣ лежало

¹⁾ *Adver. Ruff. Lib. III.* На пути изъ Рима въ Антиохію Иеронимъ, кажется, былъ и въ Аоннахъ, только неизвѣстно настоящей цѣли его путешествія туда; можетъ быть будущему дѣятелю на поприщѣ переводовъ св. Писанія нужно было еще лучше познакомиться съ языкомъ греческимъ на мѣстѣ, гдѣ процвѣтала его литература. Слѣдующее мѣсто его твореній даетъ полное право заключать о его тамъ пребываніи: *In arce Atheniensium juxta simulacrum Minervae vidi spheram aeneam gravissimi ponderis, quam ego pro imbecillitate corpusculi movere vix potui. Quum autem quaererem, quidnam sibi vellet, responsum est ab urbis ejus cultodibus, athletarum in illa massa fortitudinem comprobari, nec prius ad agonem quemquam descendere, quam ex levatione ponderis sciatur, quis cui debeat comparari.*—*In Comment. Zachar. Lib. 2. cap. 12.*

²⁾ Блаженной Павлы соуправлявала такъ же дочь ея Евстохія и нѣсколько дѣвъ.

³⁾ Смотри. Похв. слово бл. Павла.

⁴⁾ *Praefat. ad libr. Paralip.*

⁵⁾ *Praef. ad libr. Paralipom. juxta graec.*

тѣло Господа. «Сколько слезъ, сколько воздыханій, сколько горести излито было тамъ!.... свидѣтель тому Самъ Господь, внимавшій сему».

Совершивъ путешествіе по святой землѣ, Іеронимъ, не разлучный съ мыслию провести остатокъ дней своихъ въ какой нибудь уединенной обители среди духовныхъ подвиговъ и тѣлесныхъ трудовъ и въ то же время считавшій себя еще мало опытнымъ въ духовной жизни, предположилъ посѣтить египетскія пустыни, особенно Нитрійскую, гдѣ процвѣтала тогда иноческая жизнь въ лицѣ великихъ своихъ представителей. вмѣстѣ съ тою же спутницею, Павлою, онъ достигъ своего намѣренія: видѣлъ великихъ Магаріевъ, Серапіоновъ, Арсеніевъ и многихъ другихъ ¹⁾ и, поучившись у нихъ многимъ высокимъ подвижническимъ добродѣтелямъ, прибылъ въ Александрію ²⁾.

Здѣсь Іеронимъ въ послѣдній разъ является ученикомъ. Онъ прибылъ сюда видѣть и слушать уроки о свящ. Писаніи знаменитаго въ то время слѣпца Дидима. Путешествіе по Палестинѣ съ ученою цѣлію возбудило въ Іеронимѣ множество трудныхъ вопросовъ, касавшихся пониманія слова Божія ³⁾, которыхъ собственное рѣшеніе можетъ быть не удовлетворяло его безъ другаго высшаго авторитета; и вотъ онъ, послѣ сорокалѣтняго періода своей жизни съ сѣдинами на головѣ, не стыдится на ряду съ юношами слушать этаго зоркаго слѣпца! «Я видѣлъ Дидима, говорилъ онъ впоследствии, и за многое благодарю его: отъ него я научился тому, чего не зналъ, а что уже зналъ я, и того не испортилъ его уроками» ⁴⁾, то есть соблюлъ вѣру свою чистою отъ заблужденій Оригена, отъ которыхъ не свободенъ былъ Дидимъ. Послѣ уроковъ Дидима, котораго слушалъ около мѣсяца, Іеронимъ возвратился въ Палестину поклониться яслямъ и колыбели Спасителя въ Вифлѣемѣ. И здѣсь онъ нашелъ давно желанный пріютъ для себя и предѣлъ для своего странствованія. Это было въ 387 году.

¹⁾ Здѣсь же, говоритъ онъ, видѣлъ аспидовъ, сокрытыхъ между святыми, то есть оригенистовъ.

²⁾ Все это весьма пространно описалъ Іеронимъ въ надгробномъ словѣ блж. Павла.

³⁾ Praef. comment. in epist. ad Ephes.

⁴⁾ Epist. ad Pammach.

II.

Жизнь бл. Иеронима въ Виѳлеемѣ отъ 387
до 420 года.

Жизнь Иеронима въ Виѳлеемѣ составляетъ періодъ особенной его жизни, — періодъ непрерывной ученой деятельности его при безвыходномъ пребываніи его тамъ. При этомъ запасъ познаній, утвержденныхъ опытностію, долговременными учеными путешествіями, обстоятельствами жизни и уроками знаменитѣйшихъ наставниковъ того времени, Иеронимъ посвятилъ себя подвижнической жизни и вмѣстѣ важнымъ занятіямъ ученымъ — переводамъ и изъясненіямъ св. Писанія. Соединяя неусыпные труды ученаго съ строгими подвигами инока, онъ, какъ опытнѣйшій наставникъ въ духовной жизни, предлагалъ свои искренніе и добрые совѣты всякому, кто только имѣлъ нужду въ его духовномъ руководствѣ, и, по просьбѣ друзей, знакомыхъ и незнаемыхъ, писалъ не только письма, но цѣлыя трактаты, полные назидательныхъ уроковъ для жизни и проникнуты истинно-отеческимъ участіемъ. Неправомыслие и вредное учение еретиковъ прервали мирныя занятія уединеннаго труженика христіанской науки и, какъ ревностнаго поборника чистоты вѣры, въ другой разъ вызвали его на поприще обличенія бы съ лжеученіемъ нарушителей спокойствія вѣрующаго, бы, продолжавшейся до самой смерти блаженнаго. Такимъ образомъ жизнь Иеронима въ Виѳлеемѣ стагается изъ ряда частныхъ отдѣловъ: жизни собственно ученой, времени иррегулярныхъ трудовъ его надъ переводомъ и толкованіемъ св. Писанія, а равно и совѣтовъ лицамъ, искавшимъ его руководства, и жизни учено-полемической въ борьбѣ съ неправомы-

сліемъ и лжемудрованіемъ Аретиковъ, возмущавшихъ святость и чистоту вѣры. Подвиги строгаго подвижничества составляютъ принадлежность того и другаго времени жизни его.

Послѣ путешествія и странствованій Иеронимъ, доселѣ ненаходившій въ себѣ мирнаго и невозмутимаго пристанища, остановился въ концѣ, какъ мы уже сказали, на томъ мѣстѣ, откуда явилъ нѣкогда миръ для цѣлаго рода человѣческаго. Бѣдное, ебольшое селеніе Вифлемеа, доставившее ему спокойно дѣлаище, казалось ему величественнѣе древней столицы міра со всѣми вѣковыми памятниками ея славы. »Гдѣ тѣ великія гнѣвные портики, говорилъ онъ, сравнивая спокойствіе и тишину Вифлемеа съ богатствомъ и шумомъ Рима, — гдѣ раззолоченные потолки? гдѣ чертоги, сооруженные трудами несчастныхъ и облитые потомъ осужденныхъ страдальцевъ? гдѣ палаты частныхъ людей, осыпанные пышностію, въ которыхъ малоцѣнное тѣло человѣческое ходитъ по коврамъ драгоцѣннымъ, и въ которыхъ искусство хотѣло бы дриковать зрѣніе къ сводамъ, какъ будто можетъ что нибудь существовать прекраснѣе свода небесъ въ храмѣ мірозданія А въ Вифлемеѣ, селеніи Христовомъ, все просто, безмятежно; глубокое молчаніе прерываютъ развѣ священныя гимны. Куда ни обратитесь: тамъ земледѣлецъ, держась за плугъ, поетъ *аллилуія*; здѣсь жнецъ, покрытый потомъ, облегчаетъ свой трудъ пѣсноцѣніемъ; и виноградарь, подчищая лозы, напѣваетъ какой нибудь псаломъ Давидовъ. Вотъ какіе здѣсь гимны и любимыя пѣсни 1)!

Въ семъ-то безмятежномъ селеніи, на западной сторонѣ его, Иеронимъ устроилъ для себя тѣсную и убогую келлію 2),

1) Epist. ad Marcellam, ut commigret Bethlehem.

2) Она была недалеко отъ гробницы Архелая, Еписарха Іудей. Hieron. lib. de situ et nomin. Loc. Hebr.

занимавшую столько пространства, сколько требовалось для того чтоб помѣститься нѣсколькимъ книгамъ и ихъ усердному любителю. Онъ началъ жить, какъ самъ же выражался, съ самимъ собою, испытывать свою душу, оплакивать грѣхи юности ¹⁾ и приготовиться ко дню страшнаго суда Христова ²⁾. Безмолвное уединеніе казалось для него раемъ, а всякій городъ, съ его шумнымъ волненіемъ жизни, казался ему темницей ³⁾. Онъ не имѣлъ ничего и не хотѣлъ имѣть что-либо ⁴⁾. Довольствовался одеждою самою бѣдною, пищею самою скудною и такую строгость соблюдать до самой смерти ⁵⁾.

При строгой жизни отшельника, Иеронимъ и здѣсь, какъ и въ пустынѣ халцидской, духовные подвиги началъ прерывать занятіями учеными. Довольный гѣснымъ, но спобойнымъ уголкомъ, онъ прежде всего посвящалъ себя на давно уже начатый имъ трудъ изученія еврейскаго языка. Будущему дѣятелю на поприщѣ уясненія слова Божія казались далеко несовершенными свѣдѣнія по этой части, приобретаемые имъ еще съ молодыхъ лѣтъ, и рѣшимость истерпеть ихъ вполне воссрешала въ немъ новое прилежаніе, побуждала на новые труды. Для этого онъ нашелъ себѣ наставника изъ ученыхъ раввиновъ, по имени Варанину (или Варавву), который, боясь быть заподо-

1) Epist. ad Matr. et Filiam.

2) Epist. ad Heliodor.

3) Epist. ad Rusticum: Mihi oppidum carcer. et solitudo paradisus est.

4) Adv. Ruff. lib. I. Pecuniam nec habemus. nec habere volumus.

5) Epist. ad Salvin., ad Demetriad. и др. Немного овощей самыхъ обыкновенныхъ, хлѣба грубаго въ небольшомъ количествѣ казалось ему уже богатствомъ. Онъ не только думалъ, что употребленіе вина и мяса вовсе непозволительно лицамъ, посвятившимъ себя всецѣло Богу и ищущимъ высшаго духовнаго совершенства, но говорилъ даже о принятіи въ пищу рыбы и о полуденномъ обѣдѣ какъ о предметахъ совершенно противныхъ посту. Adv. Jovinian. lib. II.

рѣшнымъ въ сношеніи съ христіаниномъ, всячески старался скрывать его отъ своихъ единовѣрцевъ; и вотъ любознательный старецъ, уже убѣленный сѣдинами, среди ночей, при слабо мерцающемъ свѣтѣ убогой келліи, съ жадностію усвояетъ трудные уроки своего наставника въ изученіи языка еврейскаго ¹⁾! Удивляешься и благоговѣешь предъ рѣшимостью человѣка, презирающаго всеми препятствіями и неудержимо идущаго къ задуманной цѣли! Отъ этого занятія онъ перешелъ къ изученію толковниковъ св. Писанія, и толковники, какіе только были до него, составляли для него предметъ внимательнаго чтенія и изученія. Это чтеніе прерывалось собственными сочиненіями, какъ это увидимъ.

Но такая уединенная жизнь и дѣятельность продолжалась недолго. Преданный благу ближнихъ, со всеѣхъ сторонъ стекавшихся сюда для поклоненія святынь или для всегданяго жительства въ Виллсеемѣ, Иеронимъ рѣшился основать на свой счетъ монастырь ²⁾ и при немъ страннопріимницу. Бл. Павла, еще прежде, по совѣту Иеронима, основавшая здѣсь нѣсколько обителей для лицъ своего пола³⁾, много помогла ему въ исполненіи этого намѣренія. Всворѣ отъ множества собравшихся братій монастырь началъ петощаться въ средствахъ къ содержанію и бл. Иеронимъ принужденъ былъ посылать брата своего Павлиніана

1) Putabant me homines finem fecisse discendi. Quo labore, quo praetio Baraninam nocturnum habui praeceptorem! Timebat enim judeos, et mihi alterum exhibebat Nicodemum!

2) Marcellini Chronic. ad. ann. 392. apud Bethlehem oppidum degens, ubi et monasterium sibi condidit.

3) Она петолько основала нѣсколько обителей для дѣвъ, собранныхъ ею изъ разныхъ областей, но построила монастырь и мужескій. См. Сказаніе о доброд. бл. Павлы. Всеѣмъ имъ впоследствии Иеронимъ далъ уставъ иноческаго житія.

въ Стридонѣ, чтобы онъ продалъ тамъ оставшееся послѣ варварскихъ набѣговъ отцовское наслѣдіе и вырученную за него сумму принесъ въ Виллеемъ. Надзоръ за этимъ монастыремъ стоялъ Иерониму многихъ заботъ и безпокойствъ; одна только любовь христіанская облегчала и улаждала ихъ для Иеронима: *«Страннопріимничество въ монастырѣ, говорилъ онъ, лежитъ у насъ на сердцѣ, и мы съ радостію и любовію принимаемъ всѣхъ приходящихъ къ намъ: потому что боимся, чтобы Марія, пришедши сюда съ Іосифомъ, не остались безъ убѣжища, и чтобы Іисусъ, такимъ образомъ отринутый, не сказалъ намъ: страненъ быхъ и не введосте Мене»* ¹⁾.

Занимаясь дѣлами въ созданномъ имъ монастырѣ и имѣя множество братій, предавшихъ себя руководству его, Иеронимъ пересталъ быть неутомимымъ ученикомъ и явился ревностнымъ и одушевленнымъ наставникомъ. Поучая иноковъ въ келліяхъ правиламъ монашескаго житія, онъ, сверхъ того, въ церкви и собраніяхъ братій възвѣщалъ имъ св. Писаніе (по переводу LXX. ²⁾). Увлечательность рѣчи и искренняя готовность передать свои наставленія всякому желающему усвоить ихъ, привлекали къ Иерониму цѣлыя сонмы слушателей, такъ что непрерывныя посѣщенія ихъ часто нарушали спокойствіе иноческаго уединенія. *«Нѣтъ часа, нѣтъ минуты, писалъ онъ, когда бы мы не принимали толпы монаховъ; уединеніе нашего монастыря превратилось въ безпрерывное стеченіе посѣтителей. Они такъ возмущаютъ его, что приходится или запирать наши ворота или оставлять чтеніе Писанія»* ³⁾.

При этихъ занятіяхъ Иеронимъ посвящалъ еще особое

1) Apolog. adv. Ruf. lib. III.

2) Praefat. in lib. Paralip. ex Hebr.

3) In Ezech. Lib. sept. Praef. t. III.

время для обученія мальчиковъ, которыхъ поручало ему всеобщее къ нему довѣріе отцовъ и матерей,—и ему доставало досуга и терпѣнія преподавать имъ первые начатки знанія ¹⁾!

Между лицами, которыя по преимуществу пользовались наставленіями Иеронима, были и здѣсь, какъ и въ Римѣ, бл. Павла и достойная дочь ея Евстохія. Время свободное отъ обязанностей гостепріимства и отъ дѣлъ управленія своимъ монастыремъ, онѣ посвящали на изученіе св. Писанія и даде языка еврейскаго ²⁾ съ тѣмъ, чтобы на немъ пѣть псалмы въ тѣхъ же самыхъ звукахъ, которыми выражалось нѣкогда вдохновеніе пророка израилева. Бл. Иеронимъ старался поддержать и усилить въ нихъ эту пламенную ревность къ познанію слова Божія и упражненію въ немъ. Онъ прочелъ имъ встхій и новый завѣтъ, изъяснялъ въ немъ мѣста, трудныя для разумѣнія и открывалъ самыя глубокія разумѣнія слова Божія, понятныя для немногихъ и не сразу доступныя для ума простаго и не-

1) Руфинъ впоследствии укорялъ Иеронима, будто онъ, при своемъ пристрастіи къ языческимъ писателямъ, развращалъ юношей, изъясняя имъ Вергилія, поэтовъ комическихъ, лирическихъ и сказанія древнихъ языческихъ историковъ.—дѣтямъ, которыя были вручены ему для наученія страху Божію... (Inuest. lib. II). Легко видѣть неосновательность такого укора, если взять во вниманіе ту ревность блаженнаго съ какою онъ нападалъ на епископовъ и пресвитеровъ, воспитывавшихъ своихъ дѣтей въ наукѣхъ свѣтскихъ и какъ онъ негодовалъ на то, что дѣти, воспитываемыя на счетъ церкви, нерѣдко отсылались къ учителямъ языческимъ, такъ что приношеніе дѣвы и вдовицы для отпущенія грѣховъ,—милостыня, которую бѣдный удѣлялъ изъ своего жалкаго имущества, переходилъ въ руки грамматика или оратора, или обогащали храмъ языческой.. (Hieron. Comment. in Epist. a Ephes lib. III. cap. IV.) Если же Иеронимъ, какъ свидѣтельствовалъ Руфинъ, и дѣйствительно при наставленіи дѣтей пользовался пособіями языческими, то это еще не даетъ права на укоризну; благоразумный выборъ вездѣ умѣстенъ и злоупотребленіе вѣщю не уничтожаетъ ея достоинства при благоразумномъ употребленіи ея.

2) Сказаніе о доброд. Павлы.

приготовленнаго къ тому богомысліемъ. Благочестивыя питомцы не довольствовались однакожь однимъ устнымъ толкованіемъ св. Писанія и просили Иеронима написать имъ изъясненіе по крайней мѣрѣ на посланія ап. Павла, которыхъ до того времени ни одинъ изъ латинскихъ учителей церкви не изъяснялъ такъ, какъ дѣлали это отцы греческіе. Уступая настоятельнымъ просьбамъ, онъ рѣшился на этотъ трудъ и началъ съ *посланія къ Филимону*, какъ самаго краткаго.

Какъ посланіе это не длинно, такъ и комментарий на него не обширенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разнообразенъ и плодovitъ мыслями толкователя. Занимаясь при этомъ обличеніемъ мнѣнія современныхъ вольнодумцевъ, отвергавшихъ подлинность этого посланія (на томъ основаніи будто оно есть простое письмо, не представляющее никакаго назиданія для христіанской нравственности и потому недостойно глубокомысленнаго Павла), бл. Иеронимъ указываетъ въ посланіи не только на красоты внутрення, глубокую и искреннюю любовь, которая дышетъ во всемъ этомъ посланіи, но и находитъ много достоинствъ внѣшнихъ—въ отношеніи къ языку и дѣлаетъ, какъ будетъ дѣлать и въ другихъ опытахъ толкованій, много хорошихъ критическихъ замѣчаній.

Спустя нѣсколько дней по окончаніи сего толкованія, Иеронимъ приступилъ къ *изъясненію посланія къ Галатамъ*. Это изъясненіе онъ раздѣлилъ на три книги, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое предисловіе. По мысли Иеронима, главный предметъ этого посланія—одинъ и тотъ же съ посланіемъ къ римлянамъ, съ тѣмъ различіемъ, что въ послѣднемъ апостольскъ раскрываетъ смыслъ болѣе возвышенный и вопросы болѣе глубокіе, тогда какъ въ первомъ онъ болѣе укоряетъ, чѣмъ назидаетъ, употребляетъ языкъ, который бы могъ быть понимасмъ *»безмысленными«* галатами и облекаетъ рѣчью простою мысли уже извѣстныя, дабы властью образумить народъ, кото-

раго нельзя было убѣдить разумно ¹⁾. Затѣмъ (во 2 гл.), разсуждая о происхожденіи галатовъ (о странѣ ими населяемой, о нравахъ, о языкѣ ихъ и проч.), Иеронимъ опытомъ своего времени старается оправдать укоръ, отнесенный къ нимъ св. Апостоломъ. утверждая, что слѣды древняго несмысла галатовъ не исчезли еще и въ его время. Въ предисловіи къ 3 книгѣ Иеронимъ осуждаетъ изысканную напыщенность въ словѣ, съ какою нѣкоторые пастыри того времени начали проповѣдывать въ церквахъ христіанскихъ.

Въ этомъ толкованіи поочередно соединяется изъясненіе съ обличеніемъ. Такъ начальныя слова (гл. I. I.) апостола даютъ толковнику случай обличать ересь Эвіона и Фотина, отвергавшихъ божеество Гескупителя; немного далѣе Иеронимъ раскрываетъ несостоятельность теоріи Валентина объ эонахъ и тутъ же высказываетъ намѣреніе обличить, въ особой книгѣ, философа Порфирія (порицавшаго церковь по случаю спора между ап. Петромъ и Павломъ); идетъ противъ заблужденія Татіана, порицавшаго брѣкъ. Какъ относительно образа толкованія, такъ и способа изложенія его, Иеронимъ слѣдовалъ главнымъ образомъ Оригену, (писавшему толкованіе на это посланіе) не опускаая изъ виду и другихъ греческихъ толковниковъ, оставившихъ небольшія изъясненія на посланіе къ галатамъ ²⁾.

Въ то время, какъ Иеронимъ трудился надъ толкованіемъ посланія къ галатамъ, новая просьба его ученицъ прервала на время его занятія. Узнавъ о смерти Альбины—матери дорогой

1) Здѣсь бл. Иеронимъ довольно смѣло судитъ о языкѣ св. ап. Павла и подтверждаетъ его своей ученой критикѣ.

2) Таковы: знаменитый Дидимъ алекс., Аполлинарій лаодик., Евсевій еп. емесскій и Θεодоритъ гераклійскій, которыхъ всѣхъ предварительно читалъ бл. Иеронимъ. Praef. lib. I. ad Galat.

подруги своей Маркеллы, Павла и Евстохія, надѣясь, что уже ничто болѣе не удерживало ее оставаться въ Римѣ, просили Иеронима убѣдить ее прійти на востокъ, дабы она, въ кругу сонма смиренныхъ отшельницъ вилеемскихъ и иѣбогда неразлучныхъ ея подругъ, мирно провела остатокъ дней своихъ. Блаженный взялся быть исполнителемъ ихъ общаго желанія и *отъ лица Павлы и Евстохіи* написалъ *убѣдительное письмо*, приглашая Маркеллу въ Вилеемъ. Здѣсь онъ съ живостію рѣчи представляетъ въ самыхъ свѣтлыхъ чертахъ жизнь вилеемскую, ея безмятежную тишину и безмолвіе сравнительно съ шумнымъ Римомъ, и дабы еще болѣе возвысить достоинство ея, онъ рисуеъ мрачную картину непрерывнаго шума и смутнаго волненія столицы міра, примѣняя къ ней пророчество апостола о новозавѣтномъ Вавилонѣ (апост. 17, 5 и дал.) ¹⁾. Желаніе это осталось напраснымъ. Маркелла до смерти оставалась въ Римѣ.

По прежней просьбѣ Павлы и Евстохіи Иеронимъ въ 388г. написалъ *толкованіе на посланіе къ ефесеямъ*. И это толкованіе подобно предыдущему раздѣлено на три книги съ предварительнымъ предисловіемъ къ каждой изъ нихъ. Толкователь замѣчаетъ здѣсь, что посланіе къ ефесеямъ самое трудное и таинственное изъ всѣхъ другихъ посланій апостола ²⁾. Занимаясь въ общихъ собраніяхъ монастырской братіи устнымъ изъясненіемъ книги левить въ назиданіе братіи монастыря, Иеронимъ дома въ то же время *писалъ толкованіе на посланіе ап. Павла къ Титу*. Толкованіе это по изложенію и характеру сходно съ предыдущими. Писано по просьбѣ Павлы и Евстохіи.

1) Epist. ad Marcellam, ut commegret Bethlehem, aut de sanctis locis.

2) Comment. lib. II, cap. 4. Praef. ad lib. I.

представлялась идея священной географіи и археологіи, которая такъ важна и необходима при изученіи и пониманіи священнаго Писанія.

Окончивъ еще одинъ трудъ, начатый еще въ Римѣ по просьбѣ папы Дамаза,—переводъ книги Дидима о Св. Духѣ, Іеронимъ предался на нѣкоторое время молчанію и не писалъ ничего. Но въ это время онъ обдумывалъ новый обширный трудъ: онъ предположилъ-было составить церковную исторію или, говоря его словами, сочиненіе о томъ: »какъ и чрезъ кого церковь Христова, начиная съ пришествія Спасителя до конца IV вѣка, раждалась, воспитывалась, возрастала среди гоненій и увѣнчивалась мучениками; какъ потомъ, перешедши къ христіанскимъ государямъ, она усиливалась во вѣншемъ могуществѣ и величіи и ослабѣвала по добродѣтелямъ«¹⁾. Но не видно, чтобы Іеронимъ исполнилъ эту мысль; по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ о существованіи такого рода сочиненія, и самъ онъ не упоминаетъ о немъ въ каталогѣ своихъ твореній. Два сочиненія, объявленныя имъ послѣ 391 г.: *жизнь Малха монаха* и *жизнь преподобнаго Иларіона*, входили, кажется, нѣкоторымъ образомъ въ задуманный имъ планъ церковной исторіи.

Жизнь Малха монаха, съ которымъ Іеронимъ познакомился, какъ мы видѣли, еще во время перваго прибытія своего на востокъ, въ родовомъ помѣстьи Евагрія антиохійскаго, заключаетъ въ себѣ подробный разговоръ о старцѣ Малхѣ и его престарѣлой подругѣ, съ которою онъ, въ продолженіи цѣлой жизни связанъ былъ узами брака съ соблюденіемъ дѣвства. Въ концѣ этого жизнеописанія, переданнаго устно самимъ старцемъ, Іеронимъ показываетъ цѣль составленія его: »восхвалить чистоту дѣвства и показать, что цѣломудріе и

1) Proleg. in vita Malchi.

среди мечей, среди пустынь и дикихъ звѣрей, не боится плѣна; что человѣкъ, преданный Иисусу Христу, можетъ быть умерщвленъ, но непобѣжденъ* 1).

Описывая подвиги и чудеса преп. Иларіона, блаженный Иеронимъ удивляется въ св. отшельникѣ не столько дивному дару чудотвореній, сколько глубокому смиренію его и удаленію отъ славы человѣческой, — наперекоръ противникамъ, считавшимъ великаго подвижника почти обыкновеннымъ человѣкомъ по причинѣ его частыхъ отношеній къ міру 2). Исторія эта назидательна и богата не только религиознымъ содержаніемъ, но и обиліемъ учености свѣтской. Это одно изъ тѣхъ особенныхъ твореній знаменитаго учителя, которыя совмѣщаютъ въ себѣ рѣдкое сочетаніе познаній христіанскихъ, мудрости мірской и благочестивыхъ нравственныхъ уроковъ. Изъ повѣствованія о чудесахъ Иларіона видимъ, что знаменіе креста, окропленіе святою водою и помазаніе освященнымъ елеемъ являли чудныя дѣйствія: изгоняли демоновъ, исцѣляли больныхъ и проч.

Въ это же время, только, кажется, прежде указаннымъ двухъ сочиненій, сдѣланъ Иеронимомъ *переводъ* съ греческаго языка на латинскій *39 бсѣдъ Оригена на евангеліе отъ Луки*, которыхъ подлинныи греческій текстъ не дошелъ до насъ, написаны *семь трактатовъ* или *толкованій на псалмы*, отъ 10 до 16 псалма. Толкованія эти въ отдѣльномъ видѣ тоже не дошли до насъ 3).

1) Vita Malchi monachi.

2) Praefat. vitae S. Hilarion.

3) Издатели твореній бл. Иеронима въ «*Curs. Complet. Patrologiae*» доказываютъ, что эти объясненія Иеронима на псалмы смѣшаны съ другимъ толкованіемъ на псалмы (Brevariū in Psalmos), котораго авторъ неизвѣстенъ. Brevariū помѣщенъ ими въ VII томѣ твор. Иеронима въ видѣ прибавленія.

Послѣ разныхъ частныхъ опытовъ исправленія, толкованія и переводовъ по свящ. Писанію, о которыхъ мы говорили, Иеронимъ приступилъ теперь къ обширному систематическому труду по этому дѣлу, которымъ онъ занимался нѣсколько лѣтъ сряду съ такимъ изумительнымъ терпѣніемъ, какое свойственно только такому самоотверженному труженику, каковъ Иеронимъ и каковъ былъ неутомимый въ подобныхъ трудахъ «адамантовый» Оригенъ.

Мы уже видѣли, что въ Римѣ онъ положилъ начало своимъ трудамъ, пересмотрѣвъ и исправивъ латинскій переводъ новаго завѣта и псалтири, доннынѣ употребляемой въ церкви западной. Ободренный своими первыми успѣхами, Иеронимъ приступилъ теперь къ исправленію ветхаго завѣта въ латинскомъ переводѣ по тексту греческому LXX, и частію по еврейскому ¹⁾, и нѣкоторыя книги исправилъ такимъ образомъ, а нѣкоторыя вновь перевелъ по списку (Hexaples) Оригена, употребительному въ то время во всѣхъ церквахъ палестинскихъ и считавшемуся тамъ самымъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ²⁾. Трудъ этотъ оконченъ Иеронимомъ въ 392 году. Но изъ всего этого обширнаго труда дошла до насъ только небольшая часть,

1) Въ исполненіи этого предпріятія онъ оставлялъ неизмѣненнымъ все то, что въ древнемъ латинскомъ переводѣ и греческомъ LXX согласовалось съ еврейскимъ; а что имѣлъ переводъ LXX и чего не доставало въ еврейскомъ, то онъ отмѣчалъ особымъ знакомъ, а чего наконецъ не доставало въ LXX, то прибавлялъ (съ знакомъ звѣздочекъ), заимствуя не столько съ еврейскаго, сколько изъ другихъ греческихъ переводовъ, находящихся въ Гексаплахъ Оригена (см. Praef. in Psalt, Praef. in vers. 3 libr. Solom. ex Graeco, Praef. in vers. Job ex Graeco et caet. loc.). Особинно заботился онъ при этомъ о правописаніи именъ собственныхъ, о точности и опредѣленности выраженной перевода и о самомъ порядкѣ словъ, гдѣ онъ былъ измѣненъ и перемѣшанъ; при этомъ образомъ для него былъ текстъ еврейскій (Praef. in 3 lib. Solom. Praef. ad vers. Ierem. ex Heabr. et caet.).

¹⁾ См. Cursus Compl. Script. Sacr. T. I. pag. 367.

именно: *книга псалмовъ* и *книга Іова* и еще *предисловія* къ книгамъ Паралипоменонъ и къ книгѣ притчей Соломоновыхъ. Книга Іова, тотчасъ же по переводѣ или исправленіи ея, послана была Іеронимомъ въ подарокъ Павлѣ и Евстохіи. Вся остальная часть перевода утрачена; самъ Іеронимъ, въ письмѣ къ Августину, жаловался, что большая часть этого перевода къ-мъ-то похищена у него. Но, какъ и слѣдовало ожидать, Іеронимъ не остановился надъ исправленіемъ латинскаго перевода книги св. Писанія по тексту LXX; окончивши этотъ трудъ, онъ задалъ себѣ болѣе продолжительный и рѣшительный трудъ, — переводъ Библии съ языка еврейскаго на латинскій. Причиною, побудившею его взяться за это дѣло, были, по словамъ его, многія поврежденія, вкравшіяся въ переводы греческіе и латинскіе ¹⁾, а равно и то, что іудеи съ знаніемъ

1) »Еслибы переводъ 70 толков. писалъ Іеронимъ въ предисловіи къ кн. Паралипоменонъ, остался чистымъ, такимъ, какъ вышелъ онъ изъ подъ рукъ переводчиковъ, то извнне побуждалъ бы ты меня, святѣйшій изъ епископовъ Хромацій, переводить для тебя на латинскій языкъ еврейскія книги; ибо что разъ коснулось слуха людей и укрьшило вѣру раждающей церкви, на то слѣдовало бы согласиться и намъ своимъ молчаніемъ. Но когда въ различныхъ странахъ встрѣчаются различные списки и настоящій древній переводъ испорченъ и поврежденъ, то я рѣшился во многомъ показать, что истинно« и пр.— Въ спорахъ съ своими противниками, осуждавшими его трудъ, предпринимаемый какъ бы для подрыва всеобщаго уваженія къ переводу LXX, блаж. Іеронимъ отзывался часто о послѣднемъ довольно невыгодно и несправедливо, называя его поврежденнымъ и погрѣшающимъ противъ еврейской истины; но такой отзывъ былъ слѣдствіемъ свойственнаго ему раздраженія, ибо во многихъ другихъ сочиненіяхъ онъ совсѣмъ иначе писалъ объ этомъ переводѣ, особенно пока не замышлялъ этого новаго труда. Касательно другихъ греческихъ переводовъ, онъ думалъ, что они намѣренно по мѣстамъ извращены самими переводчиками-полухристианами и іудеями-огступниками. Кромѣ того Акила, по его мнѣнію, слишкомъ держится буквы и оттого темень (Hieron. Apol. lib. II.); Симмахъ, слѣдя за мыслию и не стѣсняясь словами, далеко уклоняется отъ истиннаго смысла; а Θεοδοτιονъ, хотя занимаетъ средину и предъ прочими одобряется учеными, однакожь часто, какъ невѣрный, портитъ и извращаетъ слова, чтобы найти защиту своимъ заблужденіямъ. Praef. in Job. ex Haebv.

и безъ знанія дѣла заподозривали всѣ тексты и переводы св. Писанія, употреблявшіеся у христіанъ, и въ своихъ спорахъ съ ними любили упрекать ихъ въ невѣрности текста, на которомъ послѣдніе опирались въ подтвержденіе какой либо мысли ¹⁾. Подъ вліяніемъ этихъ, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ побужденій ²⁾, Иеронимъ началъ свой трудъ и совершать его не въ порядкѣ канона еврейскаго, а такъ, какъ вызывалъ его случай и смотря по тому, какой книги требовали его друзья. Книга царствъ (со включеніемъ книги судей), какъ первый плодъ задуманнаго труда, онъ украсилъ общимъ введеніемъ, которое можетъ служить прекраснымъ предисловіемъ

¹⁾ »Не для того ли мы и трудимся до кроваваго пота, писалъ онъ въ предисловіи къ кн. Ис. Павина, чтобъ заставить іудеевъ скорбѣть о томъ, что у нихъ отнять случай поносить болѣе христіанъ и смѣяться надъ нами? А члены Церкви презирають и даже поносятъ то, чѣмъ мучатся противники... Павла и Евстохія! Чѣмъ болѣе вы любите Его (Христа), тѣмъ болѣе просите Его, дабы за настоящее поношеніе, которымъ непрестанно оскорбляютъ меня противники, Онъ даровалъ мнѣ награду въ будущемъ,—Онъ, Который знаетъ, что я для того трудился въ изученіи чуждаго языка, чтобы іудеи не нападали болѣе на церковь Его за невѣрность Писанія«. »Пусть знаютъ наши (латиняне), писалъ онъ къ Августину, что содержитъ *еврейская истина*; не свое измѣнили мы, но, какъ нашли у евреевъ, божественное перевели. Если въ чемъ сомнѣваешься, спроси евреевъ« и проч.—Извѣстно, что эту же мыслью руководился и Оригенъ при составленіи своихъ Гексаплъ. Срав. *Επιστολή προς Αδριανόν* § 5.

²⁾ Въ предисл къ кн. Соломоновымъ, Иеронимъ представлялъ еще болѣе частную причину предпринятаго труда, по которой переводчикамъ, жившимъ до Рожд. Христ., не такъ легко и удобно было передавать мысли Писанія, для нихъ не вездѣ понятныя и темныя, какъ—христіанскимъ. »Они, говоритъ онъ, переводили прежде пришествія Христова и чего не знали, передавали обоимъ мыслями, а я—послѣ страданія и воскресенія Его—пишу нестолько пророчество, сколько исторію; ибо иначе рассказываемъ то, что слышали, иначе—что видѣли: что лучше понимаемъ, то лучше и передаемъ«. Кромѣ этого онъ нерѣдко высказывалъ то убѣжденіе, что въ какомъ бы уваженіи вы были тотъ или другой переводъ, подлинникъ всегда заслуживаетъ предпочтеніе предъ нимъ. Это онъ подробно рассказываетъ въ концѣ предисловія къ книгамъ Соломоновымъ.

ко всѣмъ книгамъ, переведеннымъ имъ съ еврейскаго 1). Въ 393 г. онъ послалъ ихъ въ Римъ еп. Домніону, присовокупивъ въ письмѣ къ нему, что онъ перевелъ уже съ еврейскаго на латинскій языкъ 16 книгъ пророковъ.

Несмотря на то, что новый переводъ книги Іова съ греческаго, представленный имъ Павлѣ и Евстохіи въ родѣ подарка, былъ встрѣченъ неблагомыслиемъ враговъ, называвшихъ его исправителемъ мнимыхъ ошибокъ 2), Іеронимъ не терялъ мужества и опять занялся этою книгою съ намѣреніемъ въ строгой точности перевести ее съ еврейскаго. При этомъ онъ встрѣтилъ такую трудность, какой не предполагалъ и только помощію ученаго іудея изъ Лидды привелъ къ концу свой трудъ, произведшій въ народѣ такое же неудовольствіе, какъ и первый. Въ концѣ 393 г. Іеронимъ окончилъ уже значительную часть Библии, то-есть: кн. царствъ, пророковъ, Іова и псалмы. Въ слѣдующемъ году онъ приступилъ къ кн. пятокнижію, Юдию, І. Навина, судей и Руѡ, но окончилъ только пятокнижіе, остальные же явились уже 10 лѣтъ спустя. Въ 397 году онъ перевелъ и посвятилъ Хромацию, епископу аквилейскому книги Паралипоменонъ; затѣмъ, послѣ долгой болѣзни, чтобъ не получить отъ друзей упрека въ недѣятельности 3), въ нѣсколько дней перевелъ три книги Соломона, т. е. притчи, экклезіаста и пѣснь пѣсней. Вскорѣ потомъ Іеронимъ отправилъ Домніону и Рогациону переводъ Эздры и Несміи. Что касается остальныхъ книгъ, то трудно опредѣлить время ихъ появленія; достоверно только то, что весь трудъ свой заключилъ онъ книгою Есфирь около 404 года.

1) Gallatum principium.—De omnib. libris Veter. Test. Prolog.

2) Praef. in lib. Job ex LXX vers.

3) Itaque longa aegrotatione fractus ne penitus hoc anno reticerem. et apud vos mutus essem, tradui... Praef. in lib. Salom.

Такимъ образомъ Иеронимъ перевелъ всѣ книги ветхаго заветъ, принимаемыя евреями за каноническія, равно какъ книгу Юдиѣ и Есѣирь ¹⁾.

Такое обширное и трудное предпріятіе Иеронимова, какъ мы уже отчасти замѣтили, едва было окончено по причинѣ сильныхъ укоризнъ и неудовольствій со стороны противниковъ, смотрѣвшихъ на его трудъ какъ на усиліе пзгнать изъ всеобщаго употребленія переводъ LXX, всѣми уважаемый. «Кто, писалъ ему Руфинъ, кто изъ столькихъ и столь мудрыхъ отцовъ, жившихъ прежде тебя, осмѣлился взяться за это дѣло? Не для того ли это дѣлается, чтобы новымъ, заимствованнымъ отъ іудеевъ толкованіемъ, измѣнить книги божественнаго Писанія, преданныя апостолами Христовыми церквамъ для руководства въ вѣрѣ?» ²⁾. Но кромѣ этого личнаго врага Иерониму, часто съ горькою злостью порицавашаго его трудъ, самъ бл. Августинъ, высоко цѣнившій прежнія его занятія, дотога не одобрялъ его перевода, что не позволилъ въ своей частвѣ читать его и, прежде-чѣмъ онъ былъ окончень, увѣщевалъ Иеронима отстать отъ задуманнаго имъ предпріятія и заняться другимъ дѣломъ. «Я, право, лучше желалъ бы, писалъ онъ, чтобы ты переводилъ намъ съ греческаго каноническія писанія, утвержденныя достоинствомъ 70 толковниковъ. Ибо весьма невыгодно будетъ, если твой переводъ станутъ слишкомъ часто читать во многихъ церквахъ, потому что чрезъ это латинскія церкви будутъ отличать отъ греческихъ» ³⁾. Онъ представлялъ ему даже примѣръ ронота.

¹⁾ Августинъ, въ своемъ сочиненіи de civitate Dei lib. 18 cap. 43, говоритъ, что Иеронимъ перевелъ съ еврейскаго весь ветхій заветъ, исключая книгу Премудрости, Сираха, Маккавейскихъ, Варуха, посланій Іереміи, пророчествъ къ Есѣири и Давиду.

²⁾ Invest. lib. II.

³⁾ Epist. X edit. Benedict.

происшедшаго въ народѣ по случаю чтенія перевода Иеронима однимъ изъ епископовъ его епархіи ¹⁾. Но среди всеобщаго неудовольствія народа и его представителей, Иеронимъ не ослабѣвалъ въ своемъ предиріятіи и съ полною рѣшимостію защищалъ правоту своего дѣла ²⁾. Вскорѣ потомъ, авторитетъ лица, взявшаго на себя трудъ такой важности мало по малу успокоилъ совѣсть недовольныхъ, и съ смертію Иеронима переводъ его былъ принятъ многими наравнѣ съ древнимъ, освященнымъ всеобщимъ употребленіемъ. Съ теченіемъ времени онъ былъ распространенъ повсюду, но по этой же самой причинѣ потерпѣлъ большос поврежденіе, ибо прошедши чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ, перемѣшался съ древнимъ латинскимъ, былъ нерѣдко исправляемъ по тексту послѣдняго (равно какъ и наоборотъ) и испыталъ обычныя измѣненія со стороны невѣжества переписчиковъ.

Наконецъ изъ такого смѣшенія того и другаго перевода явился средній, объявленный на соборѣ тридентскомъ каоолическимъ и извѣстный обыкновенно подъ именемъ *Vulgаты*. Онъ составленъ частію изъ древняго латинскаго перевода, бывшаго прежде Иеронима, частію изъ новаго перевода съ еврейскаго, сдѣланнаго бл. Иеронимомъ (кромѣ псалтири, взятой изъ исправленнаго Иеронимомъ изданія по LXX), и за-

1) Когда епископъ одного африканскаго города, читая народу въ повомъ переводѣ Иеронима книгу пр. Іоны, сказалъ, что *пачъ* (hedera) далъ гѣвъ про- року по повелѣнію Господа, а не *тыква* (cucurbita), какъ читали по LXX, то вдругъ поднялся сильный ропотъ противъ этого епископа; греки особенно стали укорять его въ поддѣлкѣ и искаженіи св. Писанія, такъ что онъ принужденъ былъ обратиться къ іудеямъ; но не найдши и здѣсь удовлетворительнаго отвѣта, принужденъ былъ исправить это мѣсто попрежнему, лишь бы удержать народъ, готовый уже отдѣлиться. Послѣ этого Августинъ прибавилъ: »Мнѣ ка- жется, что ты могъ ошибаться въ подобныхъ мѣстахъ«. Ibid.

2) См. Praef. in Genes., Josue, Psalt. Job, Paralip., et caet.

включаетъ въ себѣ текстъ такъ поврежденный и смѣшанный, что всякая надежда къ очищенію и исправленію его кажется напрасною ¹⁾).

Вмѣстѣ съ переводомъ св. Писанія съ еврейскаго, блаж. Іеронимъ писалъ ²⁾), поврежденнаго, и толкованія на пророковъ, слѣдующаго опять не порядку канона, а тому, какого требовали обстоятельства. Виною появленія ихъ было сколько прилежное и неуспянное занятіе словомъ Божиимъ бл. Павла и Евстохія, столько же желаніе и просьба его италійскихъ и гальскихъ друзей, постоянно слѣдившихъ за его учеными трудами и поощрявшихъ къ новымъ предиріятіямъ. Въ 392 г. онъ окончилъ *изъясненія на пророковъ: Михея, Софонію, Наума, Аввакума и Агея* ³⁾); при этомъ онъ занимается и другими пророками и нѣкоторая часть его труда уже была начертана.

1. Толкованіе на пр. *Михея* имѣетъ въ себѣ то особенно замѣчательнаго, что тутъ часто бл. Іеронимъ сближаетъ между собою различные переводы и главное вниманіе останавливаетъ на LXX. Кромѣ богатства свѣтской учености, которою онъ удачно пользуется для подтвержденія своихъ мыс-

1) См. Carpzovii Critic. Sacr. p. 670 sq.; Hodijs de textib. Origin. P. II. lib. 3. cap. 4. sq.; Eichhorn Einleit. ins alt. Tert. § 334. sq.; Glassii Philolog. Sacr. ad Vancii T. II. P. I. p. 338 sq.

2) Въ каталогѣ своихъ твореній Іеронимъ вслѣдъ за переводомъ св. Писанія ветх. завѣта съ еврейскаго помѣщаетъ «неопредѣленное число писемъ къ Павлу и Евстохію, съ которыми онъ перешивался почти ежедневно». Если эти письма не то же, что разные предисловія къ переводамъ его и толкованіямъ, написаннымъ Іеронимомъ до сего времени въ Виледемѣ, а были отдѣльные письма: то они или по незначительности содержанія своего или по другимъ причинамъ не сохранены для насъ премежемъ: первое вѣроятно, потому что самъ Іеронимъ упоминаетъ объ нихъ вообще, не означая ихъ ни по числу ни по названію.

3) Lib. de vir. illustr. cap. CXXXV.—Comment. in Amos, lib. III. Praef.

лей, въ этомъ изъясненіи встрѣчаются помѣстамъ прекрасные нравственные уроки 1).

2. Постѣ предварительнаго изложенія множества критическихъ соображеній, касающихся лица *Софоніи*, мѣста и времени его пророчествъ. бл. Іеронимъ въ своемъ толкованіи на этаго пророка старается преслѣдовать всѣ его предсказанія и угрозы народу іудейскому сравнительно съ современнымъ его состояніемъ; видитъ во всей точности исполненіе ихъ и пишетъ, такъ сказать, ихъ исторію, полную иногда мѣстъ глубоко трогających и поселяющихъ въ душѣ сострадательное участіе къ плачевной судьбѣ народа Божія 2).

3. Въ толкованіи на пр. *Наума* бл. Іеронимъ наиболѣе обнаруживаетъ свою особенность толкованія и удивительное сочетаніе предметовъ, изъ которыхъ онъ весьма часто извлекаетъ нравственные уроки. Въ этомъ случаѣ онъ идетъ путемъ весьма длиннымъ и довольно непрямымъ, прежде-чѣмъ приходитъ къ концу, котораго предположилъ себѣ достигнуть; и этимъ способомъ часто увлекаетъ за собою читателя, осо-

1) Напр. объ истинной дружбѣ Comment. 7, 5; о пагубномъ честолюбіи Com. 2, 2 и др.

2) См. для примѣра Comment. 1. 14—18. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ м. 3, 4 и др.) толкованія на пр. Сафонію, бл. Іеронимъ обнаружилъ смѣлую мысль, которая очень хорошо объясняется личнымъ его взглядомъ на дѣло, но эта мысль несогласна съ ученіемъ Церкви. Относительно пресвитеровъ онъ говоритъ: «Пресвитеры, служащіе Евхаристіи и различающіе своему народу Кровь Христову, дѣйствуютъ нечестиво, противу закона Господня, когда воображаютъ, что слова молитвы болѣе чѣмъ жизнь священника совершаютъ Евхаристію; и что нужна только торжественная молитва, а не заслуги пресвитера». Это мнѣніе весьма близко къ ученію Донатистовъ. Но, повторяемъ, что подобныя мысли у Іеронима вытекаютъ изъ чувства благоговѣнія къ таинству Евхаристіи и изъ чувства нравственной строгости къ себѣ и другимъ, а отнюдь не изъ теоріи ученія.

бенно если рѣчь бываетъ чужда изысканности и утомляющаго состязанія 1).

4. Изъясненіе предсказаній и угрозъ прор. *Аввакума*— мистическое, полное образовъ таинственныхъ и не всегда ясныхъ. Такъ, халдеи, народъ побѣдоносный и страшный, описанный пророкомъ въ чертахъ опредѣленныхъ и ясныхъ, означаютъ, по словамъ Иеронима, враговъ, осаждающихъ нашу душу, а царь этого народа есть демонъ, въ смыслѣ образомъ 2).

5. При изъясненіи небольшого пророчества *Анея*, блаж. Иеронимъ находитъ тоже, по обыкновенію своему, смыслъ таинственный въ прямыхъ историческихъ событіяхъ. Храмъ вещественный, къ построенію коего побуждалъ пророкъ израильтянъ, есть не что иное, по словамъ его, какъ тотъ духовный храмъ, который долженъ созидать въ своемъ сердцѣ каждый христіанинъ, несмотря на указы князей, которыми чаще всего бываютъ въ этомъ случаѣ страсти;—созидать, несмотря на препятствія обружающія, которыя суть похоти души и удовольствія міра, снлящіяся заглушить голосъ пророковъ и посланниковъ Божіихъ.

6. Въ толкованіи на пророка Іону, написанномъ 5 лѣтъ спустя послѣ предыдущихъ, бл. Иеронимъ повсюду представляетъ этого пророка образомъ Іисуса Христа, который посланъ былъ къ народамъ земнымъ, проходилъ опредѣленное время торжественнаго служенія своего и, послѣ трехдневнаго и трехнощнаго пребыванія въ сердцѣ земли, воскресъ подобно Іонѣ. Этотъ трудъ бл. Иеронима, при небольшомъ объемѣ, весьма полонъ и отчетливъ: вездѣ прежде всего видна основная мысль толковника и потому смыслъ таинственный идетъ всегда почти подлѣ историческаго и буквальнаго.

1) См. ст. 15—17 3 главы.

2) Comment. in Abac. 1, 6.

7—9. Толкованія на прор. Осію, Іоиля и Амоса, написанныя по просьбѣ римскаго друга Паммахія около 406 г, во всемъ сходны съ предыдущими по характеру и методу изложенія. Они особенно богаты прекрасными соображеніями критическими, касающимися предварительныхъ обстоятельствъ изъясняемыхъ книгъ. такъ необходимыхъ для наилучшаго пониманія ихъ.

10. Въ концѣ 407 г. бл. Іеронимъ написалъ для Маркеллы толкованіе на пр. Даніила. обѣщанное еще въ 328 г. нѣкому Павлину. Бл. Августинъ съ особенною похвалою отзывался объ этомъ трудѣ и отсылалъ къ нему читателей, которые хотѣли бы знать, почему древніе изъясняли четыре монархіи Даніила царствами ассирійскимъ, персидскимъ, македонскимъ и римскимъ¹⁾. Въ этомъ толкованіи, между прочимъ, Іеронимъ замѣчаетъ, что преданіе церковное сохраняло въ его время обычай преклонять колѣна около 3, 6 и 9 часовъ дня²⁾.

11. По просьбѣ ученаго Паммахія, бл. Іеронимъ между 408 и 409 г. написалъ толкованіе на пр. Исаію. Во время этаго труда внезапная и сильная болѣзнь едва не исторгла его изъ среды живыхъ, и только милосердіе Божіе возвратило его къ жизни. Прерванный трудъ былъ оконченъ, но слабость и старческія лѣта оставили на немъ свои слѣды: онъ писалъ его подъ вліяніемъ особеннаго настроенія души или, какъ говоритъ онъ, «созерцая съ сокрушеніемъ и скорбію буря и крушенія міра, непомышляя нисколько о настоящемъ, а думая только о будущемъ и страшась суда Божія»³⁾. Здѣсь по мѣ-

1) Avgust. de Civitat. Dei. l. XX.

2) Comment. in Daniel cap. VI. v. 10: Trio autem tempora sunt, quibus Deo flectenda sunt genua: tertiam horam, sextam et nonam ecclesiastica traditio intelligit.

3) In Isai Procem. XIV.

стамъ тоже разсѣяно множество замѣчательныхъ предметовъ, касающихся догматовъ, нравоученія, преимущественно же практики церковной.

Послѣ истолковательныхъ трудовъ блаж. Иеронимъ, по просьбѣ Декстера, префекта преторіанскаго, издалъ въ свѣтъ весьма полезное и важное для исторіи христіанской литературы сочиненіе о знаменитыхъ мужахъ или о церковныхъ писателяхъ ¹⁾. Въ немъ представляется длинный рядъ великихъ мужей первыхъ четырехъ вѣковъ, съ ихъ учеными трудами и подвигами на пользу христіанскаго просвѣщенія и благочестія. При составленіи его бл. Иеронимъ, какъ самъ говоритъ, имѣлъ въ виду »доказать невѣрнымъ и врагамъ христіанства, что церковь наша имѣла своихъ великихъ представителей, ораторовъ, философовъ, учителей, многихъ великихъ мужей, созидавшихъ и украсившихъ ее. Пусть узнаютъ все это, продолжалъ онъ, Цельсъ, Порфирій, Юліанъ,—эти псы лающіе на Христа и да признаютъ лучше свое собственное невѣжество«²⁾. Выполняя эту высокую мысль, бл. Иеронимъ вскорѣ однакожь созналъ, что онъ, живя въ уединенной обители, весьма мало имѣлъ пособій для своего предпріятія, кромѣ церковной исторіи Евсевія кесарійскаго и немногихъ оставшихся памятниковъ отъ тѣхъ писателей, которые имѣли быть предметомъ его изслѣдованія. Посему весьма неудивительно, что при недостаткѣ пособій, необходимыхъ для такого труда, онъ неполнѣе удовлетворялъ строгому суду критиковъ, какъ относительно

1) *Hic liber vel »De illustribus viris«; »De scriptoribus ecclesiasticis« appellandus est: licet a plerisque emendatoribus imperitis »de avtoribus« dicatur inscriptus. Ep. ad Dext.*

2) *Prolog. ad libr. de vir. illustr.*

внутренняго содержанія и полноты сочиненія ¹⁾, такъ и въ отношеніи хронологическомъ. При всемъ томъ, разсматриваемое твореніе Иеронима имѣетъ свое значеніе для послѣдующихъ біографовъ, потому что оно содержитъ въ себѣ и такія свѣдѣнія, какія находятся только у Иеронима. Этотъ очеркъ писателей доведенъ имъ до конца IV вѣка и заключенъ собственнымъ лицомъ. Гениадій, пресвитеръ марсельскій (V в.), и Исидоръ, епископъ севильскій (VI и VII в.) продолжали дѣло Иеронима, но уже съ меньшимъ искусствомъ. Эти три сочиненія вмѣстѣ обнимаютъ 600 лѣтъ.

Между тѣмъ какъ бл. Иеронимъ однихъ руководилъ къ высшему духовному совершенству, поучая ихъ въ словѣ Божіемъ и составляя толкованія на св. Писаніе главнымъ образомъ для ихъ назиданія, другія лица, не обрекшія себя всецѣло на служеніе Богу, просили съ своей стороны у блаженнаго совѣтовъ для благочестивой и богоугодной жизни. Иеронимъ не отказывалъ

1) Такъ онъ сообщаетъ о самыхъ великихъ мужахъ, большею частію, весьма краткія свѣдѣнія, не входи въ подробности разсказа о ихъ жизни, ученіи, дѣлахъ и писаніяхъ; о писателяхъ—до время Евсевія—говорилъ только о тѣхъ, о которыхъ уже передалъ намъ нѣчто этотъ историкъ. Целью также не замѣтитъ, что онъ внесъ въ свой каталогъ такихъ мужей, которые вовсе чужды христіанской церкви, какъ напр. изъ иудеевъ—Филона, Иосифа, Флавія и Юста тиверіадскаго; изъ язычниковъ—Сенеку, изъ еретиковъ—Таціана, Бардизана и другихъ, но не всѣхъ. Бл. Августинъ высказывалъ свое недоумѣніе, почему Иеронимъ однихъ еретиковъ помѣстилъ въ каталогъ, а другихъ исключилъ, и почему не показалъ ихъ заблужденій и неправомыслія относительно извѣстныхъ догматовъ православной церкви (*Epist. inter Hieronimianos*). Сверхъ того онъ опустилъ многихъ христіанскихъ писателей того времени, коихъ имена и сочиненія дошли до насъ, наприм. Аввагора, Ерма, Теогноста, Меодія, Руфина (вѣроятно съ намѣреніемъ) и Іоанна іерусалимскаго. Въ этомъ опущеніи самъ Иеронимъ сознается и оправдываетъ себя тѣмъ, что сочиненія нѣкоторыхъ изъ этихъ мужей были ему невѣстны, а прочіе, говоритъ онъ, ничего не потеряютъ отъ его молчанія объ нихъ, будучи всѣмъ извѣстны по своимъ сочиненіямъ. *Prolog. ad libr. de vir. illustr.*

такимъ требованіямъ и, прерывая одни занятія, спѣшилиъ начинать другія, всегда готовый удовлетворить нуждамъ ищущихъ духовнаго руководства. Замѣчательнѣйшія изъ твореній его въ этомъ родѣ, писанныхъ около этаго времени, суть со- вѣты для письма благочестивымъ вдовамъ римскимъ: *Фуриі*, *Сальвині* и *Агерухіи*.

Фурию, молодая жена изъ потомства Камилловъ, потерявши свое счастье со смертью мужа, также знаменитаго родомъ и богатствомъ, при своемъ одиночествѣ вскорѣ узнала необходимость имѣть мудраго совѣтника и руководителя въ жизни. Около 394 года она писала къ Иерониму умоляя его наставить ее въ томъ, какимъ образомъ она можетъ сохранить незапятнаннымъ вѣнецъ вдовства, и нужно ли ей противиться убѣжденію отца и родныхъ, желавшихъ обязать ее новыми узами брака. Бл. Иеронимъ спѣшилъ принять участіе въ ея судьбѣ; въ письмѣ къ ней, онъ хвалитъ доброе ея намѣреніе и всячески старается поддержать его. Для этого, предлагая ей сначала болѣе общія правила жизни, какъ-то борьбу съ страстями плоти, умѣренность въ пищѣ и питіи, постоянное упражненіе въ чтеніи слова Божія, милостыню и др., онъ затѣмъ убѣждаетъ ее всячески избѣгать общества молодыхъ людей, уклоняться отъ общественныхъ собраній и даже многочисленныхъ семействъ, чтобъ сохранить о себѣ доброе мнѣніе другихъ. Затѣмъ, весьма искусно опровергая всякіе предлоги, на основаніи которыхъ могла бы она доказывать необходимость для ней втораго брака, Иеронимъ съ опытностію про- ницательнаго старца, представляетъ ей въ мрачной картинѣ все несчастіе семейной жизни, какое испытываетъ мать, связавшая себя вторыми узами брака. Наконецъ, чтобъ подавить въ ней всякую мысль объ этомъ бракѣ, онъ даетъ ей послѣдній совѣтъ—помнить, что она должна умереть. Все это письмо проникнуто теплотою чувства и одушевлено сильною рѣчью.

Спустя нѣсколько времени, бл. Иеронимъ писалъ къ другой знаменитой женщинѣ римской— *Сальвинѣ*, съ тою же мыслию убѣдить ее остаться въ состояніи вдовства ¹⁾. Онъ смягчаетъ безутѣшную ее скорбь о невозвратной потерѣ, описываетъ самыми яркими чертами добродѣтельную жизнь покойнаго ее мужа, представляетъ свѣтлую отраду для ней въ оставшемся семействѣ, которое достойно наградитъ ее въ будущемъ за настоящее испытаніе ее и наконецъ убѣждаетъ пребыть вѣрною своему призванію—не нарушать нѣжной и чистой любви къ своему супругу узами новаго брака. Сила чувства и тонъ рѣчи этого письма сходны съ предыдущимъ. Убѣжденіе Иеронима не было безплоднымъ. Сальвина достойно послѣдовала совѣтамъ блаженнаго ²⁾.

Книга *о единобрачїи* (de monogamia) или *письмо къ Агерухїи* есть также общее убѣжденіе къ вдовству. Здѣсь блж. Иеронимъ изъясняетъ смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ св. Писанія, въ которыхъ разрѣшается христіанамъ второй бракъ; возвышаетъ цѣну воздержанія различными указаніями на ученіе объ этомъ въ словѣ Божіемъ и даже примѣрами жрецовъ языческихъ, хранившихъ тѣлесную чистоту,—дѣвъ языческихъ, обретающихъ себя на вѣчное дѣвство для служенія своимъ богинямъ и—многихъ женъ языческихъ, посвящавшихъ свою жизнь цѣломудрію. Наконецъ Иеронимъ изображаетъ опустошеніе Имперїи и плачевное положеніе Рима и, краснорѣчивымъ описаніемъ этихъ печальныхъ обстоятельствъ, заставляетъ Агерухію забыть всякую мысль о новомъ бракѣ. Что

¹⁾ Epist. ad Salvinam de viduitate servanda.

²⁾ Живя съ матерью своею при императ. дворѣ въ Константинополѣ, она была въ числѣ тѣхъ знатныхъ, благочестивыхъ женъ, пользовавшихся особенно уваженіемъ св. Іоанна Златоустаго, съ которыми онъ въ послѣдній разъ прощался въ церкви, отправляясь на мѣсто своего изгнанія. Palladii Dialog. de vita S. Joan. Chrisost. Tom. XIII.

касается жизни, такую должна была вести юная вдова, то бл. Иеронимъ отсылалъ ее къ совѣтамъ, высказаннымъ имъ прежде — къ Евстохіи, Фуріи и Сальвинѣ.

Руководя преданныхъ ему женъ и дѣвъ къ жизни цѣломудренной и святой, бл. Иеронимъ предлагалъ наставленія и клирикамъ, напоминая имъ объ обязанностяхъ ихъ званія. *Письмо къ Непоціану*, племяннику извѣстнаго намъ Иліодора, можетъ служить образцомъ его совѣтовъ въ этомъ родѣ.

Этотъ юный пастырь, бывший долгое время усерднымъ воиномъ царскимъ и вмѣстѣ истиннымъ поборникомъ Христовымъ, вступивъ въ иноческое званіе и принявъ тамъ санъ пресвитерскій, часто просилъ блаженного представить ему образецъ истиннаго служителя Христова для достойнаго подражанія Ему. Въ воспоминаніе дружбы съ Иліодоромъ, онъ исполнилъ прошеніе племянника его, пославъ Непоціану небольшое сочиненіе въ формѣ письма, въ которомъ, какъ самъ говоритъ, предписывая Непоціану правила жизни, онъ хотѣлъ въ лицѣ его научить и прочихъ, какимъ долженъ быть совершенный клирикъ. Блаж. Иеронимъ преимущественно говоритъ здѣсь о безкорыстїи, какое всегда должны имѣть служители церкви, объ обязанностяхъ ихъ избѣгать вольнаго обращенія съ женщинами, равно какъ и всего, что можетъ подвергнуть опасности ихъ поведеніе или нарушить доброе мнѣніе другихъ; совѣтуетъ часто поучаться въ законѣ Господнемъ, чтобъ поучать народъ и наконецъ касается отношеній, какія должны быть между епископомъ и пресвитеромъ¹⁾.

1) Нельзя впрочемъ не замѣтить, что бл. Иеронимъ занимается главнымъ образомъ описаніемъ внутреннихъ, личныхъ качествъ пастыря. болѣе общихъ каждому христіанину, не касаясь обязанностей его къ паствѣ; но это безъ сомнѣнія потому, что Непоціанъ былъ пресвитеромъ-инокомъ, жилъ въ монастырѣ, слѣд. чуждъ былъ обыкновенныхъ отношеній пастыря къ пасомымъ.

Спустя два года послѣ получения этого письма, Непоціанъ умеръ среди объятій Иліодора и общаго плача всѣхъ знавшихъ его. Это обстоятельство пробудило въ Иеронимѣ дружеское участіе въ скорби *Иліодора* и онъ написалъ къ нему *утѣшительное письмо*, которое можно назвать краснорѣчивымъ надгробнымъ словомъ Непоціану. Въ немъ блаженный оплакиваетъ потерю юнаго пастыря, такъ много обѣщавшаго въ будущемъ своею жизнію и услугами церкви: подробно раскрываетъ въ чертахъ самыхъ свѣтлыхъ и блестящихъ добродѣтели усопшаго и благодаритъ Иліодора за достойнаго племянника. Потомъ, переносясь мыслію къ бѣдствіямъ современной ему эпохи, Иеронимъ, имѣвшій въ виду утѣшить Иліодора, какъ бы завидуетъ счастію Непоціана, котораго взоръ закрытъ для плачевныхъ зрѣлищъ несчастія людей.

«Сердце содрогается, писалъ онъ, когда посмотришь на гибельныя слѣды разрушенія, постигнаго нашъ вѣкъ! По всѣмъ странамъ раздаются воли, повсюду слышны стenanія, вездѣ виденъ образъ смерти!... Счастливы Непоціанъ! Онъ не видитъ и не слышитъ ничего. А мы несчастные осуждены страдать здѣсь, или быть свидѣтелями страданія братій своихъ!»

Подъ конецъ Иеронимъ въ лицѣ Непоціана оплакиваетъ вообще смертность природы человѣческой и рисуетъ разительную картину суетной превратности вещей: «Запрещая тебѣ плакать о смерти одного Непоціана, я самъ не могу не пролить слезъ о гибели цѣлыхъ миллионовъ. О, если бы мы могли вознестись на такую высоту, съ которой бы виденъ былъ весь шаръ земной! Я показалъ бы тебѣ развалины вселенной: я показалъ бы, какъ одни племена стираютъ другія съ лица земли; какъ царства рушатъ царства, какъ одни издыхаютъ среди мучительнѣйшихъ пытокъ, другіе падаютъ подъ ударами меча; тѣ погибаютъ въ волнахъ, другіе увлекаются въ тяжкую неволю; ты услышалъ бы: въ одномъ мѣстѣ раз-

даются брачныя иѣсни. въ другомъ—плачевныя вопли; ты увидѣть бы: одни рождаются, другіе умираютъ, одни утпаютъ въ удовольствіяхъ, другіе томятся въ нищетѣ; наконецъ ты вообразить бы, что не тмочисленныя полчища Ксерксовы (о которыхъ шла рѣчь выше), а обитатели всего земнаго шара. которые живы въ настоящую минуту, въ скоромъ времени сокроются съ лица земли. Но не изобразить этой сграшной превратности вещей. Слово мое безсильно!« Все это письмо писано подѣ вліаніемъ печальнаго настроенія души.

Слава обширной учености и высокаго благочестія Іеронимова огласила цѣлый міръ западный. Взоры всѣхъ обратились на смиреннаго отшельника виледемскаго и къ нему начали обращаться лица всякаго званія. съ просьбами различнаго рода, въ различныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни. Блаженный старецъ, уже сиюнявшійся лѣтами къ старости, не затруднялся отвѣтомъ на просьбы нуждавшихся. Высказывалъ ли кто свое недоумѣніе относительно пониманія какаго нибудь мѣста Писанія, затруднялся ли въ избраніи рода жизни, желалъ ли кто поучиться у него правиламъ иноческаго житія, просилъ ли написать какую нибудь книгу, какъ видимый залогъ всегдашней памяти о немъ, испытывалъ ли кто въ жизни тяжкія потери и превратности счастія и требовалъ совѣта какъ безъ малодушія перенести ихъ,—во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ мудрая оытность блаженнаго всегда готова была къ отвѣту, а искренняя любовь къ ближнимъ, несмотря на его старческую слабость, заставляла его предпринимать при этомъ такіе труды для блага ихъ, какіе едвали могъ совершать кто и въ самыя бодрыя лѣта мужества. Этого мало. Удовлетворяя нуждамъ обращающихся къ нему съ различными требованіями, блаж. Іеронимъ, сверхъ того, самъ слѣдилъ за состояніемъ нравовъ и поведенія современныхъ ему христіанъ,

старался угадывать ихъ духовныя нужды и соотвѣтственно имъ предлагать тѣ или другіе совѣты для извѣстной добродѣтели, или для уклоненія отъ господствовавшихъ пороковъ, — предлагать лицамъ, которыя, какъ онъ говорилъ, имѣли особенную нужду въ милосердіи Божиёмъ. Правда, ропотъ ожесточеннаго нечестія и здѣсь, какъ нѣкогда въ Римѣ, нерѣдко прерывала голосъ всеобщей благодарности и любви къ благочестивому подвижнику вилеємскому, но это уже не останавливало ревности неустрашимаго обличителя современныхъ пороковъ и самоотверженнаго поборника чистоты нравовъ. «Я знаю, писалъ онъ, что стрѣлы злословящихъ отсюду могутъ направиться на меня: но я умоляю ихъ остаться въ покоѣ и покинуть злословіе. Я ишу не какъ врагъ ихъ, а какъ другъ. Я не думаю обличать живущихъ во грѣхѣхъ, а даю совѣты не грѣшитель. Если я строго сужу, то не ихъ однихъ, а и себя. Я никого не обидѣлъ; въ сочиненіяхъ моихъ не найдете ничего имени; рѣчи мои не касаются ничьей личности. Въ нихъ идетъ общее разсужденіе о порокахъ. Кто вздумаетъ гнѣваться на меня, тотъ этимъ обнаружитъ только то, что онъ подходитъ подъ мое описаніе»¹⁾.

Но такимъ разнообразнымъ побужденіямъ, о которыхъ мы только-что связали, Иеронимомъ написано и теперь, какъ и прежде, много писемъ къ разнымъ лицамъ. Таковы: *письмо къ Дезидерю*, который вмѣстѣ съ сестрою своею обѣщались посѣтить св. мѣста и Иеронима, а теперь притомъ просилъ у него какого нибудь изъ его сочиненій для назиданія; *письмо къ Павлину*, котораго убѣждаетъ упражняться какъ-можно больше въ чтеніи св. Писанія; *письмо къ Аманду* пресвитеру, который просилъ у Иеронима разрѣшенія на три вопроса по св. Писанію и совѣтовъ на счетъ какой-то сестры своей; еще

¹⁾ Epist. ad Nepotian.

письмо къ Павлину, гдѣ предлагаются совѣты, какъ заниматься св. Писаніемъ, и образцы святой жизни; *письмо къ Паммахию*, гдѣ разсуждается о способѣ переводить съ одного языка на другой, по поводу упрековъ со стороны Руфина, будто Иеронимъ невѣрно перевелъ письмо Елифанія къ Іоанну іерусалимскому; *письмо къ Маркелль*, которая предложила ему на рѣшеніе пять вопросовъ изъ св. Писанія новаго завѣта; *письмо къ Пронквиллину*, которому даетъ совѣтъ какъ читать и понимать Оригена; *письмо Фабіохъ* о принадлежностяхъ ветхозавѣтнаго храма и служенія въ немъ; *письмо къ двѣтъ Принципій*, гдѣ объясняется ей содержаніе 44 псалма; *письмо къ Паммахию* по смерти жены его Павлины, дочери Павлы; *письмо Каструцію*, котораго утѣшаетъ въ слѣпотѣ его; *письмо къ Океану* о главныхъ достоинствахъ епископа; *письмо къ Ману*, римскому оратору, который спрашивалъ Иеронима, зачѣмъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ мѣшаетъ языческую ученость съ христіанскою; *письмо къ Люцинію*—сложнаго содержанія; *письмо къ Евангелу пресвитеру*, которому доказываетъ, что Мелхиседекъ былъ человѣкъ, а не Духъ Святой, какъ думали иные; *письмо къ Руфину* о судѣ Соломона между двумя женщинами, спорившими за дитя; *письмо къ Теодоръ вдовъ* Люцинія—предлагаетъ утѣшеніе по смерти ея мужа и совѣты къ цѣломудренной жизни безъ мужа; *письмо къ Абию пресвитеру*, лишившемуся зрѣнія,—письмо утѣшительное; *письмо къ Океану*—о смерти Фабіолы; *письмо о 42 станахъ* израильтянъ въ пустышѣ, посвященное памяти той же Фабіолы, такъ какъ Иеронимъ обѣщалъ, но не успѣлъ сдѣлать этого при жизни ея. Всѣ эти письма написаны Иеронимомъ въ промежутокъ времени отъ 392—400 г., въ періодѣ самой жаркой полемики съ ересями и представителями ихъ. Намѣреваясь теперь представить эту полемическую дѣятельность Иеронима, мы и указываемъ на всѣ тѣ письма въ одномъ мѣстѣ, чтобы

не прерывать потомъ нити въ описаніи полемической письменности вилеємскаго труженика.

Неутомимый въ ученыхъ занятіяхъ, которыя назначались прямо для пользы вѣрныхъ чадъ церкви, Іеронимъ въ то же время не могъ быть спокойнымъ свидѣтелемъ того, какъ заблужденіе, возмущая чистоту вѣры христіанъ, въ невѣжествѣ своемъ думало торжествовать, не вдругъ встрѣчая опроверженіе противъ себя. Съ душою кипучею и всегда бодрою, онъ зорко слѣдилъ за явленіемъ и дѣйствіями неправомыслія въ области вѣроученія и не могъ молчать, когда ересь гласно высказывалась съ своими воззрѣніями и основаніями. Считая враговъ церкви своими личными врагами¹⁾, онъ борьбу съ ними считалъ высокимъ, святымъ дѣломъ и, начавши борьбу, не жалѣлъ ни силъ, ни трудовъ своихъ. Главный приемъ его въ подобной борьбѣ—строгий анализъ ереси или, какъ самъ выражался, побѣждать противника собственнымъ его оружіемъ²⁾. Мы видѣли, какъ прежде онъ обличалъ Гельвидія и люциферіанъ; теперь явился новый еретикъ Іовиніанъ, за нимъ послѣдуютъ и другіе, Вигилипцій, оригенисты, пелагиане. Они теперь вызвали противъ себя ученую дѣятельность Іеронима.

Іовиніанъ, послѣ довольно долгой жизни въ монастырѣ, вдругъ возненавидѣлъ свой образъ жизни, бросилъ монастырь и, явившись въ Римъ (ок. 390 г.), началъ проповѣдывать свои ложныя убѣжденія, въ соблазну неопытныхъ и легковѣрныхъ. Обольстительное ученіе его, особенно на счетъ дѣвства и воздержанія³⁾, оправдываемое его жизнію, которую сталъ про-

1) Haereticis nunquam peperci, et omni studio egi, ut hostes ecclesiae mei quoque hostes fierent. Praef. Dialog. adv. Pelag.

2) Epist. ad Pammachium.

3) Онъ училъ, что дьяволъ не имѣетъ никакой власти надъ пріявшими

водитъ среди удовольствій чувственности развращеннаго Рима, вскорѣ нашло себѣ довольно послѣдователей ¹⁾. Осужденное сначала въ Римѣ напою Сириціемъ, оно проникло въ Миланъ: но и здѣсь бдительный пастырь стада, св. Амвросій, осудилъ его на соборѣ съ епископами сѣверной Италіи и въ то же время написалъ опроверженіе ереси въ посланіи къ папѣ ²⁾. Ювиніанъ упорствовалъ. Онъ такъ мало сознавалъ свою вину, что заблужденія свои собралъ въ одну книгу и пустилъ въ свѣтъ. Желая остановить разливающійся потокъ зла, Паммахій и Домніонъ послали къ бл. Иерониму еретическую книгу, прося его «обличить нечѣности ея, и евангельскимъ и апостольскимъ оружіемъ сокрушить Еликура христіанскаго» ³⁾. Иеронимъ не замедлилъ выступить противъ врага православія съ оружіемъ слова и написалъ (392 г.) въ обличеніе Ювиніана двѣ книги, довольно обширныя по объему и проникнутыя сильною ревностію по вѣрѣ. Первую изъ нихъ онъ посвятилъ въ особенности защищенію высокаго достоинства безбрачной жизни, основывая мысли свои на ученіи ап. Павла, нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ Писанія и на преданіи церковномъ. Здѣсь же, пользуясь ученостію свѣтскою, онъ собираетъ все, что только можно было сказать въ пользу дѣвства у народовъ языческихъ, съ тою цѣлью, какъ говоритъ онъ, чтобы жены, презирающія христіанскій законъ о цѣломудріи, узнали значеніе его, по крайней мѣрѣ, отъ язычниковъ ⁴⁾. Во второй книгѣ Иеронимъ

благодаря крещенія; что дѣвы, посвятившія себя на служеніе Богу, не болѣе имѣютъ заслугъ, въ очахъ Божіихъ, какъ и вдовы и замужнія: что воздерживаться отъ извѣстныхъ яствъ—совершенно безосновательно (Adv. Jovin. Lib. I).

1) По свидѣтельству бл. Августина многіе какъ прельщались его ученіемъ, что вступали въ бракъ даже инокини и притомъ преклоннаго возраста. S. August. Haeres. LXXXII. Retractationum lib. 2.

2) Ambros. Epist. 41 и 42.

3) Hieron. adv. Jovin. lib. I.

4) Ibid.

обличаетъ прочія заблужденія еретика. съ особенною силою опровергая лжеученіе его о постѣ и воздержаніи. »Конечно, говоритъ онъ, Богъ ничего не создалъ нечестымъ и потому все должно принимать съ благодареніемъ. По законъ ветхій и новый Завѣтъ повелѣваютъ, чтобы духъ господствовалъ надъ плотію, чтобы чувственыя пожеланія были ограничиваемы. Моисей на вершинѣ Синая постился 40 дней и 40 ночей. Для чего? Чтобы принять отъ Бога законъ израилю. Народъ, напротивъ, ѣсть и пьеть, предается играмъ и сливаетъ золотого тельца, которому поклоняется какъ Богу. Ниневія смиряется постомъ и отводитъ отъ себя удары небеснаго правосудія. То, что такъ прославлено въ в. Завѣтѣ, не отмѣнено и въ новомъ. Предтеча Христовъ, сей священный прообразъ иночества, питался въ пустынѣ только дикимъ медомъ и акридами. Постился и самъ Спаситель..... Въ порывѣ негодованія противъ наглаго ученія, покровительствующаго безнравственности и распутству, онъ обращается опять за примѣрами къ язычеству и изъ него старается свести различныя мысли, благопріятствующія его предмету. Онъ хотѣлъ бы, такъ сказать, вызвать изъ гробовъ тѣни великихъ философовъ и мудрецовъ и отъ нихъ услышать слово въ пользу своей истины, которую они, хотя неполнѣ ясно, чувствовали еще въ свое время...¹⁾. Это одно изъ любопытнѣйшихъ мѣстъ книги, одно изъ тѣхъ, гдѣ расточаются доказательства и разнообразныя и занимательныя.

За то книги эти. только-что появившись въ свѣтъ, тотчасъ встрѣчены были возраженіями со стороны самыхъ православныхъ. Иеронимъ, вполне предавшись ревности его одушевлявшей, поставлялъ въ нихъ (въ 1 кн.) жизнь дѣвственную такъ высоко въ сравненіи съ состояніемъ брачнымъ,

1) Lib. II. adv. Jovin.

что, кажется, смотрѣлъ на бракъ, какъ на порокъ, болѣе терпимый, чѣмъ позволенный закономъ. Многіе римляне смущены были этимъ. Поэтому, другъ Іеронимовъ, Паммахій, предвидя возможность опасныхъ слѣдствій отъ этого, старался-было задержать, сколько можно было, быстрое распространеніе сочиненія. Но когда и это не помогало дѣлу, тогда, увѣдомленный о томъ, Іеронимъ рѣшился написать другое сочиненіе для объясненія и защиты ¹⁾ своихъ мыслей, адресовавъ его въ Римъ на имя Паммахія при особомъ письмѣ къ самому Паммахію. Сознавалъ ли Іеронимъ справедливость сдѣланныхъ ему замѣчаній или по другимъ причинамъ, только въ апологѣ своей онъ далеко отъ всякаго раздраженія и нетерпимости и спокойно старается объяснить то, противъ чего ему возражали. »Развѣ серебро, говоритъ онъ о брачной жизни, перестаетъ быть серебромъ потому только, что оно менѣе драгоценно, чѣмъ золото? Развѣ значило бы увижать дерево и корень, если предпочитать плоды корню, пшеницу—соломѣ и колосу? Хвалю бракъ, хвалю супружество, но потому что они раждаютъ дѣвъ; отличаю отъ шиповъ розу, отъ земли—золото, отъ раковины жемчугъ ²⁾. Ясно, что такимъ объясненіемъ нельзя было успокоить возражающихъ. Возраженія принимали характеръ волненія умовъ. Іеронимъ пытался еще уяснить свою точку возрѣнія на предметъ въ письмѣ къ Домніону, но и этотъ опытъ не много измѣнилъ дѣла. Оставаясь при своемъ, Іеронимъ жалѣлъ только, что не всѣ принимаютъ этого ученія его ³⁾.

Вигиланцій,—родомъ изъ южной Галліи, низкаго проис-

1) Название сочиненія: Epistola seu liber apologeticus, ad Pammachium, pro libris contra Jovinianum.

2) Epist. seu Apol. ad Pammach.

3) Praef. ad Comment in Jeremiam.

ходенія, разными происками и покровительствомъ нѣкоторыхъ лицъ успѣвшій достигнуть пресвитерскаго сана ¹⁾). Прибывши на востокъ и имѣя съ собою и письмо къ бл. Иерониму отъ своего покровителя Павлина, онъ радушно принятъ этимъ старцемъ и долго пользовался дружескимъ довѣріемъ и расположенностію его и нерѣдко вступалъ съ нимъ въ продолжительныя бесѣды о предметахъ вѣры и благочестія. Потомъ, когда поднялись на востокѣ толки по поводу ереси оригенистовъ, Вигиланцій присоединился къ противникамъ Иеронима и думалъ-было обвинить его въ заблужденіяхъ Оригена. Иеронимъ написалъ *письмо къ Вигиланцію* и силою своего слова заставилъ его молчать. Оставаясь въ душѣ при своемъ и скрывая завистливую вражду противъ Иеронима, Вигиланцій показалъ видъ, будто вразумился, просилъ прощенія, и однажды (въ восхищеніи отъ проповѣди Иеронима о воскресеніи тѣла) торжественно, въ церкви, свидѣтельствовалъ о православіи вилеємскаго учителя. Казалось, все тѣмъ и кончилось. Но оставивъ востокъ въ добромъ, повидимому, расположеніи къ Иерониму, Вигиланцій, на пути въ Римъ, опять объявилъ себя врагомъ Иеронима, называлъ его еретикомъ и, распространяя это въ народѣ, съ хвастовствомъ утверждалъ, что онъ лично обвинялъ въ ереси Иеронима, который будто не могъ устоять противъ сильнаго и краснорѣчиваго его слова. Подъ ложнымъ предлогомъ ревности по вѣрѣ, а въ самомъ дѣлѣ по зависти къ славѣ Иеронима и по пустому хвастовству, Вигиланцій началъ обличать христіанъ въ отступленіи отъ истины и дошелъ до того, что сталъ называть ихъ идолопоклонниками за почитаніе останковъ мучениковъ и святыхъ, порицалъ всепощныя бдѣнія, употребленіе свѣчъ при гробахъ мучениковъ, осуждалъ дѣвство и другіе предметы благочестія христіанскаго ²⁾). Рѣ-

1) Gennad. de vir. illustr. cap. 35.

2) Ibid.

парій, пресвитеръ таррагонскій, опасаясь соблазна вѣрующихъ, просилъ (404 г.) бл. Иеронима во время отвратить зло,—обличить еретика. Иеронимъ написалъ *письмо къ Рипарію*, въ которомъ изъявляетъ полную готовность обличить еретика, какъ скоро ересь его будетъ обнародована письменно. Около 403 года Вигиланцій успѣлъ уже письменно обнародовать свои мысли. Въ 406 году, получивъ отъ Рипарія и самую еретическую книгу, Иеронимъ въ одну ночь написалъ *книгу опроверженій ученія Вигиланція*.

Въ этой книгѣ бл. Иеронимъ обличаетъ еретика вначалѣ какъ своего личнаго противника, а потомъ какъ врага церкви и ся сподойствія. »Мы не служимъ и не покланяемся ни солнцу ни лунѣ ни другимъ тварямъ, говорилъ онъ въ защиту почитанія св. мощей, но чтимъ останки мучениковъ и святыхъ для того, дабы честь, которую мы имъ воздаемъ, обратилась къ Богу. О безумная голова! кто воздавалъ когда либо божеское поклоненіе мученикамъ? Кто почиталъ челоуѣка какъ Бога? Ужъ не Павелъ ли и Варнава, которые, когда ликаоняне приняли ихъ за Юпитера и Меркурія и хотѣли имъ принесть жертвы, разодрали свои одежды и объявили о себѣ, что они люди?... »Если апостолы и мученики, говорилъ онъ въ подтвержденіе дѣйствительности нашихъ молитвъ къ святымъ,—еще будучи во плоти, могли умолять Бога о людяхъ, то не болѣе ли они могутъ ходатайствовать о насъ теперь, когда совершили свои побѣды и получили вѣнцы?«.

Доказывая преданіемъ и всегдашнимъ обычаемъ церкви святость и необходимость почитанія останковъ мучениковъ и святыхъ, бл. Иеронимъ пишетъ: »Чтобы согласиться съ нимъ (Вигиланціемъ), для этого надлежало бы осудить благочестивое попеченіе Іосифа о погребеніи Іакова, осудить народъ Божій за то, что онъ вынесъ изъ Египта кости самаго Іосифа, апостоловъ за то, что они воздали послѣднюю честь тѣлу св. Сте-

фана; царей христіанскихъ за то, что они давали повелѣнія о перенесеніи мощей ¹⁾; епископовъ, — что перенесли сіи свящ. останки съ великимъ торжествомъ и почестями; всѣхъ христіанъ за то, что они посѣщаютъ храмы мучениковъ и возносятъ къ нимъ свои молитвы.

Имѣя въ виду одни злоупотребленія и безпорядки, какіе иногда совершались во время всенощныхъ бдѣній при гробахъ мучениковъ, Вигиланціи вооружался противъ самыхъ бдѣній и порицалъ ихъ. Но, возражалъ ему Іеронимъ, неосновательно было бы уничтожить эти бдѣнія потому только, что злоупотребляютъ ими нѣкоторые юноши и жалкія женщины; эти люди и внѣ бдѣній могутъ производить безпорядки въ своихъ домахъ или въ чужихъ; иначе, притомъ, надлежало бы отмѣнить и пасхальное бдѣніе.

Употребленіе свѣчей при богослуженіи и зажиганіе ихъ предъ гробами святыхъ Вигиланцій также сдѣлалъ предметомъ осужденія и на этотъ вѣковой обычай церкви смотрѣлъ какъ на подражаніе языческимъ празднествамъ, особенно ему казалось страннымъ зажиганіе свѣчей среди бѣлаго дня. Бл. Іеронимъ обличаетъ еретики и по этому предмету, стараясь убѣдить его, что неприличное у язычниковъ, въ ихъ служеніи божествамъ ложнымъ, должно быть похвальнымъ и священнымъ у христіанъ — прославляющихъ мучениковъ Іисуса Христа. Послѣ этого доказательства, онъ указываетъ ерестку на употребленіе огня въ церкви подзаѳонной, его тамъ божественное установ-

1) Здѣсь Іеронимъ указываетъ на множество такихъ перенесеній, совершавшихся большею частію въ его время. «Достойны ли обвиненія Констансъ, говорилъ онъ, перенесши въ Константинополь въ богатыхъ ракахъ мощи св. Андрея, Луки и св. Тимофея, которыхъ одно присутствие изгоняло бѣсовъ, или — Аркадій, перенесши изъ Палестины во Фракію кости Самуила и горжественно поставившіи ихъ въ церкви, созданной для этой же цѣли?»..

леніе (Лев. IV, 13; Исх. 27, 20. 21), освященное наконецъ припѣрами самихъ апостоловъ (Дѣян. 20, 7. 8). 1).

Увлеченный духомъ своего предшественника, Вигиланцій осуждалъ жизнь иноческую и его развращенному сердцу казались несогласными съ духомъ христіанства тѣ постоянныя испытанія и подвиги, какихъ требуетъ обѣтъ дѣвства и цѣломудрія; онъ порицалъ, наконецъ, бывшій тогда въ употребленіи обычай посылать въ Іерусалимъ милостыню и продавать свое имущество для Сѣдныхъ. Всегда жаркій до увлеченія защитникъ дѣвства, Іеронимъ и теперь отдается этому чувству и вмѣсто того, чтобы разсуждать, догазывать и силою доказательствъ опровергать своего противника, онъ на вопросы большею частію отвѣчаетъ вопросамъ и не опровергаетъ возраженій, а разсѣкаетъ ихъ 2).

Сочиненіе это важно для насъ особенно по тѣмъ подробностямъ, какія сообщается оно о вѣрѣ и благочестивыхъ обычаяхъ православной церкви въ продолженіи первыхъ трехъ вѣковъ.

Настаетъ продолжительный и жаркій споръ въ церкви

1) Для насъ важно свидѣтельство Іеронима объ употребленіи свѣчей въ его время во всѣхъ церквахъ востока, какъ при чтеніи евангелія, когда свѣщепосцы держали ихъ предъ евангеліемъ, такъ и при другихъ частяхъ богослуженія.

2) Если всѣ станутъ дѣвственниками, то какъ продолжится родъ человеческій? Возражалъ Іерониму его противникъ.—«Еслибы всѣ, поэтому, были подобно тебѣ безумными, думаешьли, что не нашелся бы ни одинъ мудрецъ? Если всѣ захотятъ быть военачальниками, то кто будетъ воинъ? Если всѣ вадумають быть ораторами, то кто будетъ земледѣльцемъ? Ты т. е. опасешься слѣдствій, какія могутъ произойти отъ всеобщаго дѣвства? Не страшись,—ничего нѣтъ труднѣе его, оно весьма рѣдко, и потому такъ драгоценно, что сопряжено съ величайшими трудностями». Подобные же доводы употреблялъ Іеронимъ и при обличеніи Ювиніана, останавливавшася на этомъ же самомъ вопросѣ.

восточной и отчасти западной съ оригенистами. Неправильны мысли Оригена, поддерживаемыя, развиваемыя и распространяемыя нѣкоторыми наставниками и воспитанниками изъ школы александрійской, питавшими особенное уваженіе къ знаменитому учителю своему, вскорѣ изшли себѣ многихъ слѣпыхъ приверженцевъ въ самыхъ даже представителяхъ церкви. Пока эти мысли оставались однимъ личнымъ убѣжденіемъ ихъ, — никому не было до нихъ дѣла; но когда большая часть востока явно увлекалась ими и проповѣдывала ихъ какъ ученіе православное, тогда, въ числѣ многихъ другихъ, и бл. Иеронимъ, при всемъ уваженіи своемъ къ Оригену, принужденъ былъ стать противъ возникающаго зла, и на первыхъ порахъ пожертвовать для этого даже искреннюю дружбу своею съ Руфиномъ. Дѣло оригенистовъ тѣсно связано съ нѣкоторыми предварительными событіями въ церкви и начато другимъ борникомъ православія, св. Епифаніемъ кипрскимъ.

Этотъ добрый и ревностный пастырь не могъ безъ скорби смотрѣть, какъ приверженцы Оригена распространяли, особенно въ Палестинѣ, неправо ученіе его. Епифаній подозрѣвалъ епископа іерусалимскаго Іоанна (друга Иеронимова и Руфинова) соучастникомъ и даже покровителемъ ихъ и потому, рѣшившись начать дѣло съ него, въ 394 году отправился въ Іерусалимъ. Убѣдившись тамъ въ справедливости своего подозрѣнія и замѣтивъ, что не только самъ епископъ, но и большая часть иноковъ (въ томъ числѣ и Руфинъ) и членовъ клира питаютъ большое сочувствіе къ неправому ученію, онъ, несмотря на ласковый пріемъ Іоанна и видимую съ нимъ дружбу, сначала кротко умолялъ его оставить свое убѣжденіе, а потомъ, при явномъ сопротивленіи Іоанна, принужденъ былъ торжественно, съ церковной кафедры обличить пастыря іерусалимскаго и его пасомыхъ въ приверженности къ ученію, несогласному съ православіемъ. Съ глубокою скорбію и слезами

св. Епифаній прекратилъ общеніе свое съ Іоанномъ и совѣтовалъ и бл. Іерониму, котораго онъ хорошо зналъ по ревности его къ вѣрѣ, равно какъ и братіи его прекратить единеніе съ своимъ епископомъ. Блаж. Іеронимъ не усомнился предпочесть благо церкви долговременной расположенности къ Іоанну и склонился на предложеніе преемственнаго старца епископа. Тотчасъ же онъ *перевелъ* на латинскій языкъ *обличеніе* настыра епископа противъ Іоанна. Несогласіе это было усилено новымъ споромъ между Іоанномъ и св. Епифаніемъ по случаю рукоположенія Епифаніемъ Навлиніана, младшаго брата Іеронимова, пресвитеромъ въ монастырь виллемскаго. Іоаннъ жаловался на этотъ поступокъ Епифанія, а настырь епископъ требовалъ одного -- отказаться отъ всѣхъ ересей, въ которыхъ онъ обвинялъ его, Руфина и нѣкоторыхъ другихъ лицъ ¹⁾. Оставалось объясниться Іоанну. Онъ написалъ защитительное посланіе и отправилъ его къ Теофілу александрійскому и ко всѣмъ епископамъ востока и запада. Всѣ наперерывъ читали апологію Іоанна и вмѣстѣ обличеніе противъ него св. Епифанія ²⁾.

Бл. Іеронимъ, доселѣ только сочувствовавшій ревности

1) S. Eript. Epist. ex. S. Hieron. Prolog. Dialog. contr. Pelag.

2) Здѣсь заблужденія Оригена, замѣченныя въ Іоаннѣ, сводятся главнымъ образомъ къ 8 пунктамъ: а) что Сынъ Божій не можетъ созерцать Отца, ни Духъ св. созерцать Сына; б) что души были нѣкогда ангелами, но потомъ, за ихъ грѣхи, низведены на землю и заключены въ тѣла, в) что діаволъ и демоны принесутъ нѣкогда покаяніе, и подъ конецъ временъ будутъ царствовать вмѣстѣ со святыми, г) что ризы кожанныя, которыми Богъ одѣлъ Адама и Еву послѣ ихъ паденія и изгнанія изъ рая, были не что иное, какъ ихъ собственныя тѣла, и что прежде паденія они были безтѣлесны; д) что мы не воскреснемъ съ тѣми членами, которые образуютъ наше тѣло и которые отличаютъ одинъ полъ отъ другаго; е) что рай земной нужно понимать въ смыслѣ аллегорическомъ, какъ небесное жилище: деревья, какъ символъ ангеловъ, рѣки -- добродѣтелей небесныхъ и г. под.; ж) что воды, которыми, по Писанію, находятся превыше небесъ

пастыря кипрскаго, рѣшился самъ выступить съ обличеніемъ ереси. Онъ зналъ, что молчаніе можетъ иногда служить знакомъ виновности въ глазахъ людей, незнающихъ дѣла, а съ другой стороны Паммахій писалъ къ Иерониму, что апологія Іоанна стала уже производить волненіе умовъ, потому что многіе недоумѣвали, какой стороны держаться имъ. Поэтому въ отвѣтъ на просьбу Паммахія, требовавшаго объяснить ему положеніе дѣла, Иеронимъ написалъ *опроверженіе прѣтвѣ апологіи Іоанна* ¹⁾. Онъ не руководился, какъ самъ замѣчаетъ, ни пристрастіемъ ни тщеславіемъ, но единственно благомъ вѣры. »Основательно ли оправданіе Іоанна? чиста ли его вѣра? Пусть онъ объяснится безъ всякихъ увертокъ и тогда не будетъ болѣе смущенія«. Вступая потомъ въ подробности разбора апологіи Іоанновой, Иеронимъ замѣчаетъ, что изъ 8 пунктовъ, въ которыхъ обвиняли Іоанна, обвиняемыи коснулся только трехъ, не упоминая даже о прочихъ. Опытный обличитель неправаго ученія поочередно касается каждаго изъ этихъ пунктовъ, разбираетъ ихъ подробно и, сравнивая съ ученіемъ православнымъ, находитъ въ каждомъ пунктѣ мнѣнія еретическія; при этомъ онъ не даетъ мѣста никакимъ уверткамъ ²⁾.

суть ангелы и силы небесныя, а находящіяся на землѣ и подъ землею суть демоны и силы вражескія; 3) что человекъ потерялъ образъ Божій постѣ своего изгнанія изъ рая земнаго.

1) S. Hieron. Epist. ad Pammach. adv. errores Iohan. Hierosol.

2) 1. Обвиняютъ еп. Іоанна, говоритъ Иеронимъ, что онъ училъ съ Оригеномъ: Сынъ не созерцаетъ Отца и Духъ Св. не созерцаетъ Сына. Что же отвѣчаетъ Іоаннъ? Въмѣсто всякаго опроверженія онъ ссылается на то, что Троица невидима. Требуется знать, созерцаетъ ли Себя взаимно Св. Троица, а онъ, уклоняясь отъ вопроса, проповѣдуетъ о другихъ свойствахъ Троичности. Зачѣмъ же на вопросъ объ одномъ предметѣ отвѣчать на другой? (Adv. error. Iohan. Hierosol.).

2. Разсуждая о другомъ пунктѣ обвиненія, Иеронимъ разбираетъ мнѣніе Оригена относительно предсуществованія душъ и его платоническія понятія.

Іоаннъ, оскорбленный вмѣшательствомъ бл. Іеронима въ его споръ съ св. Епифаніемъ, и прекращеніемъ общенія съ нимъ, грозилъ Іерониму изгнаніемъ, а иноковъ впадеемскихъ склонялъ не слѣдовать за своимъ настоятелемъ, не производить раскола и подчиниться своему пастырю. Къ этому же времени въ Іерониму писалъ и Теофиль еп. александрійскій, склоняя его къ миру съ своимъ епископомъ. Іеронимъ отвѣчалъ *письмомъ Теофілу* ¹⁾, гдѣ подробно излагаетъ правоту своего дѣла и вмѣстѣ жалуется на Іоанна, особенно за то, что Іоаннъ хлопоталъ объ его ссылкѣ; но нельзя сказать, чтобы слова Іеронима не дышали искреннимъ желаніемъ мира.

Теофиль, надѣясь, что личное его присутствіе устроитъ миръ въ церкви іерусалимской, отправился въ Палестину и началъ обходиться съ обоими несогласными сторонами дружелюбно и ласково, склоняя ихъ къ примиренію. Эта мѣра оказалась наилучшею въ прегражденію соблазнительнаго спора. Изъ уваженія ли къ пастырю александрійскому, столь дѣятельно принявшему участіе въ состояніи церкви іерусалимской, а больше всего, кажется оттого, что въ это самое время (ок. 399 года) на самаго Іеронима слышались изъ Рима обвиненія въ оригенизмѣ ²⁾, Іеронимъ рѣшился уступить настоянію Тео-

Здѣсь, по замѣчанію его Іоаннъ на простой вопросъ (то противника опять старается поставить себя внѣ предмета отвѣтами уклончивыми «Его спрашиваютъ: когда же сотворена душа — твореніе Божіе, одаренное свободною волею, разумное, и которое однако не есть часть сущности творческой? Онъ старается отдѣлать себя отъ различныхъ еретиковъ Маркіона, Аполлинарія, Евномія, Арія, Манеса У чего требуешь руки, а онъ даетъ тебѣ ногу

1) Письмо это озаглавляется. *Epistola ad Theophil. contra Johan Hierosol*, въ отличіе отъ другаго письма въ Теофілу писаннаго прежде, которое называется: *Ep. de causa Origeniana*

2) Это сдѣлалъ, какъ сейчасъ увидимъ. Руфинъ, который запуталъ и себя и Іеронима въ дѣло объ оригенистахъ.

фила и около 400 г. вмѣстѣ съ своими иноками вступилъ въ общеніе съ Іоанномъ. Такъ кончился первый споръ съ оригенистами.

Во все продолженіе несогласія между бл. Іеронимомъ и еп. Іоанномъ Руфинъ, сочувствуя послѣднему, открыто старался держать себя въ сторонѣ. Не видимъ, чтобы онъ былъ однимъ изъ дѣятелей этого спора, но нельзя не замѣтить, какъ покажетъ дальнѣйшая исторія, что онъ, живя съ Іоанномъ, раздѣлялъ его и мысли, и былъ уже тайнымъ противникомъ Іеронима; дальнѣйшій споръ между этими друзьями показалъ, кто изъ нихъ былъ на чьей сторонѣ. Отправляясь въ Римъ, послѣ долгаго пребыванія своего на востокѣ (27 лѣтъ), онъ захотѣлъ мирно проститься съ Іеронимомъ. Въ церкви Воскресенія Господня, у подножія алтаря, одинъ другому протянулъ руку и Іеронимъ провожалъ своего друга въ путь ¹⁾. Казалось миръ возвратился къ старымъ друзьямъ: но увидимъ, что этотъ миръ былъ только предвѣстникомъ той сильной бури, которая не только поколебала возстановленную дружбу, но и превратила ее въ открытую и продолжительную вражду.

Прибывши въ Римъ, Руфинъ, по просьбѣ инока Макарія, перевелъ на латинскій языкъ 4 книги *о началахъ*— Оригена (пер. *αρχαί*), и такимъ образомъ открылъ для всѣхъ тотъ источникъ, изъ котораго всѣ оригенисты почерпали свои мысли. Назначенный для лица частнаго, переводъ вскорѣ вошелъ во всеобщее употребленіе, и римляне, до этого времени бывшіе холодными зрителями спора на востокѣ о заблужденіяхъ Оригена, не имѣя возможности читать ихъ въ подлинникѣ, принялись теперь слишкомъ жарко за дѣло, съ жадностію перечитывая любопытный переводъ, доступный для всякаго читающаго. Плодомъ всеобщаго увлеченія началами Оригена явл-

1) Pallad. Lavsiac. cap. СХVІІІ

лось скоро въ Римѣ сильное броженіе умовъ. Повторилось то же, что было и между современниками Оригена: одни питали къ нему безпредѣльное удивленіе, другіе осыпали величайшими оскорбленіями. Между мірянами обнаружилось движеніе въ пользу Оригена, тогда какъ большая часть членовъ клира и лицъ, преданныхъ жизни благочестивой, стали смотрѣть на новія для нихъ мысли какъ на опасныя соблазны для церкви. Слухи объ этомъ дошли до Иеронима и его смущало новое волненіе въ Римѣ, которое такъ много зла оставило на востоцѣ. Иеронимъ отправилъ въ Римъ нѣсколько своихъ друзей, чтобъ въ лицѣ ихъ наблюдать за движеніями новой опасности и ко возможности противодѣйствовать виновникамъ ея. Столкновеніе между Иеронимомъ и Руфиномъ было при этомъ неизбѣжнымъ. Руфинъ выставилъ свой трудъ дѣломъ законнымъ, основываясь на такомъ авторитетѣ ¹⁾ и примѣрѣ, каковъ авторитетъ и примѣръ друга Иеронима, недавно такъ сильно порававшего неправомысліе оригенистовъ. Это обстоятельство открыто вызывало Иеронима на объясненіе и за объясненіемъ необходимо послѣдуетъ ссора; и дѣйствительно вскорѣ завязался между ними такой споръ, такого еще не было изъ-за Оригена.

Еще Руфинъ трудился надъ обработкою своего перевода, какъ уже начали предпринимать мѣры сдѣлать трудъ этотъ безпольнымъ. Протавная сторона, похитивъ одну изъ его ру-

1) Слѣдую правилу предшественниковъ, говорилъ онъ въ предисловіи къ своему переводу о *началахъ*, особенно же тогда мужа, о коемъ выше говорилъ (объ Иеронимѣ). Онъ, сверхъ 70 книгъ Оригена, которыя называлъ собесѣдательными (homileticos), перевелъ на латинскій языкъ еще нѣсколько книгъ изъясненій, въ которыхъ такъ исправилъ и очистилъ своимъ отчетливымъ переводомъ всѣ погрѣшности, существовавшія въ греческомъ (подлинникѣ), что читатель его латинскаго перевода не найдетъ въ немъ ничего несообразнаго съ нашею вѣрою».

еписей и помѣстивъ въ ней нѣсколько аріанскихъ мыслей, пустила въ ходъ, какъ экземпляръ сочиненія, имѣвшаго явиться въ свѣтъ отъ имени Руфина. Въ этихъ обстоятельствахъ *Паммахій и Океанъ письмомъ* къ Иерониму просили у него сначала точнаго перевода книги о *началахъ*—*Оригена*, перевода, который бы могъ и уличить Руфина въ (мнимомъ) извращеніи подлинника, ослабить уваженіе къ Оригену у приверженцевъ къ нему, еслибы въ новомъ переводѣ указаны были неpravыя мысли Оригена противъ Бога Слова; затѣмъ просили прислать оправданіе со стороны самаго Иеронима, которое бы показало, что, несмотря на его переводы твореній Оригена и на разныя похвалы ему со стороны Иеронима, все-таки самъ Иеронимъ никогда не былъ оригенистомъ, и слѣдовательно напрасно иные въ подтвержденіе своихъ мыслей думаютъ ссылаться на его имя. Бл. Иеронимъ тотчасъ же написалъ небольшое *письмо къ Руфину*, гдѣ, поблагодаривъ его за честь, съ какою онъ относится къ его имени, проситъ однакоже впередъ не хвалить такимъ образомъ Иеронима, а вслѣдъ затѣмъ немедленно приступилъ къ дѣлу, и чрезъ годъ, въ 400 г. *переводъ и объясненіе* явился въ Римѣ, послѣднее *въ письмѣ на имя Паммахія и Океана*. Къ сожалѣнію, ни переводъ, ни объясненіе не имѣли желаннаго успѣха. Въ Римѣ друзья Иеронима, прочитавши присланный новый *переводъ*, тотчасъ увидѣли, что невозможно объявить его, не возбудивъ всеобщаго упрека переводчику. Пытаясь обнародовать опасную книгу съ цѣлью уронить того, кто писалъ ее, не значило ли неблагоприятно подвергать опасности читателей прежде, чѣмъ удастся унизить самаго автора? Впрочемъ по неосторожности Паммахія переводъ вскорѣ явился таки во многихъ спискахъ и распространился по городу. Что же вышло? Вопреки ожиданію, имъ воспользовался только Руфинъ, какъ доказательствомъ своего правотворія и согласія съ вѣрою никейскихъ

отцовъ и вмѣстѣ своей благонамѣренности и осмотрительности: потому что противорѣчія двухъ переводовъ ясно давали знать, что Руфинъ старался выслушать въ своемъ переводѣ и устранить отъ народа все, что могло имѣть малѣйшее сходство съ ученіемъ Арія. Что касается самаго Оригена, то новый трудъ Иеронима не рѣшилъ ничего, потому что вопросъ былъ не столько въ томъ, свободенъ ли греческій текстъ *о началахъ* отъ заблужденій, сколько въ томъ, произошли ли эти заблужденія отъ самаго Оригена, или они были дѣломъ еретиковъ. Объясненіе Иеронима не было счастливѣе перевода. Въ самомъ цѣлѣ, хорошо объяснився было затруднительно теперь для Иеронима. Какъ отвергнуть то, что Иеронимъ переводилъ различныя творенія Оригена? Какъ, не обличивъ себя въ непостоянствѣ, оуждать, обвинять и объявлять теперь еретикомъ того человѣка, котораго гредь тѣмъ осыпалъ величайшими похвалами? Поэтому замѣтно, что оправданіе это съ одной стороны очень осторожно и мало убѣдительно ¹⁾, съ другой—кажется писано съ глубоко опечаленнымъ сердцемъ. Увлеченіе со стороны Иеронима къ Оригену было неоднократно высказываемо прѣсуде такъ смѣло, что для него теперь было тяжело торжественно отречься отъ него, и вотъ этотъ великій мужъ принужденъ былъ прибѣгать къ слабымъ извиненіямъ, называя свою прѣвзосланность къ Оригену то плодомъ увлеченія юности, то—прельщенія языческою философіею чтеніемъ коей, какъ

1) «Я хвалю толковника, говорилъ онъ, но не догматика, его (Оригена) ченіи но не вѣру, философа, но не апостола.—(Ер. ad Rom. et Ocean) Но ясно было, что толкованія Оригена на св. Писаніе заключали въ себѣ много догматическихъ его воззрѣній; что трудно прославлять теней богослова, на котораго смотрять какъ на виновника многихъ заблужденій; что невозможнато его отцомъ церкви, значить открыто высказывать ручательство за его православіе; что, наконецъ, называть Оригена вторымъ послѣ апостоловъ. значило ставить его въ ряду съ ними, а не философами

онъ увѣряеть, такъ неблагоуразумно занимался въ теченіе долгаго времени ¹⁾).

Между тѣмъ событія на востокѣ измѣнили ходъ этого дѣла. Теофиль, епископъ александрійскій, замѣтившій опасныя слѣдствія отъ движенія оригенистовъ и убѣжденный въ томъ же частою перепискою съ св. Епифаніемъ и бл. Иеронимомъ, явился сильнымъ и неустрашимымъ противникомъ новыхъ еретиковъ. На соборѣ въ Александріи (въ концѣ 399 или началѣ 400) онъ торжественно осудилъ ученіе Оригена, и, чтобы успѣшнѣе пресѣчь развитіе зла, положилъ отлученіе отъ церкви на всякаго, кто не только дерзнулъ бы что нибудь сказать въ пользу его, но и осмѣлился бы читать его ²⁾. Его примѣру послѣдовали на западѣ, и папа на соборѣ въ Римѣ осудилъ то, что Теофиломъ осуждено было на востокѣ.

При такомъ крутомъ и рѣшительномъ оборотѣ дѣла Руфинъ, видя себя не совсѣмъ свободнымъ отъ обвиненія въ ереси ³⁾, занялся апологією (*libri investivorum*). Въ этой апо-

1) »Увы! продолжалъ онъ, я многимъ прельщался въ юности, много увлекался чтеніемъ философовъ, т. е. язычниковъ; и притомъ, будучи несвѣдущъ въ догматахъ христіанскихъ, я думалъ видѣть, читая апостоловъ, тоже, что видѣлъ у Пивагора, Платона, Эмпедокла. Для чего же вы слѣдуете заблужденію отрока и младенца во Христѣ? Для чего учитесь нечестію отъ человѣка, который еще не зналъ благочестія? Искреннее признаніе своихъ заблужденій это—пристань послѣ кораблекрушенія: вы слѣдуете мнѣ въ моихъ ошибкахъ, послѣдуйте и моею перемѣнѣ. Обманывались въ юности.—исправимся въ старости«. Ibid). Дѣйствительно, бл. Иеронимъ чрезмѣрно былъ преданъ Оригену по выходѣ изъ школы; но развѣ неизвѣстно было также, что уже прошло ему около 50 лѣтъ до того, какъ произнесено было имъ первое слово осужденія противъ александрійскаго учителя, и притомъ не по доброй волѣ? Дѣло въ томъ, что Иеронимъ, какъ и другіе богословы того времени на западѣ, читая Оригена, не подозрѣвали и не замѣчали тамъ догматическихъ заблужденій его.

2) Prosper in Chronic Imperial.—Vallarsii et Maffei S. Hieronimi vita; cap. XXX 3.

3) Соборъ въ Римѣ, осудившій ученіе Оригена, явно касался и Руфина.

логіи онъ хотѣлъ достигнуть разомъ двухъ цѣлей: сначала отдалить отъ себя всякое подозрѣніе относительно своей вѣры (книга 1) ¹⁾, затѣмъ—обезсилить оправданіе Іеронима нѣсколькими возраженіями противъ его оправданія ²⁾ (книга 2).

Едва эта апологія явилась въ Римѣ, друзья бл. Іеронима поспѣшили увѣдомить его объ этомъ. Братъ его Павлиніанъ (бывшій въ то время въ Римѣ, вѣроятно, по дѣламъ о продажѣ оставшагося въ Стридонѣ родового имѣнія ихъ) доставилъ ему большія иль апологій выписки, на основаніи которыхъ Іеронимъ началъ писать свою апологію. Эту *апологію*

При помощи нѣкоторыхъ своихъ покровителей, а равно и по снисхожденію папы Анастасія Руфинъ избѣжалъ угрожавшаго ему отлученія отъ церкви. Что же касается его перевода «о началахъ» то онъ былъ торжественно осужденъ, какъ возмутившій вѣру церкви римской Council. edit. Labb. Tom II. pag. 1194

1) Здѣсь Руфинъ, исповѣдуя свою вѣру относительно догматовъ, въ которыхъ погрѣшалъ Оригенъ, оправдывается въ своихъ переводахъ его сочиненій тѣмъ, что онъ предпринялъ ихъ отнюдь не для нарушенія спокойствія церкви и не для пріобрѣтенія себѣ пустой славы, но единственно изъ угожденія инокъ, имѣвшему въ нихъ нужду. Соглашается, что всѣ книги Оригена, имъ переведенныя, не свободны отъ заблужденій, равно какъ и книга «о началахъ»: но онъ при этомъ настаиваетъ на томъ, что несправедливо было бы ихъ вѣнчать ему, какъ переводчику. Относительно перевода книги «о началахъ» Руфинъ замѣчаетъ, что онъ очищалъ ее отъ всего, что по его разумнію могло оскорбить читателя православнаго.

2) Блаж. Іеронимъ, чтобы отвести отъ себя обвиненія въ пристрастіи къ Оригену, въ своемъ объясненіи укачивалъ на два изъ своихъ твореній: на толкованіе посланія къ Ефесеймъ и еклесіаста какъ на лучшіе источники для сужденія о его православіи и для оцѣнки его мнѣній объ Оригенѣ, присовокупляя, что если тамъ и встрѣчаются кое-какія погрѣшности, то они принадлежатъ не ему, а Оригену, потому что онъ (Іеронимъ) не болѣе какъ только привелъ ихъ и слѣдовательно за нихъ не отвѣчаетъ. Руфинъ старается оправданіе это подорвать и обратить въ свою пользу. Онъ увѣряетъ, что въ твореніяхъ, на которыя Іеронимъ ссылается, не осуждается ни одно заблужденіе Оригена, а напротивъ выставляются многія, не какъ принадлежащія Оригену, а какъ свои собственныя. Если же дѣйствительно они представлены Іеронимомъ какъ чужія, продолжаетъ Руфинъ, то и онъ (Руфинъ) не въ отвѣтъ за свою книгу о началахъ, потому что онъ тоже только перевелъ нѣкоторыя погрѣшности Оригена и даже

свою *противъ нападокъ Руфина* 1) Иеронимъ, приспособляясь къ составу Руфиновыхъ нападокъ, раздѣлилъ также на двѣ части и послалъ въ Римъ на имя Паммахія и Маркеллы. Не нужно, поэтому, удивляться, если въ этой апологѣ, которая могла основываться только на отрывкахъ не бывшей подъ глазами книги, недостаетъ надлежащей связи и порядка.

Получивъ копию съ апологѣ Иеронима, Руфинъ въ два дня отвѣтилъ на нее письмомъ, которое не дошло до насъ, но о которомъ легко составить понятіе, судя по возраженіямъ на него со стороны Иеронима. Оно, по словамъ Иеронима, «исполнено однихъ несправедливыхъ укоризнъ и обидъ и вносить на своего противника *цѣлыя горы преступленій*» 2).

старался по возможности представлять ихъ въ другомъ видѣ для избѣжанія ссбавна читателей

Затѣмъ Руфинъ жалуется на многія другія обвиненія, взнесенныя на него его противниками «Мнѣ ставятъ въ укоръ, говорятъ онъ между прочимъ, похвалу жизни и ученію Оригена; но сколько разъ Иеронимъ дѣлалъ тоже? Различныя его писанія служатъ тому доказательствомъ» (Invest. lib. 2). При раскрытіи этой мысли, на которую Руфинъ настаиваетъ долго и съ жаромъ, онъ мѣшаетъ слабыя укоризны съ обвиненіямъ болѣе сильными, позволяя себѣ нередко прибѣгать къ словамъ и выраженіямъ полнымъ гнѣва и брани, такъ что даже самъ подъ конецъ не могъ не замѣтить излишней жесткости своей рѣчи.

1) На латинскомъ языкѣ она называется такъ: *apologia adversus libros Rufini, missa ad Pammachium et Marcellam: liber primus et liber secundus.*

2) Hieron. Apolog. lib. III. Руфинъ и крѣпко признается, что онъ и теперь питаетъ большое уваженіе къ учености и краснорѣчію Иеронима, но въ то же время порицаетъ его за хвастовство (за слова: я философъ, риторъ, грамматикъ, діалектикъ еврей, грекъ, латинянинъ Hier. Apol. lib. 2.) и злобно жалуется на рѣчь его апологѣ; защищалъ предъ нимъ свою вѣру, утверждая, что вся Италия знаетъ ее; старался представить въ самомъ неблагоприятномъ свѣтѣ пребываніе Иеронима въ Римѣ и причину его удаленія оттуда. Утверждалъ, будто Иеронимъ не имѣлъ хорошихъ понятій о происхожденіи души, равно какъ и о другихъ психологическихъ предметахъ, и съ большою настойчивостью указывалъ на невѣрность Иеронима своему слову, данному въ томъ давнишнемъ свѣтѣ, въ которомъ Иеронимъ обѣщалъ не читать болѣе твореній языческихъ писателей. Hieron. Apolog. lib. III

Подъ конецъ Руфинъ требовалъ отъ Иеронима прекратить переписку по этому дѣлу и не продолжать болѣе публичными преніями соблазна, который уже произведенъ въ церкви, и которая всю отвѣтственность онъ отселѣ слагаетъ на него: «Желаю, чтобы ты возлюбилъ миръ», заключаеъ онъ послѣднія слова своего письма.

Въ тоже время и почтенный епископъ аввилейскій, Хроматій, тоже писалъ къ Иерониму, заклиная его оставить соблазнительный споръ, но отшельникъ виолеемскій рѣшилъ въ душѣ своей еще отвѣчать на угрозы и несправедливости Руфина. Принимаясь за *новую апологію* ¹⁾, онъ призываетъ Господа во свидѣтели, что онъ имѣлъ намѣреніе послѣдовать совѣту друга-пастыря: по угрозы Руфина принуждаютъ его отвѣчать изъ опасенія быть обвиненнымъ, въ случаѣ молчанія, въ чрезвычайныхъ какихъ-то преступленіяхъ, внесенныхъ на него Руфиномъ. Въ этой третьей апологіи много предметовъ, о которыхъ уже было сказано въ предыдущихъ. Обильная и разнообразная ученость бл. Иеронима, его живое и живописующее воображеніе, частые порывы одушевленія и восторга не могутъ однакожъ освободить отъ непріятнаго чувства при чтеніи тѣхъ страницъ этой апологіи, которыя наполнены жаркимъ, утомительнымъ споромъ и однообразными повтореніями. И нужно при этомъ замѣтить, что эта апологія Иеронима, если освободить ее отъ всѣхъ личныхъ расчетовъ съ Руфиномъ, какихъ здѣсь много, полезна въ интересахъ болѣе свѣтской учености, чѣмъ церковно-христіанской.

Среди этой славной борьбы Иеронима съ еретиками и ересями, которая привлекала къ себѣ главную письменную дѣятельность его этого времени, неутомимый нашъ труженикъ

1) Она называется: *Liber tertius vel ultima responsio Hieronymi adversus scripta Rufini*

не упустилъ изъ виду и второстепенныхъ интересовъ борьбы, чтобы какъ-можно больше сдѣлать въ пользу истины. По дѣлу объ оригенизмѣ и оригенистахъ, кромѣ переписки его съ Теофиломъ александрійскимъ, о которой мы уже говорили, есть еще три маленькія письма его къ этому епископу, касающіяся прямо или непрямо того же дѣла; а главное, Иеронимъ переводилъ всю переписку епископовъ и соборовъ объ оригенистахъ, всѣ окружныя и пасхальныя посланія къ вѣрующимъ по тому же дѣлу, — переводилъ одни съ греческаго на латинскій языкъ, другія обратно. Переведены Иеронимомъ *письмо Теофила* къ Епифанію, *соборное посланіе Теофила* къ епископамъ палестинскимъ и кипрскимъ, *отвѣтное посланіе собора іерусалимскаго* къ Теофилу, *письмо Діонисія* діоспольскаго къ Теофилу, *письмо Анастасія* папы къ Симплиціану и три (I, II и III) *пасхальныхъ посланія* Теофила. Вся эта дѣятельность Иеронима относится къ 401—404 г. Къ этому же времени относится *письмо Иеронима къ Паммацію и Маркелю*, при которомъ онъ послалъ имъ II пасхальное посланіе Теофила въ латинскомъ переводѣ и *письмо къ Павлину* въ отвѣтъ на два вопроса, касавшіеся Оригена и его сочиненій, переводимыхъ Иеронимомъ.

Разнообразныя ученныя занятія и самоотверженная ревность по вѣрѣ сблизили бл. Иеронима съ другимъ знаменитымъ учителемъ церкви того времени, блаж. Августиномъ, и между ними завелась ученая переписка.

Предпринятый Иеронимомъ переводъ Библии съ еврейскаго былъ первымъ поводомъ переписки между ними. Блаж. Августинъ, какъ мы уже видѣли, просилъ благочестиваго отшельника внолесмскаго, именемъ всѣхъ африканскихъ церквей, перевести лучше греческихъ толковниковъ св. Писанія на латинскій языкъ, чѣмъ продолжать начатый переводъ Библии. Въ то же время онъ высказалъ свое несогласіе относительно

изъясненія Іеронимомъ того мѣста изъ посланія къ Галатамъ, въ которомъ упоминается объ укорѣ, сдѣланномъ ап. Павломъ ап. Петру (Гал. 2, 11). Толкованіе, будто укоръ этотъ былъ дѣломъ искусственнымъ и условнымъ между двумя апостолами¹⁾, казалось бл. Августину противнымъ истинѣ и достоинству св. Писанія, потому что, писалъ онъ, если позволено судеть въ св. Писаніи усматривать, такъ сказать, услужливый обманъ,—утверждать, что ап. Павелъ обличалъ апост. Петра противъ собственнаго убѣжденія и объявилъ его зазорнымъ въ то время, какъ онъ не былъ таковымъ, то, послѣ этого, въ какихъ мѣстахъ Писанія не можно будетъ сдѣлать подобной уловки? Еретикъ осуждающіе бракъ скажутъ, напри- мѣръ, что ап. Павелъ одобрилъ его только по снисхожденію къ слабости первоначальныхъ вѣрующихъ и т. п.²⁾ Это было еще въ 394 году.

Письмо это не дошло до Іеронима за смертью лица, съ которымъ оно было послано; чрезъ годъ (395 г.) оно замѣнено было другимъ. Въ послѣднемъ бл. Августинъ повторялъ тѣ же самыя возраженія, только съ большею силою и въ духѣ наставника: Августинъ настаивалъ, чтобы Іеронимъ исправилъ свое толкованіе³⁾. Но это послѣднее письмо было еще не-

1) Іеронимъ говорилъ, что эти два апостола употребили здѣсь не болѣе какъ гадередей условленную тактику, что св. Петръ вполне зналъ, что язычники не были нечистыми, а отдался отъ нихъ для того, дабы не удалить отъ евангелія народъ іудейскій, и что если ап. Павелъ всенародно ему противостоялъ, хотя также зналъ, что ап. Петръ не обманывался, такъ это было отнюдь не для исправленія его (Петра), а для того, чтобы въ лицѣ ап. Петра наставить другихъ іудеевъ, и вывести ихъ изъ заблужденія, будто необходимо всѣмъ христіанамъ соблюдать законъ обрядовый. *Comment in Ep. Gal. cap. 2. v. II.*

2) Письмо это можно читать и между письмами бл. Іеронима въ *Surg. Compl. Patrolog.* подъ № LVI.

3) Тамже—№ LXVII.

счастіѣе перваго. Занесенное въ Римъ, оно долго странствовало по Италіи и уже нѣсколько лѣтъ спустя въ копіи доставлено было Іерониму съ какаго-то острова Адриатическаго моря. Іеронимъ думалъ, что Августинъ дѣлалъ это умышленно, и потому огорченный, онъ жаловался на то, что епископъ иппонисскій, написавъ *противъ него* книгу, отпривилъ ее въ Римъ, прежде чѣмъ извѣстилъ его объ этомъ, а къ нему прислалъ только копію. Послѣ недоразумѣній и неудовольствій съ обѣихъ сторонъ, бл. Августинъ съ любовью и откровенностію писалъ (402 г.) наконецъ ¹⁾ къ Іерониму, что онъ первый оскорбилъ своего друга письмомъ, блуждавшимъ по Италіи, и съ христіанскою любовію просилъ его простить ему невольную ошибку. Тогда и бл. Іеронимъ сперва написалъ *къ Августину два* простыя любезныя письма, а въ *третьемъ* уже рѣшился отвѣчать на нѣкоторые вопросы, находившіеся въ блуждавшихъ письмахъ Августина. Онъ началъ съ изъясненія къ Галатамъ. Свое высказанное тамъ мнѣніе объ отношеніи двухъ апостоловъ другъ къ другу Іеронимъ и теперь подтверждаетъ авторитетомъ Оригена и другихъ толковниковъ, занимавшихся этимъ посланіемъ. Но добавляетъ, что вовсе не хочетъ утверждать это какъ мнѣніе рѣшенное: что онъ передаетъ только то, что встрѣчалъ въ изъясненіяхъ греческихъ толковниковъ, предоставляя въ то же время читателю свободу соглашаться съ нимъ или искать другаго, достойнѣйшаго толковника этого мѣста Писанія.

Получивши еще два письма ²⁾ отъ Августина, Іеронимъ рѣшился отвѣчать ему въ одномъ письмѣ отчасти и на прежніе вопросы и возраженія его, а больше всего на вопросъ, касающійся перевода св. Писанія съ еврейскаго. Бл. Августинъ

1) Тамже—№ CI.

2) См. тамже № CIV и CX.

предлагалъ Иерониму дилемму, въ видѣ возраженія противъ перевода его. »Переводъ, сдѣланный 70 толковниками, писалъ первый, или темень или же ясенъ. Если темень,—мы въ правѣ думать, что и ты могъ обмануться подобно имъ; если же ясенъ, то очевидно,—они не могли допустить ошибки«. Намѣреніе Августина писать толкованіе на св. Писаніе дало Иерониму случай отвѣтить ему тѣмъ же въ свою очередь: »Все то, что древніе учителя изъясняли прѣжде тебя—ясно и просто, или темно. Если темно, зачѣмъ держашь послѣ нихъ изъяснять то, чего они не могли? Если же ясно, то весьма бесполезно съ твоей стороны предпринимать изъясненіе того, что не ускользало отъ ихъ вниманія«.

Окаячивая это письмо, Иеронимъ старался предотвратить всякое будущее состязаніе. »Не возбуждай болѣе къ борьбѣ старца, утружденнаго война, которому нуженъ покой. Ты, который еще молодъ, поставленъ на каедрѣ епископа, проповѣдуй народамъ, обогащай новыми произведеніями Африки бібліотеки Рима. Что касается меня, то довольно, если я буду бесѣдовать гдѣ нибудь въ углу монастыря съ какимъ нибудь грѣшникомъ, который бы захотѣлъ слушать меня«.

Епископъ иппонійскій не переставалъ однакожь и послѣ того обращаться повременамъ къ ученой опытности блаженнаго старца, и новыми и живыми знаками любви къ нему старался уладить остатокъ горечи, которую оставило въ душѣ Иеронима письмо блуждавшее по Итали. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи съ такою искренностію и благоразуміемъ¹⁾, что бл. Иеронимъ не могъ не отвѣчать ему тою же расположенностію и должнымъ уваженіемъ. Онъ писалъ къ нему еще четыре письма, и въ одномъ изъ нихъ относился такъ къ Августину: »Позволь мнѣ немного похвалить твой геній, писалъ

1) См. письма № СХVІ, СХХХІ и СХХХІІ тамъ же.

онъ въ 416 году, такъ какъ мы споримъ между собою для собственнаго назиданія. Наши враги, и особенно еретики, видя наши мнѣнія разногласящими между собою, по клеветѣ пожалуй сказали бы, что это происходитъ отъ досады и раздраженія. Но что до меня, я рѣшился любить тебя, уважать, чтить, удивляться тебѣ и защищать твои слова, какъ собственные. Будемъ трудиться согласно надъ исторженіемъ изъ церкви той постыдной ереси (целагiанъ), которая не престааетъ принимать видъ покаянія, чтобы имѣть возможность проповѣдывать въ церкви, и которая пользуется этимъ лукавствомъ лишь изъ страха быть отлученною и умереть подъ анафемою, коль скоро обнаружится въ полномъ свѣтѣ».

Это доброе объясненіе положило конецъ долговременнымъ состязаніямъ ¹⁾ двухъ знаменитыхъ учителей запада. Думаютъ, что бл. Иеронимъ предался на сторону мнѣнія Августинова и будто даже писалъ потомъ, что ап. Петръ былъ дѣйствительно *зазоренъ* въ глазахъ апостола языковъ, дабы показать тѣмъ, что никто не долженъ считать себя неукоризненнымъ, вопреки ученію целагiанъ. Не утверждаемъ этого, потому что не встрѣчались съ подобною мыслью у Иеронима. Съ своей стороны бл. Августинъ призналъ что было полезнаго въ Иеронимовомъ переводѣ Библии съ еврейскаго.

Подобныя ученые отношенія Иеронима къ другимъ лицамъ, постоянные ученые труды его для блага церкви, равно какъ и постоянныя занятія по монастырю и нуждамъ братіи, давали однакожъ неутомимому труженику время и возможность сохранять отеческія отношенія къ лицамъ, пользовавшимся его духовнымъ руководствомъ. То смерть однихъ изъ этихъ лицъ заставляла его отдавать послѣдній долгъ своей признательности къ нимъ и для увѣковѣченія ихъ памяти—писать похваль-

2) Собственно еще въ 405 г. окончился этотъ споръ, начатый съ 394 г.

ныя слова ихъ добродѣтелямъ и подвигамъ, то новыя духовныя нужды другихъ требовали свойственныхъ имъ совѣтовъ и наставленій. И изъ многихъ писемъ бл. Иеронима этого времени, которыя мы всѣ назовемъ въ каталогѣ твореній блаженнаго учителя, въ концѣ этого жизнеописанія его, остановимся здѣсь, для примѣра, на *похвальной рѣчи бл. Павла* (письмо къ Евстохиѣ ¹⁾) и на *письмѣ къ Летѣ* о воспитаніи дочери ея Павлы.

Передавая памяти потомства сказаніе о добродѣтеляхъ бл. Павлы, съ которою онъ долгое время связанъ былъ духовными узами христіанской любви и глубокаго уваженія къ ея высокимъ подвигамъ самоотверженія, бл. Иеронимъ съ особенною полнотою и подробностію описываетъ ея жизнь, которой самъ былъ ближайшимъ свидѣтелемъ. Начавъ съ ея торжественнаго обращенія къ Богу, Иеронимъ, послѣ пространной исторіи ея путешествій по Палестинѣ на пути изъ Рима въ Виолеемъ, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ, восхваляетъ глубокое смиреніе Павлы, ея цѣломудріе, благотворительность, воздержаніе, великодушіе въ перенесеніи различныхъ испытаній въ жизни со стороны зависти и клеветы. Затѣмъ, разбираетъ ея иноческую жизнь въ монастырѣ виолеемскомъ, ея основанномъ, отношенія ея къ сонму дѣвъ и женъ, подвизавшихся подъ ея материнскимъ надзоромъ, непрестанное богомысліе, неутомимое упражненіе въ словѣ Божіемъ, тщательное уклоненіе отъ еретиковъ ²⁾ и наконецъ—

1) Въ иныхъ изданіяхъ это письмо носитъ названіе: Vita s. Paulae viduae.

2) Говоря о томъ, какъ Павла уклонялась *мутныя кладенцева еретикова*, Иеронимъ приводитъ одинъ случай, свидѣтельствующій, что, кромѣ извѣстныхъ намъ письменныхъ обличеній, блаженный нерѣдко препирался съ еретиками живымъ устнымъ словомъ. Такъ: «одинъ отъявленный хитрецъ, пишетъ онъ (стр. 233), повидимому ученый и свѣдущій, началъ безъ моего вѣдома предлагать Павлѣ такіе вопросы: чѣмъ согрѣшило дитя, что оно попадаетъ въ руки діа-

величіе ея въ самой копчинѣ. Твореніе это, написанное живою и увлекательною рѣчью, важно преимущественно для священ. географіи по тѣмъ подробностямъ, какія сообщаются здѣсь почти о всѣхъ мѣстахъ Палестины; упоминаемыхъ гдѣ либо въ св. Библии.

Послѣ смерти бл. Павлы, Иеронимъ, подѣ вліяніемъ невольнаго чувства скорби, долго не брался за перо, и только по усиленной просьбѣ другихъ перевелъ съ греческаго на латинскій языкъ *уставъ св. Пахомія, его письма къ разнымъ монастырямъ*, равно какъ и письма Θεодора, присовокупивъ къ переводу свое *предисловіе*. Это было въ 405 году.

Письмо къ Леть о воспитаніи ея малолѣтней дочери Павлы, написанное по просьбѣ Маркеллы и самой Леты, — одно изъ замѣчательнѣйшихъ твореній бл. Иеронима, — образецъ мудрыхъ совѣтовъ о воспитаніи дѣтей въ духѣ истинно-христіанскаго благочестія ¹⁾. Представивъ сначала значеніе воспитанія для послѣдующей жизни питомцевъ и — высоту священнаго долга родителей хранить дитя свое отъ колыбели до совершеннолѣтія съ величайшею заботливостію и предусмот-

волу? Въ какомъ возрастѣ мы воскреснемъ? Если въ томъ самомъ, въ которомъ умираемъ, то конечно по воскресеніи будетъ нужда въ кормилцахъ. Если же не такъ; то воскресенія мертвыхъ вовсе не будетъ, а будетъ превращеніе въ другое лицо? Равно и разность пола, мужскаго и женскаго, будетъ или нѣтъ? в т. п. Услышавъ такія рѣчи, она передала ихъ мнѣ и указала на того, кто такъ говорилъ. Я отыскалъ этого человѣка и посрамилъ его слѣдующими многими вопросами: вѣруетъ ли онъ въ будущее воскресеніе тѣла или нѣтъ? Когда онъ отвѣчалъ, что вѣруетъ, я присовокупилъ: тѣже ли тѣла воскреснутъ, или другія? Когда онъ сказалъ тѣже, я потребовалъ договорить въ томъ же ли полѣ (sexu) или въ другомъ? Но такъ какъ при этомъ онъ замолчалъ и, подобно змѣѣ, поворачивалъ свою голову то туда, то сюда, чтобы уклониться отъ удара, — молчи же, говорю, я самъ буду себѣ отвѣчать вмѣсто тебя, и выведу свои заключенія»..... Видно, что этотъ еретикъ былъ изъ оригенистовъ.

1) Сюда же можно влечь и другое небольшое сочиненіе въ этомъ же родѣ — *письмо къ Гавдемію* о воспитаніи малолѣтней Пакатулы.

рительностію, строгій наставникъ благочестія съ самаго малѣйшею подробностію оставаивается на всѣхъ предметахъ, которые могутъ имѣть доброе или пагубное вліяніе на воспитаніе; предлагаетъ наставленія въ обращеніи съ первыми и средствами уклоненія отъ послѣднихъ. По мѣстамъ это твореніе проникнуто духомъ строго аскетическимъ, но это потому, что оно ближайшимъ образомъ относилось къ юной дѣвѣ, еще отъ утробы матери предназначенной для жизни иноческой. Поэтому-то вилеемскій старецъ подъ конецъ письма убѣждаетъ благочестивую мать—если предложенные имъ совѣты трудно будетъ исполнить среди многолюднаго общества въ Римѣ—отпустить свою Павлу въ Вилеемъ, къ ея бабушкѣ и теткѣ (бл. Павлѣ, бывшей еще въ живыхъ, и Евстохіи). »Даю вѣрное слово, писалъ онъ, что я самъ буду ея учителемъ и воспитателемъ; буду самъ носить ее на рукахъ своихъ. При всей дряхлости своей, я позабочусь приучить къ вѣрнымъ звукамъ лепечущаго уста младенца, и тогда прославлюсь болѣе извѣстнаго всемірнаго философа (Аристотеля). Онъ воспиталъ царя македонскаго, который набонецъ погибъ отъ яду въ Вавилонѣ; я напротивъ воспитаю рабу и невѣсту Христову, которая готовится для небеснаго царствія «.

Но при всѣхъ тѣхъ занятіяхъ, о которыхъ мы говорили, бл. Иерониму нужно было еще окончить давно уже предпринятый имъ трудъ изъясненія пророковъ. Въ 403 году написано имъ было *толкованіе на пророка Авдія*. Просьба гальскихъ друзей его, еп. *Екзуперія, Минервія* и *Александра* напомнила ему среди другихъ занятій объ этомъ дѣлѣ, и онъ (послѣ 406 г.) написалъ для нихъ *толкованія на прор. Захирію и Малахію*¹⁾. Въ этихъ толкованіяхъ Иеронимъ остается вѣр-

1) Имя пр. Малахіи, составляющее предметъ спора для толковниковъ св. Писанія, Иеронимъ какъ въ своемъ переводѣ, такъ и въ толкованіи всегда пишетъ Malachi и думаетъ, что онъ былъ не иной кто, какъ Эздра.

нымъ своему прежнему обыкновенію переноситься мыслію отъ происшествій библейскихъ къ событіямъ новозавѣтнымъ, особенно тамъ, гдѣ существуетъ естественная между ними аналогія ¹⁾. При богатствѣ историческихъ свѣдѣній, здѣсь встрѣчается сверхъ того множество нравственно-назидательныхъ уроковъ и приснособленій. Въ то же время написаны были имъ и *толкованія* на пророковъ: *Осію. Іоилы и Амоса*.

Что касается *комментарія на ев. Матѳея*, написаннаго въ нѣсколько дней по просьбѣ какого-то друга, то самъ Іеронимъ называетъ его не болѣе какъ опытомъ, на который онъ предполагалъ, по словамъ его, наложить послѣднюю руку, въ часы свободные отъ другихъ занятій. Изъ послѣдующей жизни блаженного намъ однакожъ извѣстно, что онъ не имѣлъ желаннаго времени исполнить свое намѣреніе.

Между тѣмъ дикіе варвары все ближе и ближе подступали къ Риму, все болѣе и болѣе угрожали западной римской имперіи разрушеніемъ, новыми бѣдствіями и страданіями. Эта имперія давно уже разлагалась и не могла не чувствовать своихъ предсмертныхъ мукъ и страданій: ихъ видѣлъ уже Іеронимъ и изъ отдаленнаго своего Вилелема и краснорѣчиво описалъ и оплакалъ въ *надѣробномъ словѣ Непоціану*. Но теперь, около 410 года, до мирной келліи Іеронима дошла страшная вѣсть, что и самый Римъ, этотъ городъ, считавшійся вѣчнымъ, завѣтнымъ, главою вселенной, палъ наконецъ послѣ двукратной осады царя готовъ Аларика (откупившись цѣною золота отъ первой), залитый кровію своихъ гражданъ и пламенемъ палатъ своихъ на второмъ приступѣ. Бл. Іеронимъ.

1) Такъ наприм. по случаю чудеснаго возвращенія іудеевъ изъ плѣна и возобновленія Іерусалима, онъ цѣлуетъ прекрасное приобщеніе къ состоянію церкви послѣ времени бѣдственныхъ гоненій, когда гдды и села христіанскія, а съ ними и храмы Божіи, разрушенныя свирѣпыми гонителями, были ими досамыми возобновляемы и украшаемы. Com. in Zachar. cap. 8, 1—10.

начавшій въ то время *изъясненіе на пр. Іезекіля*, при этой вѣсти пораженъ былъ глубокою скорбію и, предавшись патріотическому чувству состраданія, долго не брался за перо, думая, что настало время плакать, а не говорить или писать что нибудь ¹⁾.

Въ началѣ 411 года онъ снова принялся за свой трудъ, но подъ вліяніемъ той же душевной скорби продолжалъ его медленно и не вдругъ. »Кто подумалъ бы, писалъ онъ, что и самый Римъ, возвеличившійся добычею вселенной, нѣкогда падеть, и, бывъ матерью народовъ, сдѣлается ихъ гробомъ; что поморія Африки и Востока наполнятся бѣгущими изъ развалинъ всемірной столицы, и что даже убогій пріютъ вилеемскій дастъ у себя пристанище богатѣйшимъ, именитѣйшимъ гражданамъ Рима!.. Не могу пособить ихъ горю, но я страдаю съ ними, соединяю свои слезы съ ихъ рыданіями; я не могъ безъ сердечнаго сокрушенія смотрѣть на такое стеченіе народа и оставилъ *изъясненіе на Іезекіля* и всякое почти занятіе ²⁾.

Только настоятельная просьба Евстохія побудила сѣгущаго продолжать начатое толкованіе, но къ сожалѣнію, оно снова прервано было внезапнымъ нападеніемъ сарацинъ, которые, появившись въ предѣлахъ Египта, Палестины, Финикіи, Сиріи, все грабили, предавали огню и мечу съ такою быстротою, что самъ Іеровимъ едва успѣлъ избѣжать ихъ рукъ ³⁾.

Продолжая потомъ съ 412 году *изъясненіе на пророка Іезекіля*, онъ едва окончилъ его около 415 г., среди непрестанныхъ безпокойствъ отъ странниковъ, искавшихъ пристанища въ мирной обители Вилеема, и при скудости зрѣнія.

1) In Ezech. Comment. lib. I. Praef.

2) In Ezech. Comment. lib. III. Praef.

3) Epist. ad Marcellinum et Anapsychiam

которую подъ конецъ началъ испытывать бл. Иеронимъ 1). Всѣ эти внѣшнія бѣдствія и печальное настроеніе души блаженнаго вполне отразились какъ въ самомъ тонѣ рѣчи, такъ отчасти и въ содержаніи толкованія на пр. Іезекіиля, въ которомъ онъ, по поводу какихъ нибудь библейскихъ событій, часто переходитъ къ современнымъ событіямъ для того только, чтобъ оплакать ихъ. Здѣсь же онъ уже опасается новаго бѣдствія со стороны новыхъ враговъ церкви—пелагіанъ 2), и опасенія его, какъ увидимъ, не были напрасными.

Еще прежде окончанія этого труда, бл. Иеронимъ писалъ къ *Деметриадѣ* объ обязанностяхъ дѣвъ, посвятившихъ себя на служеніе Богу 3). Пелагій, немного спустя, писавшій къ той же дѣвѣ, помѣстилъ въ своемъ письмѣ къ ней зародышъ своей ереси или, какъ казалось Иерониму, воскресилъ заблужденіе Пифагора и Зенона 4) объ *apatia*, т. е. безстрастіи и непогрѣшимости,— заблужденіе, которое предъ тѣмъ отчасти уже опровергалъ Иеронимъ въ своей полемикѣ съ еретиками, особенно съ Іовиніаномъ, учившимъ, между прочимъ, какъ мы видѣли, что принявшіе благодать крещенія совершенно свободны отъ искушеній духа злобы. Ктезифонтъ, родственникъ Деметриады просилъ совѣта у Иеронима относительно этого вопроса и просилъ, если нужно, раскрыть и обличить заблужденіе, бывшее уже въ ходу за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Отвѣтомъ на это письмо началась борьба Иеронима съ пелагіанами. Это было въ 415 году.

Иеронимъ написалъ къ *Ктезифонту* обширное письмо ученаго содержанія. Въ письмѣ онъ старался опровергнуть

1) Praef. Comment. in Iezech. lib. VII.

2) Prolog. ad libr. VI.

3) Это письмо по содержанію весьма сходно съ письмомъ къ Евстохіи.

4) См. письмо его къ *Ктезифонту* о ереси Пелагія.

лжеученіе, которымъ уже соблазнялись многія лица на востокъ. Онъ возводитъ начало его, какъ мы уже замѣтили, къ языческимъ философамъ, которые утверждали, что человѣкъ можетъ не только умѣрять, но и совершенно погашать въ себѣ страсти, и затѣмъ разбиваетъ положеніе пелагіанъ, будто человѣкъ, пользуясь свободою своей воли, можетъ наконецъ сдѣлаться вполне безгрѣшнымъ (*ανχαριστος*); онъ обвиняетъ еретиковъ еще въ томъ, что они заимствовали это заблужденіе у манихеевъ и прискиліанъ, которые своихъ избранныхъ и совершенныхъ освобождали отъ всякаго грѣха и ставили ихъ на высшую степень совершенства; доказываетъ на основаніи словъ ап. Павла, что въ человѣкѣ существуютъ два совершенно различные закона. ведущіе непрестанную между собою брань — законъ духа и плоти; подтверждаетъ это опытомъ своей многотрудной, подвижнической жизни и наконецъ общаетъ въ особомъ твореніи пространствѣ раскрыть лжеученіе пелагіанъ и, на основаніи слова Божія, разрушить ихъ суетное мудрованіе.

Въ слѣдующемъ 416 году, когда ересь Пелагія, поражаемая въ Африкѣ ревнителемъ по вѣрѣ, блаж. Августиномъ, проникла въ Палестину, явилось общанное твореніе Иеронимова или *разговоръ противъ пелагіанъ* ¹⁾ (*Dialogus adversus Pelagianos*), раздѣленный на три книги. Здѣсь рѣшаются тѣ же вопросы и преслѣдуются тѣ же заблужденія, но въ гораздо большей полнотѣ и объемѣ, чѣмъ въ письмѣ къ Ктезифонту.

Блаж. Иеронимъ отвѣчаетъ на главные мысли сочиненія Пелагія (*Eulogius Pelag.*), составленнаго изъ выбора мѣстъ св. Писанія и раздѣленнаго на главы ²⁾. Иеронимъ приводитъ

1) Разговаривающія лица носятъ здѣсь названіе Атика и Кривоула первое представляетъ православныхъ, другое — пелагіанъ.

2) Gennad. lib. de vir. illustr. cap. 42.

изъ этого сочиненія формулу молитвы, составленной Пелагіемъ для послѣдователей своей секты. Нашъ учитель находитъ ее весьма сходною съ тою молитвою фарисеевъ, о которой упоминаетъ ев. Лука (18, 11). Ревнитель вѣры противопоставляетъ этому фарисейскому пустословію завѣтную молитву, оставленную намъ Спасителемъ нашимъ, и при этомъ сравненіи свидѣтельствуешь, между прочимъ, что молитву Господню произносили каждый день при освященіи Божественныхъ таинъ; что чрезъ нее вѣрующіе всегда просили Бога, равно какъ мы просимъ, — быть достойными принятія тѣла и крови Господней; что этому таинству были приобщаемы младенцы тотчасъ по крещеніи, и что, умоляя Бога объ оставленіи грѣховъ, мы выражаемъ не одно лишь простое чувство смиренія, но высказываемъ искреннее убѣжденіе въ своей немощи. Подъ конецъ Иеронимъ отсылаетъ своихъ противниковъ къ твореніямъ бл. Августина, столь успѣшно дѣйствовавшаго противъ ереси пелагіанской. »Святѣйшій и краснорѣчивый епископъ Августинъ, говоритъ онъ, писалъ нѣкогда Марцеллину двѣ книги *о крещеніи младенцевъ* противъ вашей ереси и третью — противъ тѣхъ, которые, подобно вамъ, говорили, что человѣкъ, если захочетъ, можетъ быть безгрѣшнымъ и что нѣтъ нужды для этого въ благодати Божіей. Онъ объ этомъ писалъ недавно Иларію противъ вашего ученія, которое выдумываетъ такіе ужасы, и, говорятъ, составилъ и другія еще творенія противъ васъ именно, мнѣ еще пока неизвѣстныя. Вотъ почему я намѣренъ прекратить мой трудъ, ибо только бесполезно повторять бы тоже самое, или же, еслибы захотѣлъ сказать новое, то въ этомъ знаменитый геній до сихъ поръ упредилъ уже меня«¹⁾). Такимъ непритворнымъ смиреніемъ и искренностію, которыми дышатъ и въ его послѣднихъ письмахъ

1) Dialog. lib. III.

къ Августину, блаженный старецъ заключаетъ свое полеми-
ческое сочиненіе противъ пелагіанъ.

Пренія о пелагіанствѣ нѣсколько разъ отвѣдали блажен.
Иеронима отъ его занятій надъ *толкованіемъ пр. Іереміи*—
последняго труда изъясненій его на пророковъ. Къ этому
присоединились заботы по управленію монастыремъ и частыя
безпокойства со стороны стекавшихся туда несчастныхъ стран-
никовъ римскихъ, искавшихъ пріюга въ вертепѣ вилоеемскомъ.
Эти обстоятельства имѣли вліяніе не только на объемъ творенія
(сравнительно малый), но и на то, что Иеронимъ и въ по-
слѣдніе дни своей жизни не окончилъ сего труда ¹⁾. Подъ влі-
яніемъ полемическихъ занятій съ пелагіанствомъ, Иеронимъ,
въ толкованіи на прор. Іеремію, часто жалуется на преслѣдо-
ваніе его со стороны ерестиковъ злорѣчіемъ и клеветою, и,
желая, такъ сказать, на каждомъ шагу поражать враговъ церкви,
часто прерываетъ свое толкованіе то обличеніемъ ихъ лже-
мудрованія, то изложеніемъ православнаго ученія о предме-
тахъ, невѣрно понимаемыхъ или оспариваемыхъ пелагіанами ²⁾.

Между тѣмъ, *вопросъ о происхожденіи души*, соприка-
савшійся къ заблужденію пелагіанъ, сдѣлался предметомъ спо-
ровъ для многихъ вѣрующихъ. *Орозій*, пресвитеръ таррагон-
скій, желая остановить распространившееся въ Испаніи мнѣніе
Оригена о происхожденіи души человѣка, отправился къ бл.
Августину съ надеждою получить отъ него разрѣшеніе этого

1) Толкованіе доведено только до 33 главы.

2) Такъ во многихъ мѣстахъ онъ защищаетъ противъ пелагіанъ ученіе о
свободной волѣ и Божественномъ предвѣдннн дѣлъ нашихъ, о необходимости
подвизаться въ добродѣтельной жизни для полученія спасенія, приобрѣтеннаго
намъ заслугами Иисуса Христа, и т. под.

Здѣсь же Иеронимъ нѣсколько разъ утверждаетъ, что мы воскреснемъ въ
томъ возрастѣ, въ которомъ І. Христосъ заключилъ свое Божественное посоль-
ство; что даже младенцы будутъ имѣть возрастъ совершеннаго человѣка и что
наши тѣла будутъ чужды недостатковъ, которыми они подвержены теперь

вопроса, между многими другими трудными для уразумѣнія. Удовлетворивъ желанію ревностнаго пастыря, Августинъ не соглашался однакожь обнародовать свое мнѣніе о происхожденіи души безъ другаго авторитета, и потому отправилъ Орозія въ Виѳлеемъ къ бл. Иерониму съ двумя письмами или лучше книгами. Въ одной изъ нихъ онъ писалъ о происхожденіи души и требовалъ сужденія виѳлеемскаго старца—какое изъ представленныхъ имъ мнѣній онъ найдетъ болѣе основательнымъ и какъ надо защищать противъ пелагіанъ то, что самъ Иеронимъ высказалъ въ письмѣ къ Марцеллину и Анапсихіи:—»что Богъ даетъ новую душу всякому лицу, являющемуся въ міръ«. Бл. Августинъ ничего самъ не рѣшаетъ въ ожиданіи отвѣта Иеронимова ¹⁾. Другая книга вращается около словъ ап. Іакова (2, 10): *уже весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ*. Августинъ указываетъ на смыслъ, какой можно дать этому мѣсту и проситъ бл. Иеронима дать на это свой справедливѣйшій судъ²⁾.

Оставивъ епископа ниннійскаго занятымъ борьбою съ пелагіанами, Орозій засталъ и блаж. Иеронима среди той же борьбы, потому что ересь, быстро пронесшаяся въ Палестинѣ, уже прельстила многихъ лицъ церкви іерусалимской. Къ сожалѣнію, вмѣсто полученія отъ Иеронима желаннаго отвѣта, Орозій былъ только свидѣтелемъ жалкаго зрѣлища.

Еретики, рѣзко обличенные Иеронимомъ и потомъ осужденные на соборѣ въ Діосполисѣ (20 декабря 415 г.), вздумали отомстить виѳлеемскому защитнику истины не словомъ или сочиненіемъ, а силою и варварствомъ. Пользуясь довѣріемъ Іоанна іерусалимскаго, они отправили въ Виѳлеемъ (417 г.) толпу разбойниковъ, которые ворвавшись въ мирныя

1) Epist. 166 (edit. Bened.)

2) Epist. 167.

обители монастырей, бывшихъ подъ покровительствомъ блаж. Иеронима, все разграбили и опустошили огнемъ. Преклонный старецъ едва избѣжалъ смерти, поспѣшно удалившись въ одно укрѣпленіе ¹⁾; иноки и дѣввы разбѣжались; Евстохія и юная Павла находились въ величайшей опасности: ихъ обители преданы пламени, а многія лица, избѣжавшія смерти, терпѣли разныя мученія.

Такой безчеловѣчный поступокъ пелагіанъ глубоко опечалилъ и безъ того скорбное сердце Иеронима. Онъ не только не далъ возможности блаженному старцу отвѣчать на вопросы его друга, но и надолго прервалъ всякія его занятія. Только вѣсть о дальнѣйшихъ успѣхахъ бл. Августина въ борьбѣ съ пелагіанами отозвалась еще радостнымъ чувствомъ въ ревностной душѣ поборника вѣры. Торжество вѣры было единственнымъ утѣшеніемъ для блаженного старца, которое заставляло его забыть собственныя бѣдствія и лишенія. »Не могу провести одного часа, писалъ онъ къ Августину, поздравляя его съ побѣдою надъ пелагіанами, безъ воспоминанія о тебѣ, столь мужественно и ревностно устоявшемъ противъ ожесточеннаго лжемудрованія... Милосердіе Божіе да сохранитъ тебя здравымъ и невредимымъ и не изгладитъ въ тебѣ памяти обо мнѣ, достоуважаемый и блаженный отецъ« ²⁾.

Послѣ этого еще было писано Иеронимомъ одно письмо къ еп. Августину и Алипію, въ которомъ онъ выражалъ ту же духовную радость о посрамленіи еретика Целестія (сподвижника Пелагіева), и вмѣстѣ извинялся въ своей немощи и безсиліи продолжать съ своей стороны тягостную борьбу съ еретиками ³⁾. Это было въ 419 году. Послѣ этого слово блаж.

1) S. August. de gestis. Pelag cap 36. t. X.

2) Письмо къ Августину, писан. въ 418 г.

3) Здѣсь онъ извиняется въ томъ, что уже онъ не въ силахъ былъ писать

Іеронима, болѣе полвѣка вѣщавшее міру христіанскому спасительныя истины вѣры Христовой. наконецъ умолкло навсегда. Отягченны бременемъ лѣтъ, изнуренный безпокойствами и трудами, блаженный старецъ незадолго предъ тѣмъ въ письмѣ къ Августину ¹⁾ самъ высказывалъ желаніе скорѣе пройти свое поприще и достигнуть желаннаго покоя. Дѣйствительно, этотъ покой нуженъ уже былъ теперь ему. Послѣ различныхъ потрясеній душевныхъ и тѣлесныхъ, послѣ такихъ громаднхъ трудовъ и непрерывной умственной дѣятельности, послѣ долгихъ лѣтъ строгаго покаянія и подвиговъ самоотверженія, и особенно послѣ тѣхъ испытаній, какія перенесъ онъ въ послѣдніе годы жизни и со стороны горькихъ извѣстій о разрушеніи Рима варварами и со стороны варварскихъ нападений на Палестину и на монастырь, гдѣ жилъ самъ Іеронимъ, силы его очень ослабѣли и жизнь истоцилась. Всѣ искренніе друзья его и лица, вызывавшія его къ умственной работѣ, уже упресли его переходомъ въ другую жизнь ²⁾; остался одинъ онъ, въ своемъ немощномъ тѣлѣ, на закатѣ дней своихъ, подъ шумомъ бури, опустошавшей цвѣтуція области Палестины. Въ 420 году и онъ съ миромъ почилъ о Господѣ, на 76 году отъ рожденія.

--

Такъ окончилась многотрудная и многоплодная жизнь величайшаго изъ учителей церкви западной. При высокихъ

противъ книги Анніана, возражавшаго отъ лица пелагианъ противъ письма Іеронима къ Ктезифочту и противъ 3 книгъ его «Разговоровъ» (Dialogi).

1) Писанномъ въ 404 году

2) Съ самаго начала вѣка Іеронимъ постепенно былъ свидѣтелемъ смерти тѣхъ лицъ, съ которыми живя и искреннія отношенія поддерживалъ онъ во всю свою жизнь: бл. Павла ум 404 г., Марцелла тотчасъ по взятіи Рима, за нею— Паммахій, Евсевій, Меланія, Руфивъ, Теофілъ алекс., Іоаннъ іерусалимскій, незадолго предъ его смертію—Евстохія и многіе другіе.

умственныхъ дарованіяхъ, при неутомимой и многоплодной дѣятельности на пользу истины и добра, пламенная и самоотверженная ревность Іеронима по вѣрѣ и благочестію, одушевлявшая его во всѣхъ его дѣлахъ и начинаніяхъ, высота строгой подвижнической жизни, добродушіе, братолюбіе и смиреніе ставили его на ряду съ тѣми великими свѣтилами, которыми украшалась церковь того времени. Его слову живому, увлекательному внимали въ самыхъ отдаленныхъ странахъ запада; а жизнь въ убогомъ вертепѣ Виолесема, какъ и въ Римѣ и пустынѣ халцидской, — жизнь неизмѣнно строгая, подвижническая, вполнѣ ручаясь за искренность и святость его слова, производила могущественное вліяніе какъ на современныхъ ему вѣрующихъ, такъ и на христіанъ послѣдующихъ вѣковъ¹⁾. Правда, мы видѣли, что въ жаркихъ спорахъ съ своими противниками и врагами церкви пламенная ревность по вѣрѣ доходила въ немъ иногда до горячности и раздраженія, а беспощадная, можно сказать, строгость къ самому себѣ нерѣдко исключала въ немъ отеческую снисходительность къ другимъ и при этомъ высказывалась нѣкоторыми крайностями въ ученіи о предметахъ христіанской дѣятельности. Но подобныя мысли, какъ личныя мысли Іеронима, нисколько не умаляютъ истинныхъ его заслугъ для церкви и не должны въ глазахъ нашихъ имѣть такого значенія, какое даютъ имъ лютеране. Если мы успѣли сколько нибудь познакомиться съ характеромъ бл. Іеронима, если видѣли, сколько потребно было ему бдительности надъ собою, чтобы укротить эту горячую, кипучую его природу, съ которою боролся онъ, со времени поселенія въ пустынѣ хал-

1) На западѣ до сихъ поръ есть монашескіе ордена, которые считаютъ блаженнаго Іеронима своимъ покровителемъ (patronus), носятъ названіе *іеронимитовъ* и живутъ строго—по правиламъ, извлеченнымъ изъ различныхъ писемъ бл. Іеронима объ иноческой жизни. Есть они въ Италіи, Ломбардіи, Тосканѣ и другихъ мѣстахъ.

цидской до жизни въ вертепѣ вилеоеемскомъ, то мы скорѣе удивимся величію его духа, прославимъ его необычайное мужество въ непрерывныхъ подвигахъ самоумерщвления, чѣмъ станемъ обвинять его за тѣ своеобразныя воззрѣнія или крайности въ мнѣніяхъ, отъ которыхъ никто не можетъ считать себя свободнымъ, какъ человѣкъ. Онъ неуспынно бодрствовалъ надъ собою, мужественно боролся съ внутреннимъ врагомъ своей души; если же иногда ослабѣвалъ среди столь трудной борьбы, если законъ плоти полагалъ иногда свои слѣды на вышнихъ стремленіяхъ его духа, то это доказательство слабости природы человѣческой, которая не свободна бывасть отъ преткновеній на самыхъ высокихъ степеняхъ духовнаго совершенства. Сознаніе этого нерѣдко смущало благочестивое сердце Іеронима. Въ его различныхъ письмахъ можно встрѣчать искреннее признаніе многихъ погрѣшностей и недостатковъ, допущенныхъ имъ въ твореніяхъ. »Въ теченіе долгихъ лѣтъ, отъ юности до преклонной старости, писалъ онъ подъ конецъ жизни, и оставилъ много различныхъ писаній, въ которыхъ всегда старался говорить только то, что согласно съ духомъ и правилами св. церкви; если же въ нихъ найдется нѣчто достойное порицанія, то я съ смиреніемъ исповѣдую свои заблужденія, желая лучше исправиться, чѣмъ оставаться въ опасномъ самомнѣніи«¹⁾.

Церковь причислила Іеронима къ лику святыхъ. Христиане восточныхъ церквей совершали и совершаютъ память его 15 іюня, христиане церкви римской 30 сентября.

¹⁾ Epist. ad Ctcsifont.

При обзорѣнн жизни бл. Иеронима мы съ намѣреніемъ останавливались и на обзорѣ твореній его, чтобы лучше понять содержаніе и значеніе каждаго изъ нихъ въ связи съ ходомъ дѣль церковныхъ того времени и съ обстоятельствами жизни самого писателя. Немногія изъ твореній бл. Иеронима не вошли въ это обзорѣніе наше и это нѣкоторыя изъ его писемъ. Одни изъ нихъ такъ коротки по объему и такъ незначительны по содержанию, что нужно было бы повторять ихъ цѣликомъ, чтобы передать ихъ содержаніе. иныя изъ нихъ и значительнаго содержанія, но не заключаютъ въ себѣ ничего, что связывало бы ихъ съ главными текущими обстоятельствами времени и жизни бл. Иеронима, а служатъ только выраженіемъ общихъ началъ, которыми опредѣлялась переписка его и о которыхъ сдѣлано нами сужденіе въ своемъ мѣстѣ, такъ что останавливаться на тѣхъ и другихъ письмахъ при изложеніи жизни и дѣятельности бл. Иеронима нельзя было безъ того, чтобы не прерывать при этомъ обзорѣнія главныхъ и существенныхъ нитей письменной дѣятельности этого плодовитаго и разнообразнаго писателя. Въ вознагражденіе этого мы представляемъ здѣсь полный каталогъ всѣхъ писаній бл. Иеронима, и оригинальныхъ и переводныхъ, въ двухъ видахъ: одинъ каталогъ *хронологическій*, другой (назовемъ такъ) *систематическій*. Въ первомъ расположены творенія въ порядкѣ по времени ихъ происхожденія, сколько можно бы отыскать и прослѣдить этотъ порядокъ; во второмъ располагаются творенія по роду и характеру содержанія ихъ. Первый имѣетъ то значеніе и ту выгоду для желающаго изучать творенія бл. Иеронима, что при чтеніи ихъ видишь и изучаешь вмѣстѣ весь ходъ жизни писателя и безъ затрудненій понимаешь особенности того или другаго творенія, на которомъ рѣзко отразились современные обстоятельства жизни или частное душевное настроеніе бл. Иеронима. Второй имѣетъ то значеніе и ту

выгоду, что располагая писанія на отдѣлы по предметамъ, по формѣ и по характеру ихъ, дастъ удобство сдѣлать цѣльный и раздѣльный взглядъ на труды бл. Иеронима, и съ разныхъ опредѣленныхъ сторонъ изучать ихъ: при этомъ вы отдѣльно изучаете полемику его, отдѣльно толкованія на св. Писаніе, отдѣльно переводъ св. Писанія, отдѣльно археологію, и т. п. Хронологическій каталогъ мы составляемъ сами, систематическій передаемъ изъ изданія твореній бл. Иеронима въ *Curs. Complet. Patrolog.*

Хронологическій каталогъ твореній бл. Иеронима.

*Творенія писанныя между 371 и 379 г. въ Антиохіи
и въ пустынь халкидской ¹⁾.*

Число кннгъ.	Время написанія.
1. Письмо къ Иннокентію, о женѣ чудесно-спасенной отъ смерти подъ ударами меча	370 г.
2. Письмо ²⁾ къ старцу Θεодосію и братіи его.	374.
3. Письмо къ Руфину	374.
4. Письмо къ Флоренцію	374.
5. — къ нему же	374.
6. — къ Юліану, діакону аввилейскому	374.
7. — къ Хромацию, Іовину и Евсевію	374.
8. — къ Касторинѣ, теткѣ Иеронима	374.
9. — къ Никеасу, иподіакону аввилейскому	374.
10. — къ Хрисогону, монаху аввилейскому	374.
11. — къ двѣмъ эмонскимъ	374.

¹⁾ Кромѣ перваго, писаннаго въ Аввилѣ.

²⁾ Вторымъ по времени сочиненіемъ бл. Иеронима было толкованіе на пр. Авдія, которое потеряно.

12.	Письмо къ Антонію монаху	374 г.
13.	Жизнь Павла пустынника (онгейскаго)	374.
14.	Письмо къ Павлу, старцу конкордійскому	374.
15.	Письмо къ Иліодору	375.
16.	— къ папѣ Дамасу по случаю спора въ
Антіохіи объ вѣстасяхъ Св. Троицы	376.
17.	— къ нему же. по тому же случаю	376.
18.	— къ Марку пресвитеру	379.

*Творенія писанныя между 379 и 387 годами,—со
времени удаленія Іеронима изъ пустыни халцидской
до поселенія его въ Вифлѣмъ.*

19.	Споръ между послѣдователемъ Люцифера и пра-
вославнымъ	379.
20.	<i>Переводъ хроники Есеевія кесарійскаго съ гре-
ческаго языка на латинскій и прибавленія
къ ней самаго Іеронима</i>	380.
21.	<i>Переводъ 14 бесѣдъ Оригеновыхъ на пророка
Іеремію и 14—на пророка Іезекіиля</i>	381.
22.	Письмо къ Дамасу о серафимахъ или толкованіе
на 6 главу прор. Исаіи	381.
23.	Письмо къ нему же объ »Осанна«, въ отвѣтъ
на письмо папы	382.
24.	Письмо къ нему же, о двухъ сынахъ, по притчѣ
о блудномъ сынѣ, тоже въ отвѣтъ на письмо
папы	382.
25.	<i>Исправленный латинскій переводъ новаго За-
вѣта (vulgata) по греческому подлиннику,
съ двумя предисловіями самого Іеронима,
къ евангеліямъ и къ соборнымъ послані-
ямъ. При переводѣ приложены были Іе-</i>	

ронимомъ письмо и евангельскія таблицы
Евсевія кесарійскаго. 382 г.

26. *Исправленная псалтирь по I.XX (римская)*
 Она издается обыкновенно вмѣстѣ съ другою псалтирью. послѣ исправленную Иеронимомъ, которая называется *галликанскою* 382—83
27. Трактатъ противъ Гельвидія о приснодѣвствѣ
 Матери Божіей 383.
28. Письмо къ Маркеллѣ о ереси Монтана 384.
29. — къ ней же о ереси Новаціана 384.
30. — къ Евстохіи о дѣвствѣ 384.
31. — къ Маркеллѣ о смерти Леи 384.
32. — къ ней же о добродѣтеляхъ Азеллы . 384.
33. — къ ней же о десяти именахъ Божіихъ. 384.
34. — къ ней же о нѣкоторыхъ словахъ евреискихъ 384.
35. Письмо къ ней же, о клеветникахъ своихъ . . 384.
36. — къ ней же, о словѣ »Села« (de Diapsalma) 384.
37. — къ ней же, объ *Ефодѣ* и *Терафимѣ*. 384.
38. — къ Павлѣ, объ алфавитѣ еврейскомъ . 384.
39. — къ Евстохіи по случаю подарковъ ея (de munusculis) 384.
40. Письмо къ Маркеллѣ (извиняется, что коротко пишетъ къ ней) 384.
41. Письмо къ Павлѣ о сочиненіяхъ Оригена противъ Варрона (отрывокъ изъ другаго сочиненія Иеронима) 384.
42. Письмо къ Маркеллѣ о 126 псалмѣ 384.
43. — къ папѣ Дамасу, отвѣтъ на 5 вопросовъ 384.
44. — къ Маркеллѣ о комментаріяхъ Ретиція 384.
45. — къ ней же, о болѣзни Блезиллы. . . . 384.
46. — къ Павлѣ о смерти Блезиллы 384.

47. *Переводъ двухъ бесѣдъ Оригена на Письмъ-письней.*
съ небольшимъ предисловіемъ въ родѣ
письма къ Дамасу 384.
48. *Переводъ сочиненія Диониса о Святомъ Духѣ.*
(оконченъ послѣ въ Виолемѣ). Съ предис-
ловіемъ самаго Иеронима въ родѣ письма
къ Павлиніану, написанномъ уже въ Вио-
лемѣ 384.
49. Письмо къ Маркеллѣ, объ Оназѣ 385.
50. — къ ней же, о деревенской жизни . . . 385.
51. — къ ней же, по поводу подарковъ . . . 385.
52. — къ Азеллѣ, при отъѣздѣ изъ Рима на
Востоку 385.
- Творенія писанныя бл. Иеронимомъ въ Виолемѣ,
отъ 387 до 420 г. или до смерти.*
53. Толкованіи на посланія ап. Павла къ Галатамъ
три книги 387.
54. Толкованіе на посланіе къ Филимону, въ I кн. 387.
55. Письмо отъ имени Павлы и Евстохіи къ Мар-
келлѣ 387.
56. Толкованіе на посланіе ап. Павла къ Ефессямъ,
въ трехъ книгахъ. 388.
57. Толкованіе на посланіе ап. Павла къ Титу. . 388.
58. — на книгу Екклесіастъ 389.
59. Книга объ именахъ свреіскихъ. 389.
60. — о положеніи и названіи мѣстъ Палестины 389.
61. — вопросовъ еврейскихъ на книгу Бытія . 389.
62. *Переводъ съ греческаго на латинскій языкъ 39*
бесѣдъ Оригена на евангеліе отъ Луки¹⁾. 389.

1) Бесѣды эти въ полномъ видѣ изданы въ первый разъ только въ »Curs
Comp. Patr.

63.	<i>Семь книгъ толкованій на псалмы, отъ 10 до 16 псалма. Въ отдѣльномъ видѣ не существуютъ.</i>	390.
64.	<i>Жизнь Малха</i>	391.
65.	<i>Жизнь преподобнаго Паріона</i>	391.
66.	<i>Псалтирь исправленная по LXX и отчасти по еврейскому подлиннику ¹⁾.</i>	392.
67.	<i>Исправленная также книга Іова</i>	392.
68.	<i>Толкованіе на пр. Михея, въ двухъ книгахъ</i>	} Окончены
въ
392 году.
69.	<i>— на пр. Софонію въ одной книгѣ</i>	
70.	<i>— на прор. Наума въ одной книгѣ</i>	
71.	<i>— на пр. Аввакума въ 2 книгахъ.</i>	
72.	<i>— на пророка Аггея, въ 1 книгѣ.</i>	
73.	<i>Книга о знаменитыхъ мужахъ (писателяхъ церковныхъ)</i>	392.
74.	<i>Двѣ книги противъ Ювиніана</i>	392.
75.	<i>Предисловіе къ (несуществующему) переводу книгъ Паралипоменонъ съ греческ. LXX на латинскій</i>	392.
76.	<i>Предисловіе (коротенькое) къ такому же переводу книгъ притчей Соломона, Евклезіаста и Пѣснь-пѣсней</i>	392.
77.	<i>Переводъ еврейскаго канона священныхъ книгъ съ еврейскаго языка на латинскій, именно: Первый отдѣлъ—законъ: книги—Бытія, Исходъ, Левитъ, Числъ и Второзаконія. Второй отдѣлъ—пророки: книги—Исуса Навина, Судей. Руфъ, двѣ книги Самуила (1 и 2 царствъ), двѣ книги царей (3 и 4</i>	} Переведены между 392 и 404 годами.

¹⁾ Въ отличіе отъ той псалтири, которая исправлена Іеронимомъ еще въ Римѣ, эта называется по употребленію *латинская*

царствъ), кн. Исаи, Іереміи, Іезекіиля и 12 меньшихъ пророковъ.

Третій отдѣлъ святописателей: книги — Іова, псалмовъ, притчей, Екклесіаста, Пѣснѣ пѣсней, Даниила, Паралипоменонъ, Эздры и Эсфирь.

Книги состоящія внѣ еврейскаго канона: книги — Товіи, Іудифъ, — обѣ съ халдейскаго.

Переведены между 392 и 404 годами.

78.	Письмо къ Дезидерію	393.
79.	— къ Паммахію въ защиту книгъ своихъ противъ Іовиніана	393.
80.	Письмо къ нему же, по тому же дѣлу	393.
81.	— къ Домніону	394.
82.	<i>Переводъ письма Епифанія къ Іоанну іерусалимскому</i>	<i>394.</i>
83.	Письмо къ Непоціану о жизни клириковъ и монаховъ	394.
84.	Письмо къ Павлину объ упражненіи въ чтеніи св. Писанія.	394.
85.	Письмо къ Фуріи	394.
86.	— къ Аманду.	394.
87.	— къ Паммахію о томъ, какъ лучше переводить св. Писаніе	395.
88.	Письмо къ Павлину	395.
89.	— къ Маркелѣ о нѣкоторыхъ вопросахъ изъ новаго Завѣта	395.
90.	Письмо къ Іліодору, надгробное слово Непоціану.	396.
91.	Письмо къ Вигилянцію	396.
92.	— къ Транкволину	397.
93.	— къ Теофілу александрійскому объ оригенистахъ	397.

94. Письмо къ Фабіолѣ, о священнической одеждѣ 397.
95. — къ Принципію, объясненіе 44 псалма 397.
96. — къ Паммахію, о смерти Павлины 397.
97. — къ Кастрүцію 397.
98. — къ Океану 397.
99. — къ Магну 397.
100. Толкованіе на книгу пророка Іоны 397.
101. Письмо къ Люцінію 398.
102. — къ Виталису 398.
103. — къ Евангелу пресвитеру о Мелхиседегѣ 398.
104. — къ Руфину, о судѣ Соломона между
двумя жєнщинами, спорившими за дитя 398.
105. Письмо къ Θεодорѣ вдовицѣ 399.
106. — къ Абигаю 399.
107. — къ Оксану, о смерти Фабіолы 399.
108. — къ Фабіолѣ о 42 станахъ израильскаго
странствованія въ пустынь. Писано по
смерти Фабіолы 399.
109. Письмо къ Сальвинѣ 399.
110. — къ Руфину, о сочиненіи Оригена *περί*
ἀρχῶν 399.
111. Письмо къ Θεοφилу, противъ Іоанна іерусал. 399.
112. Книга противъ Іоанна іерусалимскаго, посланная
въ Римъ на имя Паммахіа 399—400
113. Письмо къ Паммахію и Океану 400.
114. Двѣ книги апологіи противъ обвиненій со сто-
роны Руфина, посланныя въ Римъ на имя
Паммахіа и Маркеллы 400.
115. Третья книга такой же апологіи 401.
116. Письмо къ Павлину, о двухъ вопросахъ, касав-
шихся Оригена и его сочиненій 401.

117.	Письмо къ Теофилу	401.
118.	<i>Отвѣтъ Теофила</i> , переведенный Иеронимомъ на латинскій языкъ	401.
119.	Еще письмо къ Теофилу	401.
120.	<i>Отвѣтъ Теофила</i> , перев. Иерон. на лат. языкъ	401.
121.	<i>Письмо Теофила къ Епифанію</i> . Перев. Иерон.	
122.	— <i>Епифанія къ Иерониму</i> . — —	
123.	<i>Соборное посланіе Теофила къ епископамъ па-</i> <i>лестинскимъ и кипрскимъ</i> . Перев. Иерон.	
124.	<i>Письмо собора іерусалимскаго къ означеннымъ</i> <i>епископамъ</i> . Переводъ Иеронима.	
125.	<i>Письмо Діонисія епископа діаспольскаго къ</i> <i>Теофилу</i> . Перев. Иеронима	
126.	<i>Письмо Анастасія папы къ Симплиціану</i>	
127.	<i>Посланіе Теофила пасхальное 1</i> . Пер. Иерон.	
128.	Письмо Иеронима къ Паммахію и Маркеллѣ при пасхальномъ письмѣ Теофила	402.
129.	<i>Пасхальное письмо 2</i> . Пер. Иеронима	402.
130.	Письмо Иеронима къ Теофилу	402.
131.	<i>Пасхальное 3</i> . Перев. Иеронима	402.
132.	Письмо Иеронима къ Августину.	402.
133.	— къ нему же 2.	403.
134.	— къ нему же 3.	403.
135.	— къ Сунніѣ и Фретелѣ	403.
136.	— къ Летѣ, о воспитаніи дочери	403.
137.	Толкованіе на прор. Авдія	403.
138.	Письмо къ Евстохіи, — надгробное слово Павлѣ	404.
139.	— къ Рипарію о Вигиланціѣ	404.
140.	— къ Августину 4.	404.
141.	— къ Теофилу	405.
142.	— къ Августину 5.	405.
143.	— къ матери и дочери, въ Галлію.	405.

144. *Переводъ монашескаго устава (regula) св. Пахомія, а также и писемъ его, равно какъ и писемъ Θεодора, съ присовокупленіемъ предисловія самого Іеронима* 405.
145. Книга противъ Вигиланція 406.
146. Письмо къ Юліану 406.
147. — къ Минервію и Александру 406.
148. — къ Гидибіѣ, о 12 вопросахъ изъ н. Зав. 406.
149. — къ Алгазіи, объ 11 вопросахъ изъ н. З. 406.
150. Толкованіе на прор. Захарію, въ 3 кн. 406.
151. — на прор. Малахію, въ 1 книгѣ. Послѣ 406.
152. — на пророка Осію, въ 3 книгахъ 406.
153. — на прор. Іоіля въ 1 кн. 406.
154. — на прор. Амоса въ 3 кн. 406.
155. — на евангеліе Матѳея, въ 4 книгахъ. Въ 407.
156. — на пророка Даніила, въ 1 книгѣ. 407.
157. Письмо къ Рустику о покаяніи 408.
158. Толкованіе на пророка Исаію, въ 18 книгахъ. 408—9.
159. Письмо къ Агерухіи о единопрачїи 409.
160. — къ Авиту о томъ, чего нужно остерегаться въ книгѣ Оригена *περί ἀρχόν.* 410.
161. Письмо къ Рустику монаху 411.
162. — къ Маркеллину и Анапсихіи, по вопросу о происхожденіи души 411.
163. Письмо къ Принципіи, — похвальное слово вдовицѣ Маркеллѣ 412.
164. Письмо къ Гавденцію, о воспитаніи Пакатулы. 413.
165. — къ Дардану, о землѣ обѣтованной 414.
166. — къ Димитріадѣ, о храненіи дѣвства. 414.
167. Толкованіе на пророка Іезекіиля, въ 16 кн. 410—15
168. Письмо къ Ктезифонту, противъ Пелагія 415.
169. — къ Августину б. 416.

170.	Три книги разговоровъ противъ Пелагія . . .	416.
171.	Письмо къ Рипарію, пресвитеру, о пелагіевой ереси	417.
172.	Письмо къ Апронію	417.
173.	Толкованіе на прор. Іеремію, въ 6 книгахъ	417.
174.	Письмо къ Кипріану о 89 псалмѣ	418.
175.	Къ Августину письмо 7.	418.
176.	Къ нему же—8.	418.
177.	Письмо къ Алипію и Августину	419.
178.	— къ Екзуперанцію; приглашаетъ его оставить военную службу и переселиться въ Виѳлеемъ для святой жизни	} Неизвѣстно, въ какомъ году писаны.
179.	Письмо къ Евангелу, о различіи между степенями епископства, пресвитерства и діаконства	
180.	Письмо къ Сабиніану, падшему въ любодѣяніи діакону,—увѣщаніе къ покаянію	

**Систематическій каталогъ по изданію
въ Сир. Сomp. Patr.**

ТОМЪ I.

Содержитъ въ себѣ всѣ письма бл. Іеронима, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ.

Классъ первый писемъ, писанныхъ преимущественно изъ пустыни халцидской, между 370 и 380 г.

Число книгъ.

- I. Письмо къ Иннокентію.
 II. — къ Θεодосію и прочимъ пустынноикамъ.
 III. — къ Руфіну монаху.

- IV. Письмо къ Флоренцію.
 V. — къ нему же.
 VI. — къ Юліану.
 VII. — къ Хромацію, Ювину и Евсевію.
 VIII. — къ Никеасу иподіакону.
 IX. — къ Хрисогону.
 X. — къ Павлу конкордійскому.
 XI. — къ дѣвамъ эмоѳскимъ.
 XII. — къ Антонію монаху.
 XIII. — къ тетѣ Касторинѣ.
 XIV. — къ Иліодору.
 XV. — къ папѣ Дамасу.
 XVI. — къ нему же.
 XVII. — къ Марку пресвитеру.
 XVIII. — къ Дамасу—о серафимахъ.

*Классъ второй писемъ, писанныхъ въ Римъ отъ конца
 382 до половины 385 года.*

- XIX. Письмо Дамаса къ Иерониму объ Осанна.
 XX. — Иеронима къ Дамасу объ Осанна.
 XXI. — къ нему же о двухъ сынахъ, бережливомъ
 и расточительномъ; изъ евангельской притчи.
 XXII. Письмо къ Евстохіи о дѣвствѣ.
 XXIII. — къ Маркеллѣ о смерти Леи.
 XXIV. — къ ней же, о добродѣтеляхъ Азеллы.
 XXV. — къ ней же, о десяти именахъ Божіихъ.
 XXVI. — къ ней же, о нѣкоторыхъ названіяхъ ев-
 рейскихъ.

- XXVII. Письмо къ ней же о клеветникахъ своихъ.
 XXVIII. — къ ней же о словѣ *Села* (de Diapsalma).
 XXIX. — къ ней же объ Ефодѣ и Терафимѣ.
 XXX. Письмо къ Павлѣ объ алфавитѣ сврейскомъ.
 XXXI. — къ Евстохіи о подаркахъ.
 XXXII. — къ Маркеллѣ—небольшое.
 XXXIII. — къ Павлѣ, объ Оригенѣ (отрывокъ).
 XXXIV. — къ Маркеллѣ, о 126 псалмѣ.
 XXXV. *Письмо Дамаса къ Иерониму съ пятью вопросами.*
 XXXVI. Письмо Иеронима къ Дамасу о пяти вопросахъ.
 XXXVII. — къ Маркеллѣ о комментаріяхъ Ретиція.
 XXXVIII. — къ ней же о болѣзни Блезиллы.
 XXXIX. — къ Павлѣ, о смерти Блезиллы.
 XL. — къ Маркеллѣ объ Оназѣ.
 XLI. — къ ней же противъ Монтона.
 XLII. — къ ней же противъ Новаціана.
 XLIII. — къ ней же о деревенской жизни.
 XLIV. — къ ней же, о подаркахъ.
 XLV. — къ Азеллѣ.

*Классъ третій писемъ, писанныхъ изъ Виллема между
 386 и 400 годами.*

- XLVI. Письмо къ Маркеллѣ отъ имени Павлы и Евстохіи,
 о святыхъ мѣстахъ.
 XLVII. Письмо къ Дезидерію.
 XLVIII. — къ Паммахію о книгахъ противъ Ювиніана.
 XLIX. — къ нему же.
 L. — къ Домніону.

- LI. *Письмо Епифанія къ Иоанну іерусалимскому. Переводъ Іеронима.*
- LII. *Письмо Іеронима къ Непоціану о жизни клириковъ и монаховъ.*
- LIII. *Письмо къ Павлину объ упражненіи въ св. Писаніи.*
- LIV. — *къ Фуриѣ.*
- LV. *Письмо къ Аманду.*
- LVI. — *Августина къ Іерониму.*
- LVII. — *Іеронима къ Паммахію о способѣ толковать св. Писаніе.*
- LVIII. *Письмо къ Павлину другое.*
- LIX. — *къ Маркеліѣ о вопросахъ изъ н. Завѣта.*
- LX. — *къ Иліодору, надгробное слово Непоціану.*
- LXI. — *къ Вигилянцію.*
- LXII. — *къ Транквиллону.*
- LXIII. — *къ Теофілу по дѣлу оригенистовъ.*
- LXIV. — *къ Фабіолѣ, объ одеждѣ священниковъ.*
- LXV. — *къ Принципіѣ, объясненіе 44 псалма.*
- LXVI. — *къ Паммахію о смерти Павлы.*
- LXVII. — *Августина къ Іерониму.*
- LXVIII. — *Іеронима къ Кастрүцію.*
- LXIX. — *къ Океану.*
- LXX. — *къ Магну.*
- LXXI. — *къ Люцинію.*
- LXXII. — *къ Виталису.*
- LXXIII. — *къ Евангелу о Мелхиседеѣ.*
- LXXIV. — *къ Руфину, римскому пресвитеру.*
- LXXV. — *къ Теодорѣ.*

- LXXVI. Письмо къ Абигаю.
- LXXVII. — къ Океану о смерти Фабіолы.
- LXXVIII. — къ Фабіолѣ о 42 станахъ (писанное по смерти ея).
- LXXIX. Письмо къ Сальвинѣ.
- LXXX. *Предисловіе Руфина на книги Оригена περί αρχών.*
- LXXXI. Письмо Иеронима къ Руфину по этому поводу.
- LXXXII. — къ Теофилу противъ Іоанна іерусалимскаго.
- LXXXIII. — *Паммахія и Океана къ Иерониму.*
- KXXXIV. — Иеронима къ Паммахію и Океану.
- LXXXV. — къ Павлину о двухъ вопросахъ.
- LXXXVI. — къ Теофилу.
- LXXXVII. — *Теофила къ Иерониму.* Перев. Иеронима.
- LXXXVIII. — Иеронима къ Теофилу.
- LXXXIX. — *Теофила къ Иерониму.* Переводъ Иеронима.
- XC. — *Теофила къ Епифанію.* Перев. Иеронима.
- XCI. — *Епифанія къ Иерониму.* Пер. Иеронима.
- XСII. — *Теофила отъ имени собора къ епископамъ палестинскимъ и кипрскимъ.* Перев. Иеронима.
- XСIII. *Письмо окружное іерусалимскаго собора къ тѣмъ же епископамъ.* Перев. Иеронима.
- XСIV. *Письмо Діонисія къ Теофилу.* Пер. Иеронима.
- XCV. *Письмо Анастасія папы къ Симплиціану.* Переводъ Иеронима.

Классъ четвертый писемъ, писанныхъ съ конца 401 года до 420 года, или до конца жизни Иеронима.

- XCVI. *Письмо Теофила, пасхальное 1.* Перев. Иеронима.
- XCVII. — Иеронима къ Паммахію и Маркеллѣ.

- ХСVIII. Письмо *пасхальное 2.* Переводъ Иеронима.
 ХСIX. — Иеронима къ Теофилу.
 С. — *пасхальное 3.* Переводъ Иеронима.
 CI. -- *Августина къ Иерониму.*
 CII. — Иеронима къ Августину.
 CIII. — къ нему же.
 CIV. — *Августина къ Иерониму.*
 CV. — Иеронима къ Августину.
 CVI. — къ Сунни и Фретелѣ.
 CVII. — къ Летѣ.
 CVIII. — къ Евстохіи, надгробное слово Павлѣ.
 CIX. — къ Рипарію о Вигиланціѣ.
 CX. *Письмо Августина къ Иерониму.*
 CXI. — *его же къ Президію.*
 CXII. — Иеронима къ Августину.
 CXIII. — *Теофила къ Иерониму (отрывокъ).* Перев.
 Иеронима.
 CXIV. Письмо Иеронима къ Теофилу.
 CXV. — къ Августину.
 CXVI. — *Августина къ Иерониму.*
 CXVII. — Иеронима къ матери и дочери.
 CXVIII. — къ Юліану.
 CXIX. — къ Минервію и Александру.
 CXX. — къ Гедибіи о 12 вопросахъ изъ н. Завѣта.
 CXXI. — къ Алгазіи объ 11 вопросахъ изъ н. Завѣта.
 CXXII. — къ Рустиву о покаяніи.
 CXXIII. — къ Агерухіи о единобрачіи.
 CXXIV. — къ Авиту о книгѣ Оригена *περί ἀρχῶν.*

- CXXV. Письмо къ Рустиѣу монаху.
- CXXVI. — къ Маркеллину и Анапсихіи.
- CXXVII. — къ Принципиі, надгробное слово вдовицѣ
Маркеллѣ.
- CXXVIII. Письмо къ Гавденцію о воспитаніи Папатулы.
- CXXIX. — къ Дардану, о землѣ обѣтованной.
- CXXX. — къ Димитріадѣ, о храненіи дѣвства.
- CXXXI. — *Августина къ Иерониму, о происхожденіи
души.*
- CXXXII. *Письмо Августина къ нему же.*
- CXXXIII. — Иеронима къ Ктезифонту.
- CXXXIV. — къ Августину.
- CXXXV. — *Иннокентія папы къ Аврелію.*
- CXXXVI. — *Его же къ Иерониму.*
- CXXXVII. — *Его же къ Иоанну іерусалимскому.*
- CXXXVIII. — Иеронима къ Рипарію.
- CXXXIX. — къ Апронію.
- CXL. — къ Кипріану о 84 псалмѣ.
- CXLI. — къ Августину.
- CXLII. — къ нему же.
- CXLIII. — къ Алишю и Августину.
- CXLIV. — *Августина къ Оптату объ Иеронимѣ.*
- CXLV. — къ Екзуперанцію.
- CXLVI. — къ Евангелу.
- CXLVII. — къ Сабиніану.
- CXLVIII. Три письма къ Целенціи.
- CXLIX. не О праздниѣ пасхи.
- CL. Иеронимовы. Прокосія къ Иерониму.

Содержитъ въ себѣ преимущественно историческія и полемическія творенія блаженнаго Иеронима.

- I. Жизнь св. Павла, перваго пустынника.
- II. Жизнь св. Иларіона пустынника.
- III. Жизнь Малха монаха.
- IV. *Уставъ (regula) св. Пахомія*, съ греческаго на латинскій языкъ переведенный.
- V. *Письма св. Пахомія о св. Θεодорѣ, и таинственныя изреченія ихъ*. Переводъ Иеронима.
- VI. *Книга Дидима о Св. Духѣ*. Переводъ Иеронима.
- VII. Споръ православнаго съ послѣдователемъ Люцифера.
- VIII. Книга противъ Гельвидія.
- IX. Двѣ книги противъ Ювиніана.
- X. Книга противъ Вигилянція.
- XI. Книга противъ Іоанна іерусалимскаго.
- XII. Три книги апологіи противъ обвиненій Руфина.
- XIII. Три книги разговоровъ противъ целагианъ.
- XIV. *Отрывки изъ книгъ Θεодора мопсуетскаго противъ Иеронима* (Издаются какъ документъ, уясняющій отношенія Иеронима).
- XV. Книга о знаменитыхъ мужахъ (писателяхъ церковныхъ).

Приложеніе ко второму тому 1).

О жизни апостоловъ.

Письмо къ Дезидерію о 12 учителяхъ.

1) Въ *приложеніяхъ* помѣщаются соответственныя содержанію тома не Иеронимовы творенія, которыя въ старыхъ изданіяхъ почитались Иеронимовыми.

Въ немъ помѣщены творенія археологическаго свойства и переводы чужихъ толкованій.

- I. Книга объ именахъ еврейскихъ.
- II. Книга о положеніи и именахъ мѣстъ.
- III. Книга вопросовъ еврейскихъ на книгу Бытія.
- IV. Комментарій на Екклесіастъ.
- V. *Двъ бесѣды Оригена на Пѣснь-пѣсней*, пер. Иеронимомъ.

Къ этому тому два приложенія, греческое и латинское.

Въ греческомъ приложеніи.

Пять греческихъ отрывковъ книги именъ еврейскихъ.

Греческій лексиконъ именъ еврейскихъ, извѣстный подъ именемъ Оригенова лексикона.

Этой книги другой экземпляръ.

Извлеченія въ этомъ родѣ изъ писаній Филона іудейскаго.

Извлеченія изъ сочиненій Іосифа Флавія, въ томъ же родѣ.

Въ латинскомъ приложеніи.

Книга названій мѣстностей, упоминаемыхъ въ Дѣянїяхъ.

О еврейскомъ алфавитѣ и 10 именахъ Божїихъ.

О благословенїяхъ Іакова патріарха.

Этого сочиненія другой экземпляръ.

О десяти искушенїяхъ израильтянъ въ пустынѣ.

Толкованіе на пѣснь Деворы.

Еврейскіе вопросы на книги Царствъ и Паралипоменонъ.

Толкованіе Филона на гл. Іова.

Отзывъ Марціана о книгахъ Іеронима, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ.

ТОМЪ IV.

Въ немъ помѣщены два большихъ толкованія бл. Іеронима на св. Писаніе, именно:

- I. Осъмнадцать книгъ толкованій на прор. Исаію.
- II. Шесть книгъ толкованій на пр. Іеремію.

Приложеніе.

Переводъ девяти бесѣдъ Оригена на видѣнія Исаіи, приписываемый Іерониму.

Отрывокъ толкованій на прор. Исаію изъ манускрипта веронскаго.

ТОМЪ V.

Въ немъ тоже толкованія на св. Писаніе, именно:

- I. Шестнадцать книгъ толкованій на прор. Іезекііля.
- II. Книга толкованій на прор. Даніила.
- III. *Двадцать-восемь бесѣдъ Оригена на пророк. Іеремію и Іезекііля*, переведенныя Іеронимомъ на латинскій языкъ.

ТОМЪ VI.

Въ немъ помѣщены толкованія бл. Іеронима на 12 меньшихъ пророковъ.

Въ приложеніи: защищеніе ученыхъ достоинствъ въ толкованіяхъ Іеронима, противъ Іоанна Клерика.

CLXXVI

ТОМЪ VII.

Въ немъ помѣщены толкованія бл. Иеронима на св. Писаніе новаго Завѣта,
именно:

- I. Толкованіе на евангеліе отъ Матѳея.
- II. *Тридцать-девять бесѣдъ Оригена на евангеліе отъ Луки*,
переведенныя бл. Иеронимомъ на латинскій языкъ.
- III. Три книги толкованій на посланіе ап. Павла къ Галатамъ.
- IV. Три книги толкованій на посланіе ап. Павла къ Ефесеямъ.
- V. Книга толкованій на посланіе апостола Павла къ Титу.
- VI. Книга толкованій на посланіе къ Филимону.

Приложеніе.

Толкованіе на книгу Іова.

Краткія толкованія на псалмы, съ предисловіемъ.

ТОМЪ VIII.

Въ немъ помѣщены:

- I. *Хроника Евсевія*, переведенная Иеронимомъ на латинскій
языкъ.
- II. Продолженіе Иеронима хроники Евсевіевой.
- III. *Продолженіе ея Просперомъ послѣ Иеронима*.
- IV. *Поправки и замѣчанія на эти хроники Арнольда Понтака*.

ТОМЪ IX.

Въ немъ помѣщенъ переводъ Иеронима книгъ св. Писанія ветхаго Завѣта,
съ еврейскаго на латинскій, именно:

Божественной бібліотеки *часть первая*, содержащая въ
себѣ канонъ еврейскій, то-есть:

- I. Первый отдѣлъ закона, отъ книги Бытія до книги Исуса
Навина.

- II. Второй отдѣлъ *пророковъ*, отъ книги Иисуса Навина до книги Іова.
- III. Третій отдѣлъ *святотписателей*, отъ книги Іова до книги Эсфирь.

ТОМЪ X.

Въ немъ помѣщена :

Божественной библіотеки *часть вторая*, въ которой заключается переводъ *книгъ* находящихся *внѣ канона* еврейскаго, то-есть:

- I. Книга Товіи (съ халдейскаго).
 - II. Книга Іудифъ (съ халдейскаго).
- И тутъ же:
- III. Книга Іова (съ греческаго).
 - IV. Псалтирь (съ греческаго) въ двухъ экземплярахъ, *римская* и *галлитанская*.
 - V. Предисловіе къ переводу кн. Паралипоменонъ (съ греческаго).
 - VI. Предисловіе къ переводу книгъ Соломона: Притчей, Екклезіаста и Пѣснь-пѣсней. (Переводъ книгъ не существуетъ).

Приложевіе.

Книга Премудрости, книга Екклесіаста и двѣ книги макавейскія; всѣ взяты изъ Вульгаты.

Божественной библіотеки *часть третья*, которую составляютъ книги нов. Завѣта, исправленныя Іеронимомъ по греческому подлиннику.

- I. Четыре евангелія, съ предисловіемъ Іеронима, къ которому приложены письмо Евсевія къ Киприану о

евангеліяхъ и сравнительныя таблицы четырехъ евангелій.

- II. Книга дѣяній апостоловъ.
- III. 14 посланій ап. Павла.
- IV. 7 соборныхъ посланій, съ предисловіемъ Іеронима.
- V. Апокалипсисъ Іоанна Богослова.

Приложеніе

Сокращенная хроника.

Варианты чтенія Библии въ переводѣ Іеронима, взятые ex archivis paleographicis Іос. Бланhini. Вариантовъ этихъ нѣтъ ни въ какомъ другомъ изданіи твореній бл. Іеронима.

Примѣчаніе. При каждомъ изъ этихъ томовъ помѣщены разныя изслѣдованія, уясняющія исторію и свойство твореній бл. Іеронима. Изслѣдованія эти взяты изъ бенедиктинскаго изданія.

Кромѣ этихъ твореній, принадлежащихъ бл. Іерониму и не принадлежащихъ ему, но помѣщаемыхъ въ видѣ прибавленій къ каждому тому, какъ пособіе къ изученію твореній Іеронимовыхъ, есть еще цѣлый томъ (XI) сочиненій, изданныхъ особо въ Curs. Complet. Patrologiae, которыя никакъ не могутъ принадлежать бл. Іерониму, но издаются при твореніяхъ этого отца церкви частію потому, что въ древнихъ изданіяхъ, которыя однакожъ и теперь еще въ обращеніи, эти

сочиненія издавались подъ именемъ бл. Иеронима, частію потому, что они особо нигдѣ не издавались и останутся безъ мѣста, если имъ не дать мѣста въ такомъ изданіи, какъ *Cursus Completus Patrologiae*, которое поставило себѣ задачу пересмотрѣть и въ новомъ видѣ издать *всѣ памятники* отеческой и церковной письменности. Мы не умножаемъ здѣсь страницъ перечнемъ сочиненій, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ. Ихъ числомъ до 80: въ томъ числѣ 53 письма, 8 трактатовъ и до 20 комментаріевъ на св. Писаніе новаго Заветъа. Неутомимые въ трудахъ издатели *Curs. S. Patr.* нашли, что многія изъ этихъ писаній принадлежатъ извѣстнымъ лицамъ и должны носить ихъ имя. Такъ большая часть комментаріевъ принадлежитъ извѣстному еретичу, Пелагію. Мы не имѣли возможности провѣрить критику издателей этихъ писаній; съ другой стороны и не имѣемъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться на счетъ чего-нибудь въ этой критикѣ: въ сочиненіяхъ нѣтъ такихъ вѣроисповѣдныхъ пунктовъ, на которыхъ чаще всего спотыкается критика, по чувству уваженія къ своему вѣроисповѣданію защищая или отвергая то, на что слѣдовало бы смотрѣть иначе. Въ этомъ отношеніи издатели не думаютъ наводить ни малѣйшей тѣни сомнѣнія на подлинность и тѣхъ твореній блаж. Иеронима, въ которыхъ онъ самымъ невыгоднымъ образомъ отзывался о римской церкви своего времени.

Мы будемъ переводить творенія бл. Иеронима по изданію *Cursus Completus Patrologiae*, какъ изданію послѣднему и самому лучшему. При вариантахъ въ чтеніи будемъ справляться и съ другими изданіями.

ТВОРЕНІЯ
БЛАЖЕННАГО ІЕРОНИМА.
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

П И С Ь М А.

Отдѣлъ первый, содержащій письма, писанныя преимущественно изъ Халцидской пустыни отъ 370 по 380 годъ.

1. Письмо къ Иннокентію—о женщинѣ, семикратно поражаемой мечемъ.

Часто ты просилъ меня, любезнѣйшій Иннокентій, не умалчивать о чудесномъ происшествіи, совершившемся въ наше время. Я съ своей стороны скромно и, какъ вижу теперь, не безъ основанія отказывался отъ твоего предложенія и считалъ его для себя невыполнимымъ, частію потому что всякая человѣческая рѣчь ничтожна сравнительно съ небесною славой, частію потому, что праздность, которая для ума тоже, что ржавчина для желѣза, —ослабила во мнѣ и безъ того не сильную прежде способность краснорѣчія; ты напротивъ того настаивалъ на своемъ, утверждая, что при разсужденіи о дѣлахъ Божіихъ нужно обращать вниманіе не на то, можешь или не можешь, а на душевное расположеніе, и—увѣрялъ, что не можетъ оскудѣть въ словахъ человѣкъ, убѣжденный въ истинѣ того, что говорить. И такъ, чтоже мнѣ дѣлать? Исполнить,

какъ слѣдуетъ, твоей прозбы я не могу, а отказаться не смѣю. И вотъ я, неопытный пловецъ, сажусь на тяжело нагруженный корабль и, ни разу не правивъ челнокомъ на озерѣ, пускаюсь прямо въ бурное Евксинское море. Теперь, когда у меня земля исчезла изъ глазъ, кругомъ меня всюду небо и море, бездна страшитъ своею темнотою и въ бурной мглѣ бѣлѣются только пѣнистые водяные валы. «Привѣшивай къ мачтѣ надутые вѣтромъ паруса» — кричишь ты мнѣ, «ослабь канаты, правь рулемъ!» Я слушаюсь тебя и такъ какъ любовь все можетъ (1 Кор. 13, 7), вѣрю свое плаваніе попутному вѣянію св. Духа, надѣясь найти для себя утѣшеніе, каковъ бы ни былъ успѣхъ моего плаванія. Если волны принесутъ меня къ желанной пристани, то я буду считаться искуснымъ кормчимъ: если же неискусная рѣчь сядетъ на мель, то ты можетъ быть будешь недоволенъ моею малоспособностію, но не можешь упрекнуть меня въ недостатокѣ усердія. И такъ приступаю къ разсказу.

При подошвѣ Альповъ лежитъ Лигурійскій городъ Верцеллы, нѣкогда славный, а нынѣ малонаселенный и оттого полуразрушенный. Когда въ этотъ городъ по обычаю прибылъ консулъ, и представили ему на судъ одну женщину, обвиненную своимъ мужемъ въ прелюбодѣяніи, то онъ предалъ ее — вмѣстѣ съ мнимымъ участникомъ ея преступленія — всѣмъ ужасамъ тюремнаго заключенія. Не много спустя, послѣ кровавыхъ и болѣзненныхъ пытокъ желѣзными когтями и строганія боковъ, несчастнѣйшій юноша, желая скорою смертію избавиться отъ долгихъ мученій, солгалъ на свою, а вмѣстѣ и на чужую голову, и осужденъ былъ, бѣдный, на отсѣченіе головы; и за дѣло, такъ какъ онъ не оставилъ невинной женщины возможности оправдаться. Но женщина, болѣе слаба тѣломъ, была крѣпче мужествомъ. Когда ея тѣло было вытянуто на деревянной лошади и запачканныя въ темничной грязи руки были скованы за спиною, — она, возведши къ небу глаза, которыхъ

только не могъ сковать палачъ, сказала такъ, что въ словахъ слышались слезы: «Ты, Господи Иисусе, испытующій сердца и «утробы, предъ которымъ ничто не скрыто, ты свидѣтель, что «не изъ страха смерти я не признаю себя виновною, но не «хочу лгать, чтобы не согрѣшить. А ты, несчастный, зачѣмъ, «желая скорой смерти, ты умерщвляешь двухъ невинныхъ? Я «и сама желаю умереть, желаю сбросить это постылое тѣло, «но не какъ виновная въ прелюбодѣяніи. Моя шея готова, я «не боюсь блестящаго меча, но моя невинность остается при «мнѣ. Смерть не существуетъ для того, кто умерщвляется съ «надеждою жизни». Тогда консулъ, увеселявшійся кровавымъ врѣлищемъ, и подобный звѣрю, который разъ вкусивъ крови, всегда жаждетъ ея,—приказываетъ удвоить мученія и, скрежеща зубами, грозитъ палачу подобнымъ же жестокимъ наказаніемъ, если женская немощь не сознается въ томъ, о чемъ не могла умолчать мужеская крѣпость. Помоги, Господи Иисусе: на одного человѣка Твоего какъ много изобрѣтено казней! Волосы привязываются къ столбу, тѣло крѣпче притягивается къ деревянной лошади, у ногъ раскладывается огонь, палачъ строгаётъ оба бока, не дается пощады и сосцамъ: женщина остается неподвижною, и возносясь духомъ превыше тѣлесной боли, утѣшаясь одобреніемъ совѣсти, торжествуетъ надъ лютостію мученій. Жестокій судья поднимается съ своего мѣста, какъ побѣжденный; женщина молится Богу: члены ея вывертываются изъ составовъ, она устремляетъ взоры къ небу; другой подсудимый признается будто бы въ общемъ съ нею преступленіи; она отрицаетъ его признаніе, и сама, находясь въ опасности, защищаетъ другаго, подвергшагося опасности. Слышатся отъ нея однѣ и тѣже рѣчи: «Бей, мучь, жги, терзай; я не виновата. Если вѣрить слову Божію, придетъ день, когда мое дѣло будетъ тщательно изслѣдовано: у меня есть Судія.» Уже утомленный палачъ насилу дышалъ, и не было мѣста для но-

вой раны. Уже для побѣжденной злобы тяжело было видѣть истерзанное ею тѣло. Тотчасъ же гнѣвный консуль сказалъ: «чему дивиться, предстояще, если женщина хочетъ лучше по-двергнуться мученіямъ, чѣмъ смерти? Прелюбодѣяніе конечно не можетъ совершиться безъ двоихъ соучастниковъ, и, по моему, вѣроятнѣе предположить, что зловредная преступница, зазирается, чѣмъ то, что невинный юноша взводитъ на себя «небывалое преступленіе». За тѣмъ, по произнесеніи одинаковаго приговора на обоихъ подсудимыхъ, палачъ влечетъ осужденныхъ на смерть; весь народъ стекается на зрѣлище, такъ что кажется будто всѣ обитатели города выселяются вонъ; толпа тѣснится, прорываясь въ городскія ворота. Первымъ ударомъ меча отсѣкается тотчасъ же голова несчастнаго юноши, и обезглавленный трупъ плаваетъ въ своей крови. Когда же дошла очередь до женщины, она приклонила колѣна, надъ трепещущею шею поднялся блестящій мечъ, и палачъ всѣми силами напрягъ опытную въ убійствѣ руку,—но при первомъ прикосновеніи къ тѣлу остановилось смертоносное лезвее, и слегка надрѣзавъ кожу, обозначило свой слѣдъ только нѣсколькими каплями крови. Палачъ, удивленный и испуганный слабостію своей руки и неспособностію ея владѣть мечемъ, приступаетъ къ новымъ усиліямъ. Снова безсильное лезвее опускается надъ женщиною и цепенѣетъ надъ невинною шею, какъ будто бы желѣзо боялось прикоснуться къ осужденной. Тогда ликторъ, разъяренный и запыхавшійся, закинувши плащъ на шею, напрягъ всѣ силы и занесъ мечъ надъ ранюю, не замѣчая того, что въ это время пряжка, застегивавшая края хламиды, сорвалась и упала на землю. «Вотъ у тебя» сказала женщина, «съ плеча сорвалось что-то золотое; подними, чтобы не пропало приобрѣтенное многимъ трудомъ». Скажите пожалуйста, что значить это спокойствіе. Осужденная не боится угрожающей смерти, радуется, будучи поражаема мечемъ; па-

палачъ блѣднѣеть; глаза его, не видя меча, видятъ только пряжку, тогда какъ его жертва, равнодушная къ смерти, оказываетъ еще благосклонное вниманіе къ своему мучителю. Уже и третій ударъ сдѣлало тщетнымъ Таинство Св. Троицы. Уже испуганный палачъ, не надѣясь на остріе, перевернулъ мечъ плашмя, съ тѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ вдавить его въ тѣло натискомъ руки. О дѣло, неслыханное во всѣ вѣка! Мечъ сгибается у рукояти, и какъ бы обратившись къ своему владѣльцу сознается, что онъ болѣе неспособенъ на кровопролитіе. Предстаньте мнѣ примѣры трехъ отроковъ, которые среди прохладныхъ огненныхъ вихрей вмѣсто того, чтобы рыдать, пѣли гимны, — тогда какъ около ихъ одѣяній (Saraballa) ¹ и священныхъ волосъ играючи вилось безвредное пламя. Пусть присоединится сюда исторія блаженнаго Даніила, подлѣ котораго лвы, испугавшись своей добычи, ласково махали хвостами. Пусть припомнится теперь всѣмъ и каждому славная своего вѣроу Сусанна, которая, будучи осуждена неправеднымъ судомъ, спасена Духомъ Святымъ, исполнившимъ отрока. Мы видимъ другой подобный же примѣръ милосердія Господня. Сусанна, освобожденная судіею, не пошла подъ мечъ; наша подсудимая, обвиненная судіею, спасена самимъ мечемъ.

Между тѣмъ народъ вооружается на защиту женщины. Люди всѣхъ возрастовъ и обоюго пола обращаютъ палача въ бѣгство, и, собравшись въ кружокъ, не вѣрятъ почти своимъ глазамъ. Вѣсть объ этой тревогѣ доносится въ ближайшій городъ, и оттуда сбаваетъ толпою цѣлый отрядъ (turma) ² ликторовъ. Одинъ изъ нихъ, на отвѣтственности котораго лежала забота объ исполненіи приговоровъ надъ осужденными. выры-

¹). Saraballum — на парейскомъ языкѣ означаетъ родъ длиннаго одѣянія Блаж. Иеронимъ пользуется этимъ словомъ въ толкованіи на 3 гл. книги пр. Даніила.

²). Turma — отрядъ Римской конницы въ 30 человекъ.

ваясь изъ среды своихъ товарищей и позора свою сѣдину, покрытую пылью, воскликнулъ: «зачѣмъ вы, граждане, губите мою голову? зачѣмъ вы подводите подѣ казнь меня вмѣсто этой женщины? Если вы милостивы, если вы добросердечны, что конечно, желая спасти осужденную, вы не должны губить меня, невиннаго». Народъ былъ пораженъ этимъ воплемъ, всѣхъ объяло какое-то печальное оцѣпенѣніе, и произошла удивительная перемѣна во взглядѣ на дѣло, такъ что прежде казалось требованіемъ справедливости спасти осужденную, а теперь показалось требованіемъ справедливости допустить убійство. И такъ является новый мечъ, новый палачъ. Стоитъ жертва, укрѣпляемая только покровительствомъ Христовымъ. Потрясенная первымъ и вторымъ ударомъ, женщина съ третьимъ ударомъ меча падаетъ на землю, раненная. О чудное величіе Божественнаго могущества! Та, которая прежде четыре раза была поражена мечемъ и осталась неуязвленной, теперь, немного спустя, какъ будтобы умерла, чтобы за нее не погибъ невинный. Клирики, по своей обязанности, обвиваютъ окровавленный трупъ полотномъ, и, выложивши камнемъ вырытую въ землѣ яму, устрояютъ по обычаю могилу. Солнце спѣшно течетъ къ западу, и милость Божія предваряетъ наступленіе ночи ¹⁾. Внезапно грудь женщины начинаетъ трепетать, глаза ея ищутъ свѣта, тѣло одушевляется для жизни; вотъ она уже дышетъ, уже сидитъ, уже поднимается и говоритъ. Уже она въ состояніи произнести слова: *Господь помощникъ мой, не убоюся, что сотворитъ мнѣ человекъ* (Пс. 56, 12). Между тѣмъ отдала Богу душу одна старуха, содержавшаяся на счетъ церкви, и тѣло новой умершей погребается въ заранѣе приготовленной могилѣ, какъ будто событія шли одно за другимъ

¹⁾ По другимъ вариантамъ: и по милости Божіей, ночь наступаетъ скорѣе надлежащаго (*celeriore cursu naturae*).

по преднамѣренному порядку. Лишь только начало разсвѣтать, въ ликтора вошелъ сатана; онъ ищетъ трупа убитой, велитъ показать себѣ ея могилу; думаетъ, что еще жива та, которая къ его удивленію едва могла умереть. Клирики показываютъ ликтору свѣжую насыпь, приводятъ его къ только что набросанной землѣ съ такими словами: «чтожь? вырывай кости, уже похороненныя. Объявляй новую войну могиламъ, и, если того мало, выбрасывай члены на растерзаніе звѣрямъ и птицамъ. Семь разъ пораженная мечемъ должна потерпѣть что-нибудь большее, чѣмъ смерть». Между тѣмъ какъ палачъ приводится въ смущеніе общимъ негодованіемъ, тайно принимаются мѣры къ восстановленію здоровья женщины. И чтобы частый приходъ врача къ церкви не возбудилъ подозрѣнія, женщина съ обстриженными волосами въ сопровожденіи нѣсколькихъ дѣвъ переправляется въ деревеньку, находящуюся въ захолустѣ. Тамъ пребываетъ она, перемѣнивши одежду, въ видѣ мужчины; рана мало по малу затягивается и слѣдомъ ея остается только рубецъ. Но по истинѣ высшая законность—высшая неправда! (*jus summum—summa malitia!*) послѣ столькихъ чудесъ еще свирѣпствуютъ законы. Однако вотъ уже куда завлекъ меня ходъ событій. Я дошелъ уже до имени нашего Евагрія, о трудахъ котораго для Христа я не могу надѣяться говорить какъ слѣдуетъ,—не могу и совсѣмъ умолчать, потому что восторженныя рѣчи вырываются сами собою. Кто способенъ воспѣть достойною пѣснью, какъ благодаря бодрственному надзору Евагрія Авксентій Медиоланскій былъ почти погребенъ живо ¹⁾ и какъ римскій епископъ, уже почти опутанный сѣтями заговора, и побѣдилъ враговъ, и не сдѣлалъ никакого вреда побѣжденнымъ?

¹⁾ т. е. лишень всякой возможности распространять свое лжеученіе. Рѣчь идетъ объ арианинѣ Авксентіѣ, епископѣ Медиоланскомъ, предшественникѣ св. Амвросія.

«Ограниченный тѣсными предѣлами времени, я пропу-
скаю эти событія и предоставляю припомнить ихъ инымъ
«послѣ меня» ¹⁾).

Я доволенъ только заключеніемъ настоящаго дѣла. Еваг-
рій идетъ къ Императору, обременяетъ его прозъбами, скло-
няетъ заслугами, убѣждаетъ своею неотступностію, чтобы воз-
вращенную для жизни онъ возвратилъ и для свободы.

2. Письмо къ Θεодосію ²⁾ и другимъ отшельникамъ.

Какъ бы желалъ я быть теперь въ вашемъ обществѣ и
съ восторгомъ обнять вашъ достойный удивленія сонмъ, хотя
бы очи не удостоились видѣть его. Взглянулъ бы я на пусты-
ню, пріятнѣйшую всякаго города. Посмотрѣлъ бы на уединен-
ныя мѣста, подобно раю вмѣщающія въ себѣ сонмы святыхъ.
Но поелику по грѣхамъ моимъ, отягченная всякими престу-
пленіями глава не можетъ имѣть участія въ обществѣ блажен-
ныхъ, то прошу васъ, да своими молитвами свободите меня
изъ тмы вѣка сего. И какъ прежде лично, такъ и теперь на
письмѣ, я не перестаю высказывать мое задушевное желаніе,
къ исполненію котораго мой умъ стремится со всею силою.
Отъ васъ зависитъ чтобы за желаніемъ послѣдовало исполне-
ніе. Мое дѣло—пожелать; дѣло вашихъ молитвъ—придать и
желаніе и силы къ исполненію. Я подобенъ больной овцѣ,
удалившейся отъ всего стада. И если добрый пастырь, возло-
живши на рамена не принесетъ меня къ своимъ пастбищамъ.

¹⁾ Геронимъ пользуется здѣсь стихами изъ Георгикъ Виргилія:

Verum haec ipse equidem spatiis exclusus iniquis,
Praetereo, atque aliis post me memoranda relinquo.

²⁾ По всей вѣроятности это тотъ Θεодосій, исторію котораго описалъ
Теодоритъ въ жизнеописаніяхъ святыхъ гл. 10. Онъ основалъ монастырь при
Россѣ въ Киликіи на морскомъ берегу.

то ослабѣють стоны мои и подогнутся во время самого усилія къ восхожденю. Я тотъ блудный сынъ, который, расточивши все имѣніе, ввѣренное мнѣ отцемъ, еще не припалъ къ стопамъ родителя; еще не начиналъ отрѣшиться отъ утѣхъ прежней роскоши. И такъ какъ я не много—не скажу отсталъ отъ пороковъ, но началъ желать отставать, то діаволь теперь связываетъ меня новыми сѣтями, полагаетъ новыя препятствія, окружаетъ *отвсюду морями, отвсюду понтомъ* (Энеид. кн. V), теперь, очутившись по срединѣ, я не желаю идти назадъ, и не могу идти впередъ. Дай Богъ, чтобы вашими молитвами вѣяніе св. Духа подвигало меня впередъ и несло къ пристани желаннаго берега.

3. Письмо къ Руфину монаху.

Въ слѣдствіе изученія священныхъ книгъ я и прежде зналъ, любезнѣйшій Руфинъ, что Богъ даетъ болѣе, чѣмъ сколько просить у него, и нерѣдко сообщаетъ такія блага, *ихже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце человеку не въздоша*; (1 Кор. 2, 9), но теперь только дозналъ это собственнымъ опытомъ. Я, для котораго казалась довольно смѣлою надежда чрезъ взаимную переписку поддерживать слабое подобіе личнаго соприсутствія съ тобою,—я слышу, что ты находишься въ Египтѣ, проникаешь въ Египетскія тайны, посѣщаешь сонмы монаховъ, обходишь небесное на землѣ семейство. О если бы Господь Иисусъ Христосъ далъ мнѣ возможность внезапно перенестись къ тебѣ, подобно тому какъ нѣкогда Филиппъ былъ перенесенъ къ Евнуху или Аввакумъ къ Данилу; ¹⁾ какъ крѣпко я обнялъ бы тебя, какъ разцаловалъ бы тѣ уста, которыя нѣкогда разсуждали со мною то ошибочно, то разумно. Но такъ

¹⁾ Чит. Дѣян. Ап. 8 главу: Дан. 14 главу.

какъ болѣе по моему, чѣмъ по твоему недостоинству намъ нельзя внезапно перенестись другъ къ другу, — и такъ какъ немощное мое даже въ состояніи здоровья тѣло сокрушили частые недуги; то я вмѣсто себя посылаю къ тебѣ на встрѣчу это письмо, чтобы оно привело ко мнѣ тебя, связаннаго со мною союзомъ дружбы.

Первое извѣстіе о неожиданной радости сообщено мнѣ было братомъ Иліодоромъ. Я боялся вѣрить тому, чему хотѣлось вѣрить, — тѣмъ болѣе, что и Иліодоръ говорилъ, что онъ получилъ извѣстіе о твоёмъ прибытіи на Востокъ не изъ первыхъ рукъ, да и самая неожиданность событія отнимала у извѣстія достовѣрность. Скоро новый вѣстникъ расположилъ мой колеблющійся и недоумѣвающий умъ въ пользу достовѣрности извѣстія: это былъ Александрійскій монахъ, уже давно по благочестивому народному обычаю отправившійся на служеніе Египетскимъ исповѣдникамъ и произвольнымъ мученикамъ (*voluntate iam martyres*), ¹⁾ и видѣвшій тебя лично. Признаюсь я и тогда не совсѣмъ повѣрилъ. Такъ какъ монахъ не зналъ ни твоего имени, ни отечества, то его извѣстіе имѣло значеніе только въ томъ отношеніи, что онъ подтверждалъ то, что было сообщено другимъ. Наконецъ не стало уже возможности долѣе сомнѣваться. «Руфинъ уже въ Нитріѣ; онъ уже достигъ «до блаженнаго Макарія», вотъ что сообщали многочисленныя и частныя извѣстія, приносимыя изъ Египта. Тогда я далъ полную волю своей довѣрчивости, и тогда-то всего болѣе пожалѣлъ, что я болѣлъ; и если бы безсиліе ослабѣвшаго тѣла не связало меня по рукамъ и по ногамъ, то ни лѣтній зной, ни всегда опасное для плователей море не помѣшали бы мнѣ идти къ тебѣ на встрѣчу съ радушною поспѣшностію. Повѣрь, братъ: не такъ измученный бурями пловецъ смотритъ

¹⁾ *Voluntate iam martyres*, — которые во глубинѣ души рѣшились быть мучениками за Христа, хотя имъ и не пришлось доказать этого на дѣлѣ.

вдаль къ желанной пристани, не такъ изсохшія поля жаждутъ дождей, не такъ печальная мать сидя на утесистомъ берегу ждетъ сына, (какъ я жду тебя). Когда внезапный вихрь вырвалъ меня изъ твоихъ объятій и безжалостная разлука пресѣкла нашъ тѣсный дружескій союзъ;—«тогда надъ моею головою полился сильный дождь, кругомъ себя я видѣлъ только небо, да море ¹⁾. Наконецъ, послѣ того какъ Фрагія, Понтъ, Визинія, весь путь чрезъ Галатію и Каппадокію и земля Киликійская истомили меня зноемъ, Сирія предстала мнѣ, блуждавшему въ неопредѣленномъ странствованіи, какъ надежнѣйшая пристань для человѣка, потерпѣвшаго кораблекрушеніе. Здѣсь я перенесъ всевозможныя болѣзни и изъ двухъ глазъ потерялъ одинъ. Я разумѣю Иннокентія—часть души моей, котораго похитила у меня внезапная горячка ((ardor-Febris). Теперь у меня остался единый и единственный дражайшій мнѣ свѣтъ Евагрій, для котораго я, какъ человѣкъ постоянно неспособный къ труду разумѣется лишній. Былъ съ нами и Гиласъ, домочадець св. Меланіи, чистотою нравовъ заслужившій освобожденіе отъ рабства; своею смертію онъ развередилъ мнѣ еще свѣжую рану ²⁾. Но такъ какъ Апостоль не велитъ скорбѣть о усопшихъ, и притомъ чрезмѣрная сила скорби умѣряется послѣдующимъ радостнымъ извѣстіемъ, то мы, желая увѣдомить тебя и подѣлиться съ тобою радостію, сообщаемъ тебѣ вотъ что: мой, а вмѣстѣ и твой—или лучше сказать—нашъ Бонозъ уже восходитъ на лѣствицу, предъизображенную въ сновидѣніи Іакова;—несетъ крестъ свой и не заботится о завтрашнемъ днѣ и не смотритъ вспясть, сѣетъ слезами, чтобы пожать въ радости, и согласно съ тайнодѣйствіемъ

¹⁾ Иеронимъ пользуется стихами изъ Энеиды Виргилія:

Tunc mihi caeruleus supra caput astitit imber;

Tunc maria undique et undique coelum.

²⁾ Разумѣется:—печаль о кончинѣ Иннокентія.

Моисеевымъ возносить змя въ пустынь. Пусть предъ этимъ истиннымъ событіемъ станутъ въ сторону ложныя чудеса, изображенныя греческимъ и римскимъ стилемъ. Вотъ юноша, вмѣстѣ въ нами образовавшійся благородными искусствами вѣка сего, очень богатый, по преимуществу достойный сравнительно съ своими сверстниками, оставивши мать, сестеръ и любезнѣйшаго для себя брата, удалился на пустынный островъ, окруженный шумящимъ моремъ, страшный для мореплавателей своими острыми утесами и голыми скалами, и поселился тамъ, какъ бы нѣкій райскій житель. Тамъ нѣтъ земледѣльцевъ, нѣтъ и монаховъ, и даже извѣстный тебѣ мальчикъ Онисимъ, котораго Бонозъ ласкалъ, какъ брата ¹⁾, не раздѣляетъ его уединенія въ такой пустынь. Бонозъ тамъ одинъ,—впрочемъ не одинъ, а со Христомъ,—созерцаеть славу Божію, которую и Апостолы узрѣли не иначе, какъ въ пустынь ²⁾. Онъ не видитъ городовъ, окруженныхъ башнями, но вписалъ имя свое въ перепись новаго гражданства. Дрожать его члены, прикрытые безобразнымъ вретischemъ; но за то тѣмъ легче онъ будетъ восхищенъ на облакахъ въ срѣтеніе Господу. Не веселятъ его взоровъ морскіе берега, ³⁾ но за то онъ будетъ пить воду жизни одесную Господа. Представъ себѣ наглядно, любезнѣйшій другъ, положеніе Боноза, перенесись въ его жизнь всюю душею своею. Тогда только ты можешь восхвалить побѣду, когда узнаешь подвиги борца. Кругомъ всего острова шумить

¹⁾ *Onesimus, quo, velut fratris, in osculo truebatur.* Непереводимая игра словъ. Выраженіе *truebatur* употреблено Іеаонимомъ въ соотвѣтствіе греческому глаголу *δυσμασι* — наслаждаюсь,—отъ котораго произошло имя—*Онисимъ*.

²⁾ Іисусъ Христосъ показалъ Апостоламъ славу Свою въ день преображенія, возведши ихъ на гору высокую *особь едины* Марк. гл 9, 2 и сл. Мѡ. 17, 1 и сл.

³⁾ По другому варианту: *nulla Euriporum* (вмѣсто *rigorum*) *a moenitate perfruitur*—онъ не наслаждается пріятными фонтанами. *Euripri*—такъ назывались фонтаны и водометы, устрояемые богачами въ ихъ садахъ.

безпокойное море и звонко плещутся морскія волны, разбиваясь объ излучистые горные утесы. На островѣ никакой зелени, нѣтъ цвѣтущаго поля, осѣненнаго густыми деревьями. Крутыя скалы кабъ будто замыкають какую-то страшную темницу. Бонозъ спокойный, безтрепетный и весь вооруженный по заповѣди Апостола, слышитъ теперь Бога, читая божественныя книги, бесѣдуетъ съ Богомъ, молясь Господу, и, быть можетъ, пребывая на островѣ созерцаетъ нѣчто, подобно Іоанну.— Какія, ты думаешь, діаволь можетъ теперь сплести ему сѣти? какіе приготовить ковы? Быть можетъ, вспомнивъ древнее оболъщеніе, діаволь вздумаетъ подѣйствовать на него голодомъ? но у Боноза готовъ отвѣтъ: *не о хлѣбъ единомъ живѣ будетъ человекъ.* (Мѡ. 4, 4). Быть можетъ предложить богатство и славу? но въ отвѣтъ будетъ сказано: *хотящій богатитися упадають въ напасти и въ сѣть* (1 Тим. 6, 9) и: *вся хвала моя во Христѣ* (Гал. 6, 14). Поразить ли тяжкою болѣзнію истомленные постомъ члены? но будетъ отраженъ изреченіемъ Апостола: *егда немощствую, тогда силенъ есмь*, (2 Кор. 12, 10) и: *сила въ немощи совершается* (—9). Будетъ ли грозить смертію? но услышитъ въ отвѣтъ: *желаю разрѣшиться и со Христомъ быти* (Фил. 1, 23). Потрясетъ ли разженными стрѣлами? но онѣ будутъ угашены щитомъ вѣры (Еф. 6, 16). кратко сказать: сатана будетъ нападать, но Христосъ будетъ защищать. Благодарю тебя, Господи Іисусе, за то, что у меня есть предстатель за меня предъ тобою въ день суда твоего. Ты самъ сердцевѣдецъ, испытующій совѣты сердечныя, узрѣвшій пророка, заключеннаго во чревѣ китовомъ, Ты самъ знаешь, что я и Бонозъ росли вмѣстѣ отъ нѣжнаго дѣтства, до цвѣтущаго возраста, что мы питались и согрѣвались въ объятіяхъ однихъ и тѣхъ же кормилицъ и воспитателей. И когда послѣ времени образованія въ Римѣ, мы вмѣстѣ странствовали по полудикимъ берегамъ Рейна, я первый возжелалъ чтить

Тебя, Господи! Вспомни, что сей подвижникъ твой былъ нѣкогда моимъ товарищемъ. Ты обѣщала Великій Господи: кто научить и не сотворить, *мнѣ наречется во царствіи небесныхъ, а иже сотворитъ и научитъ, сей велиій наречется во царствіи небесныхъ*. Мѡ. 5, 19. Пусть Бонозъ получить вѣнецъ за доблесть, и въ награду за свое каждодневное мученичество пусть послѣдуетъ за агнцемъ въ длинномъ одѣяніи. Много обитателей у Отца. И звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ. (1 Кор. 15, 42). Позволь мнѣ приклонить главу при ногахъ святыхъ; и такъ какъ я возжелалъ обратиться къ Тебѣ, а Бонозъ исполнилъ это, то прости мнѣ не могшему исполнить, а ему воздай награду, какою онъ заслуживаетъ.

Я, быть можетъ, распространился болѣе, чѣмъ сколько позволяла краткость письма, но это обыкновенно случается со мною, когда нужно сказать что нибудь въ похвалу нашего Боноза. Возвращаясь къ главному предмету своего письма, прошу тебя, не забывай скрывшагося съ глазъ твоихъ друга, который «долго ищется, съ трудомъ находится, а еще съ большимъ трудомъ сохраняется» ¹⁾. Пусть кто хочетъ блеснить золотомъ, пусть на пышныхъ носилкахъ сіяютъ изъ-подъ чехловъ дорогіе металлы ²⁾. Любовь не сравнима ни съ чѣмъ. Искреннее расположеніе выше всякой цѣны. Дружба, которая можетъ прекратиться, никогда небыла истинною ³⁾. Будь здоровъ о Христѣ.

¹⁾ Пословица: *amicus fidus diu quaeritur, vix invenitur, difficile servatur.*

²⁾ Указывается на обычай публичной выставки статуй и другихъ драгоценностей.

³⁾ Этими словами Иеронимъ выражаетъ какъ бы предчувствіе послѣдующаго разлада съ Руфиномъ.

4. Письмо къ Флоренцію.

Какою молвою о твоей святынѣ полны народныя уста, ты можешь уразумѣть изъ того, что я начинаю любить тебя прежде личнаго знакомства. Ибо, какъ говорить Апостоль, *нѣкихъ человекъ грѣхи предъявлены суть, предваряюще на судъ* (1 Тим. 5, 24); такъ, наоборотъ, слава о твоей любви распространяется такъ, что не столько считается достойнымъ похвалы любящій, сколько преступнымъ нелюбящій тебя. Я не говорю о безчисленномъ множествѣ людей, въ лицѣ которыхъ ты поддержаль, одѣль, почтилъ, посѣтилъ Христа. Поданное тобою вспоможеніе брату Илюдору можетъ отверсть уста даже нѣмымъ; съ такою благодарностію, съ такою похвалою рассказываль онъ, какъ облегчены были тобою тягости его пугешествія, что даже я,—тотъ лѣнтяй, котораго снѣдаетъ не-сносная немощь,—съ окрыленными, какъ говорятъ, ногами ¹⁾ —конечно окрыленными силою любви и расположенности—привѣтствовалъ и мысленно обнялъ тебя. И такъ я свидѣтельствую тебѣ свое почтеніе и молю Господа, да благоволитъ Онъ утвердить начинающуюся дружбу. И такъ какъ братъ Руфинъ, который, какъ слышно, пришелъ изъ Египта въ Иерусалимъ вмѣстѣ съ св. Меланією, связанъ со мною неразрывнымъ дружескимъ союзомъ, то пожалуйста прими на себя трудъ передать ему мое письмо, приложенное къ настоящему письму къ тебѣ. Не суди обо мнѣ по его добродѣтелямъ; въ немъ ты замѣтишь очевидные признаки святости, а я пепель и ничтожнѣйшій прахъ, или топливо, обращающееся въ золу: для меня достаточно, если слабость моихъ очей въ состояніи выносить блескъ его нравовъ. Онъ только что омылся и чистъ,

¹⁾ Pennatis, ut ajunt, pedibus. Метафора, заимствованная отъ мнѳологическаго представленія о Меркуріѣ, имѣвшемъ крылатыя ноги.

и убѣлился какъ снѣгъ; а я запятнанъ всѣми грѣховными сквернами, день и ночь готовлюсь со страхомъ воздать послѣдній кодраптъ. Но такъ какъ Господь рѣшить окованныя (пс. 145, 8) и почиваетъ на смиренномъ и трепещущемъ словесъ Его (Ис. 66, 2.), то можетъ быть и мнѣ, во гробѣ беззаконій лежащему скажетъ: Иерониме, гряди вонъ! Святый пресвитеръ Евагрій много привѣтствуетъ тебя; съ почтеніемъ привѣтствуемъ и брата Мартиніана, котораго я желалъ видѣть, но былъ связанъ узами немощи. Будь здоровъ о Христѣ.

Ѣ. Письмо къ Флоренцію.

Когда я пребывалъ въ той части пустыни, которая смѣжна съ Сирією и сарацинами, получено мною писаніе любви твоей. По прочтеніи онаго во мнѣ возгорѣлось сильное желаніе отправиться въ Іерусалимъ, такъ что это расположеніе духа, благопріятствующее дружбѣ, почти повредило моему подвигу. Теперь вмѣсто себя посылаю тебѣ письмо о томъ, какъ живу; и хотя отсутвую тѣломъ, однаю иду любовію и духомъ, усердно молясь, да не прерветъ разстояніе времени или мѣста рождающуюся дружбу, скрѣпленную союзомъ Христовымъ; лучше станемъ утверждать ее взаимными письмами. Они летаютъ между нами, встрѣчаются другъ съ другомъ, бесѣдуютъ съ нами. Не много потеряетъ дружба, если будетъ поддерживаться такою бесѣдою. Братъ Руфинъ, какъ ты пишешь, еще не приходилъ, а если и придетъ, то для меня не много будетъ утѣшенія, если я его не увижу. Но и онъ отдѣленъ отъ меня большимъ разстояніемъ такъ, что не можетъ придти сюда; и я, принявши на себя подвигъ уединенія, не могу уже поступать такъ, какъ мнѣ хочется. Поэтому и я умоляю, и ты, сдѣлай милость, попроси, чтобы Руфинъ ссудилъ тебѣ для списанія комментаріи блаженнаго Ретиція, епископа Августодун-

саго, въ которыхъ онъ возвышенно изъяснилъ Пѣснь пѣсней. Писаль мнѣ также изъ отечества вышеупомянутаго брата Руфина нѣкто Павелъ старецъ, что у Руфина есть, принадлежащій Павлу, кодексъ Тертуллиана, о возвращеніи котораго владѣлецъ усердно просить. Поэтому, пожалуйста, приложи переписчику списать тѣ книги, которыхъ, какъ ты увидишь изъ прилагаемаго реестра, нѣтъ у меня. Пожалуйста также пришли мнѣ толкованіе псалмовъ Давидовыхъ и весьма пространную книгу св. Иларія о соборахъ, которую я самъ собственноручно списываль для него въ Тревирахъ¹⁾. Ты знаешь, что это нища для души христіанской—поучаться въ законѣ Господнемъ день и ночь. Прочихъ людей ты приемишь своимъ гостепріимствомъ, утѣшаешь ласкою, поддерживаешь деньгами;—для меня, если ты исполнишь мои просьбы, ты все уже сдѣлалъ. И такъ какъ у меня по милости Божіей есть довольно большая бібліотека священныхъ книгъ, то прикажи мнѣ пересылать къ тебѣ поочередно, что тебѣ угодно. Не думай, что для меня обременительно будетъ твое приказаніе. У меня есть питомцы, занимающіеся изученіемъ древностей. Равнымъ образомъ я обѣщаю тебѣ присылку книгъ не какъ награду за ожидаемую отъ тебя услугу. Братъ Иліодоръ передавалъ мнѣ, что ты ищешь многихъ сочиненій, но не находишь; и если ты даже все имѣешь, то желаешь еще болѣе искать и приобрѣтать. Что касается до того учителя твоего мальчика, о которомъ ты удостоилъ писать (и о которомъ нѣтъ сомнѣнія, что онъ уменъ чужимъ умомъ²⁾), то его при мнѣ часто бранилъ пресвитеръ Евагрій, когда я находился еще въ Антиохіи. Учитель говорилъ: я ни-

1) *Тревиры*—нынѣшній Триръ. Treveri—былъ народъ, обитавшій въ Германіи или, по древнему географическому раздѣленію, въ бельгійской Галліи и давшій свое имя городу Триру.

2) *Plagiatorum esse*—собственно: что онъ выборатель изъ чужихъ сочиненій.

чего не боюсь. Евагрій отвѣчалъ, что онъ оставленъ Богомъ. Если угодно, этотъ учитель здѣсь, пересылайте его, куда желаете. Я кажется не дѣлаю грѣха, если не позволяю непостоянному человѣку скитаться долѣе съ мѣста на мѣсто. Такъ какъ я, находясь безвыходно въ пустынѣ, не могъ выполнить твоего порученія, то я просилъ любезнѣйшаго моего Евагрія ради тебя и ради меня обращать вниманіе на это дѣло. Желая тебѣ быть здоровымъ о Христвѣ.

6. Письмо къ Юліану, діакову аквилейскому.

Есть старая пословица: зжецамъ и въ правдѣ не вѣрятъ. Кажется это самое случилось со мною, котораго ты бранишь за долгое молчаніе. Если я скажу: я часто писалъ, но не удавалось позаботиться объ отсылкѣ писемъ:— ты отвѣтишь: это давнишняя отговорка всѣхъ непишущихъ. Если я скажу: не съ кѣмъ было доставить письма:—ты скажешь, что такихъ людей здѣсь слишкомъ много. Я буду утверждать, что уже отдалъ имъ письма для передачи тебѣ: а они, такъ какъ не доставили, отопрутса,—и трудно будетъ узнать, кто правъ, кто виноватъ, имѣя дѣло съ людьми отсутствующими. Итакъ, что же мнѣ дѣлать? Безъ вины буду просить прощенія, считая за лучшее уступивши заключить миръ, чѣмъ ссориться въ сознаниіи своей правоты. Скажу кромѣ того, что постоянныя болѣзнь тѣлесныя и недуги душевныя такъ сокрушили меня, что въ виду угрожающей смерти я почти не помнилъ себя. Чтобы ты не считалъ этого ложнымъ, я, по ораторскому способу, послѣ аргументовъ, представлю свидѣтелей. Свидѣтелемъ можетъ быть находившійся при мнѣ братъ, св. Иліодоръ, который хотѣлъ вмѣстѣ со мною жить въ пустынѣ, но удалился, испуганный моими преступленіями. Но всю вину прежняго молчанія искупить настоящее многословіе. Ибо, какъ говорить Флаккъ въ

сатирѣ: »общій порокъ всѣхъ пѣвцовъ по отношенію къ друзьямъ состоитъ въ томъ, что когда ихъ просятъ, они никогда не поютъ, а когда не просятъ, никогда не перестаютъ«; такъ и я наконецъ обрушусь на тебя связками писемъ, такъ что ты начнешь просить, чтобы я не писалъ. Радуюсь, что сестра моя, дочь твоя о Христѣ, утверждается въ томъ образѣ жизни, который начала, какъ ты первый извѣстилъ меня объ этомъ. Здѣсь, гдѣ я живу теперь, я не знаю, нетолько что дѣлается въ отечествѣ, но даже не знаю, стоитъ ли до сихъ поръ само отечество. Пусть испанская гидра ¹⁾ терзаетъ меня влмъ ртомъ, я не убоюсь суда человѣческаго, готовясь имѣть судію Бога,—примѣняясь къ изреченію поэта: »хотя бы міръ разрушаясь падалъ, онъ (изображаемый поэтомъ герой) безтрепетно падетъ подъ развалинами«. Прошу тебя помнить заѣщаніе Апостола о томъ, что дѣло наше пребудетъ, и приготовляй себѣ награду отъ Господа въ спасеніи ея (моей сестры) и радуй меня частыми бесѣдами объ общей славѣ во Христѣ.

7. Письмо къ Хромацію, Ювиніану и Евсевию.

Не должна бумага разлучать тѣхъ, кого соединила взаимная любовь; не долженъ я писать къ вамъ письма поодиначкѣ, когда вы такъ любите другъ друга, что васъ троихъ столько же связываетъ взаимная любовь, сколько двоихъ изъ васъ соединила природа: поэтому пусть лучше, пока позволяютъ обстоятельства, ваши имена нераздѣльно будутъ поставлены мною въ одномъ заглавіи, тѣмъ болѣе, что и ваше письмо побуждаетъ меня видѣть въ лицѣ одного изъ васъ

1) Испанской гидрою (Hibera exesetra) Иеронимъ называетъ какого-то своего недоброжелателя и хулителя, припоминая конечно миеологическую исторію о гадрѣ, пораженной Геркулесомъ.

трехъ и въ трехъ одного. Когда ваше письмо чрезъ посредство св. Евагрія, дошло до меня въ той части пустыни, которая занимаетъ обширное пространство между Сирыями и Сарацинами, то я обрадовался болѣе, чѣмъ римляне въ тотъ благополучный для Рима день, когда въ первый разъ послѣ пораженія римлянъ при Канпахъ разбиты были Марцелломъ при Нолѣ полчища Аннибаловы. Вышеупомянутый братъ (Евагрій), часто посѣщающій меня и успокоивающій, какъ свою утробу о Христѣ (Фил. 20) на этотъ разъ, уходя отъ меня на далекое разстояніе, оставилъ мнѣ столько же интереснаго по своему удаленію, сколько принесъ радости своимъ приходомъ. Теперь я занимаюсь вашимъ письмомъ, объемлю его, оно говоритъ со мною, оно одно только знаетъ здѣсь полатыни. Здѣсь нужно говорить или варварскою полурѣчью, или молчать. Всякій разъ, когда знакомый почеркъ переноситъ меня къ представленію вашихъ любезнѣйшихъ лицъ, то или я не нахожусь здѣсь, или вы здѣсь присутствуете. Вѣрьте любви, говорящей истину; когда я писалъ это письмо, я видѣлъ васъ. Прежде всего я жалуясь, отчего изъ такой дали, отдѣленной сушею и морями, вы прислали такое маленькое письмо; развѣ въ наказаніе за то, что я, какъ вы пишете, первый не писалъ къ вамъ. Въ бумагѣ, благодаря египетской коммерціи, я думаю не было недостатка. Да если для кого нибудь изъ васъ царь Птоломей заперъ подвозъ съ моря, зато царь Атталъ прислалъ изъ Пергама кожи, такъ что недостатокъ бумаги можетъ быть вознагражденъ кожами. Отсюда и имя пергамина чрезъ взаимное преданіе потомства сохранилось даже до сего времени. Что еще? Быть можетъ спѣшилъ переносчикъ писемъ? Но для длиннаго письма достаточно одной ночи. Или васъ отвлекало другое занятіе? Но нѣтъ никакого дѣла необходимаго важнѣе дружбы. Остаются возможными два случая: или вамъ было лѣнь, или я не заслужилъ. Мнѣ хочется лучше васъ обвинить въ лѣ-

ности, чѣмъ себя признать недостойнымъ (любви); потому что легче можетъ быть исправлено нерадѣніе, чѣмъ возродиться любовь. Бонозь пребываетъ, по выраженію вашего письма, какъ сынъ *υιός*, какъ рыба, привыкшая жить въ водѣ, а мы, недугя прежнюю язву, подобно василискамъ и скорпіонамъ живемъ въ сухихъ мѣстахъ¹⁾. Онъ уже понираетъ главу змиеву, а мы еще служимъ пищею змія, снѣдающаго землю по божественному приговору; онъ уже можетъ воснѣвать высшій псаломъ степеней, а намъ, находящимся въ первомъ восхожденіи, не знаю, приходится ли говорить: *возведохъ очи мои въ горы, отнюду же придетъ помощь моя* (Пс. 120, 1.). Онъ среди грозныхъ потоковъ вѣка сего сѣдя въ безопасномъ нѣдрѣ своего острова, т. е. церкви, конечно по примѣру Іоанна уже снѣдаетъ книгу; я, лежа въ гробѣ моихъ беззаконій и связанный оковами грѣховными ожидаю Господняго евангельскаго гласа: Іерониме, гряди вопъ! Бонозь, говорю я (такъ какъ по слову пророческому (Іов. 40, 11.), вся крѣпость діавола въ чреслахъ), отнесъ за Евфратъ свой чресленникъ²⁾, скрылъ его тамъ въ разсѣлинѣ камня, и потомъ, нашедши оный сгнившимъ, воспѣлъ: Господи, Ты стяжалъ утробы мои (пс. 138, 13.), растерзалъ узы мои, Тебѣ пожру жертву хвалы (пс. 115, 78.). А меня Навуходносоръ отвелъ связаннаго въ Вавилонъ, то есть въ смущеніе ума моего: тамъ наложилъ на меня иго плѣна; тамъ, вдѣвши въ ноздри мои желѣзное кольцо, приказалъ воспѣть отъ пѣсней сіонскихъ. Я же сказалъ ему: Господь рѣшитъ окованныя, Господь просвѣщаетъ слѣпцы. Кратко заключая вышесказанное противуположеніе, скажу: я молюсь о помилованіи, Бонозь ожидаетъ вѣнца. Сестра моя

1) Должно припомнить что Бонозь жилъ на островѣ, окруженномъ моремъ, а Іеронимъ оставался въ сухихъ пустыняхъ сирійскихъ.

2) См. Іер. гл. 13.

есть плодъ во Христѣ св. Іуліана. Она насаждена, вы оросите, Господь возраститъ. За рану, нанесенную діаволомъ, Иисусъ вознаградилъ меня, возвративши мнѣ сестру живою вмѣсто мертвой. Но за нее я, какъ выражается языческій поэтъ, боюсь всего, даже безопаснаго¹⁾. Вы сами знаете скользкій путь юности, на которомъ и я палъ, и вы прошли не безъ опасенія. Сестра моя, теперь преимущественно вступая въ путь юности, должна быть подкрѣпляема общими наставленіями, поддерживаема общимъ сочувствіемъ, утверждаема частыми письмами вашей святыни. И такъ какъ любовь все подкрѣпляетъ, то умоляю васъ для утвержденія ея выпросить письмо и отъ папы Валеріана. Вы знаете, что дѣвическій духъ преимущественно утверждается въ благодѣяніи подъ вліяніемъ замѣтной заботливости со стороны старшихъ. Въ моемъ отечествѣ,—пріютѣ грубости,—чрево служитъ богомъ, живетъ со дня на день, и святѣе тотъ, кто богаче. »Этому сосуду—по народной пословицѣ—пришлась годная покрывка»—священнослужитель Люципинъ, въ силу того закона, который по свидѣтельству Люцилія однажды насмѣшливо высказанъ Крассомъ такъ: »для нѣжныхъ губъ существуетъ салатъ, а осель ѣсть терніе«. Такимъ-то образомъ и пришлось слабому кормчему управлять кораблемъ съ течью, и слѣпому вести слѣпыхъ въ яму и правителю быть такимъ же, какъ и управляемые. Вашу общую мать, соединенную съ вами святостію, но превосходящую васъ тѣмъ, что родила такихъ сыновъ,—чрево коей поистинѣ можетъ быть названо златымъ, мы привѣтствуемъ съ извѣстнымъ вамъ почтеніемъ; равнымъ образомъ и любезныхъ всѣмъ сестеръ, которыя стали выше и своего времени, и своего пола,—и въ обиліи приготовивши елей для лампадъ, ожидаютъ прихода жениха. О блаженный домъ, въ которомъ оби-

1) Стихъ Виргилія въ 4 кн. Энеиды. omnia tuta timens.

такъ Анна вдова, дщери пророчицы, сугубнй Самуиль, воспитанный во храмѣ! О счастливыя кровли, на которыхъ мы видимъ увѣнчанную мученицу, мать мучениковъ—Маккавсевъ! Ибо вы ежедневно исповѣдуете Христа, исполняя Его заповѣди, но къ частной славѣ присоединилась слава общественнаго и открытаго исповѣданія, потому что, благодаря вамъ, вашъ городъ избавленъ нѣкогда отъ яда аріанскаго догмата. Вы можетъ быть удивитесь, что въ концѣ письма я опять возвращаюсь къ началу. Что же дѣлать? Я не могу удержать голосъ, стремящійся изъ груди: краткость письма побуждаетъ молчать, расположенность къ вамъ заставляетъ говорить; при поспѣшной бѣсѣдѣ путается смущенная рѣчь; любовь не знаетъ порядка.

8. Письмо къ Никеасу, вподіакону аквилейскому.

Турпилій комикъ, разсуждая объ обмѣнѣ письмами, сказалъ: это единственная вещь, которая людей отсутствующихъ дѣлаетъ присутствующими. Онъ далъ правильное сужденіе, хотя и не въ серьезномъ дѣлѣ. Ибо что (такъ сказать) столь присуще отсутствующимъ, какъ не бесѣдовать посредствомъ писемъ съ тѣми, кого любишь, и слышать ихъ? Даже тѣ грубые обитатели Италіи, пазываемые у Еннія Касками, которые (по свидѣтельству Цицерона въ риторикѣ) снискивали себѣ пропитаніе подобно звѣрямъ, даже и эти люди, не пользуясь бумагою и кожами, писали другъ къ другу письма на выдолбленныхъ изъ дерева дощечкахъ, или на древесной корѣ. Поэтому и переносчики писемъ назывались *tabellarii*, и писатели отъ древесной коры (*liber*)—*librarii*. Тѣмъ болѣе мы, когда міръ образованъ искусствами, не должны оставлять того, чѣмъ пользовались грубые дикари, въ нѣкоторой степени незнавшіе челоувѣчности. Вотъ бл. Хромацій съ св. Евссвіемъ,

братомъ своимъ не только по природѣ, но и по сходству нравовъ, вызвалъ меня на переписку. А ты, только что удалившись отъ насъ, не только распарываешь, но даже разрываешь новую дружбу. Лелій у Цицерона благоразумно запрещаетъ дѣлать это. Неужели тебѣ такъ опротивѣлъ востокъ, что ты не хочешь послать сюда даже своего письма. Пробудись, пробудись, встань отъ сна, посвяти дружбѣ одинъ листочекъ бумаги. Вздохни когда нибудь тѣмъ воздухомъ, какимъ дышали мы во дни утѣхъ отечества и нашихъ общихъ странствованій. Если ты любишь меня, пиши въ удовлетвореніе моей просьбы; если сердисься, пиши хоть въ сердцахъ. Для меня и то будетъ большою отрадою, если получу письмо друга хотя и негодующаго.

9. Письмо къ Хрисогону, монаху аквилейскому.

Какъ горячо я люблю тебя, объ этомъ можетъ вѣрно передать тебѣ любезнѣйшій намъ обоимъ Иліодоръ, любящій тебя столько же, сколько и я: онъ скажетъ, что всегда имя твое звучитъ въ моихъ устахъ, что при первомъ разговорѣ я вспоминаю о твоёмъ дорогомъ товариществѣ, удивляюсь смиренію, восхваляю добродѣтель, превозношу любовь. А ты подобно рысямъ, которые оборотившись назадъ, забываютъ о томъ, что впереди, и теряютъ изъ мысли то, что теряютъ изъ глазъ ¹⁾, ты совершенно забылъ нашу искреннюю дружбу и не только зачеркнулъ слегка, но и совсѣмъ изгладил (*imīs ceris eraseris*) то посланіе, которое, по свидѣтельству Апостола, написано на сердцахъ христіанъ. Вышеупомянутыя нами животныя (рыси), притаившись подъ широколиственнымъ дере-

¹⁾ Плиній о забывчивости рысей говоритъ, что если онѣ во время питанія внезапно обернутся назадъ, то забывъ о готовой пищѣ, вступятъ другой.

вомъ, ловятъ быстроногихъ сернь или—робкое животнос— ланей: тщетно бѣжить добыча, влача за собою врага; рыси терзаютъ ее хищнымъ ртомъ, но помнить о добычѣ только до тѣхъ поръ, пока пустое чрево раздражаетъ изсохшую отъ голода гортань. Но какъ скоро утоленная кровью лютость наполнить расширившійся желудокъ, то вмѣстѣ съ сытостію снова приходигъ забвеніе, незаботящееся о ловитвѣ, до тѣхъ поръ пока голодъ снова возбудить память. Если я еще не пріѣлся тебѣ, то зачѣмъ ты за началомъ сближенія полагаешь конецъ? Зачѣмъ теряешь (дружбу), еще не получивши ея? Быть можетъ ты приведешь всегда свойственное лѣности извиненіе, что тебѣ нечего писать: въ такомъ случаѣ то и пиши, что тебѣ нечего писать.

10. Письмо къ Павлу, Конкордійскому старцу.

Краткость жизни человѣческой есть слѣдствіе осужденія за грѣхи: смерть, постигающая родившагося при первомъ вступленіи его въ свѣтъ, служить свидѣтельствомъ ежедневныхъ паденій и пороковъ вѣка сего. Когда перваго райскаго жителя, зопутавшагося въ сѣтяхъ змія, искунитель свель на землю, то вѣчность уступала мѣсто смертности; но смертный приговоръ надъ проклятымъ человѣкомъ ослаблялся нѣкотораго рода вторымъ безсмертіемъ, ибо жизнь продолжалась 900 и болѣе лѣтъ. Потомъ, когда мало по малу грѣхъ снова усилился, несчастіе исполиновъ было причиною крушенія всего міра: послѣ этого, такъ сказать, очистительнаго крещенія міра, жизнь человѣческая сократилась. Но и этотъ срокъ мы почти утратили своими преступленіями, всегда враждующими противъ божественнаго. Много ли изъ насъ такихъ, которые живутъ долѣе ста лѣтъ, да и тѣ, которые дожили до того возраста, не жалѣютъ ли о томъ что дожили, согласно тому, что свидѣтель-

ствуешь писаніе въ книгѣ псалмовъ: *дне мѣтъ нашихъ седьмь-десять мѣтъ, аще же въ силахъ осмьдесятъ мѣтъ и множае ихъ трудъ и бользнь?* (Пс. 89, 10), Но къ чему, скажешь ты, повторять такія древнія исторіи и начинать такъ издалека, такъ что иной можетъ пожалуй примѣнить ироническій стихъ Горация: «и ведется разсказъ о Троянской войнѣ, начиная съ «яиць Леды?» Къ тому, чтобы достойнымъ гласомъ восхвалить твою старость и главу, убѣленную по подобію Христову? ¹⁾. Вотъ уже обращается столѣтній кругъ твоей жизни, а ты, всегда храня заповѣди Господни, созерцаешь блаженство будущей жизни въ залогахъ жизни настоящей. Глаза блестать чистымъ свѣтомъ, ноги напечатлѣваютъ вѣрные слѣды, — слухъ пронизателенъ, зубы — бѣлы, голосъ звученъ, тѣло твердо и полно соковъ: сѣдины представляютъ контрастъ съ румянцемъ, — силы -- съ возрастомъ: глубокая старость не ослабляетъ, какъ у многихъ, твердости памяти, холодная кровь не притушаетъ остроты пронизательнаго ума, изрытый лобъ не придаетъ грубости морщинистому лицу и не чертитъ трепещущая рука не твердымъ стилемъ по воску криволинейныхъ строкъ. Господь показалъ намъ въ тебѣ зеленѣющійся отпрыскъ будущаго воскресенія, чтобы мы признали слѣдствіемъ грѣха то, что нѣкоторые, еще при жизни заранѣе умираютъ тѣломъ; и слѣдствіемъ праведности то, что ты живешь чужой вѣкъ съ юношескою бодростію. И хотя мы видимъ, что многіе грѣшники наслаждаются тѣлеснымъ здоровьемъ, но это имъ бываетъ по посылѣнію діавольскому, чтобы они грѣшили; а тебѣ Богъ даруетъ здоровье, чтобы ты радовался. Нѣкоторые ученѣйшіе Греки, — о которыхъ Туллій въ рѣчи за Флакка сильно выразился такъ: «у нихъ врожденное легкомысліе и изученная суетность», —

¹⁾ См. 1-ю гл. Апокалипсиса стр. 14. Глава Его и власи Его бѣлыя, яко ярина бѣлая, яко снѣгъ.

хвалили своихъ царей и начальниковъ, получая за то награду; я, восхваливъ теперь тебя, прошу награды за хвалу. Не думай, что я прошу немногаго; я прошу Евангельскаго бисера, словесъ Господнихъ, словесъ чистыхъ, сребра разженна, искушенна земли, очищенна седмерицею (Пс. 11, 5). т. е. комментарія Фортунаціана ¹⁾ и исторіи Аврелія Виктора о гоненіяхъ ²⁾, а также писемъ Новаціана, чтобы, познавши ядъ раскольника ³⁾, намъ удобнѣе пить противоядіе св. мученика Кипріяна. ⁴⁾ Посылаю же тебя тебѣ, т. е. е. Павлу старцу—Павла старѣйшаго. Въ этомъ сочиненіи для пользы простѣйшихъ мы много старались объ уничтоженіи словесныхъ украшеній. Но не знаю отчего сосудъ, даже наполненный водою, издастъ все тотъ же запахъ, какимъ былъ пропитанъ, пока не былъ въ употребленіи. Если тебѣ понравится этотъ подарочекъ, то у насъ есть еще другіе, уже готовые, которые приплывутъ къ тебѣ вмѣстѣ со многими восточными товарами, если Духъ Святой дастъ попутный вѣтеръ.

II. Письмо къ Емонскимъ дѣвамъ.

Недостатокъ бумаги есть знакъ уединенія; поэтому я рѣшился сжать въ краткихъ словахъ длинную рѣчь, такъ какъ я хотѣлъ и говорить съ вами побольше, и пространство листика побуждало молчать. Теперь мысль торжествуетъ надъ бѣдностію.

¹⁾ Фортунаціанъ, родомъ Аферъ. епископъ аквилейскій, написалъ краткимъ и простонароднымъ слоюзомъ толкованія на Евангелія.

²⁾ Секстъ Аврелій Викторъ написалъ исторію императоровъ отъ Августа до Θεодосія. Отрывки этой исторіи уцѣлѣли и до нынѣ.

³⁾ Новаціанъ былъ еретикъ—пресвитеръ римскій. Онъ называется у Иеронима раскольникомъ потому, что покушался возстать противъ епископской катедры Корвилія.

⁴⁾ Разумѣется сочиненіе св. Кипріяна (противъ ереси Новата) о томъ, что падшихъ во грѣхъ по крещеніи должно принимать къ покаянію.

Кратко письмо, но длинно собесѣдованіе. И въ этомъ дѣйствіи необходимости замѣтите любовь, потому что даже скудость письменныхъ матеріаловъ не могла удержать меня отъ письма. Вы же, сдѣлайте милость, простите моему сѣтованію. Я пишу со скорбію, пишу со слезами оттого, что вы не посвятили ни одной черточки мнѣ, человѣку, столько разъ оказывавшему вамъ услуги. Знаю, что нѣтъ общенія свѣта со тьмою, нѣтъ сближенія рабынь Божіихъ съ грѣшникомъ. Но и блудница омыла ноги Господа слезами, и пси ядятъ отъ крупиць господій, и Самъ Спаситель пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ. Не требуютъ здравіи врача. Господь болѣе хочетъ покаянія грѣшника, чѣмъ смерти его. И заблудшую овцу онъ несетъ назадъ на плечахъ своихъ. И блуднаго Сына возвращающагося пріемлетъ отецъ съ радостію. Апостоль говоритъ также: *прежде времени ничтоже судите* (1 Кор. 4, 5). *Ты кто еси судая чуждему рабу? Своему Господеви стоитъ или падаетъ* (Рим. 14, 4). *И: мняйся стояти, да блудетъ да не падетъ* (1 Кор. 10, 12). *И: другъ друга тяготы носите* (Гал. 6, 2). Иначе, любезнѣйшія сестры, судить злоба людская, иначе Христось. Не одинъ и тотъ же приговоръ на судищѣ Христовомъ и въ углу сплетняковъ. Многіе пути кажутся людямъ правыми, но въ послѣдствіи оказываются злыми. И въ скудельныхъ сосудахъ часто сокрыто сокровище. Петра, трижды отрекшагося возвратили въ прежнее достоинство горькія слезы. Кому больше огнускается, больше любитъ. О цѣломъ стадѣ умалчивается, а о спасеніи одной нездоровой овцы радуются ангелы на небесахъ. Если кому это покажется незаконнымъ, тотъ услышитъ отъ Господа: *Друже, аще око твое лукаво есть, яко Азъ блазъ есмь.* (Мѡ. 20, 15).

12. Письмо къ Антонію монаху.

Господь нашъ, Учитель смиренія, когда ученики спорили

между собою о достоинствѣ, взявъ одного мальчика и сказалъ: кто изъ васъ не обратится, какъ младенецъ, не можетъ войти въ царство небесное (Мѡ. 18, 3). Чтобы явиться не только учителемъ, но и исполнителемъ, Христось подтвердилъ это (правило смиренія) своимъ примѣромъ, когда омылъ ноги учениковъ, когда принялъ лобзаніе предателя, когда бесѣдовалъ съ самарянынею, когда говорилъ о царствѣ небесномъ къ Маріи, сидѣвшей у ногъ его, когда возставши отъ преисподней, прежде всего явился женщинамъ. А сатана ниспалъ съ достоинства архангельскаго не по чему иному, какъ по противоположной смиренію гордости. И іудейскій народъ, любившій прежде сѣданія и привѣтствія на торжищахъ, былъ отверженъ и замѣненъ языческимъ народомъ, считавшимся прежде за ничто. Противъ софистовъ вѣка сего и мудрецовъ міра посылаются Петръ и Іаковъ, рыбаки. Причину этого Писаніе объясняетъ такъ: *Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.* Смотри, братъ, сколь великое зло то, чему противится Богъ. Потому-то и въ Евангеліи высокоумный Фарисей отвергается, а смиренный Мытарь выслушивается. Десять уже (если не ошибаюсь) писемъ, исполненныхъ и ласки, и прозьбъ отправилъ я къ тебѣ, а ты не удостоиваишь меня отвѣтами, и, тогда какъ Господь бесѣдуетъ съ рабами, ты братъ не хочешь говорить съ братомъ. «Слишкомъ сердито», скажешь ты. Повѣрь, если бы скромность не сдерживала стиль, я въ гнѣвѣ наговорилъ бы такихъ вещей что ты сталъ бы отвѣчать, хотя въ слѣдствіе раздраженія. Но поелику гнѣваться свойственно человеку, а удерживаться отъ нанесенія обидъ христіанину, то возвращаясь къ прежнимъ отношеніямъ, снова прошу: люби любящаго тебя и, будучи служитель (Христовъ), собесѣдуй съ сослужителемъ. Будь здоровъ о Господѣ.

13. Письмо къ теткѣ по матери-Касторинѣ.

Іоаннъ апостоль и евангелистъ въ посланіи своемъ гово-

рить: *всякъ ненавидяй брата своего челоѣкоубійца есть* (1 Иоан. 3, 15). И справедливо, потому что, такъ какъ челоѣкоубійство происходитъ отъ ненависти, то всякій ненавидящій, хотя еще не ударилъ мечемъ, но въ душѣ уже челоѣкоубійца. Къ чему, говоришь ты, такое правило? Къ тому, чтобы, отложивъ ветхую злобу, мы приготовляя Богу въ груди своей чистое жилище. *Гнѣвайтесь*, говоритъ Давидъ, *и не сокрушайте!* (Пс. 4, 5). Желая внушить это правило, Апостоль полиѣ объясняетъ оное такъ: *солнце да не зайдетъ во гнѣвъ вашемъ* (Еф. 4, 26).

Чтоже будемъ дѣлать въ день суда мы, свидѣтелемъ гнѣва которыхъ заходило солнце не одинъ день, но столько лѣтъ? Господь говоритъ въ Евангеліи: *аще принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянешь, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави ту даръ твой предъ олтаремъ и иди прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда, пришедъ, принеси даръ твой* (Мѣ. 5, 23). Горе мнѣ бѣдному, какъ бы не сказать, горе и тебѣ! Сколько времени мы или не приносили даровъ ко олтарю, или приносили незаконно, пребывая во гнѣвѣ! Какъ могли мы въ каждодневной молитвѣ говорить: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Мѣ. 6, 22), тогда какъ душа не сочувствовала произносимому и слова расходились съ дѣломъ? И такъ прошу тебя о томъ же, о чемъ просилъ за годъ тому назадъ въ прежнемъ письмѣ: будемъ имѣть миръ, оставленный намъ Господомъ, и да призреть Господь на твое желаніе и мою мысль! Скоро на судищѣ Христовомъ нарушенное или восстановленное согласіе получить наказаніе или награду. Если ты, чего не дай Боже, не захочешь мириться, я съ своей стороны буду оправданъ: оправдаетъ меня мое настоящее письмо, когда будетъ прочитано (на судищѣ Христовомъ).

14. Письмо къ монаху Пліодору.

Съ какимъ горячимъ усердіемъ я старался устроить пребываніе съ тобою въ пустынь, — это знаетъ сердце, привыкшее къ взаимной нѣжности. Съ какими рыданіями, съ какою скорбію, съ какимъ горестнымъ воплемъ я провожалъ тебя, когда ты удалялся, — это засвидѣльствуетъ тебѣ даже и настоящее письмо, носящее на себѣ, какъ ты видишь, слѣды слезъ. Но ты, какъ нѣжное дитя, свой отказъ исполнить просьбу смягчила ласками, и я, неразумительный, не зналъ тогда, что дѣлать. Молчать? Но я не могъ скрыть своего сильнаго желанія (удержать тебя). Сильнѣе настаивать на своемъ? Но ты не хотѣлъ слушать, потому что не любилъ меня столько же, сколько я — тебя. Отвергнутая любовь сдѣлала то, что только могла. Кого не могла удержать, того нынѣ ищетъ возвратить. Такъ какъ ты, удаляясь, просилъ меня, чтобы я, переселившись въ пустыню, прислалъ къ тебѣ пригласительное письмо, и я общалъ; то я зову тебя, поспѣши. Не вспоминай о старыхъ привязанностяхъ, *пустыня любитъ обнаженныхъ*. Да не устрашагь тебя неудобства прежняго странствованія. Ты; вѣрующій во Христа, вѣруй и словамъ Его: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Мѡ. 6, 33). Не нужно тебѣ брать ни сумы, ни посоха. Достаточно богатъ тотъ, кто бѣденъ со Христомъ.

Но что я дѣлаю? Опять неразумный упрашиваю? Пусть умолятъ просьбы, пусть прекратятся ласки. Оскорбленная любовь должна гнѣваться. Ты, презиравшій мои просьбы, быть можетъ выслушаешь мои упреки. Что ты дѣлаешь въ отеческомъ дому, изнѣженный воинъ? Гдѣ окопъ? гдѣ рвы, гдѣ зимняя стоянка подъ кожами? Вотъ труба звучитъ съ неба; вотъ на облакахъ шествуетъ вооруженный полководецъ, — имѣющій покорить міръ; вотъ мечъ, исходящій изъ устъ царя

(Апок. 1, 16), пожинаетъ все встрѣчающееся; а ты каковъ выдешь съ постели въ строй, изъ тьмы на солнце? Тѣло, привыкшее къ туникѣ, не сноситъ тягости панцыря; голова, покрытая полотномъ, отказывается отъ шлема: для изнѣженной покоемъ руки жестка рукоятка меча. Выслушай слово царя твоего: *иже нѣсть со мною, на мя есть, и иже не собираетъ со мною, расточаетъ* (Лук. 11, 23. Мѣ. 12, 30). Вспомни день твоего новобранства, когда ты спогребался Христу во крещеніи и словами таинства клялся оставить отца и мать ради имени Христова. Вотъ противникъ въ груди твоей покушается убить Христа. Вотъ враждебный лагерь расхищаетъ вооруженіе и дары, которые ты получилъ отправляясь на войну. Пусть малый внукъ (*parvulus peros*¹⁾ повиснетъ у тебя на шеѣ, пусть распустивъ волосы и растерзавъ одежды мать покажетъ сосцы, которыми питала тебя, пусть отецъ ляжетъ на порогѣ, ты перешагни сѣдовласаго отца и съ сухими глазами воспари къ знамени креста. Единственный способъ оказать родственную любовь — быть жестокимъ въ этомъ случаѣ.

Придетъ, придетъ впоследствии день, когда ты побѣдносно возвратишься въ отечество, когда ты войдешь въ небесный Іерусалимъ, — будучи увѣнчанъ за мужество. Тогда ты получишь согражданство съ Павломъ. Тогда и своимъ родителямъ ты испросишь право того же гражданства. Тогда ты помолишься и за меня, который вызвалъ тебя къ побѣдѣ. Мыѣ небезъизвѣстно, какія преніятевія теперь, по твоимъ словамъ, задерживаютъ тебя. У насъ не желѣзная грудь, не твердая предсердія. Мы не изъ камня родились, и не гирканскія тигрицы питали насъ. Я и самъ прошелъ черезъ эти преніятевія.

1) *Parvulus peros*, вмѣсто *Nerotianus* (къ которому также писалъ Іеронимъ), — игра словъ.

То беспомощная 1) сестра обойметъ тебя нѣжными руками, то домочадцы, съ которыми ты выросъ, скажутъ: кому же мы будемъ служить? То прежняя нянька, уже старуха, и дядька, второй отецъ въ силу естественнаго почтенія, воскликнутъ: подожди немного, пока мы умремъ, и похорони насъ. Можетъ быть и мать съ изсохшими сосцами, съ морщинистымъ челомъ будетъ стенать о тебѣ, припоминая, какъ она убаюкивала тебя у груди. Скажутъ, если угодно, и грамматики: »на тебя склонившись опирается весь домъ« 2). Легко разрѣшаетъ эти узлы любовь къ Богу и страхъ геенны. Писаніе повелѣваетъ повиноваться родителямъ; но кто любитъ ихъ болѣе, чѣмъ Христа, погубляетъ душу свою. Врагъ держитъ мечъ, чтобы поразить меня; я ли буду думать о слезахъ матери? Оставлю ли я для отца воинство Христово, тогда какъ ради Христа я не обязанъ даже похоронить его, хотя и обязанъ погребать всѣхъ ради Христа? Для Господа, грядущаго на страданія, Петръ, робко совѣтующій, былъ соблазномъ (Мѡ. 16). Павелъ, когда братія удерживали его, чтобы онъ не шелъ въ Иерусалимъ, сказалъ: *что творите плачуще и сокрушающе ми сердце? Азъ бо не точию связанъ быти, но и умерети во Иерусалимъ готовъ есмь за имя Господа Иисуса* (Дѣян. 21, 13). Привязанность къ близкимъ — это стѣнобитное орудіе, потрясающее вѣру, должно быть отражено стѣною Евангелія. »Мать моя и братья мои тѣ суть, которые творятъ волю Отца моего небеснаго« (Лук. 8, 21. Мѡ. 12, 49). Если они вѣруютъ во Христа, они будутъ благосклонно смотрѣть на мои намѣренія подвизаться во имя Его. Если не вѣруютъ, то пусть мертвые погребутъ своихъ мертвецовъ (Мѡ. 8, 22). Но это, скажешь ты, имѣетъ значеніе по отношенію къ мученичеству.

1) Vidua, вдова, незамужняя, оставленная мужемъ, — вообще беззащитная женщина.

2) In te omnis domus inclinata recumbit. Aen. 12.

Ошибаешься братъ, ошибаешься, если думаешь, что христіанинъ когданибудь не терпитъ преслѣдованія; тогда-то особенно ты и находишься въ осадѣ, когда не знаешь, что ты — въ осадѣ. Врагъ нашъ *яко левъ, рыкая, ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8), а ты предполагаешь миръ? »Онъ *присѣдитъ въ ловительствѣ съ богатыми, и въ тайнѣ убиваетъ неповиннаго; Очи его смотря на нищаго. Онъ коварствуетъ въ тайнѣ, какъ левъ въ пещерѣ своей; онъ коварствуетъ, чтобы схватить нищаго*« (Ис. 9, 30); а ты, будущая добыча, подь тѣнію вѣтвистаго дерева вкушаешь сладкій сонъ? То меня преслѣдуетъ роскошь, то пытается захватить скупость, то чрево хочетъ быть мнѣ богомъ вмѣсто Христа; то нечистыя пожеланія побуждаютъ изгнать обитающаго во мнѣ св. Духа, осквернить храмъ Его. Преслѣдуетъ, говорю, меня врагъ, у котораго »тысяча именъ, тысяча способовъ вредить« (Эн. кн. 7); я ли несчастный, попадаясь въ плѣнъ, буду считать себя побѣдителемъ?

Я желаю, любезнѣйшій братъ, чтобы, взвѣсивъ тяжесть соблазновъ, ты исчисленныя нами влеченія считалъ не менѣе преступными, какъ и идолослуженіе. Внемли изреченію Апостола, который говоритъ: *знайте разумно, яко всякъ блудникъ, или нечистъ, или лихоимецъ, или обманщикъ, еже есть идолослужитель, не имать достояніе въ царствіи Христа и Бога* (Еф. 5. 5). И хотя вообще Богу противно все, что имѣетъ отношеніе къ діаволу; а идолослуженіе имѣетъ отношеніе къ діаволу, ибо ему посвящены все ідолы: однако Апостоль въ другомъ мѣстѣ дѣлаетъ подробное и понятное перечисленіе такого рода: *умертвите уды ваша, яже на земли, отлагая блудъ, нечистоту... похоть злую и лихоиманіе (супидитатемъ), яже суть идолослуженіе, иже ради грядетъ гнѣвъ Божій* (Кол. 3, 5. 6). Не въ томъ только состоитъ служеніе идолу, если кто двумя пальцами броситъ ладану на жертвенный

костерь, или совершитъ возліаніе, почерпнувъ изъ чаши стаканъ цѣльнаго вина. Пусть скажетъ, что нѣтъ идолослуженія въ любостыжаніи тотъ, кто назоветъ справедливымъ преданіе Христа за 30 сребренниковъ. Пусть скажетъ, что нѣтъ попра-нія святыхъ въ похоти, тотъ, кто нечистымъ смѣшеніемъ съ жертвами общественнаго невождержанія освернилъ члены Хри-стовы и жертву живую, угодную Богу. Пусть признастъ, что нѣтъ идолослуженія въ обманѣ, челоѣкъ подобный тѣмъ, ко-торыя, по свидѣтельству Дѣяній Апостольскихъ, утаивъ часть цѣны своей вотчины, были поражены внезапнымъ отмщеніемъ (Дѣян. 5). Примѣтъ, братъ, что тебѣ не слѣдуетъ оставлять за собою того, что принадлежитъ тебѣ. *Всякъ, сказалъ Господь, иже не отречетъ всего своего имѣнія, не можетъ быти мой ученикъ* (Лук. 14, 33). Отчего же ты такой малодушный христіанинъ?

Взгляни на Петра, оставившаго сѣти; взгляни на мытаря, вставшаго отъ мытницы и тотчасъ же сдѣлавшагося апосто-ломъ. Смытъ челоѣческой не имѣетъ, гдѣ главы подклонити, ты ли будешь ходить по обширнымъ портикамъ, по громад-нымъ пространствамъ крышь? Ожидая наслѣдія вѣка сего, ты не можешь быть сонаслѣдникомъ Христовымъ. Растолкуй, что значить слово *монахъ*, т. е. имя твое? Что же ты дѣлаешь въ толпѣ, будучи одинъ? 1). Это я говорю не какъ корабельщикъ, сохранившій въ цѣлости корабль и товары и незнакомый съ бурями;—но какъ только-что выброшенный кораблекрушеніемъ на берегъ, трепещущимъ голосомъ рассказываю собирающимся плыть. Въ томъ водоротѣ Харибда роскоши поглощаетъ здо-ровье. Тамъ устами дѣвицы привлекательная поверхность Сциллы влечетъ къ окончательному кораблекрушенію стыдли-вости. Здѣсь варварскій берегъ, тутъ морской разбойникъ діа-

1) Solus, *μολος*.

вотъ готовитьъ оковы для будущихъ плѣнниковъ. Не будьте до-
вѣрчивы, не будьте беспечны. Пусть водная равнина гладка,
какъ въ прудѣ; пусть вѣтеръ едва колеблетъ поверхность не-
подвижной стихіи; эта поляна обильна горами. Внутри сокрыта
опасность; врагъ находится внутри. Приготовляйте канаты,
развѣшивайте паруса, рей креста да утвердится на челѣ. Но
можеть быть ты скажешь: »Что же? Неужели всѣ, находящіеся
въ городахъ, не христіане?« Ты стоишь не на одинаковыхъ
условіяхъ съ другими. Послушай, что говоритъ Господь: *аще
хощеши совершенъ быти, иди, продаждь все твое; и гряди
въ слѣдъ мене* (Мѡ. 19, 21). А ты обѣщался быть совершен-
нымъ, ибо, когда, оставивъ военную службу, ты обрекъ себя
на дѣвство (castrastite) ради царства небеснаго, чему иному
послѣдовалъ ты, какъ не совершенной жизни? А совершенный
рабъ Христа не имѣеть ничего, кромѣ Христа. Еслиже имѣеть
что-либо кромѣ Христа, то уже несовершенъ. А если несо-
вершенъ, когда обѣщался Богу быть совершеннымъ, то прежде
солгалъ. *Уста же лживая убиваютъ душу* (Прем. Сол. I, II).
Итакъ, какой же мнѣ сдѣлать выводъ? Если ты совершенъ, то
зачѣмъ ты желаешь отческаго имущества? Если же несовер-
шенъ, то ты обманулъ Господа. Евангеліе божественнымъ
гласомъ вѣщаетъ: »не можете *двѣма господина работати*«
(Лук. 10, 13), и осмѣлится ли кто творить Христа лжецомъ,
работая Господу и мамонѣ? Пусть такой человѣкъ говоритъ
часто самъ себѣ: сказано: *аще кто хощетъ по мнѣ ити, да
отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по мнѣ грядетъ*
(Лук. 9, 23). Я ли, обремененный золотомъ, буду считатьъ себя
слѣдующимъ за Христомъ? *Глаголяй, что онъ вѣруеть во
Христа, долженъ есть, яко же онъ ходилъ есть, и сей та-
кожде да ходитъ* (I Іоан. 2, 6).

Если ты, (какъ я увѣренъ), ничего не имѣешь противъ
моихъ доводовъ, то отчего же ты, будучи такъ хорошо приго-

товленъ къ войнѣ, не ратуешь? Неужели ты надѣшься подви-
заться въ своемъ отечествѣ, тогда какъ и Господь въ своемъ
не сотворилъ знаменій? Почему же? Съ надлежащимъ благо-
говѣніемъ выслушай причину. *Никоторый пророкъ* не имѣть
чести *во отечествіи своемъ* (Лук. 4, 23). Но, скажешь ты, я
не ищю чести. Достаточно для меня свидѣтельства моєї совѣ-
сти. И Господь не искалъ чести, Онъ, удалившійся отъ толпы
народа, хотѣвшаго поставить Его царемъ. Но гдѣ нѣтъ чести,
тамъ презрѣніе.—Гдѣ презрѣніе, тамъ чистая обида, гдѣ оби-
да, тамъ негодованіе; гдѣ негодованіе, тамъ нѣтъ покоя; гдѣ
нѣтъ покоя, тамъ умъ часто отвлекается отъ предположенной
цѣли. А гдѣ вслѣдствіе безпокойствъ убавляется сколько нибудь
отъ твоего усердія, тамъ его становится менѣе, а умспышен-
ное не можетъ быть названо совершеннымъ. Изъ этихъ дово-
довъ вытекаетъ то заключеніе, что монахъ въ своемъ отечест-
вѣ не можетъ быть совершеннымъ. А не желать быть совер-
шеннымъ, значить погрѣшать.

Сбитый съ того пункта, ты укажешь на клириковъ. Осмѣ-
люсь ли я сказать что-нибудь противъ нихъ, хотя они конечно
пребываютъ въ своихъ городахъ? Сохрани Богъ, чтобы я ска-
залъ что нибудь противъ нихъ, потому что, будучи преемни-
ками апостольскими, они священными устами совершаютъ тѣ-
ло Христово: благодаря имъ мы—христіане. Имѣя ключи цар-
ства небеснаго, они нѣкоторымъ образомъ судятъ прежде дня
суднаго. Они сохраняютъ невѣсту Христову въ трезвенной не-
порочности. Но, какъ я кратко сказалъ выше, иное дѣло мо-
наховъ, иное клириковъ. Клирики пасутъ овецъ; я самъ пасусь.
Они живутъ отъ олтаря; мнѣ, какъ бесплодному дереву, пола-
гается сѣбира при корнѣ, если я не принесу даръ во олтарю.
Я не могу отговариваться сѣдностію, когда Господь въ Еван-
геліи похвалилъ престарѣлую вдову, вложившую въ газофила-
кію двѣ монеты, которыя только и оставались у ней (Лук. 21,

24). Я не долженъ садиться прежде пресвитера; онъ, если погрѣшу, можетъ предать меня сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется (1 Кор. 5, 5). И въ ветхомъ законѣ всякій, неповиновавшійся священникамъ, или въѣ стана побивался камнями отъ народа, или платилъ своею кровью за пренебреженіе къ священству, брдучи уеѣкаемъ мечемъ. (Второз. 17, 12). А теперь неповинующійся уеѣкается духовнымъ мечемъ; или, будучи извергнутъ изъ церкви, разрывается хищными челюстями демоновъ. Поэтому если пѣжныя ласки братьевъ убѣждаютъ тебя вступить въ чинъ клириковъ, я порадоюсь твоему возвышенію, но буду бояться паденія. *Аще кто епископства хочетъ, добра дѣла желаетъ.* Мы знаемъ это: но не забудь, что говорится далѣе: *подобаетъ убо епископу быти непорочну, единыя жены мужу, трезвену, цѣломудру, благоговѣйну, честну, страннолюбиву, учительну, не пѣяницъ. не бѣйцъ,...* но кротку (1 Тим. 3, 1—9). Изложивши дальнѣйшія требованія отъ сана епископскаго, Ап. Павелъ не оставилъ безъ вниманія и третьей степени священства, говоря: *діакономъ (подобаетъ быть) такожде чистымъ, не двоязычнымъ, не вину многу внимающимъ, не скверноствяжательнымъ, имущимъ таинство стѣры въ чистой совѣсти: и сіи убо да искушаются пресжде, потомъ же да служатъ непорочно суце* (1 Тим. 3, 8—10). Горе человѣку тому, который, не имѣя брачной одежды, приходитъ на вечерю. Ему тотчасъ же придется услышать: *друзже, како вшелъ еси стмо?* и когда онъ умолчитъ, будетъ сказано слугамъ: *связавше ему руцъ и нозъ, возмите его, и вверзите въ тьму кромѣшную: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ* (Мѣ. 22, 12, 13). Горе тому, кто получивши талантъ, завязалъ его въ убрूसъ, и, тогда какъ другіе дѣлали прибыльные обороты, сохранилъ только то, что получилъ. Онъ будетъ пораженъ гласомъ негодующаго Господа: *лукавый рабъ, почему ты не отдалъ сребро мое торжникомъ, и пришедъ азъ взялъ*

быхъ свое съ михвою (Мѡ. 25, 27). То есть, ты долженъ былъ бы сложить къ алтарю то, чего не въ силахъ нести. Потому что, пока ты, лѣнивый торжникъ, держишь при себѣ динарій, ты занимаешь мѣсто другаго, который могъ бы удвоить эту сумму. Посему, какъ добрый служитель готовить себѣ почетное мѣсто; такъ недостойно пристунающіи къ чашѣ Господней, повиненъ будетъ тѣлу и крови Господней (1 Кор. 11. 2).

Не всѣ епископы—истинные епископы. Ты обращаешь вниманіе на Петра, но не забудь и Іуды; Ты имѣешь въ виду Стефана, но взгляни и на Николая, котораго Господь осудилъ своимъ изреченіемъ въ Апокалипсисѣ,—какъ виновника постыдныхъ вымысловъ и основателя ереси Николаитовъ. Да искушаетъ каждый себя и потомъ да пристунаетъ къ клиру. Церковный санъ не дѣлаетъ христіаниномъ. Корнилій сотникъ, еще будучи язычникомъ, сподобился дара Духа Святаго. Юный Давидъ судить старцевъ. Собирающій ягоды Амосъ внезапно становится пророкомъ. Пастырь Давидъ избирается въ цари. Младшаго ученика Іисусъ больше любитъ. Братъ, садись ниже, чтобы, когда придетъ кто нибудь моложе тебя, тебя пригласили сѣсть выше. (Лук. 14, 10). На комъ почиваетъ Господь, какъ не на кроткомъ и смиренномъ и трепещущемъ словесъ Его (Ис. 66, 2)? Кому болѣе вѣряется, отъ того болѣе и требуется. Сильные сильно мучены будутъ. Да не гордится кто либо одною чистотою дѣвственнаго тѣла, тогда какъ за всякое слово праздное, какое скажутъ люди, воздадутъ они отчетъ въ день суда (Мѡ. 12, 5); когда даже гнѣвающійся на брата своего повиненъ въ человѣкоубійствѣ. Не легко стать на мѣсто Павла, принять санъ Петра, уже царствующихъ со Христомъ; опасно, какъ бы не пришелъ ангель, который разорветъ завѣсу храма твоего и двигнетъ свѣтильникъ твой съ мѣста его (Апок. 2, 5). Намѣреваясь строить башню, разочти расходы на будущую постройку (Лук. 14, 28). Вывѣтрившаяся соль ни

къ чему не годна, какъ только къ тому, чтобы выбросить ее вонъ на попрание свиньямъ. Если падеть монахъ, умолить за него священникъ. Но кто будетъ молиться за падшаго священника?

Такъ какъ моя рѣчь переплыла трудныя мѣста и утлая ладя, пробиравшаяся среди утесовъ, выбитыхъ пѣнистыми валами, выбралась наконецъ на просторъ, то теперь можно распустить паруса и, оставивъ за собою подводные камни спорныхъ предметовъ, подобно радующимся мореходцамъ, воспѣть въ заключеніе торжественную пѣснь. О пустыня, украшенная цвѣтами Христовыми! О пустыня, въ которой находятся тѣ камни, изъ какихъ устроится апокалипсическій градъ великаго царя (Апок. 21, 18)! О пустыня, веселящаяся предъ лицомъ Божиимъ! Что дѣлаешь въ семь мірѣ братъ мой, ты, который дороже міра? Доколѣ будешь тяготить тебя тѣнь отъ крышъ? Доколѣ ты будешь заключенъ въ темницѣ дымныхъ городовъ? Повѣрь мнѣ, я не знаю, вижу ли я что-нибудь кромѣ свѣта. Хотѣлось бы, отложивъ бремя тѣла, воспарить къ чистому блеску эфира. Боишься ли ты бѣдности? Но Христось называетъ блаженными бѣдныхъ. Ужасаешься ли труда? Но никакой борець не увѣнчивается, не бывъ покрытъ потомъ. Заботишься ли о пищѣ? Но вѣра не боится голоду. Непріятно тебѣ сложить изможденные постомъ члены на голую землю? Но Христось возляжетъ съ тобою. Не понравится тебѣ имѣть непричесанные волосы на певымытой головѣ? Но глава твоя есть Христось. Ужасаетъ тебя неизмѣримая обширность пустыни? Но ты мысленно переносишь въ рай. Пока ты мысленно будешь находиться въ раю, въ то время ты не будешь въ пустынѣ. Не пользуясь банею, кожа—скажешь ты—покроется струпами? Но кто однажды омылся во Христѣ, тому нѣтъ пужды во вторичномъ омовеніи. Кратко сказать, на всѣ возраженія ты услышишь отвѣтъ Апостола: *недостойны страсти*

нынѣшняго времени къ хотящей славы явится въ насъ (Рим. 8, 18). Слишкомъ изпѣженъ ты, братъ, если и здѣсь хочешь радоваться съ міромъ и въ послѣдствіи царствовать со Христомъ.

Придетъ, придетъ тотъ день, когда сіе тлѣнное и мертвенное облечется въ вѣчное и безсмертіе. Тогда блаженъ тотъ рабъ, котораго Господь найдетъ бодрствующимъ (Лук. 12, 43). Тогда на гласъ трубы содрогнется земля съ народами, а ты возрадуешься. Міръ жалобно возопіетъ, когда Господь пойдетъ на судъ; и сонмы земнородныхъ будутъ ударять въ грудь. Могущественнѣйшіе въ бывшее время цари будутъ трепетать обнаженные. Предстанетъ на судъ Венера съ своимъ потомствомъ. Приведется тогда незнаемый Юпитеръ и глухой Платонъ съ своими учениками. Аристотелевы аргументы будутъ бесполезны. Тогда ты, необразованный (*rusticanus*) и бѣднякъ, возрадуешься и возмѣешься и скажешь: вотъ распятый мой, вотъ судья, который, будучи повитъ пеленами, плакалъ въ ясляхъ. Вотъ онъ, сынъ рабочаго и труженицы; онъ, который, будучи носимъ на рукахъ матери, бѣжалъ въ Египетъ — Богъ — отъ челоуѣка; Онъ, одѣтый въ багряницу, увѣнчанный терніемъ; Онъ — волхвъ, имѣющій бѣса и самарянина. Взгляни, іудей, на руки, которыя ты пронзилъ: взгляни, римлянинъ, на бока, который ты проколотъ. Посмотрите, то ли это тѣло, которое, какъ вы говорили, было украдено ночью учениками. Любовь твоя, братъ, подвигла меня сказать тебѣ это; чтобы ты, тяготящійся въ настоящее время трудомъ, увлекся высказанными мною представленіями.

15. Письмо къ папѣ Дамасу ¹⁾.

Поелику Востокъ, смущенный древнею международною

¹⁾ Надлежація замѣчанія относительно этого письма, содержащаго въ себѣ

ненавистію, разрываетъ на мелкіе куски нешвенную, свыше истганняю ризу Христову; лисицы раззоряють виноградникъ Христовъ, и среди кладенцовъ сокрушенныхъ, неимѣющихъ воды (Іер. 2, 13) трудно различить, гдѣ садъ заключенный и источникъ запечатлѣнный (Шѣсн. ѿсн. 4, 11); то я рѣшился обратиться за вразумленіемъ къ каедрѣ Петровой и вѣроу-ченію, восхваленному устами апостольскими, прося нынѣ для своей души пищи оттуда, откуда нѣкогда я воспріялъ одѣяніе Христово. Отдѣляющее меня отъ Рима обширное пространство земли и моря не могло отвратить меня отъ исканія многоцѣннаго бисера. »Гдѣ будетъ тѣло, тамъ соберутся орлы« (Мѡ. 24, 28). Тогда какъ дурные потомки потеряли отцовское имущество, у васъ однихъ только сохраняется въ цѣлости наслѣдіе отцовъ. У васъ на плодородномъ черноземѣ чистое слово Господне приноситъ сторичный плодъ; здѣсь покрытая бороздами нива пшеницы вырождается въ куколь и овесъ. Теперь на западѣ восходитъ солнце правды, а на востокѣ падшій Люциферъ выше звѣздъ поставилъ престолъ свой. Вы свѣтъ міра, вы соль земли; вы золотые и серебряные сосуды; — а здѣсь скудельные и деревянные сосуды ждуть желѣзнаго жезла и вѣчнаго огня.

Итакъ, хотя твое величіе приводитъ меня въ трепеть, но твоя снисходительность ободряетъ меня. Я прошу у священнослужителя—спасенія жертвы, у пастыря—заступленія овцы. Пусть умоляетъ недоброжелательство; пусть останется въ сторонѣ высота римскаго престола; я говорю съ преемникомъ рыбака и ученикомъ Христа. Я, слѣдуя прежде всего только Христу, соединяюсь общеніемъ съ блаженствомъ твоимъ, то есть съ каедрою Петровою. Я знаю, что на этомъ камнѣ

создана церковь. Кто виѣ этого дома будетъ вкушать агнца, тотъ чуждъ священнаго сонма. Кто не будетъ въ ковчегѣ Ноеномъ, тотъ погибнетъ въ разливѣ потопа. И такъ какъ я по грѣхамъ моимъ поселился въ той пустынѣ, которая лежитъ на предѣлахъ Сиріи и варварскихъ странъ, и по причинѣ огромнаго разстоянія не могу принимать всегда святѣни Господней отъ твоего святѣйшества; то я слѣдую твоимъ собратіямъ—египетскимъ исповѣдникамъ; и какъ маленькая ладья прячусь за тяжело нагруженными кораблями. Я не знаю Виталія, отвергаю Мелетія, не признаю Павлина. Кто не собираетъ съ тобою, расточаетъ, т. е. кто не Христовъ, тотъ антихристовъ.

Теперь же, о бѣда! Послѣ никейскаго символа, послѣ александрійскаго опредѣленія, утвержденнаго въ совокупности съ Западомъ, *кампенсы*, отрасль аріанъ требуютъ отъ меня новаго имени: трехъ ипостасей. Какіе, спрашиваю я, апостолы предали такъ? Какой новый Павелъ, учитель языковъ, научилъ сему? Спрашиваю: какъ, по ихъ мнѣнію, можно разумѣть ипостаси? Отвѣчаютъ: три соприсущихъ лица. Я говорю въ отвѣтъ, что мы такъ и вѣруемъ: но для нихъ недостаточно единства въ смыслѣ, они требуютъ единства въ самомъ имени: не знаю, что за ядъ можетъ заключаться въ звукахъ (*in syllabis*). Мы провозглашаемъ: кто не вѣруетъ въ три ипостаси, какъ *tria enhypostata*, т. е. три соприсущихъ лица, да будетъ анаѳема. Но такъ какъ мы не привыкли употреблять эти термины, то насъ охуждаютъ какъ еретиковъ. Но если кто подъ словомъ ипостась разумѣя сущность (*ousian*), не признаетъ въ трехъ лицахъ одной ипостаси, тотъ отлученъ отъ Христа: въ такомъ случаѣ мы вмѣстѣ съ вами будемъ оскѣнены клеймомъ савелліанства (*unionis*) ¹⁾.

1) *Haeresis unionis* — такъ у св. Иларія *lib. de Synodis num. 26.* обозначена ересь Савеллія, послѣку Савеллія признавалъ единое *πρότερον ἑνυπόστατον*.

Сдѣлайте, умоляю васъ,—если признаете пужнымъ—опредѣленіе, и тогда я не убоюсь именовать трехъ ипостасей. Если прикажете, пусть будетъ сложено послѣ никейскаго новое вѣроученіе; пусть мы, православные, будемъ произносить тоже исповѣданіе, какъ и аріане. Школа свѣтскихъ наукъ не знаетъ иного значенія слова: *ипостась*, какъ только *сущность* (*usian*). Кто же, спрашиваю я, святотатственными устами будетъ говорить о трехъ *субстанціяхъ*? Въ Богѣ есть единая и единственная природа, именно та, которая существуетъ дѣйствительно. Ибо и соприсуціе свое Богъ имѣетъ не отъ нужды, а отъ себя. Всѣ сотворенные предметы не существуютъ, хотя и кажутся существующими. Ихъ нѣкогда не было, и впоследствии то, что не было, можетъ опять придти въ небытіе. Богу единому вѣчному, т. е. немѣющему начала, посправедливости усвоится имя сущности (*essentiae*). Посему и изъ купины Богъ говоритъ Моисею: *Азъ есмь сый*, и еще: *Сый посла мя* (Исх. 3, 14). Были тогда всюду ангелы, море, небо, земли; отчего же общее имя сущности (*essentiae*) Богъ усвоетъ собственно себѣ? Но поелику одна Божеская природа совершенна, и поелику въ трехъ лицахъ соприсуще одно Божество, которое существуетъ истинно и есть одна природа; то всякій подъ видомъ благочестія именующей три, т. е. три ипостаси, какъ три сущности, покушается ввести три природы. Если это такъ, то зачѣмъ же мы отдѣляемся стѣнами отъ Арія, будучи связаны собственною невѣрностію? Пусть соединится съ твоимъ блаженствомъ Урсинъ¹⁾; пусть съ Амвросіемъ вступишь въ общеніе Авксентій²⁾. Да не будетъ сего съ римскимъ вѣроуче-

1) Урсинъ или Урсиниъ былъ современный папѣ Дамасу аріанинъ, искалъ римскаго престола.

2) Авксентій былъ злой аріанинъ, противъ котораго направлена рѣчь св. Амвросія Медиоланскаго: *de non tratendis Basilicis*.

ніемъ; благочестивыя сердца народовъ да не будутъ напоены такимъ святотатствомъ. Достаточно намъ именовать одну субстанцію и три лица, соприсущихъ, совершенныхъ, равныхъ, совѣчныхъ. Пусть, если угодно, умалчивается о трехъ впоста-сяхъ и удерживается одна. Худой признакъ, если при единствѣ въ мысляхъ есть разпорѣчіе въ словахъ. Достаточно да будетъ для насъ вышеупомянутое вѣрованіе. Если же вы признаете правильнымъ съ нашей стороны именовать три впостаси съ своимъ истолкованіемъ,—то мы не отказываемся. Но повѣрьте мнѣ, подъ медомъ скрывается ядъ; ангелъ сатанинъ преобразается въ ангела свѣта (2 Кор. 11, 14). Кампенсы хорошо толкуютъ слово: впостась, но когда я говорю, что я содержу догмать согласно съ ихъ объясненіемъ, то меня осуждаютъ какъ еретика. Зачѣмъ они такъ болѣзненно держатся за одно слово? Что они скрываютъ подъ двусмысленною рѣчью? Если они вѣруютъ такъ, какъ толкуютъ, то я ихъ не осуждаю. Если я такъ вѣрую, какъ они (быть можетъ при-творно) исповѣдуютъ себя мудрствующими, то пусть они по-зволятъ мнѣ выражать мою мысль моими словами. Посему я распятымъ спасеніемъ міра, Троичнымъ единосущіемъ заклинаю твое блаженство дать мнѣ многозначительный по твоему авторитету письменный отвѣтъ о томъ, должно ли умалчивать о впоста-сяхъ, или именовать ихъ. И чтобы малоизвѣстность мѣста, въ которомъ я живу, не затруднила переносчиковъ пи-семъ, благоволи послать свое письмо къ пресвитеру Евagriю, котораго ты очень хорошо знаешь. вмѣстѣ съ тѣмъ обозначь, съ кѣмъ я долженъ имѣть общеніе въ Антиохіи, потому что кампенсы вмѣстѣ съ Тарсянскими еретиками ничего такъ не добиваются, какъ того, чтобы, основываясь на авторитетъ вашего единенія, проповѣдывать три впостаси въ древнемъ смыслѣ ¹⁾).

1) Т. е. въ аріанскомъ, какъ видно по ходу письма.

16. Письмо къ папѣ Дамасу.

Неотступная евангельская жена удостоена наконецъ быть услышанною (Мѡ. 15, 28); и другъ получилъ отъ друга хлѣбъ въ полночь, когда двери были уже заперты рабами (Лук. 11, 8). Самъ Богъ, непобѣдимый никакими силами, побѣждается мольбами мытаря. Городъ Ниневія, погибшій въ слѣдствіе грѣха, устоялъ въ слѣдствіе молитвъ (Іон. 3, 10). Къ чему же въ самомъ началѣ такое длинное повтореніе извѣстныхъ исторій? Къ тому, чтобы ты, великій, обратилъ вниманіе на малаго, чтобы ты, богопросвѣщенный (divus) пастырь, не презрѣлъ большую овцу. Христосъ съ креста ввелъ разбойника въ рай; и—чтобы никто не считалъ обращенія позднимъ,—превратилъ наказаніе за убійство въ мученичество. Христосъ, говорю я, радостно объемлетъ возвращающагося блуднаго сына (Лук. 15, 20), и оставивши девяносто-девять овецъ, добрый пастырь приноситъ на плечахъ одну заблудшую овцу (Лук. 15, 5). Павелъ изъ преслѣдователя становится проповѣдникомъ, терпитъ слѣпоту тѣлесными очами, чтобы болѣе видѣть умомъ, и тотъ, кто прежде вель на соборъ іудейскій связанныхъ рабовъ Христовыхъ, самъ въ послѣдствіи хвалится узами Христовыми (Дѣян. 9).

Я, какъ уже писалъ прежде, воспріавъ одежду Христову въ Римѣ, живу нынѣ на варварскихъ предѣлахъ Сиріи. Не думай, что я живу тамъ по чужому приговору: я самъ счелъ себя того достойнымъ. Но, какъ говоритъ языческій поэтъ: *кто переплываетъ море, мнѣняетъ небо, но не душу* (Horat. lib. 1. epist. 11); неотступный врагъ такъ преслѣдуетъ меня по пятамъ, что нынѣ въ пустынѣ я терплю бо́льшія нападенія. Здѣсь, поддерживаемая мірскимъ заступничествомъ, свирѣпствуетъ аріанская ярость. Здѣсь церковь, разорвавшаяся на три части, спѣшитъ привлечь меня къ себѣ. Древній авторитетъ монаховъ, живущихъ въ окружности, возстаетъ противъ меня.

Я между тѣмъ вопію: кто соединяется съ каедрою Петровою, тотъ мой (единомысленникъ). Мелетій, Виталій и Павлинъ говорятъ, что они единомудрствуютъ съ тобою: могъ бы я повѣрить тому, если бы говорилъ кто-нибудь одинъ. Теперь же или двое лгутъ, или всѣ. Итакъ я заклинаю блаженство твое крестомъ Господнимъ, и необходимымъ вѣры нашея благолѣпіемъ страданіемъ Христовымъ, чтобы ты преемникъ апостоловъ честію, преемникъ ихъ и въ достоинствѣ, сѣдѣющій на престолахъ и имѣющій судить со обанадесятью, подобно Петру, поясуемый въ старости инымъ, получающій небесное гражданство вмѣстѣ съ Павломъ, чтобы ты увѣдомилъ меня письменно, съ кѣмъ я долженъ имѣть общеніе въ вѣрѣ. Не пренебрегай душою, за которую Христосъ умеръ.

17. Письмо къ Марку Пресвитеру.

Въ своемъ образѣ дѣйствій я рѣшился согласоваться съ словами Псалмопѣвца: *всегда возстати грѣшному предо мною, онѣмъхъ, и смирихся, и умомахъ отъ благъ* (Пс. 38, 2. 3). И еще: *азъ же яко глухъ не слышахъ, и яко нѣмъ, не отверзаяя устъ своихъ; и быхъ, яко человекъ не слышай* (Пс. 37, 14. 15). Но такъ какъ любовь выше всего, и заранѣе принятое намѣреніе побѣждается сердечнымъ влеченіемъ, то я хочу не столько отплатить творящимъ обиду, сколько отвѣтить тебѣ на твою просьбу. Ибо какъ сказать кто-то, между христіанами жалокъ не тотъ, кто терпитъ, но тотъ, кто наноситъ безчестіе. Но прежде, чѣмъ я стану говорить съ тобою о моей вѣрѣ, которую ты очень хорошо знаешь, я долженъ воскликнуть ходячимъ стихомъ противъ варварства здѣшней страны:

Что это за народъ? И что это за варварская отчизна допускаетъ такіе нравы? Нѣтъ пріюта даже на пе-

скахъ. Раздоры свирѣпствуютъ и не позволяютъ остановиться на ближайшемъ клочкѣ земли и пр.¹⁾

Мы взяли это мѣсто изъ языческаго поэта, чтобы тотъ кто не хранить мира Христова, поучился бы покрайней мѣрѣ миролюбію у язычника. Меня называютъ еретикомъ; тогда какъ я проповѣдую единосущіе Троицы; меня обличаютъ въ савеллевомъ нечестіи, тогда какъ я неумолчнымъ гласомъ возвѣщаю три соприсущихъ, истинныхъ, всецѣлныхъ, совершенныхъ лица. Если меня обличаютъ аріане, то это такъ и должно быть; если же православные, то, порицая вышензложенное вѣроученіе, они перестали быть православными, или, если имъ угодно, пусть осудятъ за еретичество меня, вмѣстѣ съ западомъ, вмѣстѣ съ Египтомъ, т. е. вмѣстѣ съ Дамасомъ и Петромъ. Зачѣмъ обвинять одного человѣка помимо его сообщниковъ? Если потокъ скуденъ водою, то въ этомъ вина не русла, но источника. Стыдно сказать: изъ глубины своихъ велиій мы судимъ міръ. Поверженные во вретинцѣ и неплѣ, мы произносимъ приговоръ о епископахъ. Къ чему подъ одеждою кающагося властолюбивый духъ? Вериги, нечистота, волосы въ беспорядкѣ—это знаки не діадимы, но плачевнаго житія. Я прошу,—пусть позволяютъ мнѣ ничего не говорить. Зачѣмъ они обижаютъ того, кто не заслуживаетъ ненависти? Я еретикъ,—что же тебѣ до того? Сказано тебѣ, успокойся. Конечно ты боишься, что я, умѣя краснорѣчиво говорить по сирски или по гречески, стану обходить церкви, прельщать народы, производить расколъ. Но я никому не подавалъ повода думать такъ; я ничего не предпринимаю, оставаясь бездѣтельнымъ. Каждый день собственными руками въ потѣ лица мы списываемъ себѣ пропитаніе, помня изреченіе апостольское: *аще кто не хочетъ дѣлати, ниже да ясть* (2 Сол. 3, 8). Съ какимъ степеніемъ,

¹⁾ Virgil. 1. Aeneid.

съ какою скорбію я писалъ это, почтенный и святой отецъ, свидѣтель тому Иисусъ. Я умолчалъ; неужели всегда буду молчать, говорить Господь.—Не даютъ мнѣ ни одного уголка въ пустынь: каждый день спрашиваютъ меня о вѣрѣ, какъ будто я безъ вѣры окрещенъ. Объявляю свое исповѣданіе по ихъ требованію,—имъ не нравится: подписываюсь,—не вѣрятъ. Одного только хотятъ, чтобы я удалился отсюда. Я уже слушаю имъ. Они похитили у меня часть души моеї, любезнѣйшихъ братьевъ, которые хотятъ удалиться, и даже совершенно удаляются, говоря, что лучше жить среди звѣрей, чѣмъ съ такими христіанами. Я самъ бѣжалъ бы отсюда, если бы не задерживала меня слабость тѣла и суровость зимы. Но когда придетъ весна, я умоляю, пусть дадутъ мнѣ на немного мѣсяцевъ пріютъ въ пустынь; если же это покажется долговременнымъ, я удаляюсь. *Господня земля и исполненіе ея* (Ис. 23, 1). Пусть смотрятъ на небо одни они, ради которыхъ только Христосъ умеръ. Пусть они имѣютъ, владѣютъ, хвалятся; *мнѣ же да не будетъ хвалиться, токмо о крестѣ Господа нашего Иисуса Христа, имже мнѣ міръ распяся и изъ міру* (Гал. 6. 14). О вѣрѣ, которую я удостоился излагать въ писаніяхъ, я далъ св. Кириллу письменное исповѣданіе. Кто не вѣруеть такъ, чуждъ отъ Христа: впрочемъ свидѣтелями своей вѣры я имѣю уши твои и блаженного брата Зиновія, котораго, равно какъ и тебя мы всѣ находящіеся здѣсь, усердно привѣтствуемъ.

18. Письмо къ папѣ Дамасу. О Серафимѣхъ и углѣ.

И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа, сядяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и проч. (Исаи 6. 1). Прежде чѣмъ станемъ говорить о видѣніи, кажется должно рассмотреть, кто былъ Озіа, сколько лѣтъ онъ царствовалъ, кто были современниками его у другихъ народовъ.

Что касается его личности, то, какъ читаемъ въ книгахъ Царствъ и Паралипоменонъ (4 Цар. 15; и 2 Паралип. 26, 18), онъ былъ мужъ праведный и дѣлалъ угодное предъ очами Господа: воздвигнулъ храмъ, устроилъ водопроводы, собралъ сосуды, въ награду за это побѣдилъ непріятелей, и, что служить особеннымъ знакомъ его благочестія, имѣлъ въ своемъ царствѣ многихъ пророковъ. Пока жилъ священникъ Захарія, по прозванію Разумный, Озія угождалъ Богу и съ полнымъ благоговѣніемъ подходилъ къ его жертвеннику. Но по смерти Захаріи, пожелавъ самъ приносить жертвы, не столько богобоязненно, сколько нахально присвоилъ священнической санъ; и такъ какъ не хотѣлъ внимать воплямъ левитовъ и другихъ священниковъ: не царь ли ты, Озія, а не священникъ?—то и поразила тотчасъ проказа чело его, по слову пророка, говорящаго: *испоми, Господи, лица ихъ безчестія* (Ис. 82. 17). Эту часть тѣла священникъ покрывалъ золотою дщицею, ее повелѣлъ Господь Іезекілю отмѣтить оттискомъ буквы *тавъ*, (Езек. 9), о ней говоритъ восторженный Давидъ: *знаменася на насъ свѣтъ лица Твоего Господи*; (Псал. 4, 7). въ нее пораженный пращнымъ камнемъ погибъ дерзкій филистимлянинъ.—Царствовалъ Озія пятьдесятъ два года въ то время, когда у латинячь властвовалъ Амулій, у Аѳинячь—Агаместоръ одиннадцатый. Послѣ смерти Озіи пророкъ Исаія видѣлъ то видѣніе, которое мы постараемся объяснить теперь, т. е. въ тотъ годъ, въ который родился Ромуль, основатель римской имперіи,—что можетъ быть извѣстно тѣмъ, которые захотѣли прочесть книгу *Временъ*, (Паралипоменонъ), переведенную нами съ греческаго языка на латинскій. *И бысть въ лето, въ неже умре Озія царь, видѣхъ Господа, сядяща на престолъ высоцъ и превознесеннъ* (Исаія 6). Такъ какъ исторія предпослана,—то слѣдуетъ смыслъ духовный, для котораго раскрыта и самая исторія. При жизни царя прокаженнаго, и по мѣрѣ своихъ силъ ниспровергавшаго свя-

щенство, Исаія не могъ видѣть видѣнія. Доколѣ Озія держалъ царство въ Іудеѣ, пророкъ не возводилъ очей въ небо: не раскрывались ему небеса, не являлся Господь Саваоѣ, и въ таинствѣ вѣры не слышно было имя Трисвятаго. Но когда Озія умеръ, то все,—что покажетъ слѣдующая рѣчь,—явилось въ открытомъ свѣтѣ. Нѣчто подобное пишется и въ Исходѣ (гл. 2); пока жилъ Фараонъ, народъ израильскій, угнетенный глиняными, кирпичными и полевыми работами, не вздыхалъ къ Господу; пока онъ царствовалъ, никто не искалъ Бога отцовъ, Авраама, Исаака и Іакова. Но когда онъ умеръ, воздохнули сыны Израіля, какъ говоритъ Писаніе, *и взыде вопль ихъ къ Господу* (Исх. 2. 23): хотя сообразно съ историческими обстоятельствами, израильтяне должны были тогда болѣе радоваться, а прежде, пока Фараонъ жилъ, вздыхать. Также и во дни пророчества Іезекілева умеръ Фалтія, сынъ Вапеевъ, и по смерти этого негоднаго старѣйшины, *надохъ*, говоритъ, пророкъ *мицъ, и возопихъ гласомъ великимъ, глаголя: горе мнѣ, лють мнѣ, Адонаи Господи, на скончаніе ли твориши ты останки Израилевы?* (Іез. 11. 13). Слѣдовательно, если ты будешь разумѣть въ лицѣ Озіи, Фараона, Фалтіи и другихъ подобныхъ враждебныя силы,—то поймешь, отчего, при жизни ихъ, никто изъ насъ не имѣетъ видѣній, не воздыхаетъ, не сокрушается въ покаяніи. *Да не царствуетъ*, говоритъ Апостоль (Рим. 1. 6, 12) *чръхъ въ мертвеннѣмъ нашемъ тѣлѣ*. Пока царствуетъ грѣхъ, мы сооружаемъ города для египтянъ; живемъ въ пыли и грязи, вмѣсто хлѣба ищемъ мякнны, вмѣсто твердаго камня—плиноудѣланія.

Далѣе: *видѣхъ Господа, сядяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ*. Видѣлъ и Даніилъ Господа, (Дан. 7), только не сидящимъ на престолѣ высокомъ и превознесенномъ. И въ другомъ мѣстѣ, божественный голосъ обѣщаетъ, говоря: *прииду, и сяду, и буду судить народъ въ долині Іосафатовой*,—что

изъясняется—*судъ Господень* (Иоил. 3, 12). Кто грѣшникъ и подобенъ мнѣ, тотъ видитъ Господа, сидящаго въ долину Иосафатовой; не на холмѣ, не на горѣ, но въ долину, и въ долину суда. А кто праведенъ, и подобенъ Исаи, тотъ видитъ его сидящимъ на высококомъ и превознесенномъ престолѣ. Можно предложить и другое объясненіе: когда я мысленно созерцаю Господа царствующимъ надъ Престолами, Господствами, Ангелами, и другими силами, я вижу престолъ Его высокимъ; но когда воображаю, какъ Онъ управляетъ родомъ человѣческимъ и для нашего спасенія, по многократному выраженію Писанія, нисходитъ до земли, я вижу престолъ Его не высокимъ и особенно близкимъ къ землѣ.

Далѣе: *Видѣхъ Господа, сидяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и исполнѣ домѣ славы Его, и Серафимы стояху окрестъ его* (LXX). Нѣкоторые, до меня изъяснявшіе это мѣсто, какъ греки, такъ и латиняне, подъ Господомъ, сидящимъ на престолѣ разумѣли Бога Отца, а подъ двумя Серафимами, которые представлены стоящими съ той и другой стороны,—Господа нашего, Иисуса Христа и Святаго Духа. Хотя эти толкователи и отличаются замѣчательною ученостію, но я несогласенъ съ ихъ мнѣніемъ. Гораздо лучше объяснять попросту, но истинно, чѣмъ краснорѣчиво, но ложно особенно, когда Евангелистъ Іоаннъ пишетъ, что въ этомъ видѣніи являлся не Богъ Отецъ, но Христосъ. Ибо, говоря о невѣрціи Іудеевъ. Евангелистъ тотчасъ объясняетъ причины невѣрія такъ: и потому не могли вѣровать въ него, что, какъ сказалъ Исаія слухомъ услышите, и не уразумѣете: и видя будете смотрѣть, и не увидите. А это сказалъ, когда видѣлъ славу Единороднаго и свидѣтельствовалъ о немъ (Ис. 6. 9, 10; Іоан. 12. 40 41 ¹⁾)

¹⁾ Блаж. Іеронимъ, какъ видно, приводилъ текстъ изъ Ев. Іоанна по памяти и потому не совсѣмъ точно.

Слѣдовательно, въ настоящемъ мѣстѣ, сказать: *слухомъ услышите, и не уразумѣете*, повелѣваетъ Исаи тотъ, кто сидитъ на престоли. А повелѣвающій это, какъ разумѣетъ Евангелистъ, есть Христосъ: отсюда теперь понятно, что нельзя разумѣть серафима Христомъ, когда Христосъ есть самъ сидящій. Хотя въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ противъ спорящихъ между собою Иудеевъ, Павелъ и говорить: *«добръ Духъ Святыи глагола Исаиемъ Пророкомъ ко отцемъ нашимъ, глаголя: Иди къ людямъ симъ, и рцы: слухомъ услышите, и не имате разумѣти: и зряще узрите, и не имате видѣти. Одебель бо сердце людей сихъ, и ушима тяжко слышаша, и очи свои смежиша: да не како увидятъ очима и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ и обратятся ко Мнѣ, и исцѣлю ихъ»*. (Дѣян. 28. 25, и слѣд); однакоже различіе лица не поставляетъ меня въ недоумѣніе, поелику я знаю, что и Христосъ и Духъ Святыи суть одной сущности; и что слова Духа не иныя, какъ и Сына, и что не иначе повелѣваль Сынъ, какъ Духъ.

Далѣе: *и исполнь домъ славы Его*. Домъ Божїи, который вверху, усматривается полнымъ славы; а тотъ, который внизу, не знаю, полонъ ли славы, развѣ можетъ быть по понятію Псалмопѣвца, говорящаго: *Господня земля и исполненіе ея* (Пс. 23, 1). Мы скажемъ также, что на землѣ полны славы тѣ, которые могли бы сказать: *отъ исполненія его мы вси прияхомъ* (Іоан. 1, 16). Этотъ домъ мудрыя жены строятъ, а безумныя разрушаютъ руками (Прит. 14, 1). О немъ говорятъ и Исаїа: *И будетъ въ послѣдніе дни явлена гора дома Господняго на версехъ горъ, и превысится превыше холмовъ* (Ис. 2, 2). Это домъ, о которомъ и въ другомъ мѣстѣ вышеупомянутый Апостоль Павелъ свидѣтельствуетъ священнымъ голосомъ: *И Моисей убо въренъ бы во вѣмъ дому Его, якоже слуга, во свидѣтельство глаголатися имущимъ; Христосъ же якоже сынъ въ дому своемъ, Его же домъ мы есмы, аще на-*

чало сущности Его даже до конца извѣстно удержимъ (Евр. 3, 5. 6). О томъ же домѣ говоритъ Апостолъ Павелъ и къ Тимоѳею: *Ся пишу къ тебѣ, да увиди, како подобаетъ въ дому Божіи жити яже есть церковь* (1 Тим. 3. 14, 15).

Далѣе: *и Серафими стояху окрестъ Его; шесть крылъ единому, и шесть крылъ другому; и двѣма убо покрываху лице, и двѣма покрываху ноги, и двѣма летаху; и взываху другъ ко другу, и глаголаху: Святъ, Святъ, Святъ Господь Богъ Саваоѳъ, исполнь вся земля славы Его.* Мы желаемъ знать, какіе это Серафимы, стоящіе во кругъ Бога, почему шесть крылъ у каждого, а у обоихъ вмѣстѣ—двѣнадцать; какимъ образомъ двумя они закрываютъ лицо и двумя ноги и двумя летаютъ, когда выше говорится, что они стоятъ вокругъ Бога, или какимъ образомъ стоятъ вокругъ, когда ихъ двое и притомъ они летаютъ; что значить то, что они восклицаютъ одинъ къ другому и повторяютъ имя Трисвятаго; какимъ образомъ выше называется домъ полнымъ славы, а теперь—земля (полною славы).

Такъ какъ эти вопросы возбуждаютъ не мало затрудненій и съ перваго взгляда представляются не удоборазрѣшимыми; то помолимся сообща Господу, да будетъ посланъ и мнѣ съ алтаря уголь, чтобы, по истребленіи всякой грѣховной нечистоты, я могъ сначала созерцать тайны Божіи, за тѣмъ возвѣститъ то, что увижу. *Серафимъ*, какъ находимъ въ изъясненіи именъ Евреевъ, значить *жаръ*, или *пламя*, или *происхождение ихъ* (еврейскаго) *языка*. Спрашиваемъ, что значить это пламя? Спаситель говоритъ: *огонь пришелъ я низвестъ на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ возгорѣлся* (Лук. 12. 49). Два ученика, которымъ въ дорогѣ Господь изъяснялъ Писанія, начавъ отъ Моисея и всѣхъ пророковъ, узнавая его, когда открылись имъ очи, сказали другъ другу: *не сердца ли наю, горя бы въ наю, егда глаголаше нама на пути и яко сказо-*

ваше нама писанія (.Луб. 24, 32)? И во Второзаконіи (глав. 4) о самомъ Богѣ пишется, что онъ — огонь пожирающій; и Езекилю (гл. 8) также онъ является огненнымъ съ ногъ до пояса: *и словеса Господни—словеса чистыя, серебро переплавленное, очищенное отъ земли, очищенне седмерицею* (Пс. 17), — и много другое, что собирать изъ всеѣхъ писаній, если бы захотѣлъ, было бы слишкомъ долго. И такъ спрашиваемъ, гдѣ это спасительное пламя? Пѣтъ сомнѣнія, что въ священныѣхъ книгахъ, чрезъ чтеніе которыхъ очищаются всеѣ пороки людскіе. Приступая теперь къ объясненію дальнѣйшаго значенія слова *Серафимъ* и намѣреваясь раскрыть, какъ можетъ относиться къ Писаніямъ *происхожденіе еврейскаго языка*; я опасаюсь, чтобы не показаться не столько изъясняющимъ, сколько паслѣующимъ Писанія.

За начало языка и общей рѣчи, и всякаго слова, которое произносимъ, вся древность признаетъ языкъ еврейскій, на которомъ написаны ветхій завѣтъ. А послѣ, когда при построеніи башни за оскорбленіе Бога произошло смѣшеніе языковъ, различіе рѣчи распространилось на все народы. И такъ, и пламя и начало языка примѣчается въ двухъ завѣтахъ, и не удивительно, что они стоятъ вокругъ Бога, когда самъ Господь чрезъ нихъ познается. *Шестъ крылъ единому, и шесть крылъ другому*. Нашъ Викторинъ разумѣетъ двѣнадцать Апостоловъ. Мы можемъ принять и двѣнадцать камней алтаря, которыхъ не касалось желѣзо, и двѣнадцать драгоценныхъ камней, изъ которыхъ дѣлался знакъ отличія священника (Исх. 28), — о которыхъ говоритъ и Езекиль (гл. 28) и упоминаетъ Апокалипсисъ (гл. 21). Что изъ всего этого истинно — Богъ знаетъ; а что правдоподобно изложимъ впоследствии.

Далѣе: и двѣма убо покрываху лице, и двѣма покры-

ваху ноги, и двѣма лѣтаху. Закрывали не свое лицо, а Божіе ¹⁾. Ибо кто можетъ знать Его начало, которое, прежде чѣмъ основалъ Онъ этотъ міръ, было въ вѣчности вещей, когда Онъ сотворилъ Престола, Господства. Власти, Ангеловъ и все небесное чиновначіе? Далѣе: *И двѣма покрываху ноги*, не свои, но Божіи. ²⁾ Поелику, кто можетъ знать Его послѣдующее? Что будетъ по прошествіи вѣка, что будетъ послѣ суда надъ родомъ человѣческимъ, какая послѣдуетъ жизнь? Опять, будетъ ли иная земля, и опять иные элементы. послѣ смерти, или будетъ ли сотворенъ иной міръ и солнце? «Возвѣстите мнѣ прежнее и послѣднее, что будетъ, и я скажу, что вы—боги», говоритъ Исаія (гл. 41, ст. 23), означая, что никто не можетъ высказать бывшаго до міра, и будущаго послѣ міра. Мы знаемъ только среднее, что открывається намъ чрезъ чтеніе Писаній, когда сотворенъ міръ, когда образованъ человѣкъ, когда былъ потопъ, когда данъ законъ; что отъ одного человѣка наполнились всѣ земныя пространства, и что въ послѣднее время Сынъ Божій принялъ плоть для нашего спасенія. А прочее, о чемъ сказали, то два серафима закрываютъ въ лицѣ и ногахъ. *И зываху другъ къ другу.* Прекрасно поставлено: *другъ ко другу.*

Ибо, что читаемъ въ ветхомъ завѣтѣ, то самое находимъ и въ Евангеліи: и что будетъ прочитано въ Евангеліи, то выводится изъ свидѣтельства ветхаго завѣта: ничего въ нихъ нѣтъ несогласнаго, ничего различнаго. *И глаголаху: Святъ, Святъ, Святъ Господь Богъ Саваоѡвъ.* Въ обонхъ завѣтахъ говорится о Троицѣ. А что и Спаситель нашъ называется Саваооомъ, примѣръ того ты найдешь въ двадцать третьемъ псалмѣ. Силы, служащія Господу, восклицаютъ къ другимъ небеснымъ силамъ, чтобы онѣ отворили врата возвращающемуся Господу:

¹⁾ У LXX. лице свое.

²⁾ У LXX: ноги своя.

возьмите врата, князи, ваша, или какъ толкуеть Аввила, «поднимите врата верхи ваши», и увидеть царь славы. Тѣ съ своей стороны видятъ его, облеченнаго плотію, и изумленныя новымъ таинствомъ, спрашиваютъ: Кто есть сей царь славы (Пс. 23. 9)? и получаютъ отвѣтъ: «Господь силъ сей есть царь славы», что по еврейски пишется, «Господь Саваоохъ». Должно знать, что гдѣ Семдесятъ толковниковъ выражаются: Господь силъ, и Господь всемогущій,—по еврейски поставлено: «Господь Саваоохъ», по переводу Аввилы, «Господь воинствъ». И самое слово Господь состоитъ здѣсь изъ четырехъ буквъ, т. е. изъ двухъ іа, — поелику собственно въ Богѣ поставляется іод ге, іод ге,—которыя, бывъ повторены, и даютъ это неизглаголанное и славнѣйшее имя Божіе ¹⁾. «Исполнь вся земля славы Ею». А это Серафимы говорятъ о пришествіи Господа Спасителя, какъ его проповѣдь распространится по всей землѣ, и голосъ апостоловъ проникнетъ до предѣловъ міра.

Далѣе: *«и взяхи наддверіе отъ гласа, имже вопіяху».* Въ ветхомъ завѣтѣ читаемъ, что Господь всегда говорилъ съ Моисеемъ и Аарономъ при двери Скиніи (Левит. 1 и 4. числ. 10), какъ бы предъ Евангеліемъ, и не вводилъ ихъ во Святая Святыхъ, какъ послѣ введена церковь Божія, по словамъ: *«введе мя царь въ ложницу свою»* (Пѣснь Пѣс. 1. 3). И такъ, когда Господь нашъ сошелъ на землю, это наддверіе, т. е. какъ бы какая нибудь помѣха желающимъ войти, поднялось: и весь этотъ міръ наполнился дымомъ, т. е. славою Божіей. Гдѣ по латыни читаемъ *elevatum*, тамъ по гречески стоитъ *επαρσην* (*sublatum*). По поелику это послѣднее слово (*sublatum*)

¹⁾ Относительно этого мѣста всѣ комментаторы Геронима поставлены въ затрудненіе.

по своей обоюдности можетъ быть истолковано и такъ и иначе, то наши перевели *elevatum* (вознесено) въ смыслѣ *ablatum* (взято прочь). «*И домъ напоиися дыма*». Богъ, какъ сказали мы выше, есть огонь: когда онъ сходилъ къ Моисею на гору Синай, при шестви Егю являлись бѣгущіе свѣтильники и вся гора полною дыма. Посему въ псалмахъ говорится: *прикасайся горамъ, и дымятся* (Псал. 103, 32). Итакъ, какъ мы не можемъ понять самой сущности сего огня, т. е. Божества, то отъ него и распространяется на весь міръ нѣкоторый легчайшій, и (такъ сказать) тончайшій элементъ дыма, воспріемля который, мы говоримъ: «*отчасти разумываемъ и отчасти пророчествуемъ*» (1 Корин. 13. 9). И: «*видимъ нынѣ яко зеркаломъ въ гаданіи*» (Тамже ст. 12).

И Серафимы *стояху окрестъ; шесть крылъ единому и и шесть крылъ друтому*. Одинъ изъ грековъ, весьма свѣдущій въ Писаніяхъ ¹⁾, изъясняетъ, что Серафимы суть какія-то силы на небесахъ, которыя славятъ Бога, предстоя предъ его престоломъ, и посылаются на различныя служенія, особенно къ тѣмъ, которые нуждаются во очищеніи и заслуживаютъ быть оправданными посредствомъ какихъ нибудь наказаній за прежніе грѣхи. А что, говоритъ, поднялось наддверіе, это—указаніе на разрушеніе Іудейскаго храма, и сожженіе всего Іерусалима, который видимъ нынѣ разрушеннымъ. Но нѣкоторые, согласные относительно перваго, несогласны относительно послѣдняго. Ибо гласятъ, что наддверіе поднялось въ то время, когда раздрался занавѣсъ во храмѣ, и весь домъ израильскій потемнѣлъ быть облакомъ заблужденія, когда, по сказанію Іосифа, священники услышали изъ Святаго Святыхъ во храмѣ голосъ небесныхъ силъ: *выйдемъ изъ этого мѣста*.

Есть одинъ мужъ, у котораго, я радуюсь, что многому научился, и который до того изучилъ языкъ евреевъ, что между

¹⁾ Быть можетъ: св. Григорій Назіанзинъ.

писателями ихъ почитался халдеемъ. Онъ пошелъ далеко инымъ путемъ; ибо говоритъ, что никто изъ пророковъ, кромѣ Исаи, не видѣлъ Серафимовъ, стоящихъ вокругъ Бога, и что даже самые Серафимы не упоминаются ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Писанія. Отсюда онъ предполагаетъ указаніе на разрушеніе и плѣненіе Иерусалима, случившіяся при Павуходносорѣ. Такъ какъ отъ Озіи, при которомъ началъ (Исаія) пророчествовать, и до Седекіи, который царствовалъ послѣднимъ, и который слѣпымъ отведенъ въ Вавилонъ, было одиннадцать царей, а Годолія двѣнадцатый, котораго поставилъ надъ страню царь Вавилонскій, и котораго среди пира умертвилъ Исмаилъ, сынъ Наѳаніи, губитель послѣдняго въ огчествѣ (4 цар. 25; и 2 Парал. гл. послѣд.; и Іер. 41); то это и есть тѣ двѣнадцать брыль, изъ которыхъ четыремя (Серафимы) закрываютъ лицо *свое*, какъ находимъ въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, четыремя ле-
таютъ, а четыремя закрываютъ ноги. Поелику изъ этихъ двѣ-
надцати царей только четыре было праведныхъ: Озія, Иоаѳамъ,
Езекія и Іосія, то они, величественные во всѣхъ плѣненіяхъ,
и дерзаютъ славословить Бога: *Святъ, Святъ, Святъ Господь
Богъ Саваоѳъ*. А остальные, по причинѣ грѣховъ своихъ, за-
крываютъ лице; нѣкоторые же, отведенные въ плѣнъ, закрыва-
ютъ ступни ногъ. А подъ наддверіемъ поднятымъ и домомъ
полнымъ дыма, онъ разумѣетъ, какъ сказали мы выше, разо-
рушеніе Иерусалима и сожженіе храма.

Такъ какъ я началъ уже разъ приводить его мнѣніе, то коснемся еще и того, что мною не тронуту. Онъ утверждаетъ, что щипцы, которыми взять съ алтаря уголь, и очищены уста, *означаютъ* страданія самого Исаи, которыя онъ претерпѣлъ при царѣ Манассѣи, и тогда подлинно чистыми устами сказалъ къ Господу: *Се азъ есмь, послѣ мя, и рекохъ: о окаянный азъ, яко умилехся* (по LXX)! Пока живетъ Озія, ты не понимаешь, Исаія, что ты несчастенъ, не сокрушаешься, не трогаешься:

но когда онъ умеръ, тогда ты замѣчаешь, что имѣешь нечистыя уста, тогда узнаешь, что ты недостойнъ видѣть Бога. О если бы сокрушаться и мнѣ, и по сокрушеніи сдѣлаться достойнымъ видѣть Бога, поелику и я человекъ, и имѣю нечистыя уста, и живу среди народа, также имѣющаго нечистыя уста. Исаія, какъ праведный, грѣшилъ только рѣчью: поэтому имѣлъ только уста нечистыя, а не сознаніе. А я, поелику и глазами смотрю для страстнаго желанія, и руками и ногами выдаю въ соблазнъ, и грѣшу всеми членами, — и имѣю все нечестое: и разъ крещенный духомъ, я вновь замарать тунику, и нуждаюсь въ очищеніи другимъ крещеніемъ, то есть—огнемъ (Матѳ. 3. 11).

Нѣтъ, вѣдь думаютъ нѣкоторые, въ Писаніяхъ словъ простыхъ, (*simplicia* т. е. имѣющихъ только буквальный смыслъ) есть въ нихъ много сокровеннаго. Одно означаетъ буква, другое—смыслъ таинственный. Вотъ, напр. въ Евангеліи, Господь опоясывается полотенцемъ, приготовляетъ тазъ, чтобы умыть ученикамъ ноги, отправляетъ обязанность слуги (Іоан. 13): положимъ, что онъ научаетъ смиренію, чтобы мы служили взаимно другъ другу; не отрицаю, не возражаю. Что же значить, что на возраженіе Петра онъ сказалъ: *еще не умыю твоихъ ногъ, не имаша части со мною?* А тотъ отвѣчалъ: *Господи, не нозъ мои токмо но и руки, и главу* (тамже ст. 8. 9), Значить, намѣреваясь взойти на небо, Господь (поелику Апостолы, какъ люди, приверженные къ землѣ, доселѣ имѣли ноги, замаранная въ пыли грѣховъ) хочетъ освободить ихъ отъ прегрѣшеній совершенно, чтобы къ нимъ могло быть примѣнено пророческое слово: *коль красны ноги благовѣствующихъ миръ* (Ис. 52. 7); и чтобы они имѣли силу подражать словамъ церкви, говорящей: *умыхъ нозъ мои; како оскверню ихъ* (Пѣсн. Пѣс. 5, 3)? Такъ что, если даже впоследствии, по воскресеніи (Христовомъ), пристанетъ къ нимъ какая нибудь пыль, они должны отрясти

ее на нечестивый городъ во свидѣтельство подвига, по которому они до такой степени простерли свою ревность ко спасенію всѣхъ, что становясь для іудеевъ іудеями, для язычниковъ язычниками, запытали даже нѣкоторымъ образомъ стопы свои. И такъ возвратимся къ предмету нашего разсужденія: какъ Апостолы нуждались въ очищеніи ногъ; такъ Исаія, грѣшившій только рѣчью, имѣлъ нечистыя уста; и, какъ я думаю, потому имѣлъ нечистыя уста, что не уротилъ Озіи, устремившагося во храмъ и по примѣру Пліи свободнымъ голосомъ не назвалъ его нечестивымъ. *Посреди людей, нечистыя устныи имущихъ азъ живу.* Исаія, который сокрушался и исповѣдалъ себя негоднымъ, дѣлается достойнымъ очищенія; а народъ, не только не раскаявающійся, но и не знающій, что имѣетъ уста нечистыя, не заслуживаетъ очистительнаго врачевства. И такъ, по этому примѣру, должно заботиться, чтобы не только самимъ быть праведными, но и не жить съ грѣшниками, потому что и это пророкъ считаетъ грѣхомъ и окаянствомъ.

Далѣе: *и царя Господа Саваога видѣхъ.* Іудеи говорятъ, что Исаія умерщвленъ своими старѣйшинами за то, что пишетъ, будто видѣлъ тѣлесными глазами Господа Саваога, тогда какъ Моисей видѣлъ задняя Божія, и самъ Богъ относительно этого говоритъ: «никто не увидитъ лица Моего, и останется живъ» (Исх. 33. 20)». Если мы спросимъ ихъ, какъ это Богъ говоритъ въ Законѣ, что онъ являлся другимъ пророкамъ во снѣ и видѣніи, а съ Моисеемъ говорилъ лицомъ къ лицу; и на сколько тверда та мысль, что *никто не увидитъ лица моего, и останется живъ*, когда Богъ Самъ говоритъ, что лицомъ къ лицу бесѣдовалъ съ Моисеемъ: то они отвѣтятъ непременно, что по мѣрѣ человѣческой пріемлемости Богъ былъ видимъ, не какъ есть, но какъ хотѣлъ явить себя. А мы имъ говоримъ, что такимъ же образомъ видѣлъ и Исаія; сущность въ томъ, видѣлъ ли Моисей Бога, или не видѣлъ. Если видѣлъ,

значить видѣль и Исаія, который, говоря, что видѣль, умерщвленъ вами печестиво, поелику Богъ можетъ быть видимъ. Еслижъ не видѣль, то умертвите съ Исаією и Моисея, поелику сей послѣдній виновенъ въ такомъ же обманѣ, говоря, что видѣль того, котораго нельзя видѣть. Какую бы они ни имѣли мысль, при изъясненіи этого мѣста, относительно Моисея, мы примѣнимъ ее къ видѣнію Исаіи.

Далѣе: *и посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ Серафимовъ, и въ руцѣ своей имяше уль горяцъ, его же клещами взятъ отъ алтара: и прикоснулся устномъ моимъ, и рече: се прикоснулся сіе устамъ твоимъ, и отъиметь беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ.* Если ты сообразно съ вышесчисленными толкованіями хочешь разумѣть подъ Серафимами или два завѣта, или нѣкоторыя служебныя силы на небесахъ, или какой-то видъ грядущаго событія, предъизображенный въ указаніе будущаго плѣна; то и объясняй настоящее мѣсто согласно съ разъ принятымъ тобою толкованіемъ слова: *серафимъ*. Поелику же мы слѣдуемъ первому толкованію, то утверждаемъ, что къ пророку посланъ былъ завѣтъ евангельскій, который, заключая въ себѣ и тѣ и другія повелѣнія, т. е. и свои и ветхаго завѣта, объемлетъ огненную рѣчь Божію двойнымъ остриемъ заповѣдей,— и прикоснувшись къ устамъ, истинною чистоты своей изгоняетъ всякое невѣденіе, въ которомъ между прочимъ по нашему изъясненію состояла нечистота устъ. Эти щипцы Іаковъ видѣлъ въ лѣствицѣ (Быт. 28); это— мечъ обоюду острый; это двѣ ланги, которыя бѣдная вдова посылаетъ въ даръ Богу (Марк. 12); это статиръ, заключающій два динарія найденный во рту рыбы, и отданный за Господа и за Петра (Матѣ. 17). Взятый этими двойными щипцами, которые держатся силою единства, уголь посылается къ пророку, и мы узнаемъ, что онъ отданъ пророку, въ стодевятадцатомъ псалмѣ, когда пророкъ просилъ Бога, говоря: «Господи, освободи душу

мою отъ нечестивыхъ устъ и лстиваго языка», и на вопросъ Духа Святаго: «что же дать тебѣ, или что предложить тебѣ противъ лстиваго языка?», сказала: «острыя стрѣлы сильнаго, съ опустошительными углями» (Псал. 119. 2 и слѣд.). Потому что опустошительный уголь, дѣлающій языкъ чистымъ отъ грѣха, есть поистинѣ божественное слово, о которомъ и у Исаи говорится: «*имаши углие огненное, будешь сидѣть на нихъ, сіи будутъ тебѣ помощь* (Исаи 47. 14 по LXX)».

Далѣе: *и слышахъ гласъ Господа, глаголюща: кого пошлю, и кто пойдетъ къ людямъ симъ? И рекохъ: се азъ есмь, посланъ я. И рече: иди и рцы людямъ симъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете.* Кого должно послать, и кто пойдетъ къ народу, — это слова не повелѣвающаго, а вопрошающаго Господа, которому пророкъ охотно отвѣчаетъ: *вотъ я, пошли меня*, и послѣ этого обѣщанія получаетъ повелѣніе сказать: *иди, и скажи этому народу: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и видя будете смотрѣть, и не увидите*; и прочее, что содержитъ текстъ самаго пророчества. Я слышалъ объ этомъ мѣстѣ отъ своего Еврея не мало сужденій, изъ которыхъ изложу немного, чтобы ты могъ понять образъ мыслей *этого* человѣка. Изслѣдуемъ, говорилъ онъ, относительно Моисея и Исаи, кто поступилъ лучше. Моисей ли, который, когда Богъ посылалъ его къ народу, сказала: «умоляю, Господи, я не достоинъ»; и потомъ, «избери другаго, кого бы послать (Исх. 4. 13)»; или Исаія, который, когда его не избирали, самъ предложилъ себя, говоря: «вотъ я, пошли меня». Я знаю, говорилъ Еврей, что опасно разсуждать о заслугахъ Святыхъ, и пытаться измѣрять сравнительное достоинство тѣхъ, кого увѣнчалъ Господь; но поелнью Самъ Онъ сказалъ: *ищите, и обрящете, толцыте, и отвержется вамъ* (Матѣ. 7 и Лук. 11); то мы даже обязаны изслѣдовать го, на счетъ чего можетъ возникнуть вопросъ, не съ тѣмъ. чтобы унижить кого нибудь.

но чтобы, зная смыслъ писанія, направлять себя по его примѣрамъ. Защитникъ Моисей, продолжалъ Еврей, указываетъ на его смиреніе и кротость, вслѣдствіе которыхъ, онъ считая себя недостойнымъ служить Богу, чрезъ то самое сдѣлался болѣе великимъ: а Исаія, который самъ вызвался пророчествовать, при самомъ началѣ своего служенія сталъ изрекать поношенія: «слухомъ услышите, и не уразумѣете и видя будете смотрѣть и не увидите и пр.» Претерпѣвъ за это въ послѣдствіи много бѣдствій, и вѣмъ народомъ сочтенный за безумца, когда божественный голосъ, вновь сказалъ ему: *возлаци*,—онъ, помня, что ему пришлось вытерпѣть за прежнюю готовность пророчествовать, уже не говоритъ: «вотъ я, пошли меня»; но спрашивать, что это такое, что онъ долженъ возгласить, и говорить: *что возлашу* (Ис. 40, 6)? Нѣчто подобное читаемъ у Іереміи: *возьми чашу вина неразтвореннаго отъ руки моея, да напоиши вся языки, къ нимже азъ пошлю тя, и испіють, и изблюютъ, и обуютъ* и попадаютъ *отъ лица меча, егоже азъ пошлю средь ихъ* (Іер. 25, 15. 16). Когда услышалъ это пророкъ, не отказался; не сказалъ по примѣру Моисея: «умоляю, Господи,—я недостойнъ,—избери другаго, кого бы послать (Исх. 4. 13)»; но любитель своего народа, и думая, что отъ пята чаша умертвятся и погибнуть враждебные народы, охотно беретъ чашу вина, не понимая, что въ числѣ всѣхъ народовъ заключается и Іерусалимъ. Наконецъ, *взяхъ, говоритъ, чашу отъ руки Господа, и напоихъ вси языки, къ нимже посла мя Господь, и между другими племенами, Іерусалимъ, и грады Іудины, и царей его и князи его, яко положити я во опустыніе и въ непрохождение и въ звизданіе* (Іерем. 25. 17. 18). Послушай же что говоритъ въ другомъ мѣстѣ вслѣдъ за этимъ пророчествомъ, (хотя въ большей части кодексовъ Библии порядокъ извращенъ): *прельстихъ мя еси Господи, и прельщенъ есмь: ты удержалъ меня и превозмогъ;*

въ посмѣхъ быхъ весь день; вси ругаются мнѣ (Иерем. 20. 7). Напротивъ того, защитникъ Исаи (продолжать Еврей) указываетъ на то, что пророкъ, полагаясь не столько на свое достоинство, сколько на милосердіе Божіе, послѣ того, какъ услышалъ отъ серафима: *вотъ я пригоспудя симъ къ устамъ твоимъ, и отниметъ беззаконія твои, и грѣхи твои очиститъ* не захотѣлъ влачиться въ праздности, но охотно предложилъ себя, какъ свободнаго отъ грѣховъ, на служеніе Богу изъ ревности къ вѣрѣ. А Моисей, такъ какъ учился свѣтскимъ наукамъ, и такъ какъ послѣ умерщвленія египтянина, сознаніе его было нѣкоторымъ образомъ нечисто, почему былъ къ нему изъ купины и голосъ, говорящій: *не приближайся сѣмо; иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ, мѣсто бо, на немже стоиши, земля свята есть* (Исх. 3, 5); и такъ какъ онъ зналъ, что ему предстоитъ споръ съ волхвами и съ злѣйшимъ царемъ Фараономъ; то и извинялся, говоря: «умоляю, Господи, я недостойнъ»; вмѣсто чего по еврейски читается: *имѣю не обрѣзанныя уста*; тогда какъ семьдесятъ толковниковъ переводятъ соображаясь болѣе со смысломъ (*рѣчи*), чѣмъ отъ слова до слова. Изъ этого ясно можно понять, что Исаія по обрѣзаніи устъ справедливо предложилъ себя на служеніе Богу, а Моисей, такъ какъ дотолѣ уста его были необрѣзаны, отказывался отъ столь великаго служенія.

Слухомъ услышите, и не уразумѣете: и видяще узрите, и не увидите. Все это мѣсто, какъ говоритъ Спаситель въ Евангеліи, относится къ тому времени, когда онъ Самъ благоволилъ сойти на землю, и совершалъ знаменія неразумнымъ Іудеямъ. Но послѣ до конца главы идетъ разнообразное толкованіе, а нѣкоторую часть главы мы уже изъяснили; то довольно и того, что сказано доселѣ. Рѣчь, не отдѣланная нашимъ собственнымъ стилемъ и необработанная сама по себѣ, становится еще несноснѣе, если она усугубляетъ скуку своею

длиннотою. Утрудивъ глаза, позаботимся по крайней мѣрѣ о языкѣ и ушахъ ¹⁾).

Семдесятъ: *и посланъ бысть ко мнѣ одинъ отъ серафимовъ*; Аквила и Θεодотіонъ: *и прилетѣлъ ко мнѣ одинъ* (ипш) *изъ серафимовъ*; Симмахъ: *и прилетѣлъ ко мнѣ одинъ* (ипш) *изъ серафимовъ*. Каждодневно посылается къ намъ серафимъ, каждодневно очищаются уста воздыхающихъ и говорящихъ: *о, окаянный азъ, яко-умилихся*, и когда освобождаются они отъ грѣховъ, приготовляются на служеніе Богу. А что иные толкователи вмѣсто: *посланъ*, говорятъ: *прилетѣлъ*, то разумѣй быстрый приходъ божественнаго слова къ тѣмъ, которые считаются достойными общенія съ нимъ. Есть еще различіе въ родѣ. Семдесятъ, Аквила и Θεодотіонъ переводятъ слово серафимъ среднимъ родомъ; а Симмахъ—мужескимъ.

Не должно думать, что есть поль у Силь Божіихъ; потому что даже самъ Духъ Святой по свойствамъ языка на еврейскомъ ставится въ женскомъ родѣ: *Руа*, на греческомъ въ среднемъ τὸ πνεῦμα; на латинскомъ въ мужескомъ: *spiritus*. Изъ чего должно понять, что когда относительно серафимовъ поставляется мужеское или женское окончаніе, то этимъ означается не поль, а звуковая особенность языка. Только самъ Богъ невидимый и неизмѣнный почти во всѣхъ языкахъ выражается мужескимъ родомъ, поелику поль не свойственъ ему.—Также, какъ бы ни была невинна, однако должна быть осуждена ошибка тѣхъ, которые въ своихъ моленіяхъ и прошеніяхъ держаютъ говорить: сидящій на херувимахъ и серафимахъ. Ибо, что Богъ сидитъ на херувимахъ,—это написано; какъ, *напр..*

¹⁾ Тоесъ: пожалѣемъ читателя и слушателей. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Геровима объясненіе 6-й гл. Исаіи въ настоящемъ письмѣ къ Панѣ Дамасу тѣтъ и заканчивается; въ другихъ сюда же присоединяется слѣдующее объясненіе 6—9 ст

сидяи на херувимъхъ, явися (Псал. 79, 2). Но что Богъ сидитъ на серафимахъ, этого во всемъ Писаніи не упоминается и даде самыхъ серафимовъ, стоящихъ вокругъ Бога, мы не находимъ во всемъ священномъ Писаніи, исключая настоящее мѣсто.

Семдесятъ: и въ руцѣ своей имяше уголь горящъ, егоже клещами взявъ отъ алтаря; и прикоснуся устнамъ моимъ. Аввила и Θεодотіонъ: *и въ рукъ его въ щипцахъ камушекъ, который онъ взявъ съ алтаря и прикоснулся къ устамъ моимъ;* Симмахъ: *и въ рукъ его въ щипцахъ камушекъ, который онъ снялъ съ алтаря и поднесъ къ устамъ моимъ.* Если объяснять примѣнительно къ исторіи, то Богъ является сидящимъ въ іерусалимскомъ храмѣ, и съ алтаря передъ Нимъ относится, по семидесяти, къ Исаи уголь,—съ алтаря пламенѣвшаго, или алтаря всесоженій.—Если же объяснять примѣнительно къ таинственному значенію, то посылается онопъ, котораго не могъ сносить Іеремія,—который, когда проникаетъ въ тайники души нашей, такъ превращаетъ насъ, такъ претворяетъ изъ ветхаго человѣка въ новаго, что мы можемъ воскликнуть такими словами: «уже не я живу, но благодать Божія, которая во мнѣ (Галат. 2. 20). Также и подъ щипцами, хотя по нѣкоторымъ толкователямъ они всегда были въ числѣ священническихъ принадлежностей, мы должны разумѣть различныя силы, которыми многократно и многообразно древле Богъ говорилъ съ отцами нашими чрезъ пророковъ. Поелігу на еврейскомъ вмѣсто: *уголь*, (саи во) читается: *камушекъ* (calculus); то мнѣ кажется, съ чѣмъ согласны и другіе, что названіемъ камушка означается божественное слово. Ибо какъ этотъ камушекъ (calculus) есть родъ самаго твердаго, круглаго, и при всей чистотѣ блестящаго камня; то слово Божіе, которое не можетъ пасть чрезъ противорѣчія еретиковъ и всѣхъ противниковъ, и называется камушекъ. Этимъ камушкомъ Сепфора обрѣзала сына; Иисусъ очищаетъ народъ

отъ пороковъ, и въ Апокалипсисѣ Господь обѣщаетъ побѣждающимъ, что они получаютъ камушекъ, и на немъ напишется новое имя. Мнѣ кажется, что и семьдесятъ подѣ тѣмъ, что они перевели: *ἄσπερξ*, разумѣли тоже, что и другіе. Поелику *ἄσπερξ*, который мы изъясняемъ: *carbunculus* (драгоценный камень, карбункулъ) есть родъ блестящаго, сіяющаго камня, который мы находимъ въ числѣ двѣнадцати камней. Итакъ, примемъ ли мы за камень *calculus*, или *carbunculus*, первымъ будетъ указана истина и твердость божественнаго слова, вторымъ—сіяющее ученіе и заповѣди. «Ибо слова Господни—слова чистыя, серебро огнемъ очищенное отъ земли, очищенное семь разъ (Псал. 11. 7)». И въ другомъ мѣстѣ: «заповѣдь Господня—свѣтлая, просвѣщающая очи (Псал. 18. 10)». А что говорить: *имѣлъ уголь въ рукѣ*, то будемъ понимать значеніе рукъ также, какъ въ другомъ мѣстѣ: *смерть и животъ въ руку языка* (Притч. 18, 21) и въ Псалмѣ: *предадятся въ руки оружія* (Пс. 62. 11); или и дѣйствительно являлась рука, чтобы, по причинѣ сходства съ человѣческимъ образомъ, когда будетъ видна рука подающаго, пророкъ не утратился: почему видимъ, что и Самъ Богъ, и ангелы преобразуются въ человѣческія формы, чтобы отогнать страхъ у видящихъ.

Семьдесятъ: *и рече: се прикоснуся сіе устамъ твоимъ, и отыметъ беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ*. Аввила: *вотъ прикоснулось это къ устамъ твоимъ, и отступитъ твое беззаконіе, и за грѣхъ твой будетъ умилоствленіе*. Другіе толкователи соглашаются съ словами Аввилы. Сперва необходимо, чтобы было прикосновеніе къ устамъ нашимъ; потомъ, когда будетъ прикосновеніе, чтобы прогнано было беззаконіе; и когда прогнано будетъ беззаконіе, чтобы умилоствился Господь: поелику у Него умилоствленіе: и по Апостолу: *Онъ есть умилоствленіе за грѣхи наши*. А по очищеніи нашемъ

отъ грѣховъ, мы услышимъ голосъ Господа, говорящаго: *кого пошлю? И отвѣтимъ: вотъ я, пошли меня.*

Семдесятъ: *и слышахъ гласъ Господа, глаголюща: кого пошлю, и кто пойдетъ къ людямъ симъ?* Аввила, Осодотіонъ и Симмахъ: *и услышалъ голосъ Господа, говорящаго: кого бы послать? И кто пойдетъ для насъ?* Относительно сравненія Исаи съ Моисеемъ, какъ одинъ отказывался отъ служенія, а другой охотно вызвался, и претерпѣлъ за то въ послѣдствіи мученія, мы разсуждали въ другомъ мѣстѣ. Но дабы не показаться уклоняющимися отъ того, что Иудеи называютъ *δευτερωσις* и въ чемъ поставляютъ они все знаніе,—коснемся кратко того, почему на еврейскомъ поставлено: *и кто пойдетъ для насъ?* Подобно тому, какъ въ книгѣ Бытія говорится: *сотворимъ чело-вѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. 1. 26),—я думаю, сказано и здѣсь: *и кто пойдетъ для насъ?* Для насъ, кого другаго должно разумѣть подъ этимъ, какъ не Отца и Сына и Святаго Духа, для которыхъ идетъ всякій, кто слѣдуетъ ихъ волѣ? Въ томъ, что одно лице представляется говорящимъ, заключается единство Божества; а въ томъ, что говорится: *для насъ*, указывается различіе лицъ.—Въ Пѣсняхъ пѣсней мы читаемъ слова жениха, говорящаго невѣстѣ: «встань, я пришелъ, «родная моя, красавица моя (ин. невѣста), голубка моя: потому «что прошла ужъ зима, дожди прошли съ нею (Пѣс. Пѣс. 5. 2)*. Ибо когда душа чувствуетъ спокойствіе въ размышленіи, когда основана она на камнѣ, и вѣра ея утверждена на глубокомъ корнѣ: то всѣ потоки искушеній идутъ мимо ея; а не проходятъ они мимо того, кто поддается искушенію (*tentatur*). Должно замѣтить, что на слова Господни: *кого бы послать, и кто пойдетъ для насъ*, пророкъ отвѣчалъ на половину: *вотъ я, пошли меня*, и умолчалъ относительно второй половины вопроса, понимая, что нѣтъ ни одного достойнаго челоуѣка, который бы

пошелъ для Бога, и который бы на всемъ своемъ пути поступалъ сообразно съ достоинствомъ пославшаго. Замѣтивъ это смиреніе, по которому пророкъ считалъ себя недостойнымъ возваться на вторую половину приглашенія. Господь повелѣлъ ему слѣдующее, говоря: *иди*.

Семдесятъ: *и рекохъ: се азъ есмь, посли мя*. Аквила и Θεодотіонъ: *вотъ предстою, пошли меня*; Симмахъ: *вотъ пошли меня*. Богъ, который нарицается не сущая, яко сущая, и который сказалъ: *Я есмь сущій*, и въ другомъ мѣстѣ: *сущій посла мя* (Исх. 3. 14), кого бы ни воззвалъ, тотчасъ заставляетъ возстать: это довольно ясно изъ примѣровъ на живомъ евангелистѣ Матѳѣ и на Лазарѣ уже четыре дня какъ умершемъ: какъ только воззвалъ ихъ Господь, тотчасъ одинъ оставилъ гробъ скупости, другой гробъ смертный (Марк. 2; Лук. 5; Иоан. 11). Послику не существуетъ ничего, что было бы безъ Него: посему пророкъ, очищенный отъ грѣховъ, осмѣлился сказать: *се азъ есмь*: хотя въ латинскихъ кодексахъ, по причинѣ разностей у толкователей, *есмь* и не было поставлено. Нѣкоторые думаютъ, что должно наблюдать, если у какихъ нибудь пророковъ высказывается рѣчь посылающаго или посланнаго, то это и есть то, что по гречески значить апостоль, — и хотятъ установить такое различіе: посылаются равно и пророки и апостолы: но тѣ, у которыхъ нѣтъ рѣчи посылающаго, тѣ только пророки. Я считаю это излишнимъ. Но посліку намъ однажды пришлось трактовать объ этомъ названіи (т. е. апостоль), то должно знать, что товарищъ Павла, Сила, на сврейскомъ языкѣ называется *апостоломъ*, тогда какъ онъ не писалъ никакихъ посланій. *Силуанъ* вмѣсто *Силы* читаютъ неправильно; потому что въ Дѣянїяхъ апостольскихъ Силуанъ не упоминается.

Отдѣлъ второй, содержащій письма, писанныя Иеронимомъ въ теченіе почти трехъ лѣтъ, отъ конца 382 болѣе чѣмъ до половины 385 года.

19. Письмо къ папѣ Дамасу¹⁾: о томъ, что значитъ слово осанна.

Относительно этого слова многіе думали различно; между ними нашъ Гиларій въ изъясненіи Матвея (гл. 21 ст. 9) полагаетъ, что *осанна* на еврейскомъ языкѣ означаетъ *искупленіе дома Давидова*. Но, вопервыхъ, *искупленіе* на еврейскомъ языкѣ—*pheduth*, затѣмъ домъ—*beth*. А что слово: Давидъ въ этомъ мѣстѣ не погавлено,—ясно для всякаго. Другіе думаютъ, что *осанна* значитъ слава. Но *слава* поеврейски называется *shabod*; нѣкоторые—*благодать*: *благодать* поеврейски называется *thoda* или *anna*.

Остается слѣдовательно, оставивъ руки мнѣній, возвратиться къ самому источнику, откуда почерпали евангелисты. Ибо какъ не можемъ мы ни въ греческихъ, ни въ латинскихъ

1) Оно написано въ отвѣтъ на слѣдующее письмо Дамаса къ Иерониму. «Возлюбленному сыну, Иерониму епископъ Дамасъ желаетъ о Господѣ здравія. Когда я читалъ комментаріи, давно и недавно на греческомъ и на латинскомъ языкахъ написанные нашими, т. е. православными мужами для объясненія того, что значитъ: осанна сыну Давидову (Матв. 21. 9): то эти комментаріи представились настолько различными, но даже противорѣчащими между собою. Дяло твоей любви съ святою мыслью написать о томъ, что значитъ осанна у евреевъ. разобрать мнѣнія, отвергнуть двусмысленности своимъ горячимъ, энтузіастическимъ умомъ,—и за этотъ трудъ, равно какъ и за многое другое, да принесутъ тебѣ благодать о Христѣ Иисусѣ попеченія наши».

кодексахъ понять слѣдующихъ мѣстъ: *да сбудется реченное пророки, яко Назорей наречется* (Матѳ. 2. 23), и еще: *отъ Египта возвахъ сына моего* (тамже ст. 15): такъ и теперь по еврейскимъ кодексамъ должно изслѣдовать истинное значеніе слова *осанна*, и рѣшить, отчего этимъ словомъ восклицалъ народъ и особенно согласный хоръ младенцевъ, когда, по сказанію Матѳея: *народи же предходящии ему и вслѣдствующии зваху, глаголюще: осанна сыну Давидову; благословенъ грядый во имя Господне; осанна въ вышнихъ* (Матѳ. 21. 9). Маркъ ставитъ такъ: *Вопіяху, глаголюще: осанна, благословенъ грядый во имя Господне. Благословенно грядущее царство во имя Господа отца нашего Давида; осанна въ вышнихъ* Марк. 11. 9). Іоаннъ выражается тѣми же словами: *и зваху, глаголюще: осанна, благословенъ грядый во имя Господне, царь Израилевъ* (Іоан. 12. 13). Одинъ Лука не ставитъ слова *осанна*, будучи согласенъ въ остальной части рѣчи: *Благословенъ грядый царь во имя Господне, миръ на небеси и слава въ вышнихъ* (Лук. 19. 38). Итакъ, какъ сказали мы, должны быть представлены самыя еврейскія слова и приведено мнѣніе всѣхъ толкователей, чтобы чрезъ разсмотрѣніе всего этого читатель самъ собою легко понялъ, въ чемъ на счетъ этого должно согласиться.

Въ сто семнадцатомъ псалмѣ, гдѣ мы читаемъ: *О Господи спаси же, о Господи, постыши же; благословенъ грядый во имя Господне*, на еврейскомъ читается: *anna Adonai, osianna, anna adonai osianna; baruch abba basem Adonai*. Аквила, Симмахъ, Осодотіонъ и «Пятое Изданіе» (Quinta Edtio) переводятъ это такъ: *ὦ δὴ Κύριε σῶσον δὴ, ὦ δὴ Κύριε εὐδόωσον δὴ, Εὐλοκήμενος ὁ Ἐρχόμενος ἐν ἐνόματι Κυρίου*,—не переводимъ, чтобы на латинскомъ что нибудь не измѣнилось. Только шестое изданіе согласно съ семьюдесятью толковниками; такъ что въ немъ поставлено *ō*, гдѣ другіе поставили *ō δὴ*. По поелику *osianna*, которое

мы по незнацію произносимъ неправильно: *осанна*,—по всеобщему изъясненію значить *спаси*, и выражается словами: *salvum fac*: то теперъ забота о томъ, что значить одно слово *анна*, безъ присоединенія понятія о спасеніи. Должно замѣтить, что въ этомъ мѣстѣ *анна* сказано трижды; въ первомъ и другомъ случаѣ оно пишется одними и тѣми же буквами: *alerh*, *пш*, *he*, а въ третьемъ—*he*, *пш*, *he*. Симмахъ, относительно сто семнадцатаго псалма согласный съ общимъ переводомъ, въ сто четырнадцатомъ псалмѣ, гдѣ говорится: *о Господи, избави душу мою*, чтобы выразить намъ яснѣе мысль, переводитъ такъ: *молю, Господи, избави душу мою*. А гдѣ онъ переводитъ: *молю*, Семдесятъ: *ω*, Аквила и другія изданія ставятъ: *ω δη*,—тамъ на еврейскомъ пишется слово *анна* только имѣющее въ началѣ букву *alerh*, а не *he*. Изъ чего мы замѣчаемъ, что если *анна* пишется съ *alerh*, оно значить: *молю*; а если съ *he*, то оно есть союзъ или междометіе, которое на греческомъ выражается чрезъ *δη*, какъ въ словѣ: *σωσω δη*, и котораго значенія латинскій языкъ не выражаетъ.

Но поелику эги мелочи и непонятность такого разсужденія, за незнаціемъ языка и даже письменъ, наводятъ на читателя скуку, то, для краткости объясненія, я скажу, что означенные стихи взяты изъ стосемнадцатаго псалма, ясно пророчествующаго о Христѣ, весьма часто читаннаго въ іудейскихъ синагогахъ, и посему весьма извѣстнаго народу: такъ какъ обътованный изъ рода Давидова пришелъ спасти Израиля, по словамъ Давида: *Камень, его же не брегоса зиждущимъ, сей бысть во главу угла; отъ Господа бысть сей; и есть дивенъ во очесѣхъ нашихъ. Сей день, его же сотвори Господь: возрадуемся и возвеселимся въ оны. О Господи, спаси же; о Господи, постыши же. Благословенъ грядый во имя Господне, благословихомъ вы изъ дому Господня. Богъ Господь и явися намъ* (псал. 117. 22 и д.). Поэтому-то евангельскія писанія

и упоминаютъ, что когда фарисеи и книжники увидѣли, что народъ признаетъ пророчество псалма исполнившимся на Христѣ, и что дѣти восклицаютъ *осанна сыну Давидову*, то движимые на это пегодованіемъ, сказали Ему: *слышиши ли, что сіи глаголютъ?* И что Иисусъ отвѣчалъ имъ: *нѣсте ли чли николи же, яко изъ устъ младенецъ иссущихъ совершилъ еси хвалу?* (Матѳ. 21, Лук. 19. Іоан. 12) подтверждая его семнадцатый псаломъ свидѣтельствомъ восьмага псалма. Относительно того, что легко могло быть переведено: »благословенъ грядый во имя Господне« писанія всѣхъ евангелистовъ согласны. Чтоже касается слова *osianna*, то поелику не могли перевести его на греческій языкъ,—поставили его поеврейски, именно *osianna*, точно также, какъ, мы видимъ, сдѣлано относительно *Аллилуіа*, *Аминь* и многого другаго. Только Лука, самый свѣдущій изъ всѣхъ евангелистовъ въ греческомъ языкѣ, какъ врачъ, и писавшій евангеліе для грековъ, видя, что не можетъ передать особенности еврейской рѣчи, счелъ за лучшее умолчать, чѣмъ ставить то, что дѣлало бы затрудненіе для читателя.

Вообще подобно тому, какъ имѣемъ мы въ латинскомъ языкѣ извѣстныя междометія, напр. насмѣхаясь говоримъ *vañ*, удивляясь *рарае*, печалясь *heu*; а желая внушить молчаніе, стиснувъ зубы сдавливаемъ дыханіе и производимъ только шипящій звукъ *sith*: такъ и евреи между другими особенностями своего языка имѣютъ междометіе, напр., когда хотятъ молиться Господу, употребляютъ слово молитвеннаго расположенія, и говорятъ: *анна—Господи*, что Семдесятъ перевели: *о Господи*. Такимъ образомъ *osi* значитъ *спаси*; *анна* же есть междометіе молитвы. Если захочешь изъ этихъ двухъ словъ составить сложное слово, скажи: *osianna*, или, какъ мы говоримъ, *осанна*. выпуская въ срединѣ гласную букву, подобно тому, какъ обыкновенно дѣлаемъ въ стихахъ *Виргилія*, когда вмѣсто:

мене incoepto desistere victam, читаемъ: men incoepto. Ибо aleph первая буква слѣдующаго слова исключаетъ при сложеніи послѣднюю букву предшествующаго слова. Итакъ, возвратимся къ началу вопроса; гдѣ мы читаемъ на латинскомъ: »о Господи, спаси меня; о Господи благоспоспѣшествуй; благословенъ грядый во имя Господне«, — тамъ сообразно съ смысломъ еврейскаго можемъ читать: »Молю, Господи, спаси; молю, Господи, споспѣшествуй, молю: благословенъ, грядый во имя Господне«. Сказано: спаси, чтобы мы подразумѣвали: народъ твой израильскій, или вообще: міръ. Наконецъ Матѳей, нависавшій евангеліе на еврейскомъ языкѣ, поставилъ: osanna barabara, то-есть, *осанна въ вышнихъ*: поелику съ рожденіемъ Спасителя спасеніе распространилось даже на небо, т. е. до вышнихъ, и сталъ міръ не только на землѣ, но и на небѣ, такъ что упряднилось уже сказанное нѣкогда: *»уписа мечь мой на небеси«* (Исаи 34. 5).

Все это я высказалъ кратко и сжато по мѣрѣ своего разумѣнія. Впрочемъ да знаетъ твое блаженство, что не должна върадоваться скука въ чтеніе подобныхъ разсужденій; потому что, хотя и мы легко могли бы придумать что нибудь, что однимъ словомъ рѣшало бы вопросъ, какъ, показали мы. и сдѣлали другіе: но болѣе прилично потрудиться немного для истины, и прислушаться къ иностранной рѣчи, чѣмъ принимать готовое мнѣніе съ чужаго голоса.

20. Письмо къ Дамасу о двухъ сыновьяхъ.

Вопросъ твоего блаженства былъ вмѣстѣ и изслѣдованіемъ; и исать такимъ образомъ дороги значить указывать ее ищущимъ. Подлинно мудрость будетъ приписана тому, кто мудро спрашиваетъ. Ты говоришь: кто такой этотъ отецъ въ Еван-

геліи, который раздѣлилъ имѣніе между двумя сыновьями (Лук. 15)? Кто эти два сына? Кто старшій? и кто младшій? Что значитъ, что младшій расточаетъ полученное имѣніе съ блудницами и потомъ при наступленіи голода, приставляется начальникомъ страны къ свиньямъ, ѣсть жолуди, возвращается къ отцу, получаетъ перстень и лучшую одежду, и для него закалывается откормленный телець? Кто этотъ старшій братъ, и почему пришедши съ поля завидуетъ приему брата? и прочее, что полнѣе разсказывается въ Евангеліи. Сверхъ того присовокупляешь: знаю, что многіе насчетъ этого говорятъ различно; и за старшаго брата почитаютъ іудейскій народъ, а за младшаго языческій. Но спрашиваю, какъ можетъ относиться къ іудейскому народу: *се только тѣмъ работаю тебѣ, и николиже заповѣди твоя преступилъ, и мнѣ николиже далъ еси козляте, да со друзи своими возвеселился быхъ,—и еще чадо, ты всегда со мною еси, и вся моя твоя суть.* Если же, какъ ты говоришь, мы захотѣли бы приложить притчу къ праведнику и грѣшнику; то не согласно съ свойствами праведника то, чтобы онъ былъ опечаленъ спасеніемъ другаго и особенно брата. Ибо если смерть вошла въ міръ чрезъ зависть діавола, и тѣ, которые подражаютъ ему, принадлежать его сторонѣ; то неужели можетъ приличествовать лицу праведника такая злобная зависть, чтобы онъ оставался за дверями, упрямо противился милосерднѣйшему отцу, и отягченный злобою одинъ не хотѣлъ участвовать въ домашней радости?

Поэтому, какъ относительно тѣхъ притчъ, которыя не объяснены Спасителемъ, мы обыкновенно изслѣдуемъ, по какому случаю онѣ сказаны: такъ должны мы поступить и относительно этой притчи, и обратить вниманіе на то, почему Господь высказалъ се и на какой вопросъ предложено это отвѣтное угодленіе. Книжники и фарисеи роптали, говоря: *яко сей грѣшники пріемлетъ и съ ними ястъ?* (Лук. 15. 2). Въ предне-

ствующихъ словахъ дѣйствительно сказано: *бяху же приближающаеся къ нему вси мытари и грѣшницы*, желая слушать его. И такъ причина фарисейской зависти въ томъ, почему Господь не избѣгалъ собесѣдованія и пиршествъ съ людьми, осужденными закономъ. Такъ говоритъ Лука. Матѳей же говоритъ слѣдующее: *и бысть ему возлежащу въ дому, и се мнози мытари и грѣшницы пришедше возлежаху со Исусомъ и со ученики его* (Матѳ. 9. 10). Видя это фарисеи говорили ученикамъ Его: *почто съ мытари и грѣшники учитель вашъ ястъ? Исусъ же слышавъ рече имъ: не требуютъ здравіи врача, но болящии. Шедше же научитесь, что есть: милости хочу, а не жертвы; не приидохъ бо призвати праведники, но грѣшники*. Маркъ также согласенъ съ этими словами. И такъ, какъ мы сказали, весь вопросъ возникъ со стороны закона. Поелику законъ, строгій въ правосудіи, не имѣлъ милости: но всякій прелюбодѣй, челоуѣкоубійца, обманщикъ, и кратко сказать, всякій впаившій въ смертный грѣхъ, не освобождался отъ грѣха ни какимъ помилованіемъ за раскаяніе; повелѣвалось воздавать око за око, зубъ за зубъ, душу за душу (Исх. 21). И такимъ образомъ *«вси уклонишася, вкупѣ неключими быша; нѣсть творяяй благостыню, нѣсть до единого* (Псал. 13, 3)». *«Идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Римл. 5. 20)» *посла Богъ Сына Своего, раждаемаго отъ жены* (Гал. 4. 4)», который разрушивъ средостѣніе, сотворилъ обоя едино (Ефес. 2. 13), и строгость закона умѣрилъ благодатию Евангелія. По сему и Павелъ въ посланіяхъ къ церквамъ говоритъ: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего, и Господа Исуса Христа* (Рим. 1, 7): благодать не та, которая воздается по заслугамъ, но та, которая дана въ даръ. А миръ тотъ, которымъ мы примирены съ Богомъ, имѣя ходатаемъ Господа нашего Исуса Христа, который отпустилъ намъ прегрѣшенія наши, уничтожилъ ружонисаніе смерти, быв-

шее противъ насъ, пригвоздивъ его ко кресту, и предалъ по-смѣянiю начальства и власти, торжествуя надъ ними на древѣ. Какое же можетъ быть болѣе милосердiе, какъ не то, что Сынъ Божiй рождается сыномъ человѣческимъ? Десять мѣсяцевъ сносить униженiе? Ожидаетъ прихода родовъ? Повивается пеленами? Подчиняется родителямъ? Возрастаетъ по всѣмъ возрастамъ? И послѣ ругательствъ, заушенiй и бичеванiй подвергается ради насъ даже проклятiю креста, чтобы освободить насъ отъ проклятiя закона, бывъ послушнымъ отцу даже до смерти: и совершаетъ на дѣлѣ то, о чемъ прежде въ качествѣ посредника молился, говоря: «отче хочу, дабы, какъ ты и я едино, такъ и они въ насъ были едино (Юап. 17. 22)». Слѣдовательно, послану Христосъ пришелъ, чтобы неизреченнымъ милосердiемъ побѣдить то, что было невозможно для закона, такъ какъ имъ ничто не оправдывался, то и призывалъ къ покаянiю мытарей и грѣшниковъ, участвуя даже на пиршествахъ съ ними, чтобы и среди пиршествъ они научились истинѣ. Кто съ заботливымъ вниманiемъ читаетъ евангелiе, тотъ знаетъ, какъ и пища, и питiе, и прогулка, и все, что Господь дѣлать во плоти, относилось къ спасенiю человѣческому. Видя это книжники и фарисеи говорили, что онъ поступаетъ противъ закона: *се человекъ ядца и винопитца, мытаремъ другъ и грѣшникомъ* (Мато. 11. 19); такъ какъ прежде обвиняли Его за то, что Онъ трудился по субботамъ. Посему-то, чтобы свиходительно опровергнуть такое обвиненiе, Господь и предложилъ три притчи: одна изъ нихъ о девяносто девяти овцахъ, оставленныхъ въ горахъ, и объ одной потерянной, принесенной пастыремъ на плечахъ; другая о драхмѣ, которой искала женщина съ зажженнымъ свѣтильникомъ, и которую нашедши, созвала сосѣдокъ на радость, говоря: *радуйтесь со мною, яко обрѣтохъ драхму погибшую* (Лук. 15. 9); а третья о двухъ сыновьяхъ, которую ты и повелѣтъ мнѣ сдѣлать предметомъ краткаго разсужденiя

Хотя притчи объ овцѣ и о драхмѣ направлены къ одной общей мысли, но въ настоящее время не нужно разсуждать о нихъ; достаточно только сказать, что эти притчи предложены для того, чтобы, при раскаяніи мытарей и грѣшниковъ научить радоваться всѣхъ, для которыхъ имѣть необходимости въ раскаяніи; подобно тому какъ при обрѣтеніи овцы и драхмы была радость у ангеловъ и близъ живущихъ сосѣдокъ. Посему-то я чрезвычайно удивляюсь, что Тертуліанъ, въ книгѣ о Цѣломудріи, написанной имъ противъ покаянія и пытавшейся древнюю истину извратить новоизмышленнымъ мнѣніемъ, хотѣлъ думать, будто мытари и грѣшники, вечерявшіе съ Господомъ, были язычники, такъ какъ Писаніе говоритъ: «да не будетъ собирающаго дань изъ израильтянъ (Второз. 23. 18. по LXX) ¹⁾»: какъ будто и Матѳей былъ мытарь не изъ обрѣзанныхъ, и тотъ, который молясь съ фарисеемъ во храмѣ, не смѣлъ очей возвести на небо, былъ мытарь не изъ израильтянъ; какъ будто не упоминаетъ Лука: *«и вси людіе слышавше и мытаріе оправдали Бога, крещишя крещеніемъ Іоанновымъ»* (Лук. 7. 29); какъ будто можетъ показаться кому нибудь вѣроятнымъ, что язычникъ входилъ во храмъ, или что Господь имѣлъ пириества съ язычниками, тогда какъ Онъ особенно остерегался, чтобы не казаться нарушителемъ закона; и пришелъ прежде всего къ потеряннымъ овцамъ дома израилева; и на просьбу хананеянки объ исцѣленіи дочери отвѣчалъ: *нѣсть добро отзяти хлѣба чадомъ и поврещи песомъ* (Матѳ. 15, 26). И въ другомъ мѣстѣ заповѣдалъ ученикамъ: *на путь языкъ не идите, и во градъ самарянскій не внидите* (Матѳ. 10. 5). Изъ всего этого видно, что именемъ мытарей означаются въ Писаніи не столько лица изъ язычниковъ, сколько вообще всякіе грѣшники, т. е.

¹⁾ Въ славянскомъ переводѣ вмѣсто этого, читается «*да не будетъ блау-никъ отъ сыновъ израилевыхъ*».

какъ изъ язычниковъ, такъ и изъ іудеевъ. А тотъ, кто возлѣ своихъ безумныхъ и злоязычныхъ женъ, утверждалъ за догмать то, чтобы не принимать вновь въ христіане кающихся, напрасно доказывалъ, что мытари не были Іудеи, что въ лицѣ ихъ можно разумѣть только народъ языческій. И такъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій предложу самыя слова Евангелія, и къ каждому изъ нихъ присоединю въ видѣ комментарія то, что я думаю.

Человѣкъ нѣкій имѣ два сына (Лук. 15. 11). Что человѣкомъ называется Богъ, это подтверждаютъ многія свидѣтельства, какъ напр.: *«двоихъ человѣковъ свидѣтельство истинно есть. Азъ есмь свидѣтельствующій о мнѣ самомъ, и свидѣтельствуемъ о мнѣ по славыи мя Отець* (Іоан. 8 17, 18)». Въ одной притчѣ Богъ называется пастыремъ, въ другой домо-владыкой, въ одной насаждаетъ виноградъ, въ другой зоветъ на бракъ; въ различныхъ уподобленіяхъ выражается одно и тоже, чтобы осудить гордость іудеевъ и оправдать покаяніе вообще всѣхъ грѣшниковъ, язычниковъ ли, или израильтянъ. Чтоже касается до словъ *два сына*, то почти всѣ Писанія полны речительствъ за призваніе двухъ народовъ.

«И сказалъ ему младшій: Отче, дай мнѣ слѣдующую мнѣ часть имѣнія». Имѣніе Божіе состоитъ изъ всего того, чѣмъ мы живемъ, что ощущаемъ, о чемъ мыслимъ, что выражаемъ въ словахъ. Все это Богъ даровалъ всѣмъ вообще равно, по словамъ евангелиста: *бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ* (Іоан. 1. 9). Это правый глазъ, который долженъ быть соблюдаемъ отъ соблазновъ; это—свѣтильникъ тѣла; это талантъ, котораго не должно завязывать въ убрूसъ, т. е. беречь заботливо, но безъ употребленія, и не должно зарывать въ землю, т. е. помрачать земными помыслами.

«Онъ раздѣлилъ имъ имѣніе». По гречески читается вы-

разительнѣе: διέλεν αὐτοῖς τὸν βίον, то есть, далъ имъ свободное произволеніе, далъ свободу ихъ собственнаго ума, чтобы всякій жилъ не въ силу власти Божіей, но въ силу собственной покорности, то есть, не по необходимости, но по волѣ;—чтобы имѣла мѣсто добродѣтель, чтобы отличались мы отъ прочихъ животныхъ, намъ позволено. по образу Божію дѣлать всё, что захотимъ. По этому-то и воздается: грѣшникамъ—праведное осужденіе, а святымъ и праведнымъ—справедливая награда.

И не по многимъ днямъ собравъ все мнѣи сынь отиде на страну далече. Если Богъ держитъ небо нядію и землю—горстію; и Іеремія говорить: *Богъ приближаяйся, а не Богъ удалеча* (Іер. 23. 23); и у Давида также говорится, что нѣтъ безъ Него никакого мѣста: то какимъ образомъ сынь отходить изъ своей земли, и удаляется отъ отца? Значить, должно понимать, что мы существуемъ вмѣстѣ съ Богомъ и удаляемъ отъ Него не по мѣстнымъ разстояніямъ, а по душевному состоянію. Ибо, въ какомъ смыслѣ Спаситель говоритъ ученикамъ: *се, азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѹ. 28. 20): въ такомъ смыслѣ говорить и тѣмъ, которые величаются своимъ тщеславіемъ, и не заслуживаютъ быть съ Господомъ: «отойдите отъ меня; я не знаю васъ, дѣлающіе беззаконіе (Матѹ. 7, 23)».

Такимъ образомъ младшій сынь удалился отъ отца со всѣмъ имѣніемъ, и отправился изъ своей стороны. И Каинъ, удалившись отъ лица Господня, поселился въ землѣ *Наидъ*, что значить *волчаніе*. И всякій, кто удаляется отъ Бога, тотчасъ колеблется волнами вѣка, и скользятъ ноги его. Ибо послѣ того, какъ люди удалились отъ востока, и отступили отъ истиннаго свѣта, они воздвигли противъ Бога башню своего нечестія, выдумали высокомерныя ученія, желая съ непопозволительнымъ любопытствомъ проникнуть въ высоты самаго неба. И назвалось то мѣсто *Вавилонъ*, то есть, *смѣшеніе*.

И ту расточи имѣніе свое, живыи роскошно. Враждебная Богу, враждебная добродѣтели роскошь расточаетъ все огеческое имѣніе; и удовольствіями привязывая къ настоящему, не позволяетъ думать о будущей бѣдности.

Изжившу же ему все, бысть гладъ крѣпокъ на странѣ той. Онъ получилъ отъ отца способности, чтобы чрезъ видимое познавать невидимая его, и изъ красоты тварей уразумѣвать Творца. Но содержа истину въ неправдѣ, и вмѣсто Бога почитая идоловъ, онъ растратилъ всѣ дары природы; и растративъ всѣ, началъ нуждаться въ добродѣтеляхъ, тогда какъ покинулъ самый источникъ добродѣтелей. *Бысть гладъ крѣпокъ на странѣ той.* Всякое мѣсто, въ которомъ мы живемъ безъ отца есть мѣсто голода, бѣдности и нужды. Но по преимуществу *μετὰ ἐρησίας* страню голода есть та, о которой сказано пророкомъ: *живущи въ странѣ тьни смертной, свѣтъ возсіяетъ на васъ* (Исаи 9. 2). Есть напротивъ иная страна, которую мы наследуемъ, живя съ яснымъ и чистымъ сердцемъ, и которой желалъ святой Давидъ, говоря: *вспрую видѣти близкая Господня на земли живыхъ* (Псал. 26. 13).

«И онъ началъ нуждаться, и пошелъ, присталъ къ одному «изъ начальниковъ страны той». Лишившись пищи того, кто по первому слову далъ ему всѣ блага, онъ присоединился къ начальнику міра сего, т. е. діаволу, правителю тьмы, — котораго Писаніе называетъ то врагомъ чловѣкомъ, то неправеднымъ судією, то дракономъ, то сатаною, то молотомъ, то куропаткою, то веліаромъ, то рыкающимъ львомъ, то левіаѳаномъ, то ванинимомъ то бегемотомъ и многими другими именованиями. А выраженіе: *къ одному изъ начальниковъ*, даетъ разумѣть, что много ихъ, летающихъ въ этомъ воздухѣ, и кознями различныхъ пороковъ покоряющихъ себѣ въ рабство родъ чловѣческій.

«Тотъ послалъ его на поле свое пасти свиней». Свинья есть нечистое животное, любящее грязь и нечистоту. Такова и

толпа демоновъ, которая чрезъ рукотворенныхъ идоловъ питается скотскою кровью и жертвами; а въ послѣднее время по какой-то звѣрской жадности пресыщается смертію самаго человѣка. Итакъ, послалъ его въ свое владѣніе, то-есть сдѣлалъ своимъ слугой, чтобы онъ пастъ свиней, пожертвовавъ ему своей душою.

И желаше насытити чрево свое отъ рожецъ, яже ядяху свинія: и никтоже даше ему. О чемъ съ такимъ негодованіемъ говорится у Іезекііля касательно Іерусалима: *И бысть въ тебѣ сопротивно обычаю женску въ блуженіи твоємъ, и съ тобою соблудившимъ, вмѣсто ежебы дати тебѣ наемъ, и наемъ не дадеша тебѣ* (Іезек. XVI. 34)—то мы видимъ исполнившимся на младшемъ сынѣ. Онъ потерялъ свое имѣніе въ странѣ начальника; и потерявъ имущество, посланный къ свиньямъ, удрученъ былъ нуждою. Пища демоновъ есть пьянство, роскошь, блудъ и все вообще пороки. Они пріятны и соблазнительны, и льстятъ чувству удовольствіемъ: какъ только они явятся, тотчасъ и требуютъ удовлетворенія себѣ. Расточительный юноша не могъ насытиться ими потому, что пожеланіе всегда имѣеть свой голодъ, и исполненное не удовлетворяется: и сатана, когда плѣнить кого въ свои ковы, и надѣнетъ на него свое ярмо, не хлопочеть объ удовольствованіи его пороками, зная, что онъ уже мертвъ, чему примѣръ мы видимъ на многихъ идолопоклонникахъ, удрученныхъ недостаткомъ хлѣба и нуждою. Это тѣ, на которыхъ исполняется пророческое слово: «Всѣмъ блудницамъ даются подарки; а ты сама давала подарки всѣмъ любовникамъ твоимъ, но не получала подарковъ» (Іезек. 16. 33). Можемъ и иначе объяснить слово: *рожецы*. Пищу демоновъ составляютъ стихи поэтовъ, свѣтская мудрость, велерѣчіе ораторскихъ словъ. Все это услаждаетъ всѣхъ пріятностію, и плѣняя слухъ съ сладостною мѣрностію бѣгущими стихами, проникаетъ въ душу, и охва-

тываетъ внутренность сердца. Но по истинѣ, перечитанное съ особеннымъ усердіемъ и трудомъ все это не дастъ своимъ чтецамъ ничего, кромѣ пустаго звука и стукотни словъ: тутъ не найдешь удовлетворенія чувству истины, ни успокоенія чувству справедливости. Преданные свѣтской мудрости страдаютъ голодомъ истины и скудостію добродѣтели. Образецъ таковой мудрости описанъ во Второзаконіи подъ видомъ плѣнной женщины: божественное слово говоритъ о пей, что еслибы израильтянинъ захотѣлъ имѣть ее женою, то долженъ обнажить ее, сръзать ей ногти и остричь волосы: и когда она станетъ чистою, тогда пусть перейдетъ въ объятія побѣдителя. Не смѣшно ли это, если понимать это буквально? Но и мы обыкновенно также поступаемъ, когда читаемъ философовъ, когда въ наши руки попадаютъ книги свѣтской мудрости: если находимъ въ нихъ что нибудь полезное, — прилагаемъ къ своему ученію; если же что ненужное, объ идолахъ, о любви, о занятіяхъ свѣтскими дѣлами, то мы счищаемъ, обнажаемъ, сръзываемъ, будто ногти острымъ желѣзомъ. Поэтому-то и Апостоль запрещаетъ всякому возлежать въ капищѣ, говоря: *Аще бо кто видитъ тя имуща разумъ, въ третищи возлежаща, не совѣсть ли его немощна еущи созиждется идоложертвенная ясти? И погибнетъ немощный братъ въ твоёмъ разумъ, его же ради Христосъ умре* (1 Коринѣ. 8. 9). Не видишь ли ты, что здѣсь говорится, другими словами, чтобы ты не читалъ философовъ, ораторовъ, поэтовъ и чтобы не успокоивался на томъ, что читаешь у нихъ? Мало того, если мы не вѣримъ тому, что написано; совѣсть другихъ тѣмъ не менѣе уязвляется нашимъ чтеніемъ: имъ кажется, что мы, не оуждая читаемаго, сочувствуемъ оному. Если не примемъ подобнаго толкованія, то каково намъ думать объ Апостолѣ, что онъ одобряетъ образъ мыслей ядущаго въ капищѣ, и называетъ совершеннымъ того, о которомъ зналъ какъ о ядущемъ

идоложертвенное? Пусть въ устахъ христіанина не звучать слова: »всемогущій Юпитеръ, о Геркулесъ мой, о Касторъ«, и имена другихъ болѣе чудовищъ, чѣмъ божествъ. А нынѣ мы видимъ, что даже священники Божіи, оставивъ евангеліе и пророковъ, читаютъ комедіи, похъ любовныя слова бѣколическихъ стиховъ, имѣютъ Виргилія: и то, что для дѣтей допускается по необходимости, дѣлаютъ для себя предметомъ преступнаго удовольствія. Итакъ, мы должны остерегаться, чтобы не возлежать въ камнищѣ, если хотимъ имѣть плѣнницу женою; или если мы уже очень увлечены любовью къ ней, то должны очистить ее и освободить отъ всякихъ грѣховныхъ заблужденій, дабы братъ нашъ, за котораго умеръ Христосъ, не соблазнился, слыша въ устахъ христіанина звуки стиховъ, сложенныхъ въ похвалу идоламъ.

»Пришедши же въ себя, сказали: сколько наемниковъ въ домѣ отца моего довольствуются хлѣбомъ, а я погибаю здѣсь отъ голода«. Нѣкоторые, какъ намъ извѣстно, думаютъ, что наемники—это тѣ изъ іудеевъ, которые сохраняютъ заповѣди закона только ради настоящихъ благъ. Они справедливы и милосерды не ради самой справедливости и самой добродѣтели—милосердія, но ради того, чтобы получить въ награду отъ Бога земное счастье и долгую жизнь. А кто желаетъ этихъ благъ, тотъ дѣйствительно побуждается къ повиновенію заповѣдямъ тѣмъ, чтобы чрезъ нарушеніе повелѣннаго не лишиться желаемого. Но гдѣ страхъ, тамъ нѣтъ любви. Поелику совершенная любовь вонъ изгоняетъ страхъ. Любящій соблюдаетъ повелѣнное не потому, что его побуждаетъ страхъ наказанія, или желаніе награды, но потому, что повелѣваемое Богомъ само въ себѣ есть для него высочайшее благо. Итакъ смыслъ—таковъ: сколько іудеевъ не отступаютъ отъ повиновенія Богу только ради настоящихъ благъ, а я погибаю въ нуждѣ.

Вставъ иду ко отцу моему. Прекрасно говоритъ: во-

ставъ; потому что въ отсутствіи отца онъ не стоялъ. Грѣшникамъ свойственно лежать, а праведникамъ стоять. Моисею говорится: ты же здѣ стани со Мною (Второз. 5. 31). И въ стотридцать-третьемъ псалмѣ пророкъ призываетъ къ словословію Господа стоящихъ въ домѣ Господнемъ: Се нынѣ благословите Господа вси раби Господни, стоящии во храмѣ Господни.

И реку ему: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарецися сынъ твой. Согрешилъ противъ неба тотъ, кто оставилъ мать, небесный Іерусалимъ. Согрешилъ предъ отцомъ, кто оставивъ Зажидителя, почиталъ древа. Не сталъ достойнымъ называться сыномъ Божиимъ тотъ, кто пожелалъ быть рабомъ идоловъ. »Ибо всякъ, творяй грѣхъ, имѣеть отцомъ діавола« (1 Іоан. 3. 7).

Сотвори мя, яко единого отъ наемникъ твоихъ. Сдѣлай меня, говоритъ, какъ бы однимъ изъ іудеевъ, которые чтутъ Тебя только ради обѣщанія настоящихъ благъ. Прими раскаивающагося сына, Ты, Который такъ часто прощаль грѣшившихъ твоихъ наемниковъ.

»И пошелъ къ отцу своему«. Идемъ къ отцу, когда удаляемся съ пастбища свиней, согласно изреченію пророка: »когда воздохнешь и обратишься, спасенъ будешь« (Іезек. 18).

Еще же ему далече сиуш, узръ его отецъ его, и милъ ему бысть. Прежде чѣмъ возвратился онъ къ любезному отцу достойными дѣлами и истиннымъ раскаяніемъ, Богъ, у Котораго все будущее уже совершилось, и Который напередъ знаетъ все будущее, идетъ на встрѣчу ему, и чрезъ Слово свое, принявшее плоть отъ Дѣвы, предваряетъ возвращеніе своего младшаго сына.

И текъ нападе на выю его. Онъ пришелъ на землю прежде, чѣмъ тотъ вошелъ въ домъ признанія. Палъ на выю его, то-есть принялъ чѣло человеческое. И какъ Іоаннъ возле-

жалъ на груди Иисуса (Іоан. 13), бывъ сдѣланъ участникомъ его таинъ: такъ болѣе по благодати, чѣмъ за заслуги Господь возложилъ и на младшаго сына легкое ярмо свое, то-есть легкія повелѣнія своихъ заповѣдей.

И облобыза его, согласно съ тѣмъ, какъ молить въ Пѣснѣ пѣсней церковь о приходѣ жениха: *да лобжетъ мя лобзаніемъ устъ своихъ* (Пѣсн. Пѣсн. 1. 1),—какъ бы такъ говоря: я не хочу, чтобы онъ говорилъ со мною чрезъ Моисея, чрезъ пророковъ; пусть самъ примѣтъ мое тѣло, самъ пусть лобзаетъ меня во плоти. Отнесемъ къ этой мысли и то, что написано у Исаи: *Аще ищети, ищи, и у мене обитай въ дубравѣ* (Исаи 21. 12 по LXX). Въ этомъ мѣстѣ св. Писанія—плачущей церкви повелѣвается взывать отъ Сеира: поелику Сеиръ переводится *косматый* и *ощетинившійся* и обозначаетъ древній ужасъ язычниковъ, а церковь съ своей стороны отвѣчаетъ подобнымъ же уподобленіемъ: *черна есмь азъ и добра, дочери Іерусалимскія* (Пѣсн. п. 1, 4).

Рече же ему сынъ: отче, сокрѣпихъ на небо и предъ тобою, и уже иѣсмь достоинъ нарецися сынъ твой. Говорить, что онъ не достоинъ назваться сыномъ, и однакожь по голосу природы, по той сущности, которую даровалъ ему нѣкогда отецъ, онъ съ трепетомъ произноситъ истинное имя, говоря: *Отче, сокрѣпихъ на небо.* И такъ напрасно нѣкоторые доказываютъ, что именованіе Бога отцомъ прилично только святымъ; поелику называетъ Бога отцомъ даже этотъ, сознающій себя недостойнымъ имени сына: хотя можетъ быть онъ дерзнулъ назвать Бога отцомъ потому, что обратилъ всею душою.

Рече же отецъ къ рабамъ своимъ: скорѣе изнесите одежду первую, и облецыте его; одежду, потерянную чрезъ грѣхъ Адамомъ, одежду, въ другой притчѣ называемую брачнымъ одѣяніемъ (Матѣ. 22), то-есть одежду Духа Святаго, не

имѣющей которой не можетъ участвовать въ пиршествѣ царя. *И дадите перстень на руку его;—* знаменіе уподобленія Христу, по этому изреченію: *«въ него вѣрующіе знаменастеся духомъ обѣтованія святымъ»* (Ефес. 1. 13). И князю тирскому, погорявшему подобіе Зиждителя, говорится: *ты еси печать уподобленія... и вѣнецъ доброты: въ сладостяхъ рая Божія былъ еси* (Иезек. 28. 12, 13). Также и Исаія говоритъ объ этомъ знаменіи: *«тогда явны будутъ знаменованные»*. Это знаменіе дается на руку, когда Писаніе указываетъ на дѣла благости, какъ напр. *бысть слово Господне рукою Амея пророка* (Аггея 1 и 2), слово Господа, говорящаго Іерусалиму: *украсихъ тя утварію, и возложихъ запястіе на руку твою* (Иезек. 16. 11). Далѣе одѣтому въ подирь указывается другая часть тѣла для запечатлѣнія: *пройди средь града Іерусалима и даждь знаменія на лица мужей стѣнящихъ и болѣзнующихъ о всѣхъ беззаконіихъ, бывающихъ средь ихъ* (тамже 9. 4). Для чего? для того, чтобы послѣ этого они могли сказать: *Знаменася на насъ свѣтъ лица Твоего, Господи.* (Псал. 4.7).

И сапоги на нозѣ его, поелику онъ потерялъ достоинство жениха, и не могъ праздновать пасхи босыми ногами. Это—сапоги, о которыхъ Господь говоритъ: *И обухъ ты въ червленыхъ* (Иезек. 16. 10). *«И сапоги на нозѣ его»*, чтобы никогда коварная змѣя не напала на пяту его идущаго; чтобы безопасно наступалъ онъ на змѣя и скорпіоновъ; дабы былъ приготовленъ къ *«благовѣстію»* мира, не ходя уже по плоти, но по духу; и чтобы приложимо было къ нему пророческое изреченіе: *коль красны ноши благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая* (Исаин 52, 7).

И приведше телець упитанный заколите. и ядше веселимся: яко сынъ мой сей мертвъ бѣ и оживе; изиблѣ бѣ, и обрѣтѣся. Упитанный телець, закалаемый ради спасенія кающагося, есть самъ Спаситель, коего плотію мы каждодневно

питаемся, кровію—напаяемся. Ты понимаешь со мною, вѣрный читатель, какимъ тубомъ упитанные мы отрыгаемъ хвалу ему, говоря: *отрыгну сердце мое слово благо. глаголю азъ дѣла моя царевнѣ* (Псал. 44. 1); хотя нѣкоторые болѣе гадательно, чѣмъ истинно думаютъ, не сообразивъ текста псалма, что это (т. е. Псал. 44. 1) говорится отъ лица Отца. А изреченіе: *будемъ веселиться, яко сынъ мой сей мертвъ бѣ, и оживе, изиблѣ бѣ, и обрѣтется*; имѣетъ связь съ такою же мыслию прежней притчи, въ которой говорится: *такъ, глаголю вамъ, радость бываетъ предъ Ангелы Божиими о единомъ грѣшникѣ кающемся.*

И наша веселится. Этотъ ширъ совершается каждодневно; каждодневно отецъ принимаетъ сына; всегда Христосъ закаляется вѣрующимъ.

Бѣ же сынъ его старшій на селѣ. Доселѣ шло разсужденіе о лицѣ младшаго сына, подѣ которымъ должно разумѣть мытарей и грѣшниковъ, призываемыхъ Господомъ къ покаянію; въ таинственномъ же смыслѣ здѣсь пророчествуется о будущемъ призваніи язычниковъ. Теперь рѣчь переходитъ къ сыну старшему; многіе относятъ ее къ лицу вообще всякаго святаго, другіе собственно къ іудеямъ. Въ отношеніи къ святымъ истолкованіе не трудно, если принять во вниманіе слова: *никогда же заповѣди твоя преступихъ*; но не согласно со свойствами святаго то, что онъ завидуетъ обращенію брата. А что же касается до іудеевъ, то хотя зависть о спасеніи брата совершенно въ ихъ духѣ, но не приложимо къ нимъ то, что говорить о всегдашнемъ соблюденіи заповѣди отчей. Наше собственное мнѣніе объ этомъ мы постараемся изложить въ своемъ мѣстѣ. *Бѣ же сынъ его старшій на селѣ*, почѣя отъ труда въ земныхъ заботахъ, далеко удаленный отъ благодати Святаго Духа и отчаго совѣта. Это тотъ, который говорить: *село купихъ, и имамъ нужду изыти и видѣти е; молотися, имѣи*

мя отреченна (.Лук. 14. 18). Это тотъ, который купилъ пять супругъ воловъ, и подъ тяжестію закона наслаждается земными чувственными удовольствіями. Это тотъ, который, взявъ жену, не можетъ придти на брагъ, и ставъ плотію, никакъ не можетъ соединиться съ духомъ. Старшему сыну соотвѣтствуютъ въ другой притчѣ работники посылаемые въ виноградникъ въ первый, третій, шестой, девятый часы, то есть по разновременнымъ призывамъ, и негодующіе за то что съ ними сравнены въ платѣ работники одиннадцатаго часа.

И яко грядый приближися къ дому, слыша пѣніе и мки (symphoniam et chorum). Этому выраженію соотвѣтствуетъ въ нѣкоторыхъ псалмахъ надписаніе: meleth. Словомъ meleth называется хоръ, сливающійся въ одно.—Напрасно нѣкоторые изъ латинянъ думаютъ, что симфонія есть родъ музыкальнаго инструмента; тогда какъ этимъ названіемъ означается согласное, хвалебное Богу пѣніе: притомъ же *συμφωνία* и на латинскомъ обозначается словомъ consonantia.

И призвавъ единого отъ отроковъ, вопрошаше, что убо сія суть. И нынѣ Израиль спрашиваетъ, почему радуется Богъ при принятіи язычниковъ: но отягченный завистію не можетъ узнать отеческой воли.

Онъ же рече ему, яко братъ твой прииде, и закла отецъ твой телца упитанна, яко здрава его пріятъ. Причиной радости служитъ провозглашаемое на сей землѣ во славу Божію спасеніе язычниковъ, спасеніе грѣшниковъ: радуются ангелы, готова къ радости и вся тварь; объ одномъ только Израилѣ говорится:

Разспылався же, и не хотяше внити. Гнѣвается, что въ его отсутствіе былъ принятъ братъ; гнѣвается, что живъ тотъ, кого онъ считалъ погибшимъ: и теперь стоитъ за дверями Израиль, и теперь, когда ученики слушаютъ Евангеліе въ церкви, мать его и братья стоятъ за дверями, лица его. (Матѣ. 12).

Отецъ же его изишедъ моляше его. Какъ благой и милостивый, отецъ просить сына принять участіе въ домашней радости: просить отецъ чрезъ апостоловъ; просить чрезъ проповѣдниковъ Евангелія. Павелъ говоритъ объ этомъ: *молимъ по Христу, примиритесь съ Богомъ* (2 Корин. 5. 20). И въ другомъ мѣстѣ: *вамъ бѣ много первѣе глаголати слово Божіе: а понеже отвергосте е, и недостойны творите сами себе вѣчному животу, се обращаемся во языки* (Дѣян. 13. 46).

Онъ же отвѣщавъ рече отцу: се толико много работаю тебѣ. Отецъ милостиво молить о согласіи: а онъ, слѣдуя правдѣ законной, не покарается правдѣ Божіей. Но какая же правда болѣе той правды Божіей, которая прощаетъ кающихся, принимаетъ возвратившаго сына? *Се толико много работаю тебѣ, и николиже заповѣди твоя преступилъ;* какъ будто не было преступленіемъ заповѣди то самое, что онъ завидовалъ спасенію другаго, что хвалился правдою предъ Богомъ, когда никто предъ нимъ не чистъ. Ибо кто можетъ радостно признать себя обладателемъ чистаго сердца, хотя бы и одинъ день былъ житія его на землѣ? Давидъ исповѣдуеть: *въ беззаконіихъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя* (Псал. 50, 7). И въ другомъ мѣстѣ: *еще беззаконія назириши, Господи, кто постыитъ* (Псал. 129. 3)? А упоминаемый въ притчѣ старшій сынъ говоритъ, что никогда не преступалъ заповѣди, тогда какъ столько разъ предаваемъ былъ плѣненію за идолослуженіе! *Се толико много работаю тебѣ, и николиже заповѣди твоя преступилъ.* Относительно сего говоритъ апостоль Павелъ: *что убо речемъ? яко языцы не гонящии правду, постигоша правду, правду же, яже отъ вѣры. Израиль же гоня законъ правды, въ законъ правды не постиже: чего ради; зане не отъ вѣры, но отъ дѣлъ закона* (Рим. 9, 30. 31). Такимъ образомъ и о старшемъ сынѣ можно сказать, что онъ, по

выраженію апостола, обращался безъ преткновенія въ области правды, яже отъ закона: хотя мнѣ кажется, что іудей больше тщеславится, чѣмъ говоритъ истину, подобно тому фарисею, который говорилъ: *Боже хвалу тебѣ воздаю, яко нпсьмъ, якоже прочіи чловѣцы; хищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или якоже сей мытарь* (Лук. 18. 11). Спрашиваю тебя, не видишь ли ты, что тоже самое, что фарисей сказалъ о мытарѣ, старшій братъ говорилъ о младшемъ: *сей изгядый имѣніе твое съ любодѣйцами?*— На слова сына: *никогдаже заповѣди твоя преступилъ*, отецъ ничего не отвѣчаетъ; не утверждаетъ истинно ли сказанное сыномъ. но угрожаетъ гнѣвъ его другимъ способомъ: *чадо, ты всегда со мною еси*. Не сказалъ: ты говоришь правду, ты дѣлалъ всё, что я повелѣвалъ; но говоритъ, *ты всегда со мною еси*,—со мною посредствомъ закона, которому ты подчиненъ, со мною, когда познаешь меня въ плѣненіяхъ; со мною не потому, что соблюдаешь мои заповѣди, но потому, что я не позволилъ тебѣ отойти въ далекую сторону; со мною, наконецъ, потому, что я сказалъ Давиду: *еще оставятъ сынове его законъ мой, и въ судьбахъ моихъ не пойдутъ; еще оправданія моя осквернятъ, и заповѣдей моихъ не сохранятъ, постыщу жезломъ беззаконія ихъ, и ранами неправды ихъ: милость же мою не разорю отъ нихъ* (Псал. 88. 31 и слѣд.). По этому свидѣтельству оказывается ложнымъ то, чѣмъ хвалится старшій сынъ: поелику въ судьбахъ Божіихъ онъ не ходилъ, и заповѣдей Его не исполнялъ. Какимъ же образомъ, не соблюдая заповѣди, онъ по словамъ притчи, всегда былъ съ отцомъ? потому что послѣ грѣховъ, онъ былъ посѣщаемъ жезломъ, а посѣщенному не оказывалось въ милосердіи. Не должно также удивляться, что осмѣлился лгать предъ отцомъ тотъ, который могъ завидовать брату; въ день суда нѣкоторые солгутъ еще безстыднѣе, сказать: «не въ твое ли имя мы ѣли и пили, и дѣлали многія чудеса. и изгоняли демо-

новъ (Матѣ. 7. 22)? Что же значить: *вся моя твоя суть*, будетъ изъяснено подробно въ своемъ мѣстѣ.

И мнѣ николиже далъ еси козляте, да со други своими возвеселился быхъ. Столько, говорятъ Израиль, пролито крови, столько тысячъ людей убито, и никто изъ нихъ не сталъ искупителемъ ради нашего спасенія. Самъ Юсіа, угодившій предъ лицомъ твоимъ (4 Цар. 23): и въ недавнее время Маккавеев, сражавшіеся за Твое паслѣдіе, нечестиво были умерщвлены мечами враговъ, и пичья кровь не возвратила намъ свободы. Вотъ и доселѣ мы подлежимъ римской власти: ни пророкъ, ни священникъ, ни праведникъ какой либо не приносился въ жертву за насъ. А за блуднаго сына, то есть, за язычниковъ, за грѣшниковъ пролита кровь славнѣйшая паче всей твари. И тогда какъ заслужившимъ Ты не далъ и малаго, незаслужившимъ далъ гораздо больше. *Мнѣ николиже далъ еси козляте, да со други своими возвеселился быхъ.* Напрасно говоришь такъ, Израиль: скажи лучше: «дабы я возвеселился съ Тобою». Развѣ для тебя можетъ быть какое-нибудь иное удовольствіе, если отецъ не празднуетъ съ тобою пира? Научись, по крайней мѣрѣ, изъ настоящаго примѣра. Когда возвратился младшій сынъ, радуется и отецъ и отроки. *Станемъ ѣсть*, говоритъ отецъ *и веселитесь*; а не сказано: *пийте и веселитесь*. Но ты, по той склонности душевной, по которой завидуешь брату, по которой удаляешься отъ лицезрѣнія отца, и всегда пребываешь на полѣ, ты и теперь хочешь пировать безъ него. *Николиже далъ еси козляте.* Иногда отецъ не даетъ въ даръ худшаго: заколотъ тленокъ, войди. ѣшь съ братомъ. Зачѣмъ просишь козленка ты, для котораго готовъ агнецъ? И чтобы ты не притворялся, будто не знаешь, что агнецъ готовъ, Іоаннъ указалъ тебѣ его въ пустынѣ: *се Агнецъ Божій, вземляи грѣхи міра* (Іоан. 1. 29). И отецъ, какъ милостивый и принимающій раскаяніе, проситъ тебя ѣсть

теляца, не закалая козла, который стоит ошуюю. Но въ концѣ вѣка ты самъ заколешь для себя козла, антихриста, и съ друзьями своими, нечистыми духами, напитаешься его плотію, во исполненіе пророчества: *ты сокрушилъ еси главу змію; далъ еси того брашно людемъ Евѳіопскимъ* (Псал. 73. 14).

Егда же сынъ твой сей, изгядый твое имѣніе съ любодѣльцами, прииде, заклалъ еси ему телца питомаго. Сознаеть и теперь Израиль, что былъ закланъ телець питомый: знаютъ, что пришелъ Христось, но мучатся зависію, и не хотятъ спасенія безъ погибели брата.

Онъ же рече: чадо, ты всегда со мною еси, и вся моя твоя суть. Называетъ сыномъ, хотя тотъ и не хочеть войти. Но какимъ образомъ все Божіе принадлежитъ іудеямъ? Неужели и ангелы, престолы, господства и прочія силы? Очевидно, что подъ всѣмъ должно разумѣть законъ, пророковъ, божественныя рѣчи. Все это Богъ далъ іудеямъ, чтобы они поучались въ законѣ его день и ночь. По герменевтическимъ правиламъ слово *все* должно быть понимаемо въ отношеніи не къ цѣлому, а къ большей части, какъ напр. въ слѣдующемъ изреченіи: *все уклонишася, окупъ неключими быша* (псал. 13). И въ другомъ мѣстѣ: *все, елико ихъ прииде прежде мене, татіе суть и разбойницы* (Іоан. 10. 8). И Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ: *всѣмъ былъ вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Коринѳ. 9. 22); и къ Филипійцамъ: *все бо своихъ си ищутъ, а не яже Христа Іисуса* (Филип. 2. 21). Впрочемъ должно вѣрить, что никогда ни въ чемъ не получалъ отказа тотъ, котораго приглашаютъ вкусить теляца.

Возвсселитижеся и возрадоваті подобаше, яко братъ твой сей мертвъ бѣ и оживе: и изиблѣ бѣ, и обрѣтесе. И такъ, будемъ надѣяться, что и мы, сдѣлавшись мертвыми чрезъ прегрѣшенія, можемъ ожить чрезъ покаяніе. Въ настоящемъ притчѣ находится самъ сынъ, подобно тому какъ въ прежнихъ

притчахъ приносится назадъ заблудшая овца и обрѣтается потерянная драхма. Всѣ три притчи заключаются одинаковымъ окончаніемъ: *изибли бѣ и обрѣтесе*; чтобы посредствомъ различныхъ уподобленій мы уразумѣли одну и ту же мысль о принятіи грѣшниковъ. Сказанное доселѣ раскрываетъ значеніе притчи въ приложеніи ся къ язычнику и Іудею.

Но посмотримъ, какъ эта притча можетъ быть понимаема въ приложеніи къ святому и грѣшнику вообще. Понятно, что изображеніе старшаго сына въ притчѣ не соотвѣтствуетъ достоинству праведника. Читатель недоумѣваетъ: отчего праведникъ завидуетъ спасенію грѣшника,—и исполняется такимъ гнѣвомъ, который не былъ укрощенъ ни сочувствіемъ къ брату, ни мольбами отца, ни веселіемъ цѣлаго дома. Отвѣтимъ на это кратко: всякая праведность этого міра по сравненію съ Божіею правдою не есть праведность. Ибо какъ сравнительно съ грѣхами Іерусалима признается праведнымъ Содомъ, не потому, чтобы самъ по себѣ опъ былъ правъ, но потому что предъ большими грѣхами его грѣхи стали меньшими: такъ и вся праведность всѣхъ людей не сравнима съ праведностію Божіею. А. Павелъ, который сказалъ: *елшцы убо совершенни, сіе да мудрствуемъ* (Филип. 3 15.): въ другомъ мѣстѣ исповѣдуетъ и восклицаетъ: *о глубина богатства, и премудрости и разума Божія! яко не испытани судове его, и неизлѣдовани путіе его* (Рим. 11. 35). И въ иномъ мѣстѣ: *отчасти разумѣваемъ и отчасти пророчествуемъ; и видимъ убо нынѣ, якоже зерцаломъ въ гаданіи* (Кор. 13. 9 и 12). И къ Римлянамъ: *окаяненъ азъ человекъ; кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. 7. 24)? Изъ всего этого узнаемъ, что совершенная праведность принадлежитъ только одному Богу. Онъ заставляетъ солнце свое сіять на праведныхъ и неправедныхъ, посылаетъ дождь ранній и поздній для заслуживающихъ, равно и для не заслуживающихъ; Онъ созываетъ на бракъ съ селъ;

стогнѣ и улицѣ, но нѣкоторыхъ находящихся уже на брачной вечери, какъ бы въ безопасности, изгоняетъ вонъ; Онъ овцу, которая не могла или не хотѣла подобно кающемуся сыну сама возвратиться, ищетъ и находитъ, и найдши приноситъ назадъ на своихъ плечахъ (Лук. 15). Ибо она очень устала, во время своего блужданія.

Чтобы убѣдиться, что и святые могутъ впадать въ зависть, и что совершенная благодѣтельность можетъ принадлежать только Богу, обратимъ вниманіе на примѣръ сыновъ зеведеевыхъ: когда мать ихъ въ порывѣ родительской нѣжности просила для нихъ слишкомъ многого, остальные десять учениковъ негодовали. А Иисусъ призвавши ихъ сказалъ: *въстѣ, яко князи языкъ господствуютъ ими, и величїи обладаютъ ими. Не такоже будетъ въ васъ: но иже аще хоцетъ въ васъ влїцїи быти, да будетъ вамъ слуга: и, иже аще хоцетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ: якоже сынъ человѣческій не прииде, да послужатъ ему, но послужити и дати душу свою избавленїя за многихъ* (Матѣ. 20, 25—28). Да не покажутся кому-нибудь соблазнительными и хульными наши слова о томъ, что и въ апостоловъ могъ вкратъ недугъ зависти: припомнимъ, что нѣчто подобное сказано и объ ангелахъ: «звѣзды нечисты предъ Нимъ и во ангелахъ своихъ Онъ усмотрѣлъ нѣчто не «правильное (Іов. 4, 18; также 15, 15)». И въ псалмахъ сказано: *не оправдится предъ тобою всякъ живый* (Пс. 142, 2). Не сказано: «не оправдится всякій человѣкъ» но «*всякъ живый*», то есть ни евангелистъ, ни апостоль, ни пророкъ. Скажу болѣе—ни ангелы, ни престолы, ни господства, ни власти, ни прочія силы. Одинъ Богъ безгрѣшенъ: остальные существа, обладающія свободнымъ произволеніемъ, къ числу коихъ принадлежитъ и человѣкъ, какъ созданный по образу и по подобію Божію, могутъ склонять свою волю въ ту и другую сторону. Если ты не убѣждаешься тѣмъ, что сказано, то быть можетъ

убѣдить тебя евангельская притча, въ которой дѣлатели въ теченіе дѣлаго дня посылаются въ вертоградъ (Ио. 20); въ первый часъ призывается Адамъ, Авель, Сифъ; въ третій Ной, въ шестой—Авраамъ; въ девятый—Моисей; въ одиннадцатый—языческій народъ, которому говорится: *что здѣ стоите весь день праздны?* А они отвѣчаютъ: *никтоже насъ нанялъ.* А что пришествіе нашего Спасителя совершилось въ послѣднее время—свидѣтель тому апостоль Іоаннъ, который говоритъ: *«братья, послѣдняя година есть: и якоже слышасте, яко антихристъ грядетъ, и нынѣ антихристи мнози быша; отъ сего разумываемъ, яко послѣдній часъ есть (1 Иоан. 2, 18).* Если тебѣ не нравится это толкованіе, избери другое, какое угодно; я согласенъ со всякимъ, лишь бы ты призналъ, что призванные первыми—праведники. Если такъ, то я обращаю вниманіе на то, какъ праведники роптали на домовладыку, говоря: *сѣи послѣдніи пришли и единъ часъ сотвориша и равныхъ ихъ сотворилъ еси намъ, понесимъ тяготу дне и варъ (Матѳ. 20, 12).* Кажется они говорятъ справедливо, что не одинакова должна быть награда того, кто въ потѣ лица трудился съ перваго часа до ночи и того, кто работалъ одинъ часъ. Но эта справедливость не безукоризненна, потому что завидуетъ чужому счастью. Въ послѣдствіи и Господь обличилъ въ этихъ людяхъ завистливое око, говоря: *«друзже,—аще око твое лукаво есть, яко азъ блакъ есмь? (Матѳ. 20, 15).* Посему у апостола Богъ называется единымъ праведнымъ, единымъ безсмертнымъ не потому, чтобы ангелы были не праведны и смертны, но потому что Онъ самъ въ себѣ безсмертенъ и праведенъ; въ немъ всцѣлю обрѣтается вся правда и безгрѣшность.

Чтобы ты понялъ, въ чемъ состоитъ неправда наемниковъ въ вышепредложенной притчѣ, послушай немного. Нанятый въ первый часъ заслуживаетъ болѣе, чѣмъ тотъ, кто въ третій

часъ посланъ въ виноградникъ; далѣе работникъ третьяго часа имѣеть преимущество предъ работникомъ шестаго часа; работникъ шестаго часа выше, чѣмъ работникъ часа девятаго. Отчего же всѣ они завидуютъ послѣднему и не заботятся о такойже справедливости въ воздаяніи за свои заслуги? Ты, наемникъ девятаго часа, почему завидуешь посланному въ виноградникъ въ одиннадцатый часъ? Чтобы ты ни отвѣтилъ, какъ бы ни показалъ различіе труда, и свое право при различіи труда на большую награду,—наемникъ шестаго часа можетъ сказать тоже самое въ приложеніи къ тебѣ. А ты наемникъ шестаго часа завидуешь послѣднему, получившему вмѣстѣ съ тобою динарій т. е. равное спасеніе—утверждая, что слава спасенія должна быть различна по мѣрѣ труда, но тоже самое можетъ сказать о тебѣ наемникъ 3 часа, а о немъ—наемникъ 1 часа. Но ранніе наемники, не смотря на неодинаковый трудъ и на различное время призванія, охотно получаютъ одинаковую награду; они не довольны только награжденіемъ послѣдняго работника, т. е. спасеніемъ язычниковъ: они укоряютъ Господа и во всѣхъ притчахъ обличаются за зависть.

Нѣтъ сомнѣнія, что рѣчь нашей скудости покажется тебѣ не обработанною, но я часто извинялся и предупреждалъ что могу отдѣлать свою рѣчь не иначе, какъ собственною рукою выправляя рукопись. Поэтому прости слабости моего зрѣнія; прости, что я диктовалъ это письмо. Прими во вниманіе, что въ духовныхъ дѣлахъ важны не слова, но смыслъ, что для поддержанія жизни нуженъ хлѣбъ, а не щелуха.

21. Письмо къ Евстохіи—о храненіи дѣвства.

Слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоея (пс. 44, 11.). Въ 44 псалмѣ Господь говоритъ душѣ

человѣческой, чтобы она, по примѣру Авраама изшедши изъ земли своей и отъ родства своего, оставила халдеевъ, т. е., какъ можно толковать, демоновъ, и вселилась на земли живыхъ, о которой нѣгдѣ пророкъ въздыхаетъ, говоря: *отворю видѣти благая Господня на земли живыхъ* (пс. 26, 13). Но не довольно для тебя выдти изъ земли твоей, если ты не забудешь людей своихъ и домъ отца своего, чтобы, презрѣвъ плоть, броситься въ объятія жениха. »Не озирайся«, сказано, »вспять и не останавливайся во всей окрестной странѣ, но на горѣ спасайся, чтобы не быть захваченнымъ« (Быт. 19. 17). Не слѣдуетъ, взявшись за плугъ, смотрѣть вспять, ни возвращаться съ поля домой, ни, имѣя Христову тунику, сходить въ кровли, чтобы взять иную одежду. Великое чудо: Отецъ увѣщеваетъ дочь, чтобы она забыла отца своего. *Вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хотите творити* (Иоанн. 8, 44) сказано іудеямъ. *Творяй грѣхъ, отъ діавола есть* (Иоанн. 3, 8), говорится въ другомъ мѣстѣ. Родившись отъ такого отца, мы черны, и, пока еще не вошли на верхъ добродѣтелей, говоримъ: *черна есмь азъ и добра, дщери іерусалимскія* (Пѣсн. пѣсн. 1, 4). Я вышла изъ дома, гдѣ провела дѣтство свое, забыла отца своего, возрождаюсь во Христѣ. Чтоже я получаю въ награду? Вотъ что: *и возжелаетъ царь доброты твоя* (пс. 44, 12). Это—великое таинство. Ради него оставить человѣкъ отца и мать свою и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ оба уже не въ плоть единому (Быт. 2, 24), но въ духъ единъ. Не высокоумѣренъ женихъ твой, не гордъ; онъ беретъ въ жену эіоиплянку: какъ скоро ты пожелаешь услышать мудрость истиннаго Соломона и придешь къ нему, онъ откроетъ тебѣ все, что знаетъ, и введетъ тебя царь въ ложницу свою, и чудеснымъ образомъ измѣнится цвѣтъ твой, такъ что о тебѣ можно будетъ сказать: *кто сія восходящая убѣлена?* (Пѣсн. пѣсн. 8, 5).

Я пишу это, госпожа моя Евстолія (я долженъ называть госпожею невѣсту Господа моего), чтобы съ самаго начала чтенія ты узнала, что я не буду восхвалять дѣвства, которое ты признала наилучшимъ и которому послѣдовала, не буду исчислять тягостей супружества, не стану говорить о томъ, какъ полнѣетъ чрево, ребенокъ кричитъ, сокрушаетъ разлучница, тревожатъ домашнія заботы и наконецъ смерть пресѣкаетъ все, что казалось благомъ. Имѣютъ и замужня свое достоинство, честный бракъ и ложе нескверное (Евр. 13, 4), но ты должна понять, что тебѣ, исходящей изъ Содома, слѣдуетъ страшиться примѣра жены Лотовой. Въ моемъ сочиненіи нѣтъ ласкательства. Ласкатель— это льстивый врагъ. Не найдешь ты здѣсь и риторическихъ гиперболей, которыя бы поставляли тебя въ ряду ангеловъ и повергали бы міръ къ ногамъ твоимъ. Я не хочу внушить тебѣ гордость твоимъ дѣвствомъ, но страхъ. Ты идешь съ грузомъ золота, тебѣ слѣдуетъ избѣгать разбойниковъ. Здѣшняя жизнь—поприще подвиговъ для смертныхъ; здѣсь мы подвизаемся, чтобы тамъ увѣнчаться. Никто не ходитъ въ безопасности среди змѣи и скорпіоновъ. *Упися мечъ мой на небеси* (Ис. 34, 5) говоритъ Господь; ты ли ожидаешь спокойствія на землѣ, которая раждаетъ тернія и волчцы, которую поядаетъ змій? *Нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ началамъ и ко властямъ, и къ міродержителямъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Еф. 6, 12). Мы обружены великими волчищами непріятелей; весь міръ полонъ врагами. Брениая плоть, которая скоро будетъ прахомъ, одна воюетъ со многими. Когда же она разрѣшится и придетъ князь міра сего и не найдетъ въ ней грѣха, тогда ты услышишь успокоительный голосъ пророка: *не убоишия отъ страха ношнаго, отъ стрѣлы летящія во дни, отъ вещи, во тмѣ преходящія, отъ нападенія и бѣса полуденнаго. Падетъ отъ страны твоея тысяща и тма одесную тебе, къ тебѣ же*

не приближатся (пс. 90, 5—7). Если же смутить тебя множество грѣховъ и ты станешь волноваться какими нибудь грѣховными пожеланіями, и скажетъ тебѣ помысль твой: что дѣлать? то отвѣтитъ тебѣ Елисей: *не бойся, яко множае иже съ нами, нежели съ ними*, и помолится и скажетъ: *Господи, отверзи нынѣ очи отроковицы Твоей, да узрятъ* (4 цар. 6, 16. 17.), и отверстыми очами ты увидишь огненную колесницу, которая вознесетъ тебѣ, какъ Ілію, къ звѣздамъ; и тогда въ восторгѣ ты воспосы: *душа наша, яко птица, избавися отъ стѣи ловящихъ; стѣи сокрушися и мы избавлены быхомъ* (пс. 123, 7). Пока мы живемъ въ семъ тлѣнномъ тѣлѣ, пока мы имѣемъ сокровище въ срудельныхъ сосудахъ (2 Кор. 4, 7), и *плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть* (Гал. 5, 17.), до тѣхъ поръ нѣтъ вѣрной побѣды. *Супостатъ нашъ діаволь, яко левъ, рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1. Петр. 5, 8). *Положилъ еси тьму, говоритъ Давидъ, и бысть ношь, въ нейже пройдутъ вси звѣріе дубравнии, скимни, рыкающіи восхитити и взыскати отъ Бога пищу себѣ* (Пс. 103, 20, 21). Не ищетъ діаволь себѣ въ добычу людей невѣрующихъ и тѣхъ, которые находятся влѣ церкви, и тѣла которыхъ царь ассирійскій зажегъ въ свѣтильникахъ; напротивъ того покушается ограбить церковь Христову. *Пищи его, по выраженію Пр. Аввакума, избранныя* (Авв. 1, 17). Онъ хочетъ испровергнуть Іова, и, пожравши Іуду, покушается разсѣвать другихъ апостоловъ. Не пришелъ Спаситель миръ во вренци на землю, но мечъ. Пала Денница (Lucifer), восходящая ваутра, и питавшійся въ раю сладости долженъ былъ выслушать слова: *аще вознесешия, якоже орелъ,—и оттуду сверху ты, глаголетъ Господь* (Авд. 4). Ибо люциферъ говорилъ въ сердцѣ своемъ: *выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой,—буду подобенъ Вышнему* (Ис. 14, 13. 14) Потому-то ежедневно Богъ говоритъ тѣмъ, которые нисходятъ по лѣствицѣ,

видѣнной во снѣ Іаковомъ: *азъ рѣхъ: бози есте и сынове Вышняго вси. Выже, яко чловѣцы умираете, и яко единъ отъ князей падаете* (Іс. 81, 6. 7). Прежде всѣхъ палъ діаволь,—и когда Богъ станетъ въ сонмѣ боговъ, посреди же боговъ разсудить, тогда Апостоль скажетъ тѣмъ которые перестанутъ бысть богами: *идѣже бо въ васъ рвенія и распри, не чловѣки ли есте и по чловѣку ходитѣ?* (1 Кор. 3, 3).

Если Апостоль, сосудъ избранный и приуроченный для благовѣсія Христова, по причинѣ жала плоти и грѣховныхъ пожеланій изнуряетъ тѣло свое и порабощаетъ, да не инымъ проповѣдуя, самъ исключимъ будетъ; и однакоже видитъ иной законъ въ членахъ своихъ, противовоющій закону ума его и плѣняющій его закономъ грѣховнымъ; если послѣ претерпѣнной наготы, постовъ, голода, темницы, бичеваній, мученій Апостоль, обратившись къ себѣ, восклицаетъ: *окаяненъ азъ чловѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего?* (Рим. 7, 24): то ты ли считаешь себя безопасною? Остерегись пожалуйста, чтобы когда нибудь Богъ не сказалъ о тебѣ: *дѣвица израилева повержена, нѣсть возстающаго ю* (Амос. 5, 2). Дерзновенно говорю: Богъ все можетъ, но не можетъ воздвигнуть дѣвицу послѣ ея паденія. Онъ можетъ избавить ее отъ наказанія, но не пожелаетъ увѣичать лишенную непорочности. Убоимся, да не исполнится и на насъ это пророчество: *оскудѣютъ дѣвы добрыя* (Ам. 8. 13). Замѣть, что говоритъ пророкъ; *дѣвы добрыя оскудѣютъ*,—потому что есть дѣвы и злыя. Сказано: *всякъ, иже воззритъ на жену ко еже возжелати ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердце своемъ* (Матѣ. 5, 28). Итакъ дѣвственность погибаетъ и вслѣдствіе мыслей. Отъ этого и бывають дѣвы злыя, дѣвы тѣломъ, но не духомъ, дѣвы юродивыя, не имѣющія ея, для когорыхъ затворенъ будетъ брачный чертогъ.

Если же эти дѣвы не спасаются тѣлесною дѣвственностію

отъ наказанія за свою вину; то что будетъ съ тѣми, которыя растлили члены Христовы и превратили храмъ Святаго Духа въ блудлище? Имъ будетъ сказано: *сиди, сяди на земли, дѣво дщи Вавилоня, сяди на землю, нѣтъ престола для дщери халдейской; не приложиши ксему прозыватися мяка и юна. Возми жерновы, мели муку, открой покрывало твое, возсучи иолени, преиди рѣки; открыется студъ твой, явятся укоризны твоя* (Ис. 47, 1—3). Итакъ послѣ брака Сына Божія, послѣ лобзаній брата и жениха, та, о которой нѣкогда въ пророческой пѣсни воспѣвалось: *предста царица одесную тебе въ ризахъ позлащенныхъ одѣянна преиспещрена* (пс. 44, 10), будетъ обнажена: прошлое ея будетъ положено предъ лицомъ ея; сядетъ она при водахъ пустынныхъ, положить сосудъ, разставить ноги свои всякому мимоходящему и даже до верху главы осквернена будетъ. Лучше было бы для человѣка вступить въ супружество и итти ровнымъ путемъ, чѣмъ начавъ взбираться на высоту, упасть во глубинну адову. Умоляю тебя, да не будетъ вѣрнѣй Сіонъ градомъ блудницею, да не воспляшутъ демоны, да не вознѣдятся сирены на мѣстѣ жилища Св. Троицы. Да не разорвется союзъ сердечный; но лишь только пожеланіе яснѣется чувства или огонь сладострастія обдастъ насъ пріятнымъ тепломъ, будемъ взывать громогласно: *Господь помощникъ мой, не убоюся, что сотворитъ мнѣ плоть* (Ис. 55, 5). Когда внутренній человѣкъ хотя несколько начнетъ колебаться между добродѣтелями и пороками, скажи: *вскую прискорбна си, душе моя, и вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповьмся Ему, спасеніе лица моего и Богъ мой* (Ис. 41, 12). Не позволяй возрастать помысламъ. Да не достигаетъ въ тебѣ юности ничто вавилонское, ничто смущающее ¹⁾. Убей врага пока онъ малъ; нерадѣніе да бу-

1) Nihil Babiloniam, nihil confusionis. Нужно припомнить, что Вавилонъ значить смѣшеніе.

дѣть уничтожено въ сѣмени, чтобы не возрасли плевелы. Послушай псалмопѣвца, который говоритъ: *дщю Вавилонъ окаменная, блаженъ, иже воздастъ тебѣ воздаяніе твое, еже воздала еси намъ. Блаженъ, иже иметъ и разбьетъ младенцы твоя камень* (Пс. 136, 8). Тамъ какъ невозможно, чтобы врожденное сердечное влеченіе не врывалось въ чувство человѣка, то похваляется и называется блаженнымъ тотъ, кто при первомъ началѣ страстныхъ помысловъ поражаетъ ихъ и разбиваетъ о камень. *Камень же есть Христосъ* (1 Кор. 10, 4).

О сколько разъ, уже будучи отшельникомъ и находясь въ обширной пустынѣ, сожженной лучами солнца и служащей мрачнымъ жилищемъ для монаховъ, я воображалъ себя среди удовольствій Рима. Я пребывалъ въ уединеніи, потому что былъ исполненъ горести. Истощенные члены были прикрыты вретникомъ и загрязненная кожа напоминала кожу Эѳіоплянь. Каждый день слезы, каждый день—степанія, и когда сонъ грозилъ захватить меня во время моей борьбы, я слагалъ на голую землю кости мои, едва державшіяся въ составахъ. О пищѣ и питіи умалчиваю, потому что даже больные монахи употребляютъ холодную воду, а имѣть что нибудь вареное было бы роскошью. И все-таки я,—тотъ самый, который ради страха геенны осудилъ себя на такое заточеніе въ сообществѣ только звѣрей и скорпіоновъ,—я часто былъ мысленно въ хороводѣ дѣвиць. Блѣднѣло лице отъ поста, а мысль кипѣла страстными желаніями въ охлажденномъ тѣлѣ, и огонь похоти пылалъ въ человѣкѣ, который заранѣе умеръ въ своей плоти. Лишенный всякой помощи, я припадалъ къ ногамъ Иисусовымъ, оршилъ нѣкъ слезами, отиралъ власами и враждующую плоть укрощалъ посяденіемъ но цѣлымъ недѣлямъ. Я не стыжусь передавать повѣсть о моемъ бѣдственномъ положеніи, напротивъ сокрушаюсь о томъ, что я теперь уже не таковъ. Я помню что я часто взывалъ къ Богу день и ночь и не прежде пере-

ставалъ ударять себя въ грудь, какъ по гласу Господнему, наставляла тишина. Я боялся даже кельи моей, какъ сообщницы моихъ помышлений. Во гнѣвѣ и досадѣ на себя самого, я одинъ блуждалъ по пустынямъ. Гдѣ я усматривалъ горныя пищеры, неудобовосходимые утесы, обрывы скаль,—тамъ было мѣсто для моей молитвы, тамъ острогъ для моей окаяннѣйшей плоти; и Господь свидѣтель—послѣ многихъ слезъ, послѣ возведенія очей на небо я иногда видалъ себя среди сонмовъ ангельскихъ, и въ радостномъ восторгѣ воспѣвалъ: *въ славу Тебе, въ вою міра Твоего течемъ* (Пѣсн. Пѣсн. 1, 3).

Если же такіа искушенія терять тѣ, которые, изнуривъ тѣло, обуреваются одними помыслами, то что сказать о дѣвицѣ, которая наслаждается утѣхами? Остается повторить изреченіе Апостола: *жива умерла* (1 Тим. 5, 5): Потому, если я могу сколько нибудь совѣтовать, если моя опытность заслуживаетъ довѣрія, то я прежде всего увѣщываю и умоляю, чтобы невѣста Христова избѣгала вина, какъ яда. Это первое оружіе демоновъ прогнать молодости. Не въ такой степени молодыхъ людей сокрушаетъ скупость, надмѣвается гордость, тѣшитъ честолюбіе. Мы легко чуждаемся другихъ пороковъ; но врагъ, о которомъ мы говоримъ, заключенъ въ насъ самихъ. Куда мы ни поидемъ, онъ вездѣ съ нами. Вино и молодость двойное воспламененіе для чувственности. Зачѣмъ же подкидывать масла въ огонь? Зачѣмъ подносить трутъ къ пылающему тѣлу? Павелъ говоритъ Тимошею: *ктому не пей воды, но мало вина приеми стомаха стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1. Тим. 5, 23). Замѣлъ, по какимъ причинамъ разрѣшается питіе вина, чтобы урочевать чрезъ это соль стомаха и частые недуги. И чтобы мы не злоупотребили предлогомъ болѣзни, Павелъ заповѣдалъ вѣнчать не много вина, давая этотъ совѣтъ болѣе какъ врачъ, чѣмъ какъ Апостоль, (ибо какъ Апостоль, онъ врачъ духовный) опасаясь, что Тимошей, ослабленный немощію,

не въ состояніи будетъ исполнять дѣло евангельской проповѣдъ, и помня въ тоже время, что въ другомъ мѣстѣ онъ сказалъ: *вино, въ немже есть роскошь* (Еф. 5, 8), и: *добро чловѣку не ясти мясъ, ниже пити вина* (Рим. 14, 21). Ной пилъ вино и унылся (Быт. 9, 21). Послѣ потопа въ вѣгъ простоты Ной быть можетъ не зналъ еще опьяняющей силы вина. И (чтобы ты уразумѣла, что Св. Писаніе полно тайнъ и слово Божіе есть драгоценный камень всюду находимый) за опьяненіемъ послѣдовало обнаженіе чреслъ, похоть соединенная съ распущенностію. Прежде наполняется чрево, потомъ возбуждаются и прочіе члены. *Съдоша людіе ясти и пити, и восташа ширати* (Исх. 32, 6). Тотъ, другъ Божій, спасшійся на горѣ, оказавшійся единственнымъ праведникомъ изъ столь многихъ тысячъ народа, приводится въ состояніе опьяненія своими дочерьми; и хотя онѣ думали, что родъ чловѣческій прекращается, и сдѣлали это болѣе по желанію чадородія, чѣмъ ради похоти: однако знали, что праведный мужъ не сдѣлалъ бы этого, если бы не находился въ состояніи опьяненія. Наконецъ онъ уже не зналъ, что дѣлалъ; и хотя преступленіе совершилось непроизвольно, однако же преступное дѣйствіе не чуждо грѣха. Отсюда то и ведутъ свой родъ Моавитяне и Аммонитяне, которые до 4 и 10 рода, и даже во вѣли не входятъ въ церковь Божію.

Когда Илія бѣжалъ отъ Іезавели и утомившись лежалъ подъ дубомъ въ пустынѣ, то ангелъ Господень пришедши къ нему, возбудилъ его и сказалъ ему: *востани, яждь и пей. И возръ Иліа: и се у возглавія его оперьскокъ ячменный и чванецъ воды* (3 Цар. 5, 6). Не ужели Богъ не могъ послать пророку хорошаго вина, и отмѣнныхъ кушаньевъ, и битаго мяса? Елисей приглашаетъ ко обѣду сыновъ пророческихъ, и угощая ихъ полевыми травами, слышитъ единогласный вопль обѣдающихъ: *смерть въ конобъ* (4 Цар. 4, 40). Чловѣкъ

Божій не прогнѣвался на готовившихъ пищу, потому что не привыкъ къ болѣе роскошному столу, но всыпавъ въ горшокъ муки, усладилъ горечь тою же духовною силою, какою Моисей усладилъ Мерру. А когда Елисей посланныхъ для того, чтобы схватить его, ослѣпленныхъ равно очами и умомъ, завелъ безъ ихъ сознанія въ Самарію, то послушай, какими кушаньями онъ велѣлъ угостить ихъ. *Предложи имъ, сказалъ Пророкъ, хлѣбы и воду, да ядятъ, и да пють, и да отгидутъ къ господину своему* (4 Цар. 6, 22). Могъ бы и Данилъ получить болѣе роскошный столъ изъ царскихъ кушаньевъ: но Аввакумъ принесъ ему обѣдъ жнецовъ, думаю, деревенскій. Потому-то Данилъ и называется мужемъ желаній, что онъ хлѣба вожделеннаго не ѣлъ и воды пожеланія не пилъ.

Въ Св. Писаніи есть безчисленное множество изреченій осуждающихъ излишество и одобряющихъ простоту въ пищѣ. Но такъ какъ мы не намѣрены разсуждать о постахъ и разсмотрѣть этотъ предметъ сполна было бы дѣломъ особаго трактата и отдѣльной книги, то достаточно и то, что сказано, малое изъ многого. Въ дополненіе къ вышензложеннымъ примѣрамъ можешь и сама припомнить, какъ первый человекъ, служа болѣе чреву, чѣмъ Богу, былъ низвергнутъ изъ рая въ сію юдоль плачевную. И самого Господа сатана искушалъ въ пустынѣ голодомъ. И Апостоль говоритъ: *бранина чреву, и чрево браниномъ: Богъ же и сіе, и сія упряднитъ* (1 Кор. 6, 13). Также о чревоугодникахъ говоритъ что для нихъ *богъ чрево* (Фил. 3, 19). Ибо, кто что любитъ, то и чтитъ. Посему тщательно должно заботиться, чтобы мы, изгнанные изъ рая невоздержаніемъ, были возвращены туда постничествомъ

Если же ты станешь возражать, что ты произшедшая изъ знатнаго рода, всегда жившая въ удовольствіяхъ и въ нѣгѣ ¹⁾,

¹⁾ In plumis—собственно: въ пуховикахъ.

не можешь отстать отъ вина и изысканныхъ кушаньевъ, и подчиняться суровымъ законамъ воздержанія, то я скажу тебѣ: живи же по своему закону, если не хочешь жить по закону Божію. Для Бога, Творца и Владыки вселенной не нужно ворчаніе въ внутренностяхъ и пустота желудка и воспаленное состояніе легкихъ; но безъ этого не можетъ быть безопасно твоё цѣломудріе. Послушай, что говоритъ о діаволѣ Іовъ, любезный Богу и по собственному свидѣтельству непорочный и праведный: *крѣпость его на чреслахъ, сила же его на путь чрева* (Іов. 40, 11) ¹⁾. Благоприлично родотворные члены мужчины и женщины называются не прямыми именами. Такъ: Господь обѣщаетъ прорекующаго отъ чреслъ Давидовыхъ посадить на престолѣ Его (2 Цар. 6, 9). Въ Египетъ вошли 75 душъ, происшедшихъ отъ чреслъ іаковлевыхъ.—Послѣ того какъ вслѣдствіе борьбы съ Господомъ *отерпе широта стегна Іаковля* (Быт. 32, 25), Іаковъ пересталъ рождать дѣтей. Намъревающійся праздновать пасху долженъ совершать ее съ препоясанными и умерщвленными чреслами (Исх. 11, 12). Богъ говоритъ Іову: *препояши, яко мужъ чресла твоя* (Іов 40, 2). Іоаннъ опоясуется кожанымъ поясомъ, апостоламъ заповѣдуется съ препоясанными чреслами держать свѣтильникъ благовѣстія. Къ Іерусалиму, обрызганному кровію и находящемуся на пути заблужденія, говорится у Іезекіиля: *и не отрѣзаша ти пупа* (Іез. 16, 4). Итакъ вся сила діавола противъ мужчинъ заключается въ чреслахъ; вся крѣпость его противъ женщинъ—въ пупѣ.

Хочешь ли убѣдиться въ истинѣ моихъ словъ? Обрати вниманіе на примѣры. Самсонъ, который былъ храбрѣ льва

¹⁾ Эти слова сказаны не Іовомъ, а Іеговою, и не о діаволѣ, а о левіаѳанѣ. Бл. Іеронимъ введенъ въ ошпбку или забывчивостію или вслѣдствіе увлеченія ходомъ своихъ мыслей.

и тверже камня, который одинъ безоружный преслѣдовалъ тысячи вооруженныхъ, потерялъ силу въ объятіяхъ Далилы. Давидъ, избранникъ по сердцу Господнему, часто воспѣвавшій грядущаго святаго Христа, послѣ того какъ, прогуливаясь на кровлѣ дома своего, плѣнился обнаженною Вирсавією, то вслѣдъ за прелюбодѣянiемъ совершилъ челоуѣкоубійство. Замѣть кстати при этомъ, что никто, даже сидя дома, не безопасенъ отъ обольщенiя чрезъ зрѣніе. Посему Давидъ раскаяваясь говоритъ Господу: *тебѣ единому согрѣшихъ, и лукавос предъ тобою сотворихъ* (Пс. 50, 5). Ибо онъ былъ царь, никого иного не боялся. Соломонъ, устами котораго гласила сама мудрость, обсудившій все отъ бедра ливанскаго до уссона, исходящаго изъ стѣны, отступилъ отъ Господа, поеленку былъ женолюбивъ. И чтобы никто не надѣялся на себя при сношенiяхъ къ кровными родственниками, пусть приведется на память Аммонъ, воспылавшій преступною страстію къ сестрѣ Тамари.

Горько сказать, сколько каждый день падаетъ дѣвиць, сколько матерей церковь теряетъ отъ своего лона, выше сколько звѣздъ гордый врагъ поставляетъ престолъ свой; сколько камней онъ выдалбиваетъ и гнѣздится какъ змѣй во впадинахъ ихъ. Ты увидишь даже многихъ вдовиць до замужства, прикрывающихъ притворною одеждою несчастное сознание своего преступленiя. И если ихъ не выдастъ полнота чрева и крикъ дитяти, то онѣ ходятъ поднявши голову и игривыми шагами. Иныя изъ нихъ принимаютъ иѣкоторое питіе для безплодія, и совершаютъ убійство челоуѣка еще до принятiя его въ сѣмени. Другія, когда почувствуютъ себя зачавшими отъ преступленiя, принимаютъ лекарство для вытравленiя плода, при этомъ не рѣдко и сами умираютъ и отправляются въ адъ, виновныя въ трехъ преступленiяхъ, въ самоубійствѣ, въ прелюбодѣянiи отъ Христа, въ дѣтоубійствѣ еще не рожденнаго чада. Это тѣ, которыя любятъ говорить: «все чисто—чистымъ. Для меня дос-

«таточно собственнаго сознанія. Богъ желаетъ чистаго сердца. «Зачѣмъ мнѣ воздерживаться отъ брашенъ, которыя Богъ сотворилъ для употребленія»? Когда же онѣ хотятъ повеселиться и попраздновать, то упившись цѣльнымъ виномъ и съ не трезвостию сосдиняя поруганіе святыни, говорятъ: «да не будетъ того, чтобы я удалялась отъ приобщенія крови Христовой». А когда увидятъ женщину блѣдную и печальную, то называютъ ее окаянною и Манихейскою, справедливо разсуждая, что постъ по манихейскимъ побужденіямъ есть ересь ¹⁾. Это тѣ, которыя въ виду всѣхъ проходятъ чрезъ площадь и тайно помавая очами влекутъ за собою толпы юношей; это тѣ, къ которымъ всегда обращено пророческое слово: *лице жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдиться* (Іер. 3, 3).—Только пурпуръ на одеждѣ тонкій и голова слегка перевязанная, чтобы рассыпались волосы, легкій башмакъ и развѣвающаяся за плечами гіацинтоваго цвѣта шубка (ласпа), подвязные рукавчики, прикрѣпленные къ плечамъ, да выдѣланная походка съ вывернутыми колѣнами—вотъ въ чемъ состоитъ все ихъ дѣвство. Пусть у нихъ будутъ свои хвалители, помогающіе имъ подъ именемъ дѣвицъ погибать за болѣе дорогую цѣну. Я же съ своей стороны очень желалъ бы имъ не нравиться.

Стыдно указать на неприличные, печальные, но дѣйствительные факты: откуда вошла въ церкви язва Агапетъ ²⁾? Откуда именованіе женъ безъ брака? Откуда новый родъ наложницъ? Скажу болѣе: откуда единомужнія блудоуѣицы? Пребываютъ мужчина и женщина въ одномъ домѣ, въ одной спальнѣ,

1) Манихеи не вкушали мяса, говори, что не должно питаться мертвымъ тѣломъ, такъ какъ изъ него вышла божественная субстанція;—и не пили вина, называя оное желчью князя тьмы.

2) *Pestis agapetorum*. *Ἀγαπῆται*—возлюбленная; этимъ благоприличнымъ именемъ часто злоупотребляли для обозначенія чисто чувственныхъ отношеній.

часто на одной постелѣ, и называютъ насъ подозрительными, если мы думаемъ что нибудь. Братъ оставляетъ сестру дѣвицу, дѣвушка удаляетъ отъ себя неженатаго родственника, называетъ братомъ чужаго, и притворяясь оба для одной цѣли, они ищутъ духовнаго утѣшенія на сторонѣ, чтобы дома имѣть тѣлесное общеніе. Такихъ людей изобличаетъ Соломонъ въ притчахъ, говоря: *вяжетъ ли кто огонь въ нѣдра, ризъ своихъ не сожжетъ ли? или ходити кто будетъ на угляхъ огненныхъ, ногъ же не сожжетъ ли?* (Притч. 6, 27, 28.)

Теперь, покончивши рѣчь о тѣхъ, которыя хотять казаться, но не быть дѣвами, я обращусь исключительно къ тебѣ, первой изъ знатныхъ дѣвъ Рима, которая по сему самому должна особенно стараться, чтобы не лишиться благъ и настоящихъ, и будущихъ. Тягостную сторону брака и неизвѣстность судьбы въ замужествѣ ты узнала изъ домашняго примѣра, потому что сестра твоя Блезилла, старшая по возрасту, но младшая по выбору жребія, вышедши замужъ, на седьмой мѣсяцъ овдовѣла. О несчастная человѣческая судьба съ невѣдомымъ будущимъ! Сестра твоя потеряла и вѣнецъ дѣвства и брачныя удовольствія. И хотя вдовство стоитъ на второй степени цѣломудрія, однако какіе думаешь ты повременамъ несеть она кресты, видя каждый день въ сестрѣ то, что потеряла сама, и имѣя въ виду получить меньшую награду за воздержаніе, тогда какъ, испытавъ брачныя удовольствія, съ большею тягостию переносить ихъ лишеніе. Но да будетъ и она спокойна и радостна. Плодъ сторицею и плодъ въ 60 разъ—вырастаютъ изъ одного и тогоже сѣмени непорочности.

Мнѣ не хочется, чтобы ты знакоилась съ свѣтскими дамами, чтобы ты ходила въ дома вельможъ, чтобы ты часто смотрѣла на то, что ты презрѣла, возжелавъ быть дѣвою. Женщины любятъ, чтобы имъ воздавали честь ради ихъ мужьевъ, находящихся въ судейскомъ или въ какомъ-нибудь другомъ

достоинствѣ. Если къ женѣ императора стекается толпа поздравителей, то зачѣмъ ты не цѣнишь супруга твоего? Зачѣмъ ты, невѣста Божія, спѣшишь къ супругѣ человѣческой? Учись въ этомъ случаѣ святой гордости: знай, что ты выше этой знати. Я желаю, чтобы ты удалялась отъ знакомствъ не только съ тѣми женщинами, которыя надуты почестями мужьствъ, окружены толпами евнуховъ, одѣты въ златотканныя одежды, но избѣгала также и тѣхъ, которыя сдѣлались вдовами по необходимости, а не по охотѣ: я это говорю не въ томъ смыслѣ, что жены должны желать смерти мужьствъ, а въ томъ, что онѣ охотно должны пользоваться представляющимся имъ случаемъ къ цѣломудрію. А у вдовъ, отъ которыхъ я предостерегаю тебя, съ перемѣною одежды не перемѣнился прежній образъ жизни. Впереди носилокъ (basternas) идетъ рядъ евнуховъ: у вдовъ раскраснѣлись щеки, разгладились морщины такъ, что легко понять, что онѣ не потеряли, но ищутъ мужьствъ. Весь домъ полонъ ласкателями, полонъ пиршествами. Сами клирики, которые должны бы быть учителями закона и страха Божія, лобзаютъ главы матронъ, и протянувъ руку какъ бы для благословенія, принимаютъ подарки за свою привѣтливость. А матроны, замѣчая, что священники нуждаются въ ихъ пособіи, проникаются гордостію; разъ уже испытавши на себѣ владычество мужьствъ, предпочитаютъ свободу вдовства, называются непорочными и поннами ¹⁾ и послѣ сомнительной вечера видятъ во снѣ апостоловъ.

Да будутъ тебѣ подругами женщины, истощенныя постами, блѣдныя лицомъ, умудренныя возрастомъ и жизнію, ежедневно воспѣвающія въ сердцахъ своихъ: *идѣ посеши? идѣ почиаеши*

¹⁾ Поннами назывались дѣвы, посвященныя Богу и проводившія непорочную жизнь. Fulbertus in poenitentiis laicorum: si quis nonnam corruperit, septem annis poeniteat. «Кто растлитъ понну, да сокрушается 7 лѣтъ.»

въ полудне? (пѣс. п. 1. 6.) и отъ души говорящія: »желаю разрѣшиться и быть со Христомъ« (Фил. 1, 23). Будь послушна родителямъ: подражай жениху своему. Не часто выходи въ общество. Вспоминай о мученикахъ на ложѣ твоемъ. У тебя никогда не будетъ недостатка въ предложенияхъ къ выходу въ общество, если ты пожелаешь выходить всегда въ случаѣ необходимости. Да будетъ у тебя пища умѣренная, и желудокъ всегда не наполненный. Многіе, воздерживаясь отъ вина, опьяняются обиліемъ пищи. Когда ты встанешь на почную молитву, пусть будетъ тебѣ тошно не отъ несваренія въ желудкѣ, но отъ отощанія. Чаше читай, изучай какъ можно болѣе. Пусть сонъ захватываетъ тебя, когда ты держишь книгу и пусть лице твое склоняется на святую страницу. Пусть будетъ у тебя ежедневный постъ и послабленіе себѣ, чуждое пресыщенія. Нѣтъ пользы, пропустивши два три дня, наполнять пустое чрево, прекращая вмѣстѣ съ тѣмъ постъ и вознаграждая себя за него чрезмѣрною сытостію. Отъ этого тупѣетъ обремененный умъ и орошенная земля рождаетъ терніе похотей. Когда ты почувствуешь, что внѣшній человѣкъ оживаетъ въ цвѣтѣ юности, когда, послѣ принятія пищи, на постели охватить тебя пріятная роскошь пожеланій, возьми щитъ вѣры, которымъ будутъ угашены разженные стрѣлы діавола. *Вси любодѣющіи: яко нещъ* (Ос. 7, 4) сердца ихъ. А ты, послѣдовавшая стопамъ Христовымъ, внявшая словамъ его, скажи; не »сердце ли наше горѣло на пути, когда открывалъ намъ Іисусъ писанія« (Лук. 24, 32). И еще: *разжженно слово твое зло, и рабъ твой возлюбилъ е* (Пс. 118, 140). Трудно душѣ человѣческой ничего не любить, необходимо, чтобы умъ нашъ былъ привлеченъ къ какимъ-нибудь привязанностямъ. Любовь плотская побѣждается любовью духовною. Одно желаніе погашается другимъ. Насколько уменьшается здѣсь, настолько возрастаетъ тамъ. Поэтому тѣмъ болѣе воздыхай всегда и говори на ложѣ твоемъ: *въ нощехъ*

искалъ, его же возлюби душа моя (пѣсн. 3, 1). *умертвите убо,* говоритъ Апостоль, *уды ваша, яже на земли* (Кол. 3. 5) по этому и самъ впослѣдствіи откровенно говоритъ: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Умерщвляющій члены свои, живущій въ мірѣ семъ только по видимому, не боится сказать *быхъ, яко мѣхъ на слань* (Пс. 118, 83). Вся бывшая во мнѣ мокрота похоти испарилась. *Кольна моя изнемогоста отъ поста.* II: *забыхъ снѣсти хлѣбъ мой, отъ гласа воздыханія моего прише кость моя плоти моей* (Пс. 101, 6).

Будь ночью стрекозою. Измый на всяку ночь ложе твое, слезами твоими постелю твою ороси. Бодрствуй и будь, какъ птица (passer) въ пустынь. Воспой духомъ, воспой и умомъ: *благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его,* списходительнаго ко всѣмъ неправдамъ твоимъ, *исцѣляющаго вся недуги твоя, избавляющаго отъ истлѣнія животъ твой* (пс. 101, 1 и сл). И кто изъ насъ отъ сердца можетъ сказать: *зане пепелъ, яко хлѣбъ ядяхъ, и питіе мое съ плачемъ растворяхъ* (пс. 101, 10). Не должно ли плакать, не должно ли стенать, когда змій опять влечетъ меня къ непозволеннымъ яствамъ?—когда изгнанныхъ изъ рая дѣвства хочетъ облечь кожаными одеждами, которыя Илія возвращаясь въ рай, бросилъ на землю? Что общаго между мною и чувственнымъ удовольствіемъ, скоро исчезающимъ? Что мнѣ за дѣло во сладкой и смертоносной пѣсни сирень? Я не хочу, чтобы надъ тобой исполнился приговоръ, изреченный на осужденнаго чело-вѣка. *Езъ болзняхъ и горестяхъ родихи чада.* Но это (сѣяи) законъ женщины, а не мой. *И къ мужу обращеніе твое.* Пусть будетъ покорна мужу та, которая не имѣетъ супругомъ Христа. И наконецъ *смертію умрещи.* Таковъ конецъ супружества: а моя цѣль тамъ, гдѣ ни женятся, ни посягаютъ. Пусть вышедшія замужь имѣютъ свое время и имя. А мнѣ пусть

будеть предоставлено дѣвство въ Маріи и Христѣ.

Быть можетъ кто-нибудь скажетъ: »и ты осмѣливаешься говорить противъ брака, благословеннаго Богомъ?« Но предпочитать дѣвство браку, не значить еще порицать бракъ. Никто не сравниваетъ худое съ добромъ. Да будутъ досточтимы и вышедшія за мужъ, хотя онѣ и уступаютъ первенство дѣвамъ. Сказано: *раститесь и множитесь, и наполните землю* (Быт. 1, 28). Пусть растутъ и множится тотъ, кто желаетъ наполнить землю. А твое воинство на небесахъ. *Раститесь и множитесь* —эта заповѣдь приводится въ исполненіе послѣ рая и наготы и смоковничныхъ листьевъ, знаменующихъ брачное похотѣніе. Пусть женятся и посягаютъ тѣ, которые въ полѣ лица ядятъ хлѣбъ свой, которыхъ земля рождаетъ тернія и волчцы, а трава заглушена колючимъ бустарникомъ. А мое сѣмя приноситъ сторицный плодъ. *Не вси вмѣщаютъ словесе Божія, но имже дано есть* (Мѡ. 19, 11). Иного дѣлаетъ безбрачнымъ необходимость, меня охота. *Время обымати, и время удалитися отъ обыманія. Время разметати каменіе, и время собирати каменіе* (Евкл. 3, 5). Послѣ того, галь изъ среды грубыхъ народовъ родились чада Авраамовы, начали »камни святыя ка-таться на земли« (Зах. 9, 12). Они минуютъ вихрь міра сего, и въ колесницѣ Божіей вращаются съ быстротою колесъ. Пусть шьютъ туники тѣ, которые потеряли горнюю нешвенную тунику, которымъ пріятенъ крикъ младенцевъ, при самомъ началѣ жизни горько плачущихъ о томъ, что они родились. Ева въ раю была дѣвою: послѣ кожаныхъ ризъ началось ея брачное состояніе. Твоя страна—рай. Сохрани то, съ чѣмъ ты родилась, и скажи: *возвратися, душе моя, въ покой твой* (Пс. 124, 7). Вотъ тебѣ доказательство, что дѣвство свойственно природѣ, а бракъ имѣлъ мѣсто послѣ грѣхопаденія: вслѣдствіе брака рождается дѣвственное тѣло, въ плодѣ вновь пріобрѣтается тѣ, что потеряно въ корнѣ. *Изыдетъ отрасль изъ корене Иссеова, и цвѣтъ*

отъ кореня ея взыдетъ (Пс. 11, 1). Отрасть есть Матерь господня, простая, чистая, непорочная, чуждая всякаго сѣмени отвнѣ и, подобно Богу, плодоносная въ уединеніи (foecunda unione) ¹⁾. Цвѣтъ этой отрасли есть Христосъ, говорящій: *азъ цвѣтъ полевой, и кринъ удоольный* (Пѣсн. п. 2, 1). Онъ же въ другомъ мѣстѣ называется камнемъ отторгшимся отъ горы безъ рукъ (Дан. 2, 45), чѣмъ обозначаетъ пророкъ дѣвственное рожденіе его отъ дѣвы. Ибо руки принимаются, какъ нѣчто, имѣющее значеніе по отношенію къ браку, какъ сказано: *шуйца его подѣ главою моею и десница его обзываетъ мя* (Пѣсн. п. 2, 6). Для нашей цѣли не излишне замѣтить и то, что животныя, введенныя въ ковчегъ Ноевъ по парѣ, нечисты; а число чистыхъ животныхъ нечетное. Моисею и Иисусу Навину повѣлено было войти во святую землю обнаженными ногами. Ученикамъ суждено было проповѣдывать новое евангеліе не отягчаясь сандаліями и кожами. И воинамъ, раздѣлившимъ одежды Иисусовы, не пришлось унести сапоги Его. Ибо господинъ не могъ имѣть того, что запретилъ слугамъ.

Я хвалю бракъ, хвалю супружество, но потому, что отъ брака рождаются дѣвственные люди: я отдѣляю розу отъ шиповъ, золото отъ земли, жемчужину отъ раковины. Неужели пашущій всегда будетъ пахать? Неужели не насладится плодомъ трудовъ своихъ? Болѣе почитается бракъ, когда болѣе любителю рождаемое отъ него. Зачѣмъ ты, мать, завидуешь дочери? Она воспитана твоимъ молокомъ, она рождена твоимъ чревомъ, она выросла у твоего лона. Ты сохранила ее въ дѣвствѣ своимъ благочестивымъ тицаніемъ. Неужели ты негодуешь, что она захотѣла быть супругою не воина, а царя. Она сдѣлала тебѣ великое благодѣяніе. Ты стала тещею Бо-

¹⁾ Смысль этого выраженія таковъ: какъ Богъ отецъ одинъ безъ матерей рождаетъ слово, такъ св. Дѣва Марія одна безъ мужа родила Христа

жією ¹⁾. *О двѣхъ*, говоритъ Апостоль, *повелѣнія Господня не имамъ* (Кор. 7, 25). Почему такъ? потому что Апостоль и самъ пребывалъ въ дѣвствѣ не по повелѣнію, а по собственной волѣ. Не должно слушать тѣхъ, которые говорятъ, что онъ имѣлъ жену, тогда какъ разсуждая о воздержаніи и увѣщевая къ постоянной чистотѣ, онъ сказалъ: *хочу, да вси чловѣцы будутъ якоже и азъ*. И ниже: *малою же безбрачнымъ и вдовицамъ, добро имъ есть, аще пребудутъ, якоже и азъ* (Кор. 7, 7. 8). И въ другомъ мѣстѣ: *еда не имамы власти сестру жену водити, якоже и прочіи апостоли* (Кор. 9, 5). Итакъ отчего же апостоль не имѣетъ повелѣнія Господняго о дѣвствѣ? Оттого, что приносимое безъ принужденія заслуживаетъ большую награду. Если бы дѣвство было заповѣдано, то бракъ казался бы отвергнутымъ, и слишкомъ сурово было бы принуждать вопреки природѣ, требовать отъ людей ангельской жизни и нѣкоторымъ образомъ осуждать то, что создано.

Въ ветхомъ завѣтѣ иное было благополучіе. Тамъ говорится: *блаженъ, иже имѣетъ племя въ Сионѣ, и юзики во Иерусалимѣ* (Ис. 31, 9) и еще: *«проклята неплодная, нерождавшая»* и еще: *сынове твои, яко новосажденія масличныя окрестъ трапезы твоея* (Ис. 127, 4). Тамъ обѣщаются богатства и то, что въ колѣнахъ израилевыхъ не будетъ больнаго. А нынѣ говорится: *«не считай себя деревомъ сухимъ. Въмѣсто сыновъ и дочерей у тебя есть вѣчная обитель на небесахъ.»* Нынѣ благословляются бѣдные, и Лазарь предпочитается богачу, одѣтому въ пурпуръ. Нынѣ немощный крѣпче. Тогда міръ былъ пусть, и, за исключеніемъ прообразовъ, все благословеніе заключалось въ дѣтяхъ. Потому Авраамъ уже въ старости всту-

¹⁾ За это выраженіе жестоко порицалъ бл. Иеронима Руфинъ (lib. 2. investiv). «Ты сказалъ, что Богъ имѣетъ тещу; такую несчастливую, такую грѣшную мысль едвали могъ высказать какой-либо языческой поэтъ» и пр.

пасть въ супружество съ Хетгурою: и Иаковъ откупается за мандрагоры, и прекрасная Рахиль, изображающая церковь, оплакиваетъ свое неплодіе. Но мало по малу съ возрастаніемъ жатвы посылается жатель. Дѣвственъ Илія, дѣвственъ Елисей, дѣвственны многіе сыны пророческіе. Иереміи говорится: *и ты да не поймешь жены* (Иер. 16, 2) освященный во чревѣ при приближенія плѣпа получаетъ запрещеніе жениться. Тоже самое другими словами говорить апостоль: *Мню убо сіе добро быти за настоящую нужду, яко добро чловѣку тако быти* (1 Кор. 7, 26) чтоже это за нужда, отнимающая удовольствія брака? *Время прекращено есть: остается, да и имущіи жены, якоже не имущіи будутъ* (1 Кор. 7, 29). Вблизи Навуходносорь. Двинулся левъ отъ логовища своего. Къ чему мнѣ послужить супружество съ приходомъ прегордаго царя? Къ чему дѣти, которыхъ пророкъ оплакиваетъ, говоря: *Прийте языкъ ссушаго къ гортани его въ жажду: младенцы просиша хлѣба, и нѣсть имъ разломляющаго* (Плачь Иер. 4, 4)? Но, какъ мы показали, только въ мужахъ обрѣталось сокровище воздержанія, а Ева постоянно рождала въ болѣзняхъ. Когда же дѣва зачала во чревѣ и родила намъ отрока, *егоже начальство на рамя его* (Ис. 9, 6) Бога, крѣпкаго, отца будущаго вѣка, то проклятіе (на женщинъ) было разрѣшено. Смерть—черезъ Еву; жизнь—черезъ Марію. Поэтому и обильнѣе даръ дѣвства изливается на женщинъ, что онъ получилъ начало отъ женщины. Какъ скоро Сынъ Божій сошелъ на землю, Онъ собралъ Себѣ новое семейство, чтобы, принимавшій поклоненіе отъ ангеловъ на небѣ, имѣлъ ангеловъ и на землѣ. Тогда Іудею мужественно отсѣкла голову Олоферна. Тогда Аманъ, имя коего значитъ *неправда*, соженъ своимъ огнемъ. Тогда Иаковъ и Іоаннъ, оставивши отца, сѣти, корабль, послѣдовани за Спасителемъ, покидая равно кровныя привязанности, узы вѣка и заботу о домѣ. Тогда въ первый разъ слышано: *уже хощетъ по мнѣ идти, да отвер-*

жется себе и возметъ крестъ свой и по мнѣ урядеть. (Марк. 8, 34). Никакой воинъ не идетъ съ женою на сраженіе. Ученику, желающаго идти для погребенія отца,—это не позволяется. Лисицы имѣютъ норы и птицы небесныя гнѣзда, гдѣ имъ отдохнуть, а Сынъ человѣчскій не имѣетъ, гдѣ главу приклонить. Не сокрушайся, если ты будешь пребывать въ горестныхъ обстоятельствахъ. *Не оженивыйся печется о Господнихъ, како угодити Господеви; а оженивыйся печется о мірскихъ, како угодити женѣ. Роздѣлися жена и дѣва. Не посвящая печется о Господнихъ, како угодити Господеви, да будетъ свята и тѣломъ, и духомъ, а посвящая печется о мірскихъ, како угодити мужу* (1 Кор. 7, 32-34).

Сколь тягостенъ бракъ, съ какими неудобствами сопряженъ онъ, это кажется высказано вкратцѣ въ той книгѣ, которую мы издали противъ Гельвидія о приснодѣвствѣ блаженной Маріи. Повторять тоже самое было бы слишкомъ-долго; кому угодно, можетъ почерпнуть изъ того ручейка. Но чтобы совсѣмъ не опустить этого предмета, скажу теперь одно: апостоль повелѣваетъ намъ молиться непрестанно, а вступившій въ супружество не можетъ (такъ) молиться; слѣдовательно остается одно изъ двухъ: или всегда молиться и пребывать въ дѣвствѣ, или перестать молиться и поработить себя браку. *Аще посвящетъ дѣва не согрѣшила есть;* говоритъ апостоль, *скорбѣже плоти имѣти будутъ таковыи* (1 Кор. 7, 28). И въ началѣ настоящаго сочиненія я предварилъ, что я или вовсе не буду говорить о тягостныхъ сторонахъ брака, или буду говорить очень мало: и теперь совѣтую: если тебѣ угодно знать, отъ сколькихъ неудобствъ свободна дѣва, и сколькимъ подвержена супруга,—прочти сочиненіе Тертуллиана къ другу философу и другія книжки о дѣвствѣ, и изрядное произведеніе блаженнаго Кипріяна, и папы Дамаса сочиненіе объ этомъ предметѣ въ прозѣ и стихахъ; равно и сочиненіе нашего Амвросія, недавно напи-

санное имъ къ сестрѣ,—въ которомъ онъ такъ распространенъ, что все, относящееся къ похвалѣ дѣвъ изслѣдовать, выяснилъ, изложилъ въ порядкѣ.

А намъ слѣдуетъ идти другимъ путемъ. Задача наша не столько похвала, сколько храненіе дѣвства. Недостаточно знать, что хорошо, если избранное не будетъ тщательно хранимо; ибо оцѣнить доброе есть дѣло сужденія, а хранить—дѣло труда; первое свойственно многимъ, а второе—не многимъ. *Претерпѣвый до конца*, сказано, *той спасется* (Мѡ. 24, 13) и: *мнози суть звани, мало же избранныхъ* (Мѡ. 22, 14). Итакъ заклинаю тебя Богомъ, Христомъ Иисусомъ и избранными его ангелами, храни начатое тобою, не выноси легкомысленно на показъ сосудовъ храма Господняго, которыя позволено видѣть однимъ священникамъ, да не узритъ кто-либо чуждый святилище Божіе. Оза, коснувшись ковчега, котораго не слѣдовало касаться, былъ пораженъ внезапною смертію. Но сосудъ золотой или серебряный не былъ для Бога такъ дорогъ, какъ храмъ дѣвственнаго тѣла. Тѣнь прошла, теперь наступила истина. Ты говоришь просто, ты съ ласковымъ видомъ не отвращаешься людей незнакомыхъ, но иначе смотрятъ безстыдныя очи. Они не умѣютъ созерцать красоту душевную, но тѣлесную. Езеія показываетъ ассиріянамъ сокровище Божіе: но ассиріяне не должны были видѣть то, чего желали. Наконецъ когда Іудея была потрясена частыми войнами, сосуды Господни въ первый разъ были взяты и унесены врагами. Валтасаръ упивается изъ священныхъ чашъ среди пиршествъ и толпы наложницъ (поелику высшее торжество порока—безчестить досточтимое).

Не приклоняй уха твоего къ словамъ злобы. Часто говоря что-нибудь неприличное, люди испытываютъ твой образъ мыслей, охотно ли ты, дѣва, слушаешь, что говорятъ, разрѣшаешь ли на что-нибудь смѣшное: что ты ни скажешь, хвалятъ; что отринешь,—отрицаютъ; называютъ тебя обходительною и

святою и безхитрою с. »Вотъ—говорять—поистинѣ раба Божія; вотъ всецѣлая простота. Не то что «такая-то, отвратительная, постыдная, необразованная, отталкивающая, которая быть можетъ потому не вышла за мужъ, что не могла найти жениха». Мы увлекоемся естественнымъ зломъ. Мы охотно становимся на сторону своихъ льстецовъ, и хотя говоримъ, что мы недостойны, и жаркій румянецъ выступаетъ на лице, по внутренно душа радуется похваламъ. Невѣста Христа есть ковчегъ завета, позлащенный внутри и снаружи, хранящій въ себѣ законъ Господень. Какъ въ ковчегъ не было ничего кромѣ скрижалей завета, такъ и въ тебѣ не должно быть никакого внѣшняго помысла. На этомъ очистилницѣ какъ на херувимахъ хочетъ возсѣдать Господь. Онъ посылаетъ учениковъ своихъ, чтобы возсѣсть на тебѣ, какъ на жребяти ослемъ, онъ разрѣшаетъ тебя отъ временныхъ заботъ, чтобы, оставивши египетскую мякнуну и кирничу, ты послѣдовала за Моисеемъ въ пустыни и вошла въ землю обѣтованія. Никто да не останавливаетъ тебя, ни мать, ни сестра, ни сродница, ни сродникъ: Господь тебя требуетъ. Если они захотятъ воспрепятствовать тебѣ, пусть вспомнятъ о казняхъ Фараона, который, не желая отпустить народъ Божій для богослуженія потерпѣлъ все то, о чемъ написано. Иисусъ, вошедши въ храмъ, извергъ то, что не принадлежало къ храму. Ибо Богъ есть ревнитель и не хочетъ, чтобы домъ отца былъ превращенъ въ вертепъ разбойниковъ. Въ противномъ случаѣ, какъ скоро считаются монеты, являются клѣтки съ голубями и умерщвляется простота, какъ скоро въ дѣвственной груди пылаетъ забота о временныхъ дѣлахъ, тотчасъ разрывается завѣса храма, женихъ встанетъ во гнѣвѣ и говорить: *се оставляется вамъ домъ вашъ пуста*. (Мѡ. 23, 38). Читай евангеліе и посмотри, какъ Марія, сѣдящая у ногъ Господа предпочитается усердной Марей. Конечно Марѳа прилежнымъ служеніемъ гостепріимства приго-

товляла угощеніе Господу и ученигамъ его; но Иисусъ сказалъ ей: *Марѳо, Марѳо, печешься и мовиши о мнози; но немногое необходимо, какъ одно; Марія же благую часть избра, яже не отзимется отъ нея* (Лук. 10, 41, 42). Будь и ты Маріею; яствамъ предпочитай ученіе. Пусть сестры твои суетятся и ницуютъ, какъ имъ принять гостя Христа. А ты, разъ отложивши бремя вѣба сего, сяди у ногъ Господа и говори: *обрѣтохъ егоже некала душа моя; удержавъ его и не оставихъ его.* (Пѣсн. п. 3, 4). И онъ отвѣтитъ: *едина есть голубица моя, совершенная моя; едина есть матери своей; избрана есть родившей ю* (Тамже, 6, 8) т. е. небесному Іерусалиму.

Всегда да хранять тебя тайны ложа твоего; пусть всегда съ тобою внутренно веселится женихъ. Когда ты молишься, ты бесѣдуешь съ женихомъ; когда читаешь, онъ съ тобою бесѣдуетъ,—и когда сонъ склонитъ тебя, онъ придетъ за стѣну и простретъ руку свою чрезъ оконцо, и коснется чрева твоего; и пробудившись ты встанешь и скажешь: *уязвлена есмь любовію азъ* (Пѣсн. п. 2. 5); и услышишь въ свою очередь отъ него: *Вертоградъ заключенъ, сестра моя невѣста, вертоградъ заключенъ, источникъ запечатленъ* (тамъ же 4, 12). Берегись, не выходи изъ дому, не желай видѣть дочерей иной страны, имѣя братьями патріарховъ и отцомъ Израиля: Дина, вышедши изъ дому, подвергается растлѣнію. Я не хочу, чтобы ты искала жениха по стогнамъ и обходила углы града; если ты скажешь: *возстану, и обыду во градъ и на торжищахъ, и на стогнахъ, и поищу, егоже возлюби душа моя* (тамъ же 3, 2) и будешь спрашивать: *видѣсте ли егоже возлюби душа моя?*—то никто не будетъ достоинъ отвѣчать тебѣ. Женихъ не можетъ быть найденъ на стогнахъ. *Узкій и тѣсный путь, вводяй въ животъ* (Мѳ. 8, 14). Далѣе слѣдуетъ: *взыскахъ его, и не обрѣтохъ его; звахъ его и не послуша мене.* (Пѣсн. п. 5, 6). И если бы только и всего, что не нашла! Ты будешь бита, ты

будешь обнажена, ты будешь говорить плачевныя вещи: *обрътоша мя стражіе обходящїи во градъ, биша мя, язвиша мя, взяша верхнюю ризу отъ мене* (тамъ же 5, 7). Если, вышедши изъ дому, столько терпѣть та, которая говорила: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (тамъ же 5, 2) и: *пучекъ смиренъ братъ мой мнѣ: посредь сосиу мою водворится* (тамъ же 1, 12); то что будетъ съ нами, которые еще не достигли совершеннаго возраста и, когда женихъ съ невѣстою входятъ внутрь, остаемся внѣ? Иисусъ есть ревнитель, онъ не хочетъ, чтобы другіе видѣли лице твое. Хотя ты станешь извиняться и оправдываться: *покрывши лице покрываломъ, я спрашивала тебя тамъ и говорила: возвьсти ми, елиже возлюби душа моя, идъ пасши, идъ почиваеши въ полудне, да некогда буду, яко облагающаяся надъ стады друзей твоихъ* (тамъ же 1, 6 по LXX); онъ все-таки будетъ негодовать, гнѣваться и скажетъ: *еще не увьси самую тебе, добрая въ женахъ, изиди ты въ пятахъ пастыа, и паси козлища твоя у кущей пастырскихъ* (тамъ же 1, 7). То есть: хотя ты и прекрасна и образъ твой любезенъ жениху болѣе всѣхъ женщинъ; но если ты не познаешь саму себя и не будешь хранить сердца своего всякимъ храненіемъ, и не будешь избѣгать очей юношей; то выйдъ изъ моего брачнаго чертога и паси козловъ, которые будутъ поставлены ошуюю.

Итакъ, моя Евстохія, дочь, госпожа, сослужительница, родственница (первое названіе—по возрасту, второе—по достоинству, третье—по вѣрѣ, четвертое—по любви) выслушай слово пророка Исаія: *людіе мои, внидите въ храмину вашу, затворите двери своя, укрьитесь мало елико елико, дондеже мимо—идетъ гнѣвъ Господень* (Ис. 25, 20) Внѣ блуждаютъ дѣвы глупыя; ты будъ внутри съ женихомъ; потому что, если ты заключишь двери и по заповѣди евангельской будешь молиться отцу твоему втайнѣ, то онъ придетъ, и постучится, и скажетъ *се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ*

власъ мой и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечеряю съ нимъ, и той со мною (Апок. 3, 20) и ты тотчасъ заботливо отвѣтишь: власъ брата моего ударяющаго въ двери: отверзи ми еестро моя, ближняя моя, голубице моя, совершенная моя (Пѣсн. II. 5, 2).

Не говори: *совлекохся ризы моея, како облечуся въ ню? Умыхъ нозъ мои, како оскверню ихъ?* (тамъ же 5, 3). Тотчасъ встань, и отвори, чтобы во время твоего промедленія женихъ не ушелъ, и чтобы не пришлось тебѣ послѣ искать и говорить: *отверзохъ азъ брату моему; братъ мой преиде* (тамъ же 5, 6). Ибо что хорошаго, если двери сердца твоего будутъ заключены для жениха? Пусть они будутъ отверсты Христу, и заключены для діавола, согласно слѣдующему изреченію: *аще духъ владычущаго възидетъ на тя, мѣста твоего не остави* (Евкл. 10, 4). Данилъ пребывать въ самой верхней горницѣ (ибо не могъ пребывать въ нижней), и имѣлъ окна, отверстыя къ Іерусалиму. И ты имѣй окна отверстыя туда, откуда сходить свѣтъ, откуда видишь градъ Господень. Не открывай тѣхъ оконъ, о которыхъ говорится: *възде смерть сквозь окна ваша* (Іер. 6, 21).

Всего тщательнѣе тебѣ должно избѣгать огня тщеславія. *Како, сказалъ Іисусъ, вы можете вървати славу отъ чловѣкъ пріемлюще?* (Іоан. 5, 44). Смотри сколь велико то зло, обладающій которымъ не можетъ вѣрвать? Мы же говоримъ: *ты еси слава моя* (Іс. 3, 4) и: *хваляйся о Господь да хвалится* (2 Кор. 10, 17). И: *аще бо быхъ еще чловѣкомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ* (Гал. 1, 10) и: *мнѣ же да не будетъ хвалитися токмо о крестъ Господа нашего Іисуса Христа, имже мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Гал. 6, 14). И еще: *о тебѣ похвалимся весь день; о Господь похвалится душа моя* (Іс. 33, 3). Когда творишь милостыню, пусть видитъ одинъ Богъ; когда постишься, да будетъ радостно

лице твое. Одежда твоя должна быть не очень чистая, и не грязная, и не выдающаяся ничѣмъ особеннымъ, чтобы не оставалась предъ тобою толпа прохожихъ, и не указывали на тебя пальцемъ. Братъ твой умеръ; тѣло сестры должно ослабѣть; (*deducendum est*); берегись, чтобы поступаая часто такимъ образомъ, самой не умереть ¹⁾. Не старайся казаться слишкомъ набожною и смиренною болѣе, чѣмъ сколько нужно; чтобы, избѣгая славы, не приобрѣсти ее. Многіе, удаляясь отъ свидѣтелей своей бѣдности, сострадательности и поста, тѣмъ самымъ хотятъ прославиться, что презираютъ славу; и удивительнымъ образомъ избѣгая славы, домогаются ее. Я нахожy, что многіе чужды прочихъ волненій, отъ которыхъ умъ человѣческій радуется и печалится, надѣется и страшится. Но слишкомъ мало такихъ, которые свободны отъ порока тщеславія: и наилучшій тотъ, кто изрѣдка пятнасть грязью проступковъ свою красоту. Я не убѣждаю тебя не хвалиться богатствомъ, не хвастаться знатностію рода, не превозноситься предъ другими. Я знаю твое смиреніе; знаю, что ты искренно говоришь: *Господи, не вознесеса сердце мое, ниже вознесостся очи мои* (Пс. 130, 1). Я знаю, что у тебя и у твоей матери гордость, чрезъ которую палъ діаволь, вовсе не имѣетъ мѣста. Посему писать къ тебѣ объ этомъ было бы излишне. Было бы крайне глупо учить тому, что знаетъ тотъ, кого учишь. Но остерегись, чтобы не привело тебя къ тщеславію то, что ты презрѣла славу міра сего;—чтобы не вкралось тайное помышленіе,—отказавшись отъ намѣренія нравиться въ золотобанныхъ одеждахъ, постараться нравиться въ мрачныхъ; когда придешь въ собраніе братьевъ или сестеръ, садись ниже, признавая, что ты не-

1) Единственный братъ Евстохій, Токоцій, былъ живъ, когда Іеронимъ писалъ это письмо,—и жилъ еще долго: сестра Блезилла вдова—была также жива. Очевидно бл. Іеронимъ ведетъ здѣсь рѣчь аллегорическую.

достойна и подножія. Не говори намѣренно тихимъ голосомъ, какъ бы истощенная постомъ; не опирайся на плечи другаго, подражая походкѣ чловѣка, истощеннаго въ силахъ. Есть иныя, номрачающія лица своя, да явятся чловѣкамъ постыщимися; увидавши кого нибудь, онѣ тотчасъ вздыхаютъ, нахмуриваютъ брови и опустивъ голову, кажется едва смотреть однимъ глазомъ. Траурное платье, поясъ изъ грубой ткани, руки и ноги не вымытыя, одно чрево, такъ какъ его не видать, наполнено пищею.

Объ этихъ женщинахъ ежедневно поется въ псалмѣ: »Господь разсыплетъ кости людей, нравящихся себѣ« (Пс. 52, 6). Другія съ мужескимъ видомъ, перемѣнивъ одежду, стыдятся того, что онѣ родились женщинами, обрѣзываютъ волосы, и безстыдно поднимаютъ вверхъ свои лица, подобныя лицамъ евнуховъ. Есть и такія, которыя одѣты во власяницы и, сдѣлавши наглавники, чтобы возвратиться къ дѣтству, подобны совамъ и филинамъ.

Но чтобы не казалось, что я говорю только о женщинахъ, прибавлю: убѣгай и мужчинъ которыхъ увидишь въ веригахъ съ отрощенными на подобіе женскихъ волосами вопреки повелѣнію апостольскому, съ козлиной бородой, въ черномъ плащѣ, съ обнаженными на жертву холода ногами. Это все орудія діаволовы (*argumenta diaboli*). Таковъ къ сожалѣнію былъ въ Римѣ нѣкогда Анѣимъ, таковъ недавно Софроній. Проникши въ дома вельможъ и обманувши женщинъ, обремененныхъ грѣхами, всегда учащихъ и никогда не могущихъ придти въ познаніе истины, они принимаютъ на себя личину святости: и какъ бы подвизаются въ продолжительныхъ постахъ, посвящая между тѣмъ ночи тайнымъ пиршествамъ. Стыдно говорить о нихъ болѣе, чтобы не показаться не наставникомъ, а прельщеннымъ. Есть и другіе (я говорю о людяхъ своего сословія), которые домогаются пресвитерства и діаконства, чтобы съ

большую свободою видаться съ женщинами. Вся забота у нихъ объ одеждахъ, чтобы благоухали,—чтобы нога была гладко обтянута мягкой кожей. Волосы завиты щипцами; на пальцахъ блестятъ перстни: чуть-чуть ступаютъ они, чтобы не промочить подошвъ на влажной дорогѣ. Когда увидишь такихъ людей, считай ихъ скорѣе женихами, чѣмъ клириками. — Иные все стараніе и всю жизнь посвятили тому, чтобы узнать имена, дома и права благородныхъ женщинъ. Опишу кратко одного изъ нихъ, особенно искуснаго въ этомъ, чтобы, зная учителя, ты тѣмъ легче узнавала учениковъ. Съ восходомъ солнца онъ поспѣшно встаетъ, составляетъ планъ поздравительныхъ визитовъ, выбираетъ кратчайшія дороги, и наглый старикъ пробирается даже въ спальни къ постелямъ снящихъ. Увидитъ изголовье, изящное полотенце, или что нибудь другое изъ домашней рухляди,—ощущиваетъ, удивляется, хвалить, и жалуясь, что нуждается въ этомъ, не выпрашиваетъ, а просто вымогаетъ: потому что всякая женщина боится оскорбить почтаря городского. Непорочность—врагъ для него, постъ—также: онъ любитъ обѣдъ роскошныя изъ вкусныхъ журавликовъ, называемыхъ въ народѣ: *pipizo* ¹⁾). Языкъ его грубъ и дерзокъ, и всегда готовъ на злословіе. Куда бы ни обратилась ты, онъ первый на глазахъ. Что бы ни случилось новаго, онъ или виновникъ, или распространитель молвы. Его кони мѣняются поминутно, то смиренныя, то бѣшенныя: подумаешь, что онъ родной братъ еракійскаго царя ²⁾).

1) *Geranopera*, quae vulgo *pipizo* nominatur. Весьма вѣроятно, что словомъ *geranopera* назывался журавлиный птенецъ, отъ греческаго *Γέρανος*—журавль и *πίπος* (на латинскомъ *pipio*, и по неправильному простонародному произношенію; *pera*) — птенецъ. Плиній, естествоиспытатель римскій, говоритъ (*lib* 10, *cap.* 49): *erant in mensarum honore vipiones* (иначе *pipiones*) *sic vocant minores grues*.

2) То-есть царя Діомеда, о коняхъ котораго Лукрецій (*lib.* 5) говоритъ:

Хитрый врагъ употребляетъ различные ковы. *Змій же бѣ мудрѣйшій всѣхъ зѣрей, сущихъ на земли, ихъ же сотвори Господь* (Быт. 3, 1). Посему-то Апостоль и говоритъ: *не неразумѣваемъ умысленій его* (2 Коринѣ. 2, 11). Христіанину неприличны ни намѣренный цинизмъ, ни изысканная опрятность. Если чего нибудь не знаешь, если сомнѣваешься относительно чего нибудь въ Писаніи, спроси того, чья праведна жизнь, чьи почтенны лѣта, кого не осуждаетъ молва, кто могъ бы сказать: *обручихъ бо васъ единому мужу, дѣву чисту представить Христови* (2 Коринѣ. 11. 2). Или, если нѣтъ надежнаго наставника, то лучше оставаться въ безопасномъ невѣденіи, чѣмъ доискиваться и опасаться. Помни, что ты ходишь среди сѣтей: многія и почтенныхъ лѣтъ дѣвы съ несомнѣнною непорочностію выпустили вѣнецъ изъ рукъ на самомъ краю гроба. Если въ числѣ сообщницъ твоего обѣта есть служанки, не возносись предъ ними, не напыщайся тѣмъ, что ты госпожа: вы стали имѣть одного жениха, вмѣстѣ вы поете псалмы, вмѣстѣ принимаете тѣло Христово: къ чему же различіе отношеній? Пусть и другія приглашаются къ подвигу. Вѣнецъ дѣвства пусть будетъ призывомъ для прочихъ. Если замѣтишь какую нибудь нетвердою въ вѣрѣ, прими ее, утѣшь, обласкай, и ея непорочность поставь для себя приобрѣтеніемъ. Еслиже какая нибудь изъ служанокъ притворно выражаетъ свое усердіе къ дѣвству, желая избавиться отъ рабства, такой прямо читай изъ Апостола: *лучше есть жениться, нежели разжизниться* (1 Коринѣ. 7. 9). А тѣхъ дѣвицъ и вдовъ, которыя праздно, но преусердно шатаются по домамъ матронъ, и потерявъ всякій стыдъ превосходятъ шутовъ въ тунеядствѣ,—удалай какъ сразу. *Тягъъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Коринѣ. 15. 33). У

Et Diomedis equi spirantes paribus ignem. Т. е.: у Діомедовыхъ коней пышетъ изъ ноздрей пламя.

нихъ нѣтъ болѣе заботы. какъ о чревѣ, да о томъ, что всего ближе къ чреву. Онѣ совѣтуютъ и говорятъ въ такомъ родѣ: крошка моя, пользуйся своимъ состояніемъ, и живи, пока живетъ: ужели ты все бережешь своимъ наслѣдникамъ? Преданныя сладострастію и пьянству, онѣ готовы внушать какое угодно зло; даже и твердыя души онѣ размягчаютъ до чувственности. *Егда бо разсвирѣплютъ о Христь* (противъ Христа), *посылати хотятъ, имущія грѣхъ яко первыя вѣры отвергошася* (1 Тимое. 5. 11, 12). Не старайся казаться сама себѣ особенно краснорѣчивою; не находи удовольствія въ стихотворныхъ лирическихъ пѣсняхъ. Не слѣдуй изъ деликатности изнѣженному вкусу матронъ, которыя то сквозь зубы, то расширивъ уста произносятъ слова наполовину съ пришепетываніемъ, почитая грубымъ все, что естественно. Въ такой степени имъ нравится любодѣяніе даже въ языкѣ: *но кое общеніе свѣту ко тьмѣ? кое же согласіе Христови съ веларомъ?* (2 Кор. 6, 14). Какъ сойдется Горацій съ Псалтырю, Маронъ съ Евангеліемъ, Цицеронъ съ Апостоломъ? Не соблазнится ли и братъ, видя тебя въ требищи возлежащею? И хотя все чисто для чистаго и ничего не должно хулить, что принимается съ благодареніемъ: однакожь мы не должны вмѣстѣ чашу Господню пити и чашу бѣсовскую. Расскажу тебѣ свое несчастное приключеніе.

Много лѣтъ назадъ, когда я хотѣлъ ради царства небеснаго удалиться отъ дому, родителей, сестры, знакомыхъ, и, что еще труднѣе этого, отъ привычки къ роскошной жизни, и отправиться въ Іерусалимъ,— я не могъ вовсе оставить бібліотеку, съ такими заботами и трудами составленную мною въ Римѣ. И такимъ образомъ я, окаянный, постился и намѣревался читать Туллія. Послѣ частыхъ бессонныхъ ночей, послѣ слезъ, изъ самой глубины души исторгнутыхъ у меня воспоминаніемъ о прежнихъ прегрѣшеніяхъ, я все таки держалъ въ

рукахъ Плавта. Чуть иногда я приходилъ въ себя, и начиналъ читать пророковъ,—меня ужасала необработанность рѣчи; слѣпыми глазами не видя свѣта, я думалъ, что виною этого не глаза, а солнце. Когда такимъ образомъ игралъ мною древній змій,—почти посрединѣъ четырехдесятиницы, напала, разлившись по внутренностямъ, на мое истощенное тѣло лихорадка: и не давая отдыха, (что сказать даже неимовѣрно), такъ пожирала несчастные члены, что у меня едва оставались кости. Недалеко было до похоронъ; жизненная сила души, при совершенно уже остывшемъ тѣлѣ, билась въ одной только едва теплѣвшей груди: какъ вдругъ, восхищенный въ духѣ, я былъ представленъ къ престолу Судии; гдѣ было столько свѣта, столько блеска отъ свѣтлости окружавшихъ, что, упавши на землю, я не осмѣливался взглянуть вверхъ. На вопросъ о томъ, кто я, я пазвалъ себя христіаниномъ. Но Возсѣдавшій сказалъ: лжешь, ты цицероніанинъ, а не христіанинъ; ибо гдѣ сокровище твое, тамъ и сердце твое (Матѣ. 6. 21). Я замолкъ, и подъ бичами, (ибо онъ повелѣлъ бить меня), еще болѣе мучимый огнемъ совѣсти, я мысленно повторялъ стихъ: *Во адѣ же кто исповѣтается Тебѣ* (псал. 6. 6)? Потомъ началъ вопіять, и рыдая говорить: помилуй мя, Господи, помилуй мя. Эти звуки раздавались среди ударовъ бичей. Между тѣмъ предстояшіе, припавъ къ колѣнамъ возсѣдаващаго, умоляли, чтобы онъ простилъ грѣхъ юности, и взамѣнъ заблужденія далъ мѣсто раскаянію, съ тѣмъ чтобы наказать меня впоследствии, если я когда нибудь стану читать сочиненія языческой литературы. Поставленный только подъ это условіе, я, который готовъ былъ обѣщать гораздо болѣе, началъ клясться, и призывая имя Божіе, говорить: Господи, если когда нибудь я буду имѣть свѣтскія книги, если я буду читать ихъ,—значить чрезъ это самое я отрекся отъ тебя. Отпущенный послѣ этихъ клятвенныхъ словъ, я возвращаюсь на землю, къ удивленію всѣхъ, раскрываю

глаза, столь обильно наполненные слезами, что даже люди недвѣрчивые, видя мою печаль, должны были повѣрить моему разсказу. Это былъ не обморокъ, не пустой сонъ, подобный тѣмъ, надъ которыми мы часто смѣемся. Свидѣтелемъ—тотъ престоль, предъ которымъ я лежалъ, свидѣгелемъ—страшный судъ, котораго я убоялся: да не случится мнѣ уже никогда подвергнуться такому испытанію. Признаюсь, у меня даже были сини плечи, я чувствовалъ послѣ сна боль отъ ударовъ, —и съ тѣхъ поръ съ такимъ усердіемъ сталъ читать божественное, съ какимъ не читалъ прежде свѣтскаго (mortalia).

Избѣгай также порока любостыжанія, и не только не присвой чужаго, (ибо за это наказываютъ и общественные законы), но даже не береги своего, какъ будто бы оно было для тебя чужимъ. *Аще въ чужемъ, сказано, върни не бысте, ваше кто вамъ дастъ?* (Лук. 16. 12). Груды золота и серебра для насъ —чужія; наше имущество есть духовное; о немъ сказано: *избавленіе мужа души свое ему богатство* (Притч. 13. 8). *Никтоже можетъ двѣма господинама работати: либо единого возлюбитъ, а другаго возненавидитъ; или единого держитъ, а друзмъ же нерадити начнетъ: не можете Богу работати и мамонъ* (Матѣ. 6. 24), то-есть богатству. Ибо на своемъ родномъ, сирскомъ языкѣ, мамона означаетъ богатство. Заботы о пропитаніи суть препятствія для вѣры. Въ основаніи любостыжанія лежитъ языческое попеченіе. Но ты скажешь: «я—дѣвица нѣжная, и не могу работать собственными руками. Дойду до старости, стану больна, кто пожалѣетъ меня?» Послушай, что говоритъ Іисусъ апостоламъ: *не печытесе душою вашею, что ясте, или что пиете, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетесе: не душа ли болши есть пищи, и тѣло одежды: воззрите на птицы небесныя, яко не стьютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отець вашъ небесный питаетъ ихъ* (Матѣ. 6. 25, 26). Если не ста-

нетъ одежды, взгляни на лиліи. Если будешь голодна, послушай Того, Кто ублажаетъ нищихъ и алчущихъ. Если какая другая скорбь отяготитъ тебя, то прочти: *тѣмъ же благоволю въ немощехъ моихъ* (2 Кор. 12, 10). И: *дадеса ми пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣтетъ, да не превозношуся* (Тамъ же ст. 7). Радуйся при всѣхъ опредѣленіяхъ Божіихъ. *Возрадовашася дщери Іудейскія, судьбъ ради Твоихъ. Господи* (Псал. 96. 8). Пусть всегда слышится изъ устъ твоихъ: *нагъ изыдохъ изъ чрева матери моя, нагъ и отыду тамо* (Іова 1. 21). И: *ничто же внесохоумъ въ міръ сей явть, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тим. 6, 7).

Но нынѣ увидишь очень многихъ, набивающихъ шкафы платьями, каждый день мѣняющихъ туники, и при всемъ томъ не могущихъ избавиться отъ моли. Иная, чтобы казаться благочестивѣе, носить одно платье, а въ полныхъ сундукахъ бережетъ всякія ткани. Окрашенъ въ пурпуръ пергамень, блеститъ рѣ буквахъ золото, переплетъ обдѣланъ драгоценными камнями,—а за дверями умираетъ обнаженный Христосъ. Когда протягиваютъ руку нуждающемуся,—трубятъ въ трубу. Зовутъ на вечерю любви,—посылаютъ глашатая. Я видѣлъ недавно, какъ одна изъ знатнѣйшихъ римскихъ женщинъ (объ имени умалчиваю, чтобы ты не подумала, что я пишу пасквиль), чтобы считаться болѣе благочестивою, предшествуемая евнухами, въ базиликѣ святаго Петра раздавала бѣднымъ, собственноручно, каждому по монетѣ. Между тѣмъ (какъ это часто бываетъ у нищихъ) какая-то старуха, покрытая сѣдинами и рубищемъ, забѣжала напередъ, чтобы получить другую монету. Та, когда дошла до нея по порядку, дала ей вмѣсто динарія кулака, такъ что у бѣдной старухи полилась кровь. Любостязаніе есть корень всякаго зла, и поэтому-то называется у Апостола идолослуженіемъ. Ищи прежде царствія Божія, и сія вся приложатся тебѣ. Господь не убыетъ голодомъ души праведной.

Я былъ юнъ, и состарѣлся, и *не видѣхъ праведника оставлена, ниже стѣне его просяща хлѣба* (Псал. 36. 25). Или носили пищу враны. Сарептская вдова, сама съ дѣтьми собираясь умереть въ слѣдующую ночь съ голоду, накормила пророка; и тотъ, кто пришелъ къ ней для прокормленія, питалъ ее изъ чудесно-неизсякаемагососуда. Апостоль Петръ сказалъ: *сребра и злата нѣтъ у мене; но еже имамъ, сіе ти даю: во имя Иисуса Христа Назорея востани и ходи* (Дѣян. 3. 6). А нынѣ многіе, не говоря ни слова, говорятъ дѣломъ: вѣры и милосердія нѣтъ у меня: а что имѣю, серебро и золото, того тебѣ не дамъ. *Имѣюще же пищу и одѣяніе, сими довольны будемъ* (1 Тимоѣ. 6. 8). Послушай, чего просить Іаковъ въ своей молитвѣ: *аще будетъ Господь Богъ eo мною, и сохранитъ мя на пути семъ, въ оныя же азъ иду, и дастъ ми хлѣбъ ясти и ризы облещися* (Быт. 28. 20). Онъ молилъ только о необходимомъ: и спустя двадцать лѣтъ возвратился въ ханаанскую землю богатымъ господиномъ, и еще болѣе богатымъ отцомъ. Безчисленны въ писаніяхъ примѣры, обучающіе тому, что должно избѣгать любостыжанія.

Впрочемъ, такъ какъ мы коснулись теперь этого предмета (надѣясь, если поможетъ Христось, раскрыть его въ особомъ сочиненіи), то расскажемъ еще то, что нѣсколько лѣтъ назадъ случилось въ Питріи. Кто-то изъ братіи, болѣе бережливый, чѣмъ любостыжательный, не зная, что Господь былъ проданъ за тридцать сребренниковъ, оставилъ умирая сто солидовъ, которые прибрѣлъ пряжею льна. Сошлись монахи (ихъ жило въ томъ мѣстѣ до пяти тысячъ въ отдѣльныхъ келіяхъ) на совѣтъ, что нужно сдѣлать. Одни говорили: раздать бѣднымъ, другіе—отдать на церковь, нѣкоторые—отослать роднымъ. Но Макарій, Памва, Исидоръ, и другіе, называвшіеся отцами, по внушенію святаго Духа, опредѣлили—зарыть ихъ вмѣстѣ съ ихъ владѣльцемъ, сказавъ: *серебро твое съ тобою*

да будетъ въ пошбель (Дѣян. 8, 20). Да не подумаетъ кто нибудь, чтобы такой поступокъ былъ жестокъ: на всѣхъ въ цѣломъ Египтѣ нашелъ такой страхъ, что беречь и одинъ соидь, считалось преступленіемъ.

Такъ какъ я упомянулъ о монахахъ, и знаю что ты охотно слушаешь о томъ, что касается святости, то останови не надолго свое вниманіе. Въ Египтѣ три рода монаховъ. Первый,—*Киновиты*, называемые у туземцевъ *Саузы*; мы можемъ называть ихъ: *общежительными*. Второй—*Анахореты*, живущіе по одному въ пустынѣ, и называемые такъ потому, что уходятъ далеко отъ людей. Третій,—такъ называемые *Ремоботы*,—угрюмые, неопрятные;—они исключительно, или преимущественно находятся въ нашей странѣ. Они живутъ по два, по три вмѣстѣ, отнюдь не болѣе, и живутъ по своей волѣ и своими средствами: только изъ того, что они зарабатываютъ,—вносятъ часть въ складчину, чтобы имѣть общій столъ. Живутъ же по большей части въ городахъ и замкахъ: и какъ будто должно быть священнымъ ихъ ремесло, а не жизнь,—что ни продаютъ они, всегда дороже. Между ними часто бываютъ ссоры: потому что, живя на своемъ иждивеніи, они не терпятъ быть въ подчиненіи у кого бы то нибыло. Именно, они всего чаще спорятъ изъ за постовъ, дѣла домашнія дѣлаютъ предметомъ тяжбъ. Все у нихъ на выдумкахъ: широкія рукава,—какъ мѣха сапоги, грубѣйшая одежда, частые вздохи; выдаются съ дѣвцами, поносятъ священнослужителей; а когда настаетъ праздничный день, они пресыщаются до рвоты.

И такъ, прошедши мимо ихъ, какъ мимо какой нибудь заразы, пойдѣмъ къ тѣмъ, которые во множествѣ живутъ общинами, то есть, къ тѣмъ, которые называются, какъ сказали мы, *Киновитами*. Первое условіе у нихъ—повиноваться старшимъ, и исполнять все, чтобы они ни приказали. Они дѣлятся на десятки и сотни, такъ что у девяти человѣкъ десятый—началь-

никъ; а сотый имѣеть подѣ собою десять десятоначальниковъ. Живутъ они отдѣльно, но въ соединенныхъ между собою келіяхъ. До девяти часовъ, какъ положено, никто не ходитъ къ другому, только къ упомянутымъ развѣ десятиначальникамъ; такъ что если кого обуреваютъ помышленія, то пользуется у нихъ совѣтами. Послѣ девяти часовъ сходятся вмѣстѣ, поютъ псалмы, читаютъ писанія по обыкновенію. По окончаніи молитвъ, когда всѣ сядутъ, тотъ, кого они называютъ отцомъ, стоя посрединѣ начинаетъ бесѣду. Во время его рѣчи бываетъ такая тишина, что никто не смѣетъ взглянуть на другаго, никто не смѣетъ кашлянуть: хвала говорящему высказывается въ плачѣ слушателей. Тихо катятся по щекамъ слезы, и скорбь не прорывается даже стономъ. А когда начнетъ возвѣщать грядущее, о царствѣ Христовомъ, о будущемъ блаженствѣ и славѣ, ты увидишь всѣхъ съ сдержаннымъ вздохомъ и поднятыми къ небу глазами, говорящихъ внутри себя: *кто дастъ ми крыль, яко голубинь, и полешу и почию* (Псал. 54, 7)? Затѣмъ собраніе оканчивается, и каждый десятокъ съ своимъ старшимъ отправляется къ столу, при которомъ поседмично по очереди и прислуживаютъ. Во время стола нѣтъ никакого шума; никто не разговариваетъ. Питаются хлѣбомъ и овощами, которые приправлены одною солью. Вино пьютъ только старики, для которыхъ и обѣдъ часто бываетъ съ отроками, чтобы поддержать преклонный вѣкъ однихъ, и не задержать начинающійся возрастъ другихъ. Затѣмъ встаютъ разомъ, и пропѣвъ гимнъ, расходятся по жильямъ: здѣсь до вечера каждый разговариваетъ съ своими, и говоритъ: видѣли вы такого-то и такого-то? сколько въ немъ благодати? сколько тихости? какая смиренная поступь? Увидятъ слабого,—утѣшаютъ,—горящаго любовію къ Богу,—побуждаютъ на подвигъ. И поелику ночью, сверхъ общихъ молитвъ, всякій еще бодрствуетъ въ своей опочивальнѣ; то обходятъ всѣ келіи, и, при-

ложивъ ухо, тщательно вывѣдываютъ, что дѣлается. Замѣтивъ когонибудь лѣнивымъ, не выговариваютъ; но притворяясь будто не знаютъ, посѣщаютъ его чаще,—и вначалѣ болѣе просятъ, чѣмъ принуждаютъ молиться. Повседневныя хлопоты располагаются такъ: что сдѣлано у десятиначальника, о томъ доносится эконому, который и самъ каждый мѣсяцъ съ великимъ трепетомъ отдаетъ отчетъ общему отцу. Онъ же отвѣдываетъ и пищу, какъ она приготовлена; и такъ какъ никому не позволительно говорить: я не имѣю ни исподняго, ни верхняго платья, ни сплетенной изъ тростника постели; то онъ располагаетъ все такъ, чтобы никто не лишень былъ того, что ему нужно. Если ктонибудь заболѣваетъ, его переносятъ въ просторный покой, и ему услуживаютъ старцы съ такимъ усердіемъ, что онъ и не подумаетъ о городскихъ удобствахъ, и о попеченіяхъ матернихъ. Дни воскресные посвящаются только молитвѣ и чтенію; впрочемъ киновиты дѣлаютъ тоже самое и во всякое время по окончаніи трудовъ. Каждодневно читается чтонибудь изъ Писанія. Постъ одинаковъ во весь годъ, кромѣ четырехдесятницы, въ которую одну положено жить строго. Съ пятидесятницы вечера переменяются на обѣды,—дабы сохранить этимъ церковное преданіе, и не обременять желудка двукратнымъ принятіемъ пищи. Таковыми Филонъ, послѣдователь платонической школы, и Иосифъ, этотъ греческій Ливій, во второй части исторіи іудейскаго плѣна, представляютъ ессеевъ.

Хотя, въ письмѣ о дѣвахъ, я заговорилъ теперь почти безъ нужды о монахахъ, но приступаю и къ третьему роду ихъ, называемому анахоретами. Выходя изъ киновіи, они, кромѣ хлѣба и соли, ничего болѣе не выносятъ съ собою въ пустыню. Основатель этого образа жизни—Павелъ,—учредитель—Антоній, а если пойти вверхъ, то первымъ виновникомъ былъ Іоаннъ Креститель. Въ такомъ же родѣ мужа описываетъ

даже и пророкъ Іеремія, говоря: *благо есть мужу, егда возметъ яремъ въ юности своей, сядетъ на единь, и утолкнетъ, яко воздвигне на ся яремъ. Подаетъ ланиту свою бѣющему, насытитъ укоризнѣ. Яко не во вѣкъ отринетъ Господь* (Плачь 3, 27 и слѣд.). Ихъ подвиги и образъ жизни, не плотскіе во плоти, я опишу, если захочешь, въ другое время. Теперь возвращусь къ своему предмету, такъ какъ отъ разсужденій о любостыжаніи я перешелъ къ монахамъ. Представивъ ихъ тебѣ въ примѣръ, я говорю: презирай не только золото, серебро и другія богатства, но даже самую землю и небо, и въ единеніи только со Христомъ ты воспоешь: *часть моя— Господь.*

За симъ, такъ какъ Апостоль повелѣваетъ намъ всегда молиться, а у святыхъ даже самый сонъ бываетъ молитвою, то мы такъ должны распредѣлить часы для молитвы, чтобы, если случится намъ быть занятыми какимъ нибудь дѣломъ, самое время призывало насъ къ богослуженію. Всякій знаетъ третій часъ, шестой, девятый, разсвѣтъ и вечеръ. Пусть не вкушаютъ пищи, не предпославъ молитвы; не отходятъ отъ стола, не принеши благодаренія Создателю. Должно вставать по ночамъ дважды и трижды, и повторять то, что твердо помнимъ изъ Писаній. Пусть ограждаетъ насъ молитва, когда мы выходимъ изъ гостей; когда возвращаемся съ площади, пусть насъ встрѣтитъ молитва прежде, чѣмъ сядемъ: да не успокоивается тѣло, пока не напитается душа. При всякомъ дѣлѣ, на каждомъ шагу да изображается рукою крестъ Господень. Не осуждай никого, не полагай соблазна противъ сына матери твоей. *Ты кто еси, судяи чуждему рабу? Своему Господеву стоитъ, или падаетъ; станетъ же: силенъ бо есть Богъ поставити его* (Римл. 14. 4). Если ты станешь поститься по два и по три дня, не думай, что ты лучше непостящихся. Ты не ѣшь и гнѣваешься, а тотъ ѣстъ, и свѣтелъ челомъ. Гнѣваясь, ты

высказываешь безпокойство душевное и голодь тѣлесный; тотъ съ умѣренностію ѣсть и благодарить Бога. Поэтому-то каждодневно вопіеть Исаія: *не такового поста азъ избрахъ, иаголетъ Господь* (Ис. 58. 6). И опять: *во дни бо пощеній вашихъ обрътаете воли ваша, и вся подручныя ваша томите... Въ судьхъ и сварьхъ поститвса, и біете пястми смиренного* (тамъ же ст. 3 и 4). Зачѣмъ же вы поститесь для меня? Что за постъ можетъ быть у того, чей гнѣвъъ продолжается не только далѣе предѣловъ одного дня, но даже цѣлый мѣсяць? Размышляя о самой себѣ, созидай себѣ похвалу не на немощи другаго, но на своемъ собственномъ подвигѣ.

Не подражай тѣмъ, которыя, заботясь о плоти, считаютъ все доходы съ имѣній, и каждодневные домашніе расходы. Предательствомъ Іуды не были посрамлены одинадцать апостоловъ, и чрезъ вѣроотступничество Фигелла и Александра, другіе не были остановлены въ теченіи вѣры. Не говори: «такая-то и такая-то пользуется своими богатствами; ее уважають люди; у ней собираются братья и сестры. Ужели чрезъ это самое она перестаетъ быть дѣвою?» Да сомнительно прежде всего, дѣва ли она: *понеже не тако зритъ человекъ, яко зритъ Богъ: яко человекъ зритъ на лице, Богъ же зритъ на сердце* (1 Царствъ 16. 7). Посему-то даже если она и дѣва по плоти, не знаю, дѣва ли она по духу. А Апостоль такъ опредѣляетъ дѣву: *да будетъ свята тѣломъ и духомъ* (1 Коринѣ. 7. 34). Наконецъ, пусть она получаетъ себѣ свою славу. Пусть отвергаетъ мысль Апостола, живетъ и наслаждается удовольствіями. Мы послѣдуемъ лучшимъ примѣрамъ. Представь себѣ блаженную Марію, которая была такъ непорочна, что удостоилась быть Матерію Господа. Когда сошелъ къ ней въ образѣ мужа ангель Гавріиль, говоря: *радуйся, благодатная, Господь съ тобою* (Лук. 1, 28), въ страхъ и ужасъ она не могла отвѣчать; потому что никогда не принимала привѣтствія

отъ мужа. Потомъ она узнаетъ вѣстника, и говоритъ. И та, которая боялась человѣка, безтрепетно бесѣдуетъ съ ангеломъ. Можешь и ты быть матерію Господа. *Прими себѣ свитокъ новъ, великъ, и напиши въ немъ писаломъ человеческимъ; еже скоро сотворити плъненіе корыстей;* и когда приступишь къ пророчицѣ, и зачнешь во чревѣ, и родишь сына (Исаи 8. ст. 1 и сл.); то скажи: *страха ради Твоего, Господи, во чревь пріяхомъ, и поболъхомъ, и родихомъ духъ спасенія твоего, его же сотворихомъ на земли* (тамъ же гл. 26 ст. 17). Тогда и сынъ твой отвѣтитъ тебѣ и скажетъ: *се мати моя и братія моя* (Марк. 3. 34). И тотъ, кого ты незадолго предъ тѣмъ напишешь на листѣ твоей груди, начертишь писаломъ въ новой книгѣ сердца, тотъ, отнявъ у враговъ корысти, посрамявъ начала и власти, и пригвоздивъ ихъ ко кресту, зачатый возрастетъ, и, ставши возрастнымъ, удивительнымъ образомъ сдѣлаетъ тебя изъ матери своею невѣстою. Великъ подвигъ, но велика и награда, быть тѣмъ, чѣмъ и мученики, тѣмъ, чѣмъ апостолы, быть тѣмъ, чѣмъ Христось. Впрочемъ все это приноситъ пользу тогда, когда бываетъ въ церкви; когда мы празднуемъ пасху въ одномъ общемъ домѣ; если входимъ въ ковчегъ съ Ноемъ; если при гибели Иерихона содержимся у оправданной блудницы, Рахавъ. Но тѣхъ, которыя почитаются дѣвами у различныхъ еретиковъ, напр. у нечестивыхъ манихеевъ, должно почитать блудницами, а не дѣвами. Ибо, если творецъ тѣла у нихъ есть діаволь, то какимъ образомъ онѣ могутъ держать въ чести произведеіе своего врага? Но такъ какъ онѣ знаютъ, что дѣвическое имя—почтенно, то и скрываютъ волка подъ овечьею кожей. Антихристъ выдаетъ себя за Христа; и онѣ постыдную жизнь ложно прикрываютъ почетнымъ названіемъ. Радуйся, сестра, радуйся дочь, радуйся любезная дѣва; потому что ты на самомъ дѣлѣ стала быть тѣмъ, чѣмъ инья только притворяются.

Всѣ разсужденія наши покажутся тягостными для той, которая не любитъ Христа. Но кто всю пышность мірскую считаетъ прахомъ, все, что подъ солнцемъ,—суетою, кто умеръ съ своимъ Господомъ и совоскресъ, кто распялъ плоть свою со страстями и похотьми,—охотно воскликнетъ: *кто ны разлучитъ отъ любви Божія? Скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь?* И за тѣмъ: *извѣстихся бо, яко ни смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина. ни иная тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любви Божія, яже о Христъ Исусъ Господъ нашемъ* (Римл. 8. 35 и слѣд.). Ради нашего спасенія Сынъ Божій дѣлается сыномъ человѣческимъ. Девять мѣсяцевъ въ утробѣ ожидаетъ рожденія, терпитъ такое униженіе, выходитъ окровавленный, повивается пеленами, принимаетъ шутливыя ласки, и обнимающій міръ пядію, полагается въ тѣсныхъ яслахъ. Не говорю о томъ, что до тридцати лѣтъ, въ неизвѣстности онъ раздѣляетъ убожество родителей; поражаемый ударами — безмолвствуетъ, распинаемый молится за мучителей. *Что воздамъ Господеву о всѣхъ, яже воздаде мѣ? Чашу спасенія прииму, и имя Господне призову. Честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ Его* (Псал. 115, 3. 4. 6). Одно только и есть достойное воздаяніе, когда плагится за кровь кровію, и когда, искупленные кровію Христовою, мы охотно умираемъ за искупителя. Кто изъ праведныхъ получилъ вѣнецъ безъ мученій? Праведный Авель убитъ; Авраамъ подвергается испытанію потерять жену. Но чтобы не растягивать мнѣ письма безъ мѣры, поищи и найдешь, что всѣ они претерпѣли несчастія. Одинъ Соломонъ жилъ среди удовольствій, поэтому-то можетъ быть и палъ. *Его же бо любитъ Господь, наказуетъ: бьетъ же всякаго сына, его же приемлетъ* (Притч. 3. 12). Не лучше ли короткое время повоюствовать, окопаться валомъ, вооружиться,—томиться подъ броней,

и послѣ радоваться съ побѣдителемъ, — чѣмъ за нетерпѣніе одного часа попасть въ рабство на вѣки?

Ничто не тяжело для любящихъ. Никакой трудъ не труденъ для благорасположеннаго. Посмотри, какія условія принялъ Іаковъ изъ за жены Рахили: *и работа*, говоритъ Писаніе, *Іаковъ за Рахиль семь лѣтъ: и была предъ нимъ яко малы дни, занеже любяше ю* (Быт. 29, 20). За тѣмъ и самъ онъ послѣ упоминаетъ: *быхъ во дни жегомъ зноемъ, и студенію въ нощи* (Быт. 31, 40). Станемъ и мы любить Христа, станемъ искать постоянно его объятій, — и намъ все трудное покажется легкимъ, все долгое будемъ считать короткимъ; и уязвленные копіемъ его, будемъ говорить каждую минуту: *увы мнѣ, яко пришествовіе мое продолжися* (Псал. 119, 2). *Не достойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явитися въ насъ* (Римл. 8, 18); потому что *скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. 5. 3, 4). Когда предпринятый тобою подвигъ покажется тебѣ тяжкимъ, читай второе посланіе Павла къ Коринѣянамъ: *въ трудѣхъ множае, въ ранахъ преболъ, въ темницахъ измѣха, въ смертєхъ многаши. Отъ іудей пятькратно чєтыридєсять развъ единыя прїяхъ; трици палцами бїемъ быхъ; единою каменни наметанъ быхъ; трикратно корабль опровержєся со мною; нощъ и день во глубинѣхъ сотворихъ. Въ путныхъ шєствїихъ множицею: бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратїи. Въ трудѣ и подвизѣхъ, во бѣднїихъ множицею, во алчбѣ и жаждѣ, въ пощенїихъ многаши, въ зимѣ и наготѣ* (2 Корин. 11. 23—28). Кто же изъ насъ можетъ присвоить себѣ хотя малую долю изъ числа этихъ подвиговъ? Посему-то онъ справедливо сказалъ въ послѣдствїи: *теченіе скончашъ, въру соблюдахъ: прочее убо соблюдается мнѣ въ-*

нецъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день оный, праведный судія (2 Тим. 4. 7, 8). Мы сердимся, если пища бываетъ недосолена; и думаемъ, что оказываемъ какое то благодареніе Богу, когда пьемъ вино, смѣшанное съ водою. Разбивается чаша, опрокидывается столъ, раздаются удары, — и за простывиную воду отмщается кровопролитіемъ. *Царствіе небесное нудится, и нуждницы восхищаютъ е* (Матѣ. 11, 12). Не сдѣлаешь себѣ насилія, не восхитишь царствія небеснаго. Не будешь стучаться неотступно, не получишь таинственнаго хлѣба. Какъ тебѣ кажется, не насиліе ли, когда плоть хочетъ быть тѣмъ, чѣмъ Богъ, и туда, откуда низпали ангелы, восходить судить ангеловъ?

Прошу тебя, выйди на время изъ заключенія, и представь предъ своими глазами тѣ награды за настоящій подвигъ, ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце челоуѣку не въздоша. Каковъ будетъ тотъ день, когда встрѣтитъ тебя съ лицами дѣвъ Марія, мать Господа? когда Марія, сестра Аарона, какъ по переходѣ чрезъ Черное море и послѣ потопленія Фараона съ его войскомъ, держа въ рукѣ тимпанъ, запоеть, и ей отвѣтитъ хоръ: *поимъ Госиодеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже въ море* (Исх. 15, 1)? Тутъ Ѳекла радостно бросится въ твои объятія. Тутъ и Самъ Женихъ выйдетъ на встрѣчу тебѣ и скажетъ: *востани, прииди ближняя моя, добрая моя, голубице моя, яко, се зима преиде, дождь отзиде, отзиде себѣ* (Пѣсн. Пѣсн. 2. 10, 11). Тогда удивятся ангелы, и скажутъ: *кто сія проникающая, аки утро, добра яко луна, избрана, яко солнце* (тамже 6, ст. 9). Будутъ смотрѣть на тебя дочери, будутъ хвалить царицы, будутъ славить замужня. За тѣмъ встрѣтятъ тебя и другіе цѣломудренныя лики: Сара выйдетъ съ женами; Анна, дочь Фануилова, со вдовами. Въ различныхъ ликахъ предстанутъ твои по плоти и духу матери: возрадуется та, которая родила; возвеселится та,

которая научила. Тогда Господь дѣйствительно возсядетъ на жребя, и войдетъ въ небесный Иерусалимъ. И откроки, о которыхъ говорить Спаситель у Исаи: *се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ* (Исаи 8, 18), преднося побѣдныя вѣтви, воспоютъ согласными устами: Осанна въ вышнихъ: благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ (Іоан. ІЗ, 13). Тогда сто и сорокъ и четыре тысячи предъ престоломъ и старцы возьмутъ гусли, и будутъ пѣть пѣснь нову. И никто не можетъ новыкнути пѣсни, только это означенное число лицъ. *Сии суть, яже съ женами не осквернишася: зане двѣствяenniцы суть: сии послѣдуютъ агницу, а може еще поидетъ* (Апок. 14. 4). Всякій разъ, какъ будетъ тебя прельщать мiрское тщеславiе, слолько бы ни казалось тебѣ что нибудь славнымъ въ мiрѣ,—переносись умомъ въ рай: начинай быть тѣмъ, чѣмъ намѣрена быть въ будущности, и ты услышишь отъ своего жениха: *положи мя яко печать на сердца твоемъ, яко печать на мышцу твоею* (Пѣснь Пѣс. 8. 6),—и огражденная и тѣлесно и духовно вмѣстѣ, ты воскликнешь и скажешь: *вода многа не можетъ угасити любве, и рьки не потопятъ ея* (Тамже ст. 7).

22. Письмо къ Марцеллѣ о кончинѣ Леи ¹⁾.

Сегодня почти въ третьемъ часу, когда мы стали читать семьдесятъ второй псаломъ, то есть начало третьей книги псалмовъ ²⁾, и старались показать, что часть надписанiя этого псалма относится къ концу второй, а часть къ началу третьей книги, именно, что слова: *»окончашася пѣсни Давида, сына*

1) Написано въ томъ же году, въ которомъ и предшествующее письмо.

2) Блаж. Иеронимъ держится еврейскаго раздѣленiя псалмовъ. Сообразно съ мнѣнiемъ Евреевъ, онъ говоритъ въ письмѣ къ Киприану, что псалмы раздѣляются на пять книгъ.

Лессеова», составляют конецъ прежней,—а *»исаломъ Асафу«* начало слѣдующей книги; и когда мы дошли до того мѣста, гдѣ праведный говорить: *»аще глаголахъ, повѣмъ тако: се роду сыновъ твоихъ преступихъ«* (Псал. 72. 15), что въ латинскихъ кодексахъ читается иначе, вдругъ насъ извѣстили, что блаженнѣйшая Лея разсталась съ жизнію. При этомъ я замѣтилъ, что ты очень поблѣднѣла; да и подлинно едва ли найдется душа, которая бы осталась безпечальною, когда сокрушается водоносъ у источника (Еккл. 12, 6). Впрочемъ ты скорбѣла не потому, чтобы не предвидѣла этой потери, но потому, что не отдала усопшей печальнаго погребальнаго долга. Впослѣдствіи среди бесѣды мы узнали, что останки .Лей уже отнесены въ Остію.

Ты спросишь, къ чему клонится и что значить это воспоминаніе? Отвѣчу тебѣ словами апостола: *много по всякому образу* (Рим. 3, 2). Во первыхъ я хочу показать, что должно напутствовать всеобщю радостію ту, которая, поправъ діавола, получила уже вѣнецъ упокоенія. Во вторыхъ, я желаю кратко изобразить жизнь ся. Въ третьихъ, я намѣренъ показать, что нареченный консуль ¹⁾, кончившій вѣкъ свой, находится въ аду.—Но кто можетъ достойно восхвалить жизнь нашей .Лей? Она такъ всецѣло была предана Господу, что бывъ начальницею монастыря, была матерію дѣвиць; она, носившая прежде мягкія одежды, обременила члены власяницею; проводила въ молитвахъ безсонныя ночи, и своихъ сообщницъ поучала болѣе примѣромъ, чѣмъ словами. Она была такъ смиренна и такъ

1) Нареченный консуль, о которомъ идетъ рѣчь, называется—Веттій Агориій Претекстатъ, какъ гласить древняя надпись. При консулахъ Валентиніанъ II и Валентъ II ояъ былъ префектомъ Рима, какъ пишетъ Марцеллинь. Умеръ префектомъ преторіанскимъ при Θεодосіи, бывъ назначенъ къ слѣдующему году консуломъ.

покорна, что будучи нѣкоторымъ образомъ госпожею многихъ, казалась служанкою всѣхъ; быть можетъ потому, чтобы не почитаясь госпожею людей, тѣмъ болѣе быть рабою Христовою. Одежда ея была неизысканная, пища простая, голова безъ убранства; при всемъ томъ, она избѣгала чьей бы то ни было похвалы, чтобы не получить въ настоящемъ вѣкѣ своей награды.

Посему нынѣ за краткій трудъ наслаждается вѣчнымъ блаженствомъ, пріемлется ликами ангеловъ, упокоевается на ложѣ Авраамовомъ, и съ бѣднымъ Лазаремъ видитъ, какъ порфиропосный богачъ, и консулъ, одѣтый только въ трауръ, а не въ тогу съ вышитыми пальмами, просятъ капли съ мизинца. Какая перемѣна положенія! Тотъ, кто за немного дней назадъ касался вершины всѣхъ достоинствъ, кто, какъ торжествуя побѣду надъ врагами, входилъ въ капитолій, кого съ рукоплесканіемъ и топаньемъ принялъ народъ римскій, кончиною кого былъ потрясенъ весь городъ,—тотъ самый теперь обнаженный и безпомощный находится не въ млечномъ дворцѣ неба, какъ воображаетъ несчастная жена ¹⁾, но среди тьмы и смрада. А та, которую окружала таинственность одинокаго ложа, которая казалась бѣдною и незпаточною, жизнь которой почиталась безуміемъ, та идетъ за Христомъ и говорить: *якоже слышахомъ, тако и видѣхомъ во градѣ Бога нашего* (Псал. 47, 9), и прочее.

Поэтому увѣщываю, и со слезами и стонами умоляю тебя: не будемъ, проходя по пути міра сего, облекаться двумя ту-

1) Женою Претекстата была Паулина, великая жрица Цереры, какъ видно изъ древней надписи, приводимой Сметіемъ. Она воображала, что душа мужа живетъ въ млечномъ дворцѣ неба, такъ какъ, по мнѣнію язычниковъ, на млечномъ пути находилась отчизна безсмертія, и дома тѣхъ, которые включались въ число боговъ.

никами, то есть, двоевѣріемъ, не станемъ отягощаться кожанною обувью, то есть, заботами о смертномъ; пусть насъ не давить къ землѣ ноша богатствъ; не будемъ опираться на тростникъ, то есть, на мірское могущество; не пожелаемъ почитать одинаково и Христа и міръ; но мѣсто скоропреходящаго и тлѣннаго пусть заступитъ вѣчнос; и каждодневно умирая (говоря относительно тѣла), не будемъ считать себя вѣчными относительно внѣшнихъ предметовъ, чтобы мы могли быть поистинѣ вѣчными.

23. Письмо къ тойже Марцеллѣ, въ похвалу Азеллы ¹⁾.

Да не покажется никому предосудительнымъ, что въ письмахъ нашихъ встрѣчаются то похвалы, то порицанія; потому что обличеніе зла служитъ къ исправленію, а похвала добрыхъ возбуждастъ рвеніе къ дѣланію добра. Третьяго дня мы разсуждали о блаженной памяти Лей; теперь мнѣ приходитъ въ голову тревожная мысль о томъ, что восхваливъ въ лицѣ Лей цѣломудріе низшей степени (т. е. вдовство), намъ не слѣдуетъ умолчать о дѣвѣ. И такъ разсмотримъ кратко жизнь нашей Азеллы; только прошу тебя, не читать ей этого письма; потому что похвалы приписываемыя ей могутъ быть для нея тягостны; лучше соблаговоли прочитывать это письмо юнымъ дѣвамъ, чтобы онѣ, подражая Азеллѣ, почитали поведеніе ея образцомъ совершенной жизни.

Я не буду говорить о томъ, что Азелла получила благословеніе еще въ утробѣ матери до рожденія;—разумѣю бывшее отцу ея во снѣ видѣніе о томъ, что ему вручена дѣвочка въ сосудѣ блестящаго стекла, болѣе чистаго, чѣмъ всякое зеркало.

¹⁾ Написано спустя два дня послѣ предшествующаго.

Не стану говорить также и о томъ, что еще окутанная въ дѣтскія пелены, едва переступая десятилѣтній возрастъ, она посвящается ¹⁾ чести будущаго блаженства. Все, что было до подвига, должно быть приписано благодати: такъ Богъ, предвѣдущій будущее, освятилъ во чревѣ Іеремію; заставилъ Іоанна выиграть въ утробѣ матери, и прежде сотворенія міра опредѣлилъ Павла къ благовѣстію Своего Сына.

Стану говорить о томъ, что съ двѣнадцатилѣтняго возраста Азелла собственными трудами выбрала, приняла, удержала, начала и исполнила. Заключившись въ одной тѣсной келійкѣ, она наслаждалась райскимъ просторомъ. Одинъ и тотъ же земляной приступокъ былъ мѣстомъ ея молитвы и отдыха. Она считала постъ весліемъ, неяденіе—отдохновеніемъ. И такъ какъ ее влекло къ пищѣ не желаніе насыщенія, а необходимое требованіе организма; то хлѣбомъ, солью и холодною водою она болѣе раздражала, чѣмъ утоляла голодъ. Но я едва не забылъ того, о чемъ долженъ бы былъ сказать въ началѣ: когда она только что рѣшилась вести подвижническую жизнь, то безъ вѣдома родителей продала золотое ожерелье, (такъ называемое въ народѣ вьюнокъ (turgipula),—потому что будучи сдѣлано изъ металла, надѣтаго на проволоку, оно представляетъ какую-то изгибающуюся цѣпочку), и надѣвъ темную тунику, которой не могла выпросить у матери, неожиданно посвятила себя Господу, такъ что всѣ родные поняли, что нельзя ни къ чему принудить ту, которая осудила міръ самою одеждою.

Продолжаю прерванную рѣчь. Азелла всегда вела себя

1) Должно разумѣть частное, но не торжественное посвященіе; потому что по 4 правилу 3 кароагенскаго собора не позволялось посвящать дѣвицъ до 25 лѣтъ. Впослѣдствіи Левъ первый въ своемъ древнемъ чиновникѣ (pantificali) отдалъ этотъ срокъ до сорокалѣтняго возраста.

такъ скромно, такъ хранила себя въ тайнственности своего жилища, что никогда не ступала ногою въ общество, никогда не знала разговора съ мужчиной. И что особенно удивительно, сестру свою дѣвицу она болѣе любила, чѣмъ видѣла. Трудилась собственными руками, зная, что написано: *аще кто не захочетъ дѣлати, ниже да ястъ* (2 Солун. 3. 10). Съ женихомъ бесѣдовала въ молитвѣ, или при пѣніи псалмовъ. Никѣмъ почти не замѣчаемая спѣшила она къ жилищамъ мучениковъ. Восторженно проникнутая своими стремленіями, она въ особенноти радовалась тому, что ее никто не зналъ. Цѣлый годъ она проводила въ непрерывномъ постѣ, не вкушая по два и по три дня, а въ четырехдесятницу напрягала все паруса своего судна, съ радостнымъ видомъ постясь по цѣлымъ седмицамъ. И—фактъ, невѣроятный для людей, но возможный при помощи Божіей—она достигла сорокалѣтняго возраста, не болѣвъ желудкомъ, не страдавъ поврежденіемъ внутренностей; не сокрушились члены, лежавшіе на сухой землѣ; не покрылась смрадными струпами кожа, протираемая власяницею; но при здоровомъ тѣлѣ, еще болѣе здоровая духомъ, она считала утѣшеніемъ уединеніе, и въ шумномъ городѣ находила монашескую пустыню.

Но это лучше извѣстно тебѣ самой; отъ тебя и мы узнали кое что, и ты своими глазами видѣла на ея святомъ тѣлѣ въ слѣдствіе частой молитвы образовавшуюся затвердѣлость, какъ у колѣнъ верблюдовъ. Скажемъ то, что мы сами могли узнать. Нѣтъ ничего ласковѣе ея строгости, нѣтъ ничего строже ея ласковости, нѣтъ печальнѣе радости, нѣтъ радостиѣе печали. Такая блѣдность въ ея лицѣ, что показывая воздержаніе, нисколько не служитъ выраженіемъ тщеславія. Молчаливая рѣчь, и краснорѣчивое молчаніе. Ни скорая, ни медленная поступь. Наружность всегда одинаковая. Небрежная чистота, и при грубой одеждѣ самая опрятность безъ заботливости о ней.

Собственно непорочностію своєї жизни она достигла того, что въ Римѣ, городѣ удовольствій, нѣги и пышности, въ которомъ быть скромнымъ есть несчастіе, ее хвалятъ и добрые, не смѣютъ порицать и злые. Должны подражать ей вдовы и дѣвѣицы, должны почитать замужія, должны бояться преступницы, должны уважать священники.

24. Письмо къ той же Марцеллѣ 1). О десяти именахъ Божіихъ.

Читая девяностый псаломъ, относительно того мѣста, гдѣ написано: *живый въ помощи Вышняго, въ кровь Бога небеснаго водворится*, я сказалъ, что у евреевъ вмѣсто *Бога небеснаго* поставлено saddai, которое Аквила переводитъ *ikavds* и подъ которымъ мы можемъ разумѣть *сильнаго, могущаго* все произвести,—я сказалъ также что это есть одно изъ десяти именъ, которыми называется у евреевъ Богъ. Ты тогда же усердно просила меня, чтобы я перечислилъ тебѣ всѣ имена съ ихъ значеніемъ. Исполняю просьбу.

Первое имя Божіе есть el, которое семдесятъ переводятъ *Богъ*, Аквила, по этимологическому его значенію,—*ισχυρός*, то есть—*крпкій*.

Потомъ eloim и еloe, которое именно и значить *Богъ*.

Четвертое sabaoth, которое семдесятъ переводятъ *силъ*, а Аквила—*воинствъ*.

Пятое elion, которое мы выразимъ—*Вышній*.

Шестое eser ieje, что въ Исходѣ читается: *Сынъ посла мя*.

Седьмое adonai, которое у насъ значить вообще *Господь*.

Восьмое ia; оно принадлежитъ только Богу; но составляетъ также и послѣдній слогъ въ alleluia.

1) Написано въ томъ же 384 году.

Девятое *тетраγράμμου* (состоящее изъ четырехъ литеръ), которое почитали за *ἀνεκφώνητον*, то есть, за неизреченное, и которое изображается буквами: *iou, he, cau, he*. Не понимая этого имени и встрѣчая его въ греческихъ книгахъ, нѣкоторые обыкновенно читаютъ *ππι* въ слѣдствіе сходства буквъ.

Десятое, о которомъ уже сказано выше, и которое оставлено непереведеннымъ въ книгѣ Іезекіиля, есть *saddai*. Но должно замѣтить, что *eloim* есть имя обоихъ чиселъ, что имъ называется и одинъ Богъ и многіе, точно также, какъ небо и небеса называются одинаково, то есть *sapaim*. Въ слѣдствіе чего часто разногласятъ переводчики. Примѣръ (подобнаго употребленія чиселъ) мы можемъ найти и въ своемъ языкѣ: *Athenae* (Аѳины), *Thebae* (Ѳивы), *Salcnae* (Салсны).

25. Письмо къ тойже Марцеллѣ. О нѣкоторыхъ еврейскихъ наименованіяхъ ¹⁾.

Недавно, когда мы были вмѣстѣ, ты, уже не письменно, какъ обыкновенно дѣлала прежде, но лично сама спросила, что означаютъ у Евреевъ тѣ слова, которыя не переведены съ еврейскаго на латинскій языкъ,—и почему они оставлены безъ перевода, напр., *alleluia, amen, maran atha, ephod*, и другія, встрѣчающія въ писаніяхъ, и упомянутыя тобою.

На это, въ тѣсныхъ предѣлахъ письма, отвѣтимъ кратко, что и семьдесятъ толковниковъ и апостолы, такъ какъ первенствующая церковь состояла изъ іудеевъ, заботились о томъ, чтобы не смущать вѣрующихъ чѣмъ-нибудь неслыханнымъ, по учить ихъ тѣми словами, гдѣ какимъ они привыкли съ малолѣтства. А послѣ того, какъ слово евангелія распространилось

¹⁾ Написано вскорѣ послѣ предшествующаго.

между всѣми народами, нельзя уже было измѣнить однажды принятаго. Впрочемъ Оригенъ, въ своихъ книгахъ, которыя называются *ἑξηγουμένηα*, доказываетъ, что въ слѣдствіе свойствъ и особенностей каждаго языка, нѣкоторые слова не могутъ въ переводѣ удержать свое первоначальное значеніе, и что гораздо лучше оставлять ихъ безъ перевода, чѣмъ переводомъ ослаблять ихъ силу.

Такимъ образомъ *alleluia*, значитъ *хвалите Господа*, послѣку ја есть одно изъ десяти именъ Божіихъ. Такъ, въ томъ псалмѣ, гдѣ мы читаемъ: *хвалите Господа яко благъ псаломъ* (Псал. 146. 1),—у евреевъ читается: *alleluia chi tob zammer*.

Амен Аквила переводитъ *πεπιστωμενος*, что мы можемъ выразить словомъ: *вѣрно*, произведши нарѣчіе отъ слова: *вѣра*. Амен у Семидесяти *γέυσσε*, то есть: *да будетъ*. Поэтому и въ концѣ книгъ (Псалтырь раздѣленъ у евреевъ на пять частей) LXX переводятъ: *буди, буди*, что на еврейскомъ читается Амен, Амен,—и чѣмъ именно подтверждается, что все вышесказанное истинно. Поэтому и Павелъ говоритъ, что никто не можетъ отвѣчать *аминь*, то есть, подтвердить то, что сказано, не понимая сказаннаго (1 Кор. 14, 16). *Maran atha* болѣе сирское, чѣмъ еврейское слово, хотя, въ слѣдствіе сродства обихъ языковъ, и отзывается нѣсколько еврейскимъ; оно значитъ *Господь намъ пришелъ*; такъ что, если послѣ словъ: *еще кто не любитъ Господа Иисуса Христа, да будетъ проклятъ* (1 Корин. 16, 22), въ заключеніе прибавить: *Господь намъ пришелъ*; то смыслъ будетъ тотъ, что напрасно было бы желать съ упорною ненавистію вооружаться противъ того, о комъ извѣстно, что онъ уже пришелъ.

Хотѣлось бы написать тебѣ кое что и о *междупсалміи*, которое у евреевъ пишется: *sela* о *egod* и о томъ, что находится въ надписаніи нѣкоторыхъ псалмовъ: *Pro aieleth* и про-

чемъ въ этомъ родѣ; только въ такомъ случаѣ я выступилъ бы изъ предѣловъ письма, и долженъ бы былъ возбудить въ тебѣ страсть къ болѣе пирогимъ вопросамъ. Извѣстна поговорка: непрощенные подарки дурно пахнутъ. Поэтому мы и воздержимся отъ желанія говорить, чтобы тѣмъ сильнѣе ты захотѣла услышать о томъ, что умолчано.

26. Письмо къ тойже Марцеллѣ.

Послѣ прежняго письма, въ которомъ я сказалъ кое что о еврейскихъ словахъ, до меня печально дошелъ слухъ, что нѣкоторые ничтожные люди сильно порицаютъ меня за то, почему, вопреки авторитету древнихъ и всеобщему мнѣнію, я осмѣлился нѣчто исправлять въ евангеліи. Хотя я совершенно справедливо могъ бы презрѣть ихъ (потому что ослу не нужны звуки лиры), однакожъ, чтобы не упрекали меня въ гордости, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, пусть примутъ такой отвѣтъ: я не настолько грубъ сердцемъ и невѣжественъ (замѣчу при этомъ, что мои противники невѣжество само въ себѣ уже почитаютъ за святость, признавая себя учениками рыбарей, какъ будто бы причина святости апостоловъ заключалась въ отсутствіи познаній), я не настолько грубъ сердцемъ и невѣжественъ, чтобы счесть что нибудь въ Господнихъ словахъ или требующимъ исправленія, или не божественно-вдохновеннымъ; но я хотѣлъ очевидную изъ множества вариантовъ поврежденность латинскихъ кодексовъ исправить по греческому оригиналу, съ котораго былъ сдѣланъ первоначальный переводъ, чего не отвергаютъ и сами мои противники. Если имъ не нравится вода чистаго источника, пусть пьютъ изъ грязныхъ ручьевъ; пусть при чтеніи Писанія оставляютъ то стараніе, съ какимъ узнаютъ стаи птицъ и глубину чашъ; пусть будутъ въ этомъ отношеніи настолько наивны, чтобы считать протосва-

тими слова Христовы, надъ которыми уже столько вѣговъ и столько умовъ трудилось такъ, что о смыслѣ каждаго слова было гораздо болѣе думано, чѣмъ высказано. Пусть предполагаютъ необразованность въ апостолѣ, о которомъ сказано, что его *многя книги въ неистовство прилагаютъ* (Дѣян. 26, 24).

Знаю, что читая это, ты хмуришь чело, и боишься, чтобы моя свобода рѣчи не была опять началомъ споровъ; знаю, что ты хочешь, если бы можно было, зажать мнѣ ротъ рукою, чтобы я не смѣлъ говорить того, чего другіе не стыдятся дѣлать. Но спрашиваю, что сказано мною предосудительнаго? Развѣ я описывалъ вырѣзанныхъ на чашахъ идоловъ? Развѣ на христіанскихъ празднествахъ я представлялъ для дѣвственныхъ очей объятія Вакховъ и Сатировъ,— или когда нибудь и кого нибудь оскорбилъ суровою рѣчью? Развѣ печалился, что изъ нищихъ становились богачами? Развѣ порицалъ наслѣдственные гробницы? Сказавши только, несчастный, что дѣвицы должны чаще быть съ женщинами, чѣмъ съ мушцами, я укололъ глаза всего свѣта; на меня все указываютъ пальцами. *Умножишася паче власъ главы моя ненавидящии мя туне..., и быхъ имъ въ притчу* (Псал. 68. 5 и 12); и ужели ты думаешь, что послѣ этого я стану говорить еще что нибудь?

Впрочемъ, чтобы не посмѣялся надъ нами Флаккъ говорящій,— что »Амфора, катаясь юлессомъ, начала размышлять, зачѣмъ кувшинъ ходить«,—(Гораціи de Arte Poetic.), возвращаемся къ нашимъ двуногимъ осламъ, и не на арфѣ, а въ рожокъ будемъ трубить имъ въ уши. Они пусть читаютъ: *упованіемъ радующеся, работая времени*, а мы будемъ читать: *упованіемъ радующеся, Господеви работающе* (Римл. 12; 12 и II) ¹⁾. Они пусть думаютъ, что обвиненіе на пресвитера

1) Этотъ вариантъ (temporâ servientes, ии. Domino servientes) имѣетъ мѣсто и въ греческихъ древнихъ кодексахъ новаго завета; изъ которыхъ въ

вовсе не должно быть принимаемо; а мы будемъ читать: *на пресвитера хулы не приѣмми, развѣ при двою, или тріехъ свидѣтеляхъ. Соизышающихъ же предѣ всеми обличай* (1 Тим. 5. 19). Пусть у нихъ лучше: »человѣческое слово и всякаго пріятія достойное«, а мы съ греками, то есть, съ апостоломъ, говорившимъ по гречески, будемъ ошибаться: *вѣрно слово и всякаго пріятія достойно* (Тим, 4, 9). Наконецъ, пусть они наслаждаются галльскими жеребцами, а насъ утѣшить тотъ подъяремный и на служеніе Спасителю приготовленный осленокъ, который, отдавъ хребетъ для Господа, сталъ соотвѣтствовать пророчеству Исаи: *блаженнѣ сіюущіи при всякой водѣ, идѣже волъ и оселъ попираемъ* (Исаи 32. 20).

27. Письмо къ тойже Марцеллѣ. О междупсалміи. (De voce Diapsalma) 1).

Всякій долгъ нужно отдавать съ лихвою; а долгая отстрочка раститъ процентъ. Ты требовала моего мнѣнія о *междупсалміи* (diapsalma).—я отговорился тѣсными предѣлами письма, и высказалъ, что предмета, дающаго содержаніе для книги, нельзя положить въ письмахъ. Но какъ быть съ моимъ *ἐρροδιώκτη* (побудителемъ къ трудамъ)? Молчаніе возбуждаетъ въ тебѣ еще большее любопытство. Итакъ пусть будетъ немного вмѣсто многого, чтобы не томить тебя долѣе.

По мнѣнію нѣкоторыхъ *междупсалміе* означаетъ перемѣну метра; по мнѣнію другихъ передышку; по мнѣнію третьихъ—

инныхъ читается τῶ κριῶ, — въ другихъ τῶ κριῶ. Оба чтенія были извѣстны отцамъ церкви, которые предпочитали послѣднее, какъ правильное.

1) Въ этомъ письмѣ блаж. Иеронимъ разсуждаетъ означеніи еврейскаго слова *сала*, которое въ латинскихъ кодексахъ Библии переводилось: diapsalma (междупсалміе), а въ славянскихъ переводилось: *въ конецъ* или оставлялось безъ перевода.

начало другой рѣчи. Иные думаютъ, что междупсалміе обозначаетъ раздѣленіе риѳма, — и молчаніе въ слѣдствіе какой-либо перемѣны въ музыкѣ, такъ какъ въ древности псалмы пѣлись подъ органы. Мы ничего этого не думаемъ, потому что Аввила, самый тщательный переводчикъ еврейскихъ словъ, переводитъ слово *sela*, т. е. *междупсалміе*, — которое пишется изъ буквъ *samech, lamed, he*, словомъ *всегда*. Въ такомъ именно смыслѣ *междупсалміе* поставляется и въ концѣ псалмовъ, какъ наприм., въ концѣ 3-го *зубы грѣшниковъ сокрушилъ еси; Господне есть спасеніе, и на людехъ твоихъ благословеніе твое, села*, то есть *всегда*, — и въ концѣ 23: *кто есть сей царь славы? Господь силъ той есть царь славы, всегда*. Если бы междупсалміе (т. е. слово *sela*) имѣло другой смыслъ, то оно не находилось бы въ псалмахъ среди многихъ стиховъ, именно въ 36 77 и 118-мъ. Еще: 9-й псаломъ раздѣленъ *пѣснію междупсалмія*; но если, какъ думаютъ нѣкоторые, *междупсалміе* означаетъ начало молчанія, то какъ же можетъ быть пѣснь молчанія?

Отсюда видно что это слово соединяетъ вмѣстѣ предыдущее и послѣдующее, или по крайней мѣрѣ, показываетъ, что сказанное непреложно, — какъ, напр., въ 3 псалмѣ *мнози гложутъ души моей, нѣсть спасенія ему въ Божь его*, всегда. И опять: *гласомъ моимъ ко Господу возвахъ, и услыша мя отъ горы святыя Своя*, всегда. И въ четвертомъ: *вскую любите суету, и щете лжи?* всегда. И далѣе: *яже гложете въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилитесь*, всегда. И у Аввакума: *Богъ отъ юга придетъ и Святыи изъ горы Фаранъ* ¹⁾, всегда. (Аввак. 3, 3) и ниже: *клятвы, данныя колѣбнамъ, которыя ты изрекъ всегда* (Аввак. 3, 9).

1) Въ славянскомъ переводѣ вмѣсто Фаранъ, *пріоснѣнныя чаши*.

Должно знать, что у евреевъ въ концѣ книгъ обыкновенно ставилось одно изъ трехъ: или писали они amen, или *selā*, или *salom*, что означаетъ *миръ*. Отсюда и Саломонъ значить *миролюбивый*. Слѣдовательно, какъ мы, окончивъ какое нибудь дѣло, при переходѣ къ другому обыкновенно говоримъ: explicit (*кончено*), или feliciter (*счастливо*), или что нибудь въ этомъ родѣ: такъ и Евреи, чтобы подтвердить написанное, обыкновенно говорятъ *аминь*, или чтобы *навсегда* замѣтить написанное, ставятъ *села*, или чтобы заявить счастливое окончаніе дѣла, замѣчаютъ въ концѣ *миръ*.

Сказанное мы почерпнули собственно изъ еврейскаго источника, не отвѣдывая ручьевъ мнѣній, и не пугаясь многообразія заблужденій, наполняющихъ міръ, но желая узнать и показать истину. Если не будетъ тебѣ въ тягость, я переведу слово въ слово мнѣніе Оригена о *междупсалміи*, дабы, пренебрегая молодая вина, ты по крайней мѣрѣ прельстилась достоинствомъ стараго вина.

В ы д е р ж к а и з п и с ь м а О р и г е н а .

Доискиваясь часто причинъ, почему въ нѣкоторыхъ псалмахъ полагается *междупсалміе*, я тщательнѣйшимъ образомъ просматривалъ еврейскій текстъ, сличалъ его съ греческимъ, и нашелъ, что тамъ, гдѣ на еврейскомъ языкѣ стоитъ *села*, и на греческомъ *всегда*, или что нибудь въ этомъ родѣ, тамъ Семидеять, Θεοδοτιὸνъ и Симахъ перевели *междупсалміе*. Не излишне подтвердить сказанное примѣрами. Въ 74 псалмѣ, начинающемся такъ: *исповѣйся тебѣ, Боже, исповѣйся тебѣ, и призовемъ имя твое*,—послѣ: *азъ утвердихъ столпы ея*, у Семидеяти, Θεοδοτιόνα, и Симмаха стоитъ *междупсалміе* *diarsalma*, вмѣсто чего у Альвилы: »я повѣсилъ столпы ея, всегда«. Въ пятомъ переводѣ (editione): »я тотъ, который устроилъ столпы ея, всегда«. Въ шестомъ же: »я утвердилъ столпы ея

непрерывно (jugiter)«. Но на еврейскомъ послѣ *amuda*, то есть, *стоитъ ея*, стоитъ: *sela*. И еще: въ 75 псалмѣ, начинающемся: *вѣдомъ во Иудеи Богъ*, послѣ: »щитъ, и конь, и брань« у Семидесяти и Оеодотіона находимъ *междупсалміе*. У Симмаха послѣ: »щитъ, и мечъ и брань« также *междупсалміе*. Въмѣсто этого у Аквилы послѣ »щитъ, и мечъ, и брань«,— *всегда*. Въ пятомъ переводѣ (editione), послѣ: »щитъ, и оружіе, и брань, всегда«. А въ шестомъ: »щитъ, и мечъ и брань, въ конецъ«. Но въ еврейскомъ послѣ *umalata*, то есть—и брань; находится *sela*. Въ этомъ же самомъ псалмѣ послѣ: *спасти вся кроткія земли*,—междупсалміе; у Симмаха также междупсалміе; у Аквилы *всегда*; также и въ пятомъ переводѣ. Въ шестомъ же: *въ конецъ*. Но въ еврейскомъ послѣ: *аніе аге*, то есть *кроткія земли*,—поставлено *sela*. И мы замѣчали это всегда, когда просматривали означенное выраженіе по всѣмъ переводамъ. Что разумѣли тѣ, которые переводили междупсалміе, перемѣну ли музыки, пѣнія или метра, или они думали что нибудь другое, это предоставляю твоему собственному сужденію.

И только у Оригена; мы захотѣли въ этомъ разсужденіи лучше послѣдовать его незнацію, чѣмъ держаться глупаго мнѣнія невѣждъ.

28. Письмо къ тойже Марцеллѣ. О словахъ: Ефудъ и Ферафинъ.

Задача писемъ увѣдомлять о дѣлахъ хозяйственныхъ, или о ежедневныхъ нуждахъ, и дѣлать отсутствующихъ какъ будто присутствующими, посредствомъ взаимнаго извѣщенія другъ друга о своихъ желаніяхъ, или дѣлахъ: хотя иногда такое взаимное угощеніе бесѣдой и приправляется солью науки. Однакожь ты, всецѣло занятая серьезными изслѣдованіями, не

пишешь мнѣ ничего, кромѣ того, что утруждаетъ меня и заставляетъ читать Писанія. Наконецъ предложивъ вчера такой важный вопросъ, ты потребовала, чтобы я тотчасъ отписалъ тебѣ, что я думаю. Какъ будто я занимаю фарисейскую кафедру, что лишь только заходятъ толки о еврейскихъ словахъ, меня требуютъ въ свидѣтели и посредники спора. Неприятны письма, которыя не пахнутъ пирогами, которыхъ не приправилъ Апицій, отъ которыхъ нисколько не поднимается паръ похлебки учителей вѣка сего. Впрочемъ, такъ какъ посредникъ нашей бесѣды спѣшитъ отъѣздомъ, то буду говорить о предлагаемомъ важномъ вопросѣ поскорѣе: для разсуждающаго о священномъ Писаніи должны быть необходимы не столько слова, сколько мысль. Посему, если мы нищемъ краснорѣчія, то должно читать Демосѣна, или Тулія; если же божественныхъ таинъ, то должно пересматривать наши священныя книги, которыя въ латинскомъ переводѣ не вполне соотвѣтствуютъ еврейскому тексту.

Въ началѣ своего письма ты написала: что знача *в* написанное въ первой книгѣ Царствъ: *и отрокъ Самуиль служилъ предъ лицомъ Господа, сѣи опоясанъ во Ефудъ бадъ*, (*Ephod bad*) и послѣ *шамиду малу*, которую *сотвори ему мати его; и приношаше ему отъ дней во дни, егда восхождаше съ мужемъ своимъ пожрети жертвою дней* (1 Царствъ 2. 18, 19). И такъ ты спрашиваешь, что такое: *Ephod bad*, которымъ опоясанъ будущій пророкъ,—поясъ ли, или кадильница, какъ думаютъ нѣкоторые, или какою нибудь родъ одѣянія? А если одѣяніе, то какъ это Самуиль имъ опоясанъ? и послѣ *Ephod*, зачѣмъ присоединено къ нему *bad*? Ты выпи-сываешь за тѣмъ, что прочла далѣе: *прииде чловѣкъ Божій ко Илю, и рече: сіа млагодеть Господь: открываяся открыхся въ дому отца твоего, сущимъ имъ въ земли египетскій рабomъ въ дому Фараони: и избрахъ домъ отца твоего отъ*

всѣхъ домовъ израилевыхъ мнѣ служитъ, еже восходити ко олтарю моему, и кадити кадиломъ, и носити Ефудъ (Тамже ст. 27 и 28); и прослѣдивъ всю книгу въ рядъ, ты взяла примѣръ даже изъ того мѣста, въ которомъ Доикъ Идумеянинъ по повелѣнію царя умерщвляетъ іереевъ: »и обратися, говорить Писаніе, *Доикъ Сиригъ, умертвилъ самъ Іереевъ Господнихъ, и уби въ той день триста пять мужей, или* (какъ читается на еврейскомъ) *восемдесятъ пять, всѣхъ носящихъ Ефудъ. И Номву градъ іерейскій погуби остриемъ оружія отъ мужеска полу и до женска, отъ отрока и до сущаго, телца и осла и овчате. И улонзе единъ сынъ Авимелеха, сына Ахитова, имя ему Авіафаръ, и бѣжа въ слѣдъ Давида* (1 Цар. 22, 18—20).

Не удерживаюсь, чтобы не предупредить отвѣтомъ ряда вопросовъ; гдѣ теперь мы прочитали: *всѣхъ носящихъ Ефудъ*,— на еврейскомъ находится: *носящихъ Ефудъ бадъ*. Къ чему я сказалъ это, узнаешь далѣе. За тѣмъ ты присовокупила и слѣдующее: *и бысть, егда бѣжа Авіафаръ, сынъ Авимелеховъ къ Давиду, и той съ Давидомъ въ Кеиль спиде, имый Ефудъ въ руцѣ своей: и возвьстися Саулу, яко прииде Давидъ въ Кеиль* (1 Цар. гл. 23 ст. 6, 7). Опасаясь прихода царя и осады города, Давидъ сказалъ Авіафару: *принеси Ефудъ Господень* (тамже ст. 9). Предложивъ эти извлеченія изъ книги Царствъ, ты перешла къ книгѣ Судей, въ которой написано, что Миха, происходившій изъ горы Ефремовой, отдалъ матери тысячу сто сребренниковъ, которыя она обѣщала Богу, и что она сдѣлала изъ нихъ *изваянное и слянное*. Ты присовокупляешь, что это изваянное и слянное спустя не много и называется *Ефудъ и Оерафинъ* и что, конечно, если бы это былъ поясъ, или какая нибудь одежда, то не могло бы быть изваяннымъ и сляннымъ. Узнаю ошибку почти всеобщую у латинянь, думающихъ, что упоминаемые далѣе *Ефудъ и Ое-*

рафинъ были вылиты изъ того серебра, которое Миха далъ матери; между тѣмъ, какъ писаніе рассказываетъ такимъ образомъ: *и взя мати его, безъ сомнѣнія Мики, серебро, и даде его сребродѣлю, и сотвори тѣе изваянное и сліянное. И бысть въ дому Мики: и домъ Михинъ ему—домъ Божій, и сотвори Ефудъ и Оерафинъ: и наполни руку единому отъ сыновъ своихъ и бысть ему жрецъ* (Судей 17. 4 и 5). Если ты думаешь, что одно и то же выше названо изваяннымъ и сліяннымъ, а послѣ называется: *Ефудъ и Оерафинъ*; то знай; что не одно и то же. Потому что Миха сдѣлалъ Ефудъ и Оерафинъ послѣ куміра матери, который и называется изваяннымъ и сліяннымъ,—какъ это видно и изъ слѣдующаго: *и отвѣщаша пять мужей, ходившіи соглядати землю, и рѣкоша къ брати своей. Разумѣете ли яко есть въ дому семъ Ефудъ и Оерафинъ и изваяно и сліяно* (Суд. 18, 14 и слѣд.); и далѣе изъ многаго, пропущеннаго тобою: *и въздоша, сказано, пять мужей, и вшедше тамо взяша изваяно и Ефудъ и Оерафинъ и сліянное. И шесть сотъ мужей, препоясани во оружіе воинско... въздоша въ домъ Михинъ, и взяли Ефудъ и Оерафинъ и сліяно и изваяно* (Суд. 18, 16—18). И такъ должно быть отринуту мнѣніе тѣхъ, которые признавъ Ефудъ серебряннымъ, сдѣлали вопросъ неразрѣшимымъ. За мѣгъ кратко и то, что Ефудъ упоминается только какъ приподлежность священства. Ибо и Самуиль, опоясанный имъ, какъ сказано, былъ левитъ, его носили и священники Номвы, какъ знакъ своего достоинства. И (чего нѣтъ въ латинскихъ кодексахъ) когда Давидъ, убѣгая отъ Саула, пришелъ къ Авимелеху и требовалъ меча, говоря: *виждь аще есть здѣ у тебе копіе или мечъ, яко меча моего, и оружія моего не взяхъ съ собою; и рече іерей: се мечъ Голиаѳа иноплеменика, его же ты убилъ еси во юдоли Теревинѳа, и той обвитъ бяше въ ризу за Ефудомъ въ ризницѣ** (1 Царствъ 21. 8 и 9);

конечно и Ефудъ сохранялся тамъ же. Ефудъ же въ томъ видѣ, какъ мы его теперь представили, разумѣется также и тамъ, гдѣ говорится объ изваянномъ и сляянномъ; хотя это послѣднее было идолъ; но такъ какъ этотъ идолъ вслѣдствіе заблужденія служилъ предметомъ богопочтенія, то для служенія ему, также какъ и для служенія Богу, были устроены знаки Ефудъ и Оерафинъ.

Что такое Оерафинъ, скажемъ послѣ, если останется мѣсто. Теперь же пока объяснимся относительно Ефуда. Въ книгѣ Исходъ, гдѣ заповѣдуется Моисею, чтобы онъ повелѣлъ сдѣлать священническое облаченіе, между прочимъ говорится: *и сія суть ризы, ихже сотворятъ; наперсникъ, и ризу верхнюю, и домую ризу σασμρωτάς, и напавіе и поясъ* (Исх. 28.4). Гдѣ мы поставили *ризу верхнюю*, семдесятъ толковниковъ перевели погречески ἐπιμίδας, имѣя въ виду, что одежда этого рода возлагалась наверхъ. Потомъ слѣдуетъ: *и сіи да возмутъ золото, и синету, и багряницу, и червленницу, и виссонъ, и да сотворятъ ризу верхнюю отъ виссона сканнаго, дълго тканно пестрящаго* (Исх. 28, 5. 6). Чего болѣе? Вся книга Исходъ наполнена изображеніемъ этого рода одеждъ. Ибо и въ концѣ этой книги написано: *и сотвори всякъ премудрый въ дълающихъ ризы святыни, яже суть Аарону іерею, яко же заповѣда Господь Моисею. И совориша ризу верхнюю отъ золота, и синеты, и багряницы и червленницы прядены, и виссона сканнаго* (Исх. 36. 8 и слѣд.). Но въ Исходѣ заповѣдуются только приготовить эти ризы; затѣмъ ихъ дълаютъ и приносятъ; впрочемъ Ааронъ еще не облачается въ нихъ; уже въ книгѣ Левитъ объяснено, какъ онъ былъ облеченъ въ священническія одежды: *и приведе Моисей Аарона и сына его, и измы я водою: и облече его въ срачицу, и опояса его поясомъ, и облече его въ ἐπιδύτην*, что можно перевести: *въ исподнюю ризу, или ризу, которая надѣвается съ-исподу. И воз-*

влече нань верхнюю ризу, сказано, и опояса его по устр^ен^ю верхней ризы и стисне его ею (Лев. 8, 6 и 7). Видишь — Ааронъ также опоясывается этою верхнею ризою, какъ Самуилъ означеннымъ, не знаю только какимъ, *Ефудъ* *мадъ*. Но чтобы не томиться тебѣ долѣе, выслушай слѣдующее: гдѣ у семидесяти толковниковъ, — значить и въ нашихъ кодексахъ, читается *ἐπιμας*, то-есть *верхняя риза*, тамъ въ еврейскомъ написано *Ефудъ*. А почему это слово въ одномъ мѣстѣ переведено, а въ другомъ оставлено безъ перевода, объ эгомъ судить не мое дѣло, такъ какъ тоже самое сдѣлано и относительно многихъ другихъ словъ: поелику ихъ переводили иногда такъ, иногда иначе; то впослѣдствіи, затрудняясь различіемъ переводовъ, начали ставить подлинныя еврейскія слова. Аввила же то, что другіе переводчики называли *ἐποδῆτον* и *ἐπιμαδα*, называлъ *ѣвдурма* и *ѣпедурма*, т. е. одеждою и верхнею одеждою. Поелику *ѣвдурма*, поеврейски *таїл*, означаетъ именно *исподнюю одежду*; и *ѣпедурма*, т. е. *ἐπιμας* — поеврейски *ephod* — *верхнюю мантию*, которою облакался весь сонмъ священниковъ.

Можетъ быть ты спросишь — если Ефудъ есть священническая риза, то почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ присоединяется къ нему *бар*? Слыша *бар*, не могу удержаться отъ смѣха. У евреевъ говорится *bad*, и сами семдесятъ толковниковъ, какъ извѣстно, перевели точно также; потому что когда пишутъ *бар* вмѣсто *bad*, то ошибаются: словомъ же *bad* на еврейскомъ языкѣ называется *ленъ*, хотя *ленъ* болѣе точно выражается словомъ *phesta*. Поэтому, гдѣ мы читаемъ: *и сотвориши имъ надраги льняны покрывати стыднїя плоти ихъ, отъ бедръ, даже до стѣнъ будутъ* (Исх. 28, 42); тамъ на еврейскомъ вмѣсто *льняны* поставлено *bad*. Такимъ же образомъ былъ одѣтъ и мужъ, являвшійся Даніилу. *И воздвигохъ очи мои, и видѣхъ, и се мужъ единъ облеченъ въ baddim* (Дан. 10. 5), — множественное число и означаетъ: *льняную ризу*. Но сверхъ

этого говорится, что Самуиль и восемьдесятъ-пять священниковъ носили *Ефудъ* льняной; поелику только одинъ первосвященникъ имѣлъ позволеніе облекаться въ Ефудъ не льняной, а сотканный (какъ гласитъ Писаніе) изъ злата, синеты, багряницы и червленицы и виссона; прочіе же носили Ефудъ не такой разноцвѣтный, и не украшенный двѣнадцатю камнями, размѣщенными на обоихъ плечахъ, но простой, льняной, только чистый до ослѣпительной бѣлизны.

Однакожь, такъ какъ я обѣщала выше сказать, хотя кратко, если будетъ мѣсто, и о словѣ *ѳерафинъ*; то, пока еще никто не подошелъ мѣшать, слушай: *ѳерафинъ* у Авилы переведено *морфѳимата*, что мы можемъ выразить словомъ *образы* или *изображенія*. Ибо когда Сауль посылаетъ вѣстниковъ взять Давида, и послѣ ихъ отвѣта, что Давидъ боленъ, посылаетъ ихъ опять, говоря: *принесите его на одръ ко мнѣ, еже умертвити его: и придоша слуги и се щецпогребальная на одръ* (1 Цар. 19. 15): тутъ, вмѣсто *щецпогребальная*, въ еврейскомъ поставлено *thegaphim*, т. е. *морфѳимата*: не козья пачень, какъ въ нашихъ кодексахъ, но изголовье, сшитое изъ козьеи шкуры, которое, такъ какъ волосы были подстрижены, имѣло видъ какъ бы головы закрытаго въ постелѣ челоуѣка. Для уясненія значенія обоихъ словъ разомъ, укажу на мѣсто у Осіи, гдѣ Богъ угрожаетъ отнять всякую благодать у прелюбодѣйнаго народа, говоря, что *дни многи сядутъ сынове Израилевы, ни сушу царю, ни сушу князю, ни сущей жертвъ, ни сушу жертвеннику, ни жречеству, ниже явленіямъ* (Осіи 9. 4.): вмѣсто *жречеству, явленіямъ*, на еврейскомъ поставлено: *ни Ефуду, ни ѳерафину*, какъ и перевели Теодотіонъ и Симмахъ. Отсюда видно, что у семидесяти, державшихся болѣе смысла, чѣмъ буквы *Ефудъ* переведено словомъ *жречество*, а подъ *ѳерафиномъ*, т. е. фигурами, знаками, разумѣлись различныя издѣлія, посвящія названіе *ѳерафинъ*. Ибо

и въ Исходѣ, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ описываются одежды, вышитыя по тканямъ, описывается издѣліе cherubim, то-есть пестрое и разноцвѣтное: впрочемъ въ этомъ значеніи слово cherubim не имѣетъ буквы вау; потому что когда пишется съ этою буквою, то означаетъ существо живое, а не издѣліе. Такимъ образомъ послѣ сказаннаго выше дѣлается яснымъ, что и Миха вмѣстѣ съ священническою одеждою сдѣлалъ еще нѣчто другое, относящееся къ священническимъ украшеніямъ, то-есть **Ферафинъ**.

Хотя и желалъ бы я теперь же объяснить тебѣ всѣ священническія принадлежности, и въ каждомъ видѣ облаченій показать божественно-тайнственное знаменованіе; но такъ какъ уже и безъ этого вышелъ за предѣлы письма, и такъ какъ Іосифъ и Филонъ, ученѣйшіе мужи изъ евреевъ, и многіе изъ нашихъ обширно изслѣдовали это, и въ моемъ голосѣ, какъ говорится, ты бы ихъ слушала: то относительно прочаго, если пожелаешь, услышишь уже отъ меня лично, такъ что, если, можетъ быть, мы и знать не будемъ чего нибудь, то безъ свидѣтелей, безъ судей, это будетъ скоронено въ вѣрномъ слухѣ. Радуюсь, если общая мать наша здравствуетъ, и молю Господа, да здравствуетъ. Занятый, какъ знаешь, чтеніемъ еврейскихъ книгъ, я допустилъ у себя порчу въ языкѣ латинскомъ такъ, что даже при произношеніи слышится какое-то вовсе не латинское пришепетываніе. Поэтому извини сухость нашей рѣчи. Апостолъ говорилъ: *аще бо и невѣжда словомъ, но не разумомъ* (2 Кор. 11, 6); но у него не было недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ, и только по смиренію онъ одно отрицаетъ въ себѣ. А у насъ нѣтъ ни того, ни другаго, такъ какъ и милую наивность младенчества мы утратили, и знанія, какого желали, не достигли,—и подобно собакѣ въ Езоповой баснѣ, погнавшись за большимъ, потеряли и меньшее.

29. Письмо къ Павлѣ. О еврейскомъ алфавитѣ 118 псалма.

Третьяго дня,—я старался объяснить тебѣ 118 псаломъ и говорить, что имъ обнимается всякое нравственное сосгоянiе, говорилъ также, что какъ философы дѣлятъ обыкновенно свои трактаты на физику, этику и логику, такъ и божественное слово или рассуждаетъ о природѣ, какъ въ книги Бытія и Екклесіастѣ, или о нравственности, какъ въ притчахъ и по мѣстамъ во всѣхъ книгахъ,—или о логикѣ, которую священные писатели замѣнили тэорікою ¹⁾, какъ въ пѣсни пѣсней и въ евангеліяхъ (хотя и апостоль часто дѣлаетъ положенія, разбираетъ доказываетъ и выводитъ заключенія, что собственно принадлежитъ къ діалектической наукѣ). Во время этой бесѣды ты съ особеннымъ любопытствомъ спросила: что значагъ еврейскія буквы, разставленныя, какъ ты видѣла, въ читапномъ нами псалмѣ.

Я отвѣчалъ, что по порядку буквъ составленъ псаломъ, т. е. что восемь стиховъ начинаются съ первой буквы, называемой у нихъ *Алефъ*, за тѣмъ столько же стиховъ начинаются съ буквы слѣдующей, *Бетъ*, и далѣе тоже число стиховъ имѣютъ начала съ *Гимель*, и что такимъ образомъ написанъ псаломъ до буквы *Тавъ*, послѣдней у евреевъ; и что

1) Эта мысль заимствована блаж. Иеронимомъ у Оригена, который въ толкованіи на пѣснь пѣсней говоритъ: »Главныя науки, съ помощію которыхъ доходимъ до познанія вещей, три, называемыя у грековъ *этика*, *физика* и *теорика*, а по нашему нравственная, естественная и созерцательная науки. Нѣкоторыя изъ грековъ допускаютъ еще логику, которую можемъ назвать умственной наукою». И въ другомъ мѣстѣ: »созерцательная наука та, съ помощію которой мы, становясь выше **видимаго** созерцаемъ нѣчто изъ божественнаго и небеснаго, **запреднаго** оное однимъ умомъ».

по значенію каждой изъ этихъ буквъ должно заключать и о значеніи того, что за нею слѣдуетъ. Ты когда же просила меня объяснить тебѣ значеніе каждой буквы; но такъ какъ я прямо сказалъ, что при незнаніи языка вылетитъ изъ памяти все, чтобы мы ни сказали, то ты пожелала имѣть это объясненіе на запискѣ съ тѣмъ, что если бы чтонибудь ты и перепутала, то чтеніе могло бы поправить ошибку забвенія.

Но прежде чѣмъ начну говорить о каждой буквѣ, ты должна знать, что начинаются по порядку еврейскихъ буквъ четыре псалма: 110, 111, тотъ о которомъ мы пишемъ и 144. Также ты должна знать, что въ двухъ первыхъ псалмахъ, съ каждой по порядку буквы начинается каждый по порядку стихъ, состоящій изъ трехстопнаго ямба,—а два послѣдующіе состоятъ изъ четырехстопнаго ямба, какимъ написана и пѣснь во второзаконіи. Въ 118 псалмѣ каждая буква слѣдуетъ послѣ восьми стиховъ. Въ 144 псалмѣ каждую буквою отмѣчаются каждые два стиха. Нѣкоторые думаютъ, что и другіе псалмы расположены по такому же порядку но ихъ мнѣніе ложно. Въ плачѣ Іереміи ты найдешь четыре алфавита, изъ которыхъ два первые написаны какъ будто Сафическимъ размѣромъ, потому что три стиха соединенные между собою и начинающіеся съ одной только героической буквы, заключаются коммой. Третій же алфавитъ написанъ трехстопнымъ размѣромъ, и каждые три стиха начинаются съ трехъ, но однихъ и тѣхъ же буквъ. Четвертый алфавитъ сходенъ съ двумя первыми. Равно и притчи Соломоновы заканчиваются алфавитомъ расположеннымъ по четырехстопному ямбическому размѣру съ мѣста,—гдѣ сказано: *»жену доблю кто обрящетъ«* (Прит. 31, 10).

Какъ въ нашихъ сочиненіяхъ никто не можетъ перейти къ чтенію и сочитанію словъ, не начавъ напередъ съ азбуки: такъ и въ божественныхъ писаніяхъ мы не получимъ силы знать большаго, если не начнемъ съ самаго начала нравствен-

наго ученія сообразно съ изрѣченіемъ пророка: *«отъ заповѣдей твоихъ разумѣхъ»* (Пс. 118, 104); т. е. послѣ дѣль началъ имѣть знаніе тайнъ. Но уже пора исполнить то, о чемъ ты просила, — показать значеніе каждой буквы.

Алефъ значить *ученіе*, Бетъ—*домъ*, Гимель—*полнота*. Далетъ—*таблицъ*, Ге—*оная*, Вавъ—*и*, Заинъ—*сія*, Хетъ—*жизнь*, Тетъ—*доброе*, Иодъ—*начало*, Кафъ—*рука*, Ламедъ—*ученія*, или *сердца*, Мемъ—*изъ нихъ*, Нунъ—*вовъчи*, Самехъ—*помощь*, Аинъ—*источникъ*, или *глазъ*, Пе—*уста*, Цаде—*правда*, Куфъ—*призваніе*, Решъ—*главы*, Шинъ—*зубовъ*, Тавъ—*знаки*.

Послѣ объясненія значенія буквъ должно обратить вниманіе на ихъ порядокъ *Алефъ, Бетъ, Гимель, Далетъ*, — это первое сочетаніе, — *ученіе, дома, полнота, таблицъ*; т. е. ученіе церкви, которая есть домъ Божій открывается въ полнотѣ божественныхъ книгъ.

Второе сочетаніе, — *Ге, Вавъ, Заинъ, Хетъ, оная, и, сія, жизнь*. Ибо можетъ ли быть какая нибудь жизнь безъ знанія писаній, чрезъ которыя познается Самъ Христось, — жизнь въ-рующихся?

Третье сочетаніе, — *Тетъ, Иодъ, — доброе начало*; поелику хотя бы мы нынѣ знали и все что написано, — однако мы *отчасти разумѣваемъ и отчасти пророчествуемъ; видимъ убо нынѣ якоже зеркаломъ въ іаданіи* (1 Кор. 13, 9, 12). А когда удостоимся быть со Христомъ и содѣлаемся подобны ангеламъ, тогда упразднился ученіе книжное, и тогда увидимъ лицомъ къ лицу доброе начало; яко же есть.

Четвертое сочетаніе, — *Кафъ, Ламедъ, — рука, ученія или сердца*. Рука разумѣется относительно дѣль, — сердце и ученіе относительно пониманія, потому что мы ничего не можемъ сдѣлать прежде нежели узнаемъ, что должно сдѣлать.

Пятое сочетаніе,—*Мемъ, Нунъ, Самехъ*,—изъ нихъ, во *опки, помощь*. Это не нуждается въ объясненіи; яснѣе всякаго свѣта, что Писанія доставляютъ вѣчную помощь.

Шестое сочетаніе,—*Аинъ, Ге, Цаде*,—*источникъ* или *глазъ, устъ, правды*: объ этомъ должно судить потому, что мы сказали относительно третьяго сочетанія.

Седьмое и послѣднее сочетаніе (и въ самомъ этомъ седмичномъ числѣ заключается таинственный смыслъ),—*Куфъ, Решъ, Шинъ, Тавъ*,—*призаніе, лавы, зубовъ, знаки*. Черезъ зубы выходитъ явственный голосъ и заключенный въ членораздѣльные звуки несется до главы всѣхъ—Христа, черезъ котораго достигается вѣчное царство.

Спрашиваю тебя, что святѣе этого таинства, что пріятнѣе этого удовольствія? какія яства, какой медъ слаще познанія мудрости Божіей, проникновенія въ Его тайны, разумнія мыслей Создателя и словъ Господа Бога твоего, надъ которыми смѣются мудрые міра сего, но изъ которыхъ совершенные научаются духовной мудрости. Пусть себѣ другіе, какъ хотятъ, владѣютъ своими богатствами,—глотаютъ драгоценные камни, блистаютъ шелкомъ, тѣшатся рукоплесканіемъ народа, и пусть при всевозможной роскоши не смогутъ истощить богатствъ своихъ. Наши богатства поучатся въ законѣ Господни день и ночь, стучать въ дверь не отверстую, принимать хлѣбъ Троичности и въ предшествіи Господа идти по волнамъ вѣка.

Привѣтствуй Блезиллу и Евстохію, ученицъ нашихъ. Привѣтствуй Фелиціану, счастливую по истинѣ дѣвствомъ тѣлеснымъ и дуловнымъ. Привѣтствуй и прочее общество дѣвственницъ и домашнюю твою церковь, за которую я боюсь всего, даже и того, что не опасно; во время сна хозяина врагъ человѣкъ не носѣялъ бы тернія,—наперекоръ даже смѣлымъ увѣреніямъ: *«азъ градъ крѣпкій, градъ, котораго нельзя завоевать»* (Ис. 27, 3).

Никто не безопасенъ при осадѣ отъ вражескаго войска, никто, какъ говоритъ блаженный Кипріянь, не достаточно остроженъ, будучи весьма близокъ къ бѣдѣ. Екземпляръ письма вручи, *φιλοπρωταγῆ* (т. е. трудолюбивѣйшей) нашей Марцеллѣ, если ей это будетъ угодно; и вспоминай обо мнѣ въ молитвахъ, да сотретъ Господь нашъ Исусъ Христосъ сатану подъ ноги наши вскорѣ.

30. Письмо къ Евстохіи. О подаркахъ.

Малые по виду, но многолюбезные дары, получилъ я отъ дѣвственницы; ожерелье, письмо и голубей. Но такъ какъ медь не приносится въ жертву Богу, то излишняя сладость намѣренно измѣнена во вкусъ; она, такъ сказать, приправлена острою горечью перца. Ибо у Бога нѣтъ ничего, лстящаго удовольствіямъ; ничего не любитъ Онъ исключительно пріятнаго, если оно не заключаетъ въ себѣ чего нибудь горькоистиннаго. Пасху Христову ѣдятъ съ горькими приправами.

День праздничный, въ память святаго Петра, и долженъ быть проведенъ веселѣе обыкновеннаго, впрочемъ такъ, чтобъ веселый разговоръ не удалялся отъ сущности Писаній, и чтобы мы не отступали далеко отъ цѣли нашего поприща. Ожерельемъ у Іезекіиля украшенъ Іерусалимъ. Варухъ получаетъ письмо отъ Іереміи. Въ видѣ голубя сходитъ Духъ Святый.

Итакъ, чтобы угостить тебя чѣмъ нибудь горькимъ, какъ перецъ, и чтобъ привести тебѣ еще разъ на память прежнее письмо (*письмо о храненіи дѣвства*), я скажу: опасайся потерять красоту дѣль, которыя суть истинное ожерелье; опасайся разорвать письмо твоего сердца, подобно тому какъ поданное Варухомъ письмо невѣжественный царь изрѣзалъ бритвою; опасайся услышать отъ Осіи то, что сказано Ефрему: *Ефремъ,*

яко голубь безумный (Осія 7, 11). Ты замѣтишь, что это слишкомъ ѣдко и нейдетъ къ празднику. Но ты сама вызвала это своими подарками: смѣшала съ сладкимъ горькое,—получи и отъ насъ тоже; съ похвалою пусть идетъ и горечь.

Но не показалось бы, что я уменьшаю дары: мы получили и корзину наполненную вишнями, да такими, и блестящими такимъ дѣвственнымъ румянцемъ, что думалось ужъ не отъ Лукулла ли онѣ принесены. Онъ первый по покореніи Понта и Арменіи принесъ эти плоды въ Римъ изъ Церазунга (Плин. кн. 15, гл. 25). Отсюда отъ имени родины получило названіе и дерево (*cerasus*). А такъ какъ въ Писаніи читаемъ о корзинѣ наполненной смоквами, а вишень не находимъ между приношеніями, и относимъ ихъ къ тому, что не приносилось; то я желалъ бы, чтобы ты была между тѣми плодами, которые находятся предъ храмомъ Божиимъ и о которыхъ Богъ говоритъ, *яко добра, добра злыо*. Спаситель не любитъ ничего нерѣшительнаго (*nihil medium*). Не избѣгая хладнаго, Онъ любитъ пламенныхъ, а о теплыхъ говоритъ въ Апокалипсисѣ, что изблюетъ ихъ (Апок. 3, 16). Вслѣдствіе этого намъ должно тщательно заботиться о томъ, чтобы праздничный день ознаменовать не столько обиліемъ яствъ, сколько веселіемъ духа. *Потому что крайне нельзя хотѣть* почтить мученика особенною сытостью, когда знаешь, что онъ угодилъ Богу постомъ. И такъ, тебѣ должно всегда питаться такъ, чтобы за принятіемъ пищи послѣдовали молитва и чтеніе. Если это кому либудь не понравится, скажи словами апостола: *еще бо быхъ еще чловѣкомъ* угождала,—Христовой рабой не была бы (Гал. 1, 10.).

31. Письмо къ Марцеллѣ.

Написать такое короткое письмо было двѣ причины: спѣшилъ почтарь, и я, занятый другимъ трудомъ, не хотѣлъ за-

няться этимъ, какъ будто *пареруо* (постороннимъ дѣломъ). Ты спросишь, что у меня такое за важное и необходимое дѣло, которымъ исключается обязанность письменнаго собесѣдованія. Уже давно я сличаю переводъ Аквилы съ еврейскими кодексами: не измѣнила ли, пожалуй, чего спнагога по ненависти ко Христу; и признаюсь тебѣ, какъ другу моей мысли, что нахожу еще большее, относящееся къ утвержденію нашей вѣры. Провѣривъ по порядку ыниги Пророковъ, Соломона, Псалтирь и ыниги Царствъ, теперь держу въ рукахъ Исходъ, называемый поикнему *ellesmoth*, и думаю перейти къ книгѣ Левить. Ты видишь, что этому дѣлу нельзя предпочесть никакой обязанности. Однакоже, чтобы нашъ посоль не ходилъ понапрасну, при этой запискѣ я прилагаю два письма: къ сестрѣ твоей Павлѣ и—ввѣренной ея попеченіямъ— Евстохи: поэтому если, прочитавъ ихъ, найдешь въ нихъ что нибудь поучительнаго и хорошаго, то считай, что написанное къ нимъ написано также и къ тебѣ.

Желаю здравствовать общей нашей матери Альбинѣ: говорю о тѣлѣ, зная, что духомъ она здорова; прошу тебя кланяться ей и заботиться о ней по двоякому долгу любви, потому что въ ней должно любить и христіанку и вѣсгѣ мать.

32. Письмо къ Павлѣ,—отрывокъ изъ письма объ Оригенѣ.

Древность удивлялась Марку Теренцію Варрону у латинянъ за то, что онъ написалъ такое безчисленное множество книгъ. Греки превозносили восторженными похвалами Халкентера, сочинившаго столько книгъ, сколько ни одинъ изъ насъ не можетъ списать чужихъ собственноручно. Но такъ какъ нынѣ латиняне не имѣютъ охоты—составлять указатели грече-

сихъ книгъ, то я напомню кое-что хоть о томъ, который писалъ по латыни, чтобы дать понять, что мы спимъ сномъ Епименида, и что тотъ трудъ, который прежде употреблялся на изученіе свѣтской литературы, у насъ обратился на собраніе богатствъ.

Итакъ Варронъ написалъ сорокъ пять книгъ древностей, —четыре—о жизни римскаго народа.....

Спросите: къ чему это напоминаніе о Варронѣ и Халкентерѣ? Къ тому, чтобы обратиться къ Адаманту, къ нашему Халкентеру, который съ такимъ усердіемъ трудился надъ священнымъ Писаніемъ, что по справедливости названъ Адамантомъ. Хотите ли знать, какіе памятники своего генія оставилъ онъ? Это покажетъ слѣдующее оглавленіе:

Онъ написалъ тринадцать книгъ о книгѣ Бытія, —двѣ книги мистическихъ бесѣдъ, —записки на книгу Исходъ, —записки на книгу Левитъ, —за тѣмъ Монобиблію, —четыре книги *περί Ἀρχῶν*, —двѣ книги о воскресеніи, и о воскресеніи же еще два разговора.

Видите, труды одного не превостояхъ ли трудовъ и греческихъ и латинскихъ писателей въ совокупности? Кто могъ когда нибудь столько прочесть, сколько онъ написалъ? А какую награду получилъ онъ за свой тяжелый трудъ! Не говоря уже о священникахъ Палестины, Аравіи, Финикіи, и Ахаіи, его осудилъ и епископъ Димитрій! На осужденіе его согласилось и римское гражданство: оно возбудило противъ него и Сенать не за новости догматическія, не за ересь, какъ млевещуть теперь на него бѣшенныя собаки, но потому, что не могли выносить славы его краснорѣчія и знаній, потому, что когда онъ говорилъ, всѣ казались нѣмыми.

Зачѣмъ я это написалъ, и такъ кратко, такъ наскоро рассказалъ въ неосторожной рѣчи, —вы поймете тотчасъ, если подумаете объ Епикурахъ и Аристиппахъ.

33. Письмо къ Марцеллѣ. О нѣсколькихъ мѣстахъ 126 псалма.

Блаженный мученикъ Памфилъ, котораго жизнь описана въ трехъ книгахъ кесарійскимъ епископомъ, Евсевіемъ, желалъ сравниться съ Димитріемъ фалерейскимъ и Пизистратомъ въ составленіи священной библіотеки, и по всѣмъ странамъ отыскивая творенія геніевъ, эти истинные и вѣчные ихъ памятники,—съ особенною заботливостію собралъ книги Оригеновы, и посвятилъ ихъ кесарійской церкви: поврежденную часть ихъ въ послѣдствіи Акакій и Евзой, священники тойже церкви, постарались возстановить на пергаментѣ. Хотя бл. Памфилъ нашелъ многое, и оставилъ намъ указатель найденнаго, однакожь тѣмъ самымъ, что не вписалъ въ указатель, сознался, что не нашелъ комментарія на сто двадцать шестой псаломъ и трактата о бугвѣ *ne*. Это не оттого, чтобы такимъ великимъ мужемъ (котораго называемъ адамантомъ) было что нибудь пропущено, но оттого, что не все дошло до нашей памяти по нерадѣнію потомковъ. Говорю я это вотъ къ чему: такъ какъ ты предложила мнѣ касательно упомянутаго псалма вопросъ: что такое *хльбъ болъзни* въ словахъ: *всѣ естъ вамъ утренновати, восстанете по сѣднѣи ядущѣи хльбъ болъзни*,—то я хочу показать, что я не знаю изъ комментариевъ Оригена, что онъ объ этомъ думалъ.

Поэтому обратившись къ еврейскому, я нашелъ, вмѣсто *хльбъ болъзни*, *leem aasabim*, что Аввила перевелъ: *ἀρτου τῶν διπλοπυραγῶν*, то-есть *хльбъ трудовъ*, Симмахъ *ἀρτου κακοπυραγῶν*, что значить *хльбъ горестный*,—пятый переводъ и Θεοδοτίου, согласный въ остальномъ съ семидесятью толковниками,—*хльбъ идоловъ*; шестой переводъ—*хльбъ πλάγης*, то-есть *заблужденія*. Не должно удивляться, если Аввила поставилъ

διαπονήματα вмѣсто *идоловъ*, потому что они—дѣла рукъ человѣческихъ,—и народъ пророчески обличается за то, что собирается понапрасну къ храму съ разсвѣтомъ, и отдохнувъ устремляется во святилище,—обличается потому, что онъ почиталь идоловъ какъ Бога, судя по свидѣтельству Іезекіиля, что въ самомъ храмѣ священники приносили жертвы идоламъ. Къ болѣе полному твоему убѣжденію, скажу, что поставленное въ еврейскомъ вмѣсто *болѣзни* слово *идолы*, это же самое слово, то-есть *asabim*, есть еще и въ стотринадцатомъ псалмѣ, и переведено семьюдесятью также—*идолы*. Ибо въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы читаемъ: *идолы языкъ сребро и золото, дѣла рукъ человеческихъ*,—на еврейскомъ находится *asargeem*,—что Аквила переводить—*труды ихъ*. Если это такъ, то, значить, нѣкоторые не напрасно разумѣютъ подъ *хлѣбомъ болѣзни* или еретическія таинства, или труды этой бѣдной и горестной жизни, въ теченіе которой мы въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой, и для непродолжительнаго поддержанія которой родится нища между терніями и волчцами.

Ты почтила меня еще такимъ вопросомъ относительно того же псалма: кто такіе *сынове потрясенныхъ*? Удивляюсь я, что хотя ты и не читала въ толкованіяхъ Иларія, что сынове потрясенныхъ означаютъ людей вѣрующихъ,—такъ какъ онъ думаетъ, будто этимъ именемъ названы апостолы, которымъ въ евангеліи заповѣдано было, что если они придутъ въ какойнибудь городъ и не будутъ приняты, то отрясли бы прахъ съ ногъ своихъ во свидѣтельство на невѣрующихъ: однакожь остроумно предполагаешь, что подъ именемъ потрясенныхъ нельзя разумѣть апостоловъ, такъ какъ огрязающіе и потрясенные—не одно и то же, отрясающіе тѣ, которые сами отрясаютъ, потрясенные же тѣ, которые отрясаются другими,—и что несообразно было бы разумѣть подъ потрясенными апостоловъ, которые повсему должны называться отрясающими. Итакъ, что же

мнѣ дѣлать? Я не смѣю осуждать такого, краснорѣчивѣйшаго въ свое время мужа, который и достоинствомъ своего исповѣданія и строгостію жизни, и славою краснорѣчія извѣстенъ вездѣ, гдѣ только есть римское имя: развѣ приписать погрѣшность не ему, какъ не знатоку еврейскаго языка, и въ греческой литературѣ имѣвшему легкія свѣденія, а пресвитеру Иліодору, которымъ онъ довѣрчиво пользовался, и у котораго узнавалъ о мнѣніяхъ Оригена относительно того, чего самъ не могъ уразумѣть. А такъ какъ Иліодоръ не могъ найти на указанный псаломъ Оригенова комментарія и рѣшилъ выдать свое мнѣніе вмѣсто того, чтобы сознаться въ незнаніи; то, принявъ это мнѣніе, Иларій развилъ его своимъ яснымъ языкомъ, и изложилъ краснорѣчиво чужую ошибку.

Итакъ остается опять обратиться къ еврейскому источнику, и посмотрѣть, какъ тамъ написано. Гдѣ у насъ стоитъ: *яко сывоие отрясенныхъ*, тамъ читается: *shep vne appaigim*, что Аквила переводить: *какъ сыны возмужалости*,—Симмахъ и Θεодотіонъ *какъ сыны юности*,—шестой переводъ *ἡλικίας νεῆ*, что значить: (сыны) *изошреннаго ума*. Отсюда ясно, что подъ именемъ юности разумѣются христіане, судя по тому представленію, что Богъ является напрягающимъ святыхъ своихъ наподобіе лука и стрѣль, какъ у пророка Захаріи: *занеже напрягохъ тя себѣ, Гуда, яко лукъ* (Захар. 9, 13), и какъ Спаситель говоритъ о самомъ себѣ: *положи мя, яко стрѣлу избранну, и въ туль своемъ скры мя* (Исх. 49, 2).—Наконецъ въ слѣдующемъ стихѣ и въ еврейскомъ и во всѣхъ кодексахъ, исключая семидесяти, которые перевели иначе, я нашель: »Блаженъ мужъ, который наполнилъ колчанъ свой ими«, такъ что разъ взятая метафора отъ стрѣль распространяется далѣе и на колчанъ. Отрясенными же, вчиненными (*excussi*) обыкновенный языкъ называетъ бодрыхъ, сильныхъ, искусныхъ. И сами семдесятъ толковниковъ перевели слово *юности* словомъ

отрясенные, вчиненные (excussi),—въ книгѣ Ездры, гдѣ читается такъ: *и бысть отъ дне того полъ вчиненныхъ (excusogum) дѣлаху дѣло, и половина ихъ уготована бысть къ брани съ еулицами и щитами, и луки и бронями, и начальницы созади всего дому іудина, созидающаго стѣну* (Неем. 4, 16). Изъ этого видно, что въ приведенномъ мѣстѣ вчиненные поставлено вмѣсто *юношей* и *возмужалыхъ*,— а не то, что какъ думалъ указанный писатель, вмѣсто апостоловъ, которые будто названы отрясенными отъ отрясенія ногъ.— Читалъ я еще чью-то книгу и нашелъ въ ней превосходную мысль, что іудеи называются *отрясенными* отъ храма, закона и благодати Господней, (вмѣсто того, чтобы сказать *отверженными*), и что сыны ихъ—это апостолы, которые произошли отъ ихъ сѣмени, и какъ стрѣлы, содержатся въ рукахъ Господа.

Точно также и въ слѣдующемъ псалмѣ Іліодоръ ошибся болѣе нашего Іларія, потому что, думая такъ и иначе относительно того мѣста, въ которомъ написано: *труды плодовъ твоихъ съѣси*; призналъ, будто болѣе состоятельна будетъ мысль, если написать: *плоды трудовъ съѣси*, а не *труды плодовъ*, и искать за тѣмъ духовнаго смысла. Входя по этому случаю въ долгія объясненія, онъ для удостовѣренія въ томъ, что хочетъ доказать, употребляетъ такія усилія, въ какихъ всегда нуждается ложь, чтобы показаться правдой. Между тѣмъ въ этомъ мѣстѣ не семьдесятъ толковниковъ, а латиняне, обманутые двойственнымъ значеніемъ греческаго слова—*καρπος*, перевели его словомъ *плоды* (fructus), а не *руки*, тогда какъ *καρποι* значить также и *руки*, какъ на еврейскомъ и положено: *charphach*. Симмахъ и пятый переводъ во избѣжаніе неясности прежняго выраженія перевели: *рукъ твоихъ*.

Когда подъ мою диктовку писала это быстрая рука моего лица, послѣ полуночи, какъ говорится, въ воровское время,— я думалъ еще сказать многое. Уже былъ на исходѣ почти че-

твертый часъ ночи, какъ вдругъ почувствовалъ я колики во внутренностяхъ и воскликнулъ: пусть утихнетъ боль, когда по крайней мѣрѣ остальные часы ночи будутъ отданы сну.

34. Письмо къ папѣ Дамасу ¹⁾.

Блаженнѣйшему Папѣ Дамасу Иеронимъ.

Получивъ письмо твоей святыни, я тотчасъ же позвалъ писца и приказалъ ему писать за мною: пока онъ приготовлялся къ дѣлу, я соображалъ мысленно то, что хотѣлъ выразить на словахъ. Но едва только я привелъ въ движеніе языкъ, а онъ—перо, вдругъ вошелъ Еврей, съ нѣсколькими книгами, взятыми изъ синагоги, какъ бы для прочтенія и сказалъ: »здѣсь найдешь то, о чемъ спрашивать«. Когда я колебался и не

1) Это письмо содержитъ въ себѣ отвѣтъ на слѣдующее письмо Папы Дамасу къ Иерониму:

Возлюбленному сыну Иерониму Дамасъ.

Такъ какъ ты задремалъ и уже долгое время болѣе читаешь, чѣмъ пишешь,—то, пославъ къ тебѣ нѣсколько вопросовъ, я рѣшился разбудить тебя, не потому, чтобы тебѣ не слѣдовало читать,—ибо чтеніемъ, какъ насущнымъ хлѣбомъ, питается и насыщается мысль,—но потому что чтеніе приноситъ плодъ только тогда, когда пишешь. Однако чрезъ прибывшаго ко мнѣ вчера почталіона, ты извѣщаешь, что у тебя нѣтъ теперь никакихъ сочиненій, исключая тѣхъ, которыя ты когда-то писалъ въ пустынѣ, и которыя я читалъ и списывалъ съ такою жадностью;—а на будущее время ты обещаешь, если пожелаю, написать чтонибудь въ часы ночнаго бодрствованія: охотно принимаю предложеніе того, о чемъ и самъ хотѣлъ просить, если бы даже ты отказывался. Не думаю, чтобы могъ найтись другой какойнибудь разговоръ болѣе достойный нашего вниманія, чѣмъ взаимное собесѣдованіе о писаніяхъ, т. е. если я стану спрашивать, а ты отвѣчать. Въ этомъ мірѣ я не нахожу ничего пріятнѣе подобнаго преспровожденія жизни, когда т. е. духовная трапеза бываетъ для насъ слаще всякаго меда. *Коль сладка*, говоритъ пророкъ, *гортани моему словеса твоя, паче меда устомъ моимъ* (Цс. 118, 103). »Если« по словамъ знаменитаго оратора, »мы люди, тѣмъ отличаемся отъ животныхъ, что можемъ говорить; то сколь великой хвалы достоинъ тотъ, кто именно въ томъ превосходитъ другихъ людей, въ чемъ люди превосходятъ животныхъ?«

зналъ, что дѣлать, еврей рѣшительно сказалъ мнѣ, чтобы оставивъ все, я занялся списываніемъ принесенныхъ имъ книгъ, чѣмъ я занимаюсь и до настоящаго времени. Но поелику чрезъ присланнаго вчера ко мнѣ діакона ты извѣстилъ, что ожидаешь, по твоему мнѣнію, письма, а какъ мнѣ кажется, комментарія, такъ какъ желаешь краткихъ отвѣтовъ на такіе вопросы, изъ которыхъ каждый по своей широтѣ требуетъ большой книги; то *ταῦτα σοι ἐσχεδίασα* (я наскоро изготовилъ для тебя это), оставивъ нерѣшенными только два вопроса,—не потому, чтобы немогъ ничего отвѣчать на нихъ, но потому, что объ нихъ писали на латинскомъ языкѣ краснорѣчивѣйшіе muži, какъ-то нашъ Тертуліанъ и Новаціанъ; и если бы я захотѣлъ написать что нибудь новос, то это потребовало бы

И такъ, будь благосклоненъ, обсуди предложенные ниже вопросы, удовлетворяя двойному требованію, чтобы и вопросы не оставались безъ отвѣта, и письмо не потеряло краткости. Потому что, признаюсь тебѣ, сочиненія Лактанція давно когда-то данныя тобою мнѣ, я читаю неохотно; такъ какъ большая часть изъ его писемъ растянута до тысячи строкъ, и рѣдко разсуждаютъ о нашемъ догматѣ, то при чтеніи, они наводятъ на меня скуку своею длиннотою; а если которыя изъ нихъ и коротки, то болѣе годятся схоластикамъ, чѣмъ намъ, такъ какъ трактуютъ о метрахъ, о положеніи странъ и о философахъ.

1. Что значить написанное въ книгѣ бытія: *всякъ, убивый Каина, седмижды отмститися* (Быт. 4, 15).

2. Если Богъ вся сотвори добра зѣло, то почему Ной беретъ отъ чистыхъ и печистыхъ животныхъ, развѣ что нибудь нечистое можетъ быть добрымъ? А въ новомъ завѣтѣ на слова Петра, при показанномъ ему видѣніи: *никакоже, Господи, яко николиже ядохъ всяко скверно или нечисто*,—голосъ съ неба отвѣчалъ: *яже Богъ очистилъ естъ, ты не скверни* (Дѣян. 10, 14—15).

3. Почему Богъ говорилъ Аврааму, что сыны Израиля возвратятся изъ Египта въ четвертомъ поколѣніи, а Моисей послѣ пишетъ: *пятого же рода изыдоша сынове Израилевы отъ земли египетскія* (Исход. 13, 18 по LXX). Это кажется противорѣчіе, конечно до тѣхъ поръ, пока необъяснено.

4. Почему Авраамъ припалъ знаменіемъ своей вѣры обрѣзаніе?

5. Почему Исаакъ, мужъ праведный и угодный Богу, благословилъ не того, кого хотѣлъ, но по ошибкѣ того, кого не хотѣлъ?

долгихъ размышленій. Въ самомъ дѣлѣ, я желаю знать, что тебѣ будетъ угодно: пожелаешь ли, чтобы тебѣ въ короткомъ письмѣ были изложены мнѣнія Тертуліана и Новаціана, или потребуешь самыхъ сочиненій того и другаго автора. Оригенъ отлично разсмотрѣлъ вопросъ объ обрѣзаніи въ четвертомъ томѣ *ἐξηγήσεων* (толкованій) на посланіе Павла къ Римлянамъ,—и о чистыхъ и нечистыхъ животныхъ сказалъ очень много въ изъясненіи на книгу Левить; такъ что если бы я самъ ничего не могъ придумать, то заимствовалъ бы изъ этихъ источниковъ. А сказать еще болѣе правды, я имѣю въ рукахъ книгу Дидима о Святомъ Духѣ, которую по переводѣ желаю поднести тебѣ, чтобы, считая чтеніе безъ собственнаго писанія—спаньемъ, ты не подумалъ, что я только и дѣлаю, что сплю. И такъ, обращаясь къ задачамъ, предложеннымъ въ твоемъ письмѣ, излагаю то, что думаю, прося извиненія и за поспѣшность и вмѣстѣ за медленность,—за поспѣшность потому, что въ одну ночь ¹⁾ я задумалъ покончить дѣло многихъ дней, а за медленность, потому что, занятый другимъ трудомъ, не тотчасъ отвѣчалъ на вопросы.

1. *Что значитъ написанное въ книгѣ Бытія: всякій убившій Каина, семь мщений окончитъ?* (septem vindictas exsolvet).

Прежде чѣмъ начнемъ говорить относительно этого вопроса, признается нужнымъ, сличить всѣ переводы съ самимъ еврейскимъ текстомъ, чтобы тѣмъ легче можно было уразумѣть мысль писанія. *Vaiomer Io Adonai lochen chol orec sain sobathaim jossamo. Авола:* »И сказалъ ему Господь: посему всякій, кто убьетъ Каина седмижды отмститъ«. *Симмахъ:* »и сказалъ ему Господь: не такъ, но всякій, кто убьетъ Каина, въ седьмыхъ или седьмой получить отмщеніе. *Семдесятъ и Тео-*

1) Una incubratione, собств. за одинъ ночной присѣсть при свѣтѣ.

domionъ: «я сказалъ ему Господь: не такъ, по всякій, кто убьетъ Каина, семь мщений окончатъ». По убіеніи брата, на вопросъ Господа: *идь естъ Авель, братъ твой?* Каинъ дерзко отвѣчалъ: *не вѣмъ; еда стражъ брату моему есмь азъ?* Осужденный за эту дерзость на то, чтобы жить на землѣ степя и дрожа, Каинъ не хочетъ просить помилованія: но прилагая беззаконіе къ беззаконіямъ, считаетъ свой грѣхъ такимъ, который не можетъ быть прощенъ Господомъ. И наконецъ отвѣчаетъ Господу: *вѣщающая моя вина, еже оставитися ми;* то есть: я согрѣшилъ столько, что не могу заслужить прощенія. *Аще изгоннши мя днешь отъ лица земли, и отъ лица твоего скрюся и буду степя и трясыйся на земли, и будетъ, всякъ обрѣтаяя мя, убьетъ мя.* Ты гонишь меня, говоритъ Каинъ отъ лица своего,—и я, который не въ силахъ смотрѣть на свѣтъ въ слѣдствіе сознанія своего преступленія, буду скрыватья, чтобы избѣжать суда. *И будетъ: всякъ, обрѣтаяя мя, убьетъ мя,*—когда по дрожанію тѣла и по волненію тревожной мысли замѣтитъ, что я тотъ, который достоинъ смерти. Но Богъ, не желая, чтобы близкою смертію Каинъ окончилъ свои мученія, и не подвергая его этому наказанію, на которое онъ осуждалъ самъ себя,—говоритъ: *Не такъ,* то есть, не думай, что ты умрешь, и примешь смерть, какъ врачество: нѣтъ; ты будешь жить даже до седьмого поколѣнія, и будешь мучиться огнемъ своей совѣсти, такъ что если кто убьетъ тебя, то или,—смысль двоякій,—уже въ седьмомъ поколѣніи,—или избавитъ тебя отъ седмичнаго мученія. Не о то ъ рѣчь будто самъ, убившій Каина, долженъ будетъ подвергнуться седмикратному мщению; но о томъ, что убійца прекратитъ семь мщений, столь долго тяготѣвшихъ на Каинѣ, такъ какъ убьетъ того, кому жизнь оставлена была въ наказаніе.

Чтобы уяснить сказанное, возьмемъ примѣръ изъ ежедневнаго опыта. Слуга, положимъ, подъ ударами говоритъ го-

сподину: такъ какъ я сжегъ твой домъ и разорилъ все твоё имѣнiе, то умертви меня. Но господинъ отвѣчасть: ты не умрешь, согласно съ твоимъ желанiемъ, и не прекратишь смертию наказанiя: но будешь жить еще долгое время, и будешь такимъ несчастнымъ въ мiрѣ, что всякiй, убившiй тебя, окажется этимъ убiйствомъ тебѣ благодѣянiе: такъ какъ избавить тебя отъ столькихъ мученiй. Мнѣ кажется, что дѣйствительно такой смыслъ выходитъ по переводу семидесяти.

Относительно же поставленнаго Аквилу: *седмижды*, и Симмахомъ: *въ седьмыхъ* или *седьмой отмститъ*,—мнѣнiе нашихъ предшественниковъ таково: думаютъ, что Каинъ умерщвленъ уже въ седьмомъ поколѣнiи Ламехомъ. Ибо Адамъ родилъ Каина, Каинъ родилъ Эноха, Энохъ родилъ Гаидада, Гаидадъ родилъ Малелеила, Малелеилъ родилъ Маѳусала, Маѳусаль родилъ Ламеха, седьмаго отъ Адама, который случайно (какъ написано въ одной еврейской книгѣ) и убилъ Каина, въ чемъ и самъ послѣ сознается: *яко мужа убихъ въ язву мнѣ, и юношу въ струпъ мнѣ: яко седмицею отмститъ отъ Каина, отъ Ламеха же семьдесятъ седмицею* (Быт. 4. 23, 24). Дѣйствительно, мнѣ кажется, нѣтъ ничего сомнительнаго въ томъ, что Каинъ былъ убитъ или, по другому переводу, получилъ казнь за свое преступленiе, уже въ седьмомъ поколенiи отъ Ламеха, и что столько поколѣнiй онъ жилъ на землѣ *стена и трясыйся*.

Теперь рѣчь клонится къ тому, о чемъ ты и не спрашивалъ, такъ какъ дѣло шло о другомъ. Какiя это семьдесятъ семь отмщений, которыя должны были исполниться на Ламехѣ? Говорятъ, отъ Адама до Христа—семьдесятъ семь поколѣнiй. Читай евангелиста Луку, и найдешь, что дѣйствительно такъ, какъ мы говоримъ. Значить, какъ грѣхъ Каина отпущенъ въ седьмомъ поколѣнiи, ибо Богъ не мститъ дважды за одно и то же, и разъ припявшiй злая въ животѣ своемъ, не будетъ терпѣть по смерти мученiй, претерпѣнныхъ при жизни: такъ и грѣхъ

Ламеха, то есть всего міра, равно какъ и грѣхъ пролитія крови, отпущенъ съ пришествіемъ Христа, который понесъ грѣхи міра, самъ истопталъ точило, омочилъ ризы свои въ крови гроздовой, и восходя червленымъ отъ Эдома на небо (Ис. 6, 3. 1. 3), явилъ чудо ангеламъ, возопившимъ: *возьмите врата, князи, ваша и увидетъ царь славы* (Псал. 23. 7) и проч. Одинъ еврей мнѣ рассказывалъ, что въ апокрифическихъ книгахъ находится сказаніе, будто потопъ истребилъ изъ племени Ламехова семьдесятъ семь душъ, и что, значить, на этомъ то числѣ совершилась казнь относительно Ламеха, такъ какъ его родъ продолжался до потопа.

Другіе о семи мщеніяхъ Каиновыхъ думаютъ иначе. Утверждаютъ, что первымъ его грѣхомъ былъ несправедливый дѣлежъ; вторымъ, что завидовалъ своему брату; третьимъ, что дѣйствовалъ лукаво, говоря: *пойдемъ на поле* (Быт. 4. 8); четвертымъ—убійство; пятымъ, что съ дерзостью запырался, говоря: *не вѣмъ, еда стражъ брату моему есмь азъ?* (Тамже ст. 9) Шестымъ, что осуждалъ самаго себя, говоря: *вѣщая вина моя, еже оставитися ми* (Тамже ст. 13); седьмымъ что по осужденіи не раскаялся, какъ Ниневія и Езекія, царь Іудейскій, которые слезами отклонили угрожавшую гибель, и бывъ уже осуждены на нее, не погибли, но принесли покаяніе, снискали милосердіе Божіе. Говорятъ, что Всеблагій Богъ потому-то и оставилъ Каина до седьмага поколѣнія, чтобы онъ, побуждаемый по крайней мѣрѣ какъ самыми несчастіями, такъ и долговременною мученіемъ, принесъ покаяніе и заслужилъ прощеніе.

Нѣкоторые, сводя свидѣтельства изъ многоразличныхъ мѣстъ писанія, толкуютъ седмичное число въ смыслѣ полного, совершеннаго; выходитъ мысль вышеуказанная нами, т. е. что кто умертвитъ Каина, тотъ избавитъ его отъ жгучаго мученія и казни, превосходящей всевозможныя наказанія.

А есть и тагіе, которые приводятъ изъ евангелія вопросъ Петра: *Господи! коль краты, аще содѣшитъ въ мя братъ мой, и отпусти ли ему до седмь кратъ: глагола ему Иисусъ не глаголю тебѣ до седмь кратъ, но до седмьдесятъ кратъ седмерицею; (Матѣ. 18, 21—22)* и думаютъ, что смерть и грѣхъ почилъ на седьмомъ поколѣніи, когда восхищенъ былъ Енохъ и не обрѣтется, яко преложилъ его Богъ (Быт, 5. 34). Относительно же числа: *семьдесятъ седмицею* слѣдуютъ тому мнѣнію, что жало грѣха и смерти было сокрушено уже пришествіемъ Христовымъ.

Привожу и еще одно мнѣніе, чтобы не показалось, что я что нибудь оставляю безъ вниманія. Нѣкоторые различнымъ образомъ указываютъ то на седьмой годъ отпущенія, то на пятидесятый годъ юбилейный, то на сорокъ девятый, къ которому хотятъ приложить число *семьдесятъ седмицею*: припоминаютъ также для сей цѣли евангельскихъ должниковъ, долгъ которыхъ обозначается таинственными числами: *пятьдесятъ и пятьсотъ* (динарій. Лук. 7, 41);—обращаютъ вниманіе на 50 покаянный псаломъ, который заключаетъ собою семь седмериць псалмовъ и стоитъ въ началѣ осьмой. Но пора уже погончить разсужденіе объ этомъ предметѣ; достаточно сказаннаго доселѣ, такъ какъ и въ томъ, что мы сказали, ты можешь найти для себя множество предметовъ для размышленія, принявъ еще во вниманіе, что Оригенъ двѣнадцатую и тринадцатую книги (изъясненій) на книгу Бытія посвятилъ исключительно этому вопросу.

2. *Почему Богъ говоритъ Аврааму, что сыны Израиля возвратятся изъ Египта въ четвертомъ поколѣніи, а Моисей послѣ пишетъ: »пятого же рода изыдоша сынове Израилевы отъ земли египетскія« (Исход. 13, 18, по LXX): это кажется противорѣчіе конечно до тѣхъ поръ, пока не объяснено.*

Прочитавъ эту проблемму, я сталъ внутренно тревожиться и прослѣдивъ шагъ за шагомъ книги Бытія и Исходъ, нашель

мѣста, въ которыхъ по видимому есть противорѣчія. Сначала, сравнивая духовное съ духовнымъ, я думалъ, что эти противорѣчія неразрѣшимы, какъ и многія другія. Ибо написано, что Маѳусаль жилъ еще четырнадцать лѣтъ послѣ потопа, и однакожь не входилъ въ ковчегъ съ Ноемъ. И между тѣмъ какъ Богъ сказалъ Аврааму: *видый увѣси, яко пресельно будетъ сѣмя твое въ земли не своей и поработятъ я, и озлобятъ я, и смирятъ я мѣтъ четыреста* (Быт. 15. 13),—Моисей послѣ пишетъ: *и бысть по четырехъ стѣхъ и тридцати мѣтѣхъ, изыде вся сила Господня отъ земли египетскія* (Исх. 12. 41). Равнымъ образомъ, Агарь несетъ Исмаила на плечахъ, какъ груднаго и слабаго малютку, а далѣе открывается, что ему было почти восемнадцать лѣтъ, и было бы смѣшно, если бы такой большой юноша висѣлъ на шеѣ матери. Ровоамъ сынъ Соломоновъ началъ царствовать на сорокъ первомъ году своей жизни, и царствовалъ въ Иерусалимѣ шестнадцать лѣтъ; между тѣмъ какъ отецъ его, ставъ царемъ на двѣнадцатомъ году, царствовалъ сорокъ лѣтъ,—и, конечно, не могъ еще на одиннадцатомъ году имѣть сына.

Когда я съ безпокойствомъ думалъ объ этомъ и о многомъ въ этомъ же родѣ, тогда имѣющій ключъ Давидовъ отворилъ мнѣ двери, ввелъ меня въ ложницу свою и поставилъ меня въ пещерѣ утеса; такъ что послѣ жестокаго вихря, послѣ землетрясенія, послѣ сожигавшаго меня пламени невѣденія, сталъ доходить до меня гласъ хлада тонка ¹⁾, и я сказалъ: *обрѣтохъ, егоже возлюби душа моя; удержу его и не оставлю* (Пѣсн. пѣсн. 3. 4.). Ибо когда въ Писаніи являются противорѣчащія мѣста, то они одипаково истинны, несмотря на свое разнорѣчіе. Сыны Израилевы вышли изъ Египта въ четвертомъ поколѣннн. Взгляни на родословную Левія: Левій родилъ

1) Слвч 3 Царствъ 19. 11—12.

Каафа, Каафъ родилъ Амрама, Амрамъ родилъ Аарона, Ааронъ родилъ Елеазара, Елеазаръ родилъ Финееса. Каафъ съ отцомъ своимъ Левіемъ вошелъ въ Египетъ. Съ другой стороны Елеазаръ съ отцомъ своимъ Аарономъ вышелъ изъ Египта. Отъ Каафа до Елеазара и есть четыре поколѣнія; хотя другіе хотятъ начинать отъ Амрама и заключать счетъ Финеесомъ, тогда какъ мы Елеазаромъ. Если же захочешь объяснить другое число, какимъ образомъ, по словамъ книги Исходъ, сыны Израилевы вышли изъ земли египетской въ пятомъ поколѣніи, то тебѣ нужно исчислить въ порядкѣ колѣно Іулино. Іуда родилъ Фареса, Фаресъ родилъ Есрома, Есромъ родилъ Арама, Арамъ родилъ Аминадава, Аминадавъ родилъ Наассона, Наассонъ родилъ Салмона. Фаресъ съ отцомъ своимъ Іудою вошелъ въ Египетъ. Наассонъ является вождемъ колѣна Іудина въ пустынѣ; сынъ его Салмонъ вошелъ въ землю обѣтованную. Считай отъ Фареса до Наассона, и найдешь пять поколѣній; хотя другіе (подобно тому, какъ мы показали выше относительно колѣна Левіина) начинаютъ счетъ съ Есрома и ведутъ до Салмона.

Проблемма, думаю, рѣшена. Но если это кажется неудовлетворительнымъ, то я обращусь къ сличенію текстовъ и скажу, что на еврейскомъ нѣтъ разницы. Ибо и Аквила, такъ какъ онъ переводилъ не произвольно, какъ думаютъ нѣкоторые, но тщательно, отъ слова до слова,—въ томъ мѣстѣ, гдѣ у Семидесяти поставлено: *пятого же рода изыдоша сынове Израилевы отъ земли Египетскія* (Исх. 13. 18), перевелъ такъ: *καὶ ἐνοπλισάμενοι ἀνεβήσαν οἱ υἱοὶ Ἰσραὴλ ἀπὸ τῆς γῆς Αἰγύπτου*, т. е. »вооруженные вышли сыны Израилевы отъ земли египетской«. Впрочемъ вмѣсто употребленнаго нами выраженія *вооруженные*, вслѣдствіе неопредѣленности греческаго слова, можно разумѣть: *устроенные*, или *снабженные*, то-есть пожитками, набранными ими у египтянъ.

Такъ какъ я желаю полного удовлетворенія любознательности, то у меня разгорается все сильнѣе жаръ изслѣдованія, и, подобно Иереміи, *разслабихъ отсюду и не могу носить* (Иер. 20, 9): почему Семдесятъ перевели: *пятого же рода, а Аквила: вооруженные*. Раскрываю еврейскую книгу, которую Павель по свидѣтельству нѣкоторыхъ называетъ *Феволлу* и вникая въ каждую букву отдѣльно, нахожу, что написано: *Vamushim alubne Israel meagez mesraim*. Переводы согласны между собою во всей остальной части предложенія; вся разница изъза слова *amushim*, которое изображается буквами: *heth, mem, sin, iod, mem*, и означаетъ или *пять* или *вооруженныхъ*. Хотя мы и не можемъ отрицать, что это слово означаетъ *пять*,—и именно *пять* во множественномъ числѣ, а не *пятый* въ единственномъ, какъ перевели Семдесятъ: однакожъ не находимъ дополнительнаго: *родъ*, которое на еврейскомъ языкѣ выражается словомъ *dor*; такъ что, если бы было *пятого рода*, то по еврейски читалось бы *amesa dor*. Теперь же написано только *amushim*, то есть, *пять*, пусть даже и *пятый*, такъ что смыслъ выходитъ какъ будто такой: *пятого же изыдоша сынове израилевы отъ земли египетскія*; но это, очевидно не понятно, по сему LXX и присовокупили: *рода*.—Что Аквила и въ этомъ собственно мѣстѣ, какъ и въ другихъ, перевелъ точно,—это подтвердить вся Іудея: всѣ синагоги согласны въ томъ, что у нихъ одно и то же, даже написанное однѣми и тѣми же буквами слово, имѣетъ и выговоръ различный и смыслъ. Представляемъ въ подтверженіе сказаннаго одинъ изъ такихъ примѣровъ; слова: *пастыри* и *любовники* пишутся однѣми и тѣми же буквами: *ges, ain, iod, mem*: но слово *пастыри* чатается *goim*, а *любовники* *geim*. Отсюда и вышло, что гдѣ пророки осуждаютъ Іерусалимъ за его блудодѣянія съ своими любовниками, тамъ въ нашихъ кодексахъ *любовники* превратились въ *пастырей*.

Знаю, что все это скучно для читателя; но рассуждающему о еврейскихъ буквѣхъ не пристало придумывать аристотелевскую аргументацію, разводить потоки отъ рѣки Тулліева краснорѣчія, и усладить слухъ фигурами Квятилліана и классическою декламаціей: нуженъ ему языкъ простой, сходный съ обыденнымъ, неотзывающійся никакою изысканностію, — языкъ, который бы раскрывалъ предметъ, выражалъ мысль, выяснялъ не ясное, а не блестялъ отборными словами. Пусть будутъ краснорѣчивы другіе, пусть они сколько угодно славятся, и изъ напыщенныхъ устъ пускаютъ слова, подобныя мыльнымъ пузырямъ: съ меня довольно — говоритъ такъ, чтобы быть понятнымъ, чтобы въ рѣчи о писаніяхъ приближаться и къ простотѣ писаній.

3. *Почему Исаакъ, мужъ праведный и угодный Богу, благословилъ по ошибкѣ не того, кого хотѣлъ, но того, кого не хотѣлъ?* (Быт. 17).

Удаляюсь на время отъ своихъ образцовъ и умалчиваю о томъ, что сказано относительно этого мѣста нашими предшественниками, не потому, чтобы я не удовлетворялся ихъ мнѣніемъ, но потому, что ты спрашиваешь только о томъ: почему мужъ праведный не зналъ всего и поступилъ прогивъ своего желанія? Отвѣтъ, соотвѣтствующій этому вопросу, — таковъ: ни одинъ человекъ, кромѣ благоволившаго облечься въ плоть ради нашего спасенія, не имѣетъ полного знанія и непогрѣшимой справедливости. Даже и Павелъ отъ части разумѣваетъ и отъ части пророчествуетъ (1 Кор. 13. 9), видитъ *нынѣ, якоже зеркаломъ въ гаданіи; о чесомъ помолимся, якоже подобаетъ*, говоритъ онъ, *не вѣмы* (Рим. 8. 26): поелику, *егда придетъ совершенное*, тогда уже, *еже отъ части, упразднится* (1 Кор. 13. 10) Пророкъ Самуиль, поставленный въ псалтыри на ряду съ Моисеемъ ¹⁾, бывъ посланъ помазать царя, когда увидѣлъ

1) См. Ис. 98, 6. Моисей и Лароуъ во герсеахъ его, и Самуиль съ призывающимъ имя его.

Еліава, старшаго сына Іессева, сказалъ: *сей ли предъ Господемъ помазанникъ его* (1 Цар. 16. 6)? И Господь сказалъ Самуилу: *не зри на лице его, ниже на возрастъ величества его, яко уничтожихъ его. Понеже не тако зрять человекъ, яко зрять Богъ; яко человекъ зрять на лице, Богъ же зрять на сердце* (1 Цар. 16. 7). Говорится даже, что пересмотрѣвъ всѣхъ сыновъ Іессеевыхъ по одиначкѣ, Самуиль оставался въ невѣденіи объ истинномъ помазанникѣ до тѣхъ поръ, пока не увидаль Давида. Точно также и прославленный сугубо духомъ Елисей, коего кости возвратили жизнь бездушному трупу (4 Цар. гл. 1 и 13), когда пришла къ нему на гору Саманитянка и припала къ ногамъ его, сказалъ Гіезію, возбранявшему ей это: *остави ю, яко душа ея болзненна въ ней; и Господь сокры отъ мене, и не возвѣсти мнѣ* (1 Цар. 4; 27). Есть много подобныхъ примѣровъ, которые и даютъ намъ понять, что мужи святые и угодные Богу знаютъ только то, что имъ открыто Богомъ, и не знаютъ того, что не открыто. Захарія и Даніиль при каждомъ видѣніи спрашиваютъ ангела и умоляютъ его объяснить имъ, что значить видѣнное ими. Посему неудивительно, что и Исаакъ въ періодъ своего величайшаго заблужденія, когда сына, преданнаго кровожадной охотѣ, который готовъ былъ въпослѣдствіи умертвить брата,—хотѣлъ предпочесть тому, который невинно жилъ въ домѣ,—когда хотѣлъ исполнять болѣе свою, чѣмъ Божию, волю—въ это самое время къ своему благополучію самъ не зналъ, что дѣлалъ. Я считаю дѣломъ божественнаго смотрѣнія то, что онъ ослѣпъ, и хотя и говорилъ: *гласъ убо, гласъ Іаковъ; руцъ же, руцъ Исавовъ* (Быт. 27, 22), однакожь не узналъ, что предъ нимъ стоялъ младшій сынъ съ намѣреніемъ предвосхитить братнее благоговеніе.

Но такъ какъ мы общались сказать кое-что и о таинственномъ значеніи разсматриваемаго событія; то приведемъ слова мученика Ипполита (отъ котораго весьма немногимъ разнится и нашъ Викторинъ), не потому, чтобы онъ все вполне разсмотрѣлъ, но потому, что онъ самого читателя можетъ возбудить къ болѣе широкимъ соображеніямъ. »Исаакъ носитъ образъ Бога Отца, Ревекка—святаго Духа; Исавъ—древняго человѣчества и діавола; Иаковъ—церкви или Христа. Исаакъ состарѣлся,—этимъ указывается на обетшаніе міра; притупляются очи Исаака,—это означаетъ, что вѣра погибла въ мірѣ, что въ немъ затмился свѣтъ религіи. Призывается старшій сынъ, это означаетъ принятіе закона іудеями. Отецъ возлюбилъ яства и ловы, это значитъ спасаются отъ грѣха люди, которыхъ посредствомъ ученія уловляетъ всякій праведникъ. Слово божественнаго благословенія есть обѣтованіе и надежда будущаго царства, въ которомъ воцарятся со Христомъ святыя и будутъ праздновать истинную субботу. Ревекка, исполненная Духа Святаго, и знавшая,—такъ какъ слышала прежде еще, чѣмъ родила,—что *большій поработаетъ меньшему* (Быт. 25, 23), а еще болѣе подобно Духу Святому знавшая будущее о Христѣ, заботится прежде всего объ Иаковѣ; она говоритъ младшему сыну: *шесть во овцы, пойми мнѣ оттуду два козлица* (Быт. 27. 9), предизображая плотское пришествіе Спасителя, посредствомъ котораго Онъ спасетъ тѣхъ или по преимуществу тѣхъ, которые содержатся во узахъ грѣха; а во всѣхъ писаніяхъ козлы принимаются именно въ смыслѣ грѣшниковъ. Ревекка повелѣваетъ взять двухъ (козловъ), это означаетъ принятіе двухъ народовъ,—взять мягкихъ и добрыхъ—значитъ кроткія и невинныя души. Покровъ или одежда Исавова, это вѣра и писанія Іудеевъ, которыми былъ облеченъ (впослѣдствіи) народъ языческій. Кожа, которою обложены были руки Иакова,—это грѣхи обоихъ народовъ, которыя Христосъ съ протяженіемъ рукъ пригвоздилъ съ

собою ко кресту. Исаакъ спрашиваетъ Иакова, почему такъ скоро возвратился, — этимъ обозначается удивительно скорое обращеніе вѣрующихъ. Приносятся любимыя снѣди, это означаетъ спасеніе грѣшниковъ, жертву, пріятную Богу. За яденіемъ слѣдуетъ обоняніе вони ризъ Иакова и благословеніе, — этимъ прямо вѣщается сила воскресенія и царствованія; въ благословеніи говорится что поклонятся и послужать Иакову братья его, — то есть вѣрующіе изъ Израиля. И такъ какъ беззаконіе враждебно праведности, то Исавъ и воздвигается ко враждѣ и коварно замышляетъ убійство, говоря въ сердцѣ своемъ: *да приблизятся дніе плача отца моего, да быхъ убилъ Иакова, брата моего* (Быт. 27, 41). Братоубійца діаволь, предизобразившій іудеевъ въ лицѣ Каина, теперь ясно открывается въ Исавъ, указывая даже и время умерщвленія: *да приблизятся, говоритъ, дніе плача отца моего, да быхъ убилъ Иакова брата моего*. Поэтому то Ревекка, т. е. долготерпѣніе, извѣщаетъ Иакова о братнемъ умыслѣ посредствомъ мужа, который, призвавъ Иакова, повелѣваетъ ему отправиться въ Месопотамію, и тамъ взять жену изъ рода Лавана Сирійскаго, брата матери его. И подобно тому, какъ Иаковъ, бѣжа отъ гнѣва братняго, удаляется въ Месопотамію (быт. 28), такъ и Христось по причинѣ ожесточенія іудеевъ отправляется въ Галилею, чтобы тамъ между язычниками взять себѣ невѣсту, — церковь». Вотъ что говоритъ вышеупомянутый авторъ.

Мы же говоримъ, что Господь приходилъ къ погибшимъ овцамъ дома Израилева, и не захотѣлъ взять хлѣбъ у дѣтей и отдать его собакамъ, напротивъ того желалъ первое благословеніе дать іудеямъ, которымъ *вспрены быша словеса Божія* (Рим. 3 2), и *обътованія, и законоположеніе, и заветы* (Рим. 9. 4), но такъ какъ Іудеи не захотѣли вѣровать въ него, то передалъ благословеніе народу младшему предизображенному Иаковомъ. Впрочемъ и старшій сынъ не въ конецъ отвержень,

поелигу бога исполненіе языковъ увидетъ, тогда весь Израиль спасетъ (Рим. 11. 25 и 26).

35., Письмо къ Марцеллѣ.

Недавно читалъ я на книгу Пѣснь Пѣсней, называемую у евреевъ *sik assirim*, толкованія Ретиція, епископа Августодунскаго, котораго когда-то Императоръ Константинъ ¹⁾ при епископѣ Сильвестрѣ ²⁾ присылалъ въ Римъ по случаю ереси Монтенцевъ;—Я крайне удивлялся, что этотъ краснорѣчивый мужъ, не говоря уже о странности другихъ его мнѣній, считаетъ Фарсисъ городомъ Тарсомъ, въ которомъ родился апостоль Павелъ, а золото Офазъ—Петромъ, потому что Петръ назвалъ въ евангеліи Кифа. Конечно, первое изъ этихъ словъ Ретицій находилъ и у Іезекіила, гдѣ говорится о четырехъ животныхъ: »И видѣ колесъ какъ видѣ Фарсиса« (Езек. 10. 9), и у Даніила въ словахъ о Господѣ: *Тѣло же его, аки Фарсисъ* (Дан. 10. 6), по переводу Аквилы *хризолитъ*, Симмахъ *пацини*. И въ псалмѣ: *Духомъ бурнымъ сокрушивши корабль Фарсиса* (Псал. 47. 8). Названіе этого же бамня находится и между камнями, на которыхъ были вырѣзаны имена колѣнъ, и которые составляли украшеніе первосвященника; да и почти во всякомъ Писаніи встрѣчается это слово. А что сказать о словѣ *Офазъ*, когда вышеупомянутый пророкъ Даніиль говоритъ: въ третій годъ Кира, царя персидскаго, послѣ трехъ седмицъ поста и сѣтованія, *воздвигохъ очи мои, и видѣхъ, и се мужъ единъ, обле-*

1) См. письмо имп. Константина къ Милціаду римскому и Марку или Мероклу Медиоланскому въ церк. исторіи Евсевія еп. X, 5.

2) Здѣсь блж. Иеронимомъ допущена ошибка. Дѣло донатистовъ именемъ Императора было изслѣдовано не при Сильвестрѣ, но при Милціадѣ. См. бл. Августина кн. 1 противъ Юліана.

ченъ въ ризу мнѣну и чресла его препоясана златомъ Офазъ (Дан. 10. 5). Тагъ какъ у евреевъ различалось нѣсколько видовъ золота; то для ясности здѣсь и поставлено *Офазъ*, чтобы кто не подумалъ, что рѣчь идетъ о зааб, которое упоминается и въ книгѣ Бытія вмѣстѣ съ камнемъ карбункуломъ (Быт. 2. 12).

Ты спросишь, если *Фарсисъ*, по мнѣнію разныхъ переводчиковъ, есть камень хризолитъ, или гіацинтъ, цвѣту котораго подобнымъ описывается видъ Божій; то какъ же говорится, что пророкъ Іона хотѣлъ отправиться въ *Фарсисъ* (Іон. 1), а по свидѣтельству книги царствъ, Соломонъ и Іосафатъ имѣли корабли, которые въ урочное время приходили изъ *Фарсиса* съ товарами (3 Цар. 10)? На это отвѣтъ не труденъ; названія тѣже, потому что *Фарсисомъ* называется и Индійская страна, и самое море получило тоже названіе по своему цвѣту, какъ лазурное, какъ принимающее при лучахъ солнца цвѣтъ выше-названныхъ камней. Впрочемъ Іосифъ думаетъ, что *Фарсисъ* у грековъ называется *Тарсомъ*, по перемѣнѣ буквы *ѳ* на *т*.

Есть въ толкованіяхъ Ретиція безчисленное множество такого, что по моему мнѣнію, крайне плохо. Положимъ, рѣчь стройна, идетъ возвышенно и величаво; но что изъ нея толку для комментатора, задача котораго состоитъ не въ томъ, чтобы самому показаться краснорѣчивымъ, но въ томъ, чтобы дать читателю вѣрное понятіе о мысляхъ автора. Спрашиваю, ужели Ретицій не имѣлъ подъ руками десяти книгъ Оригена, или другихъ толкователей, или какихъ нибудь необходимыхъ толкователей евреевъ, чтобы или спросить, или прочитать о значеніи того, чего онъ не понималъ? Но мнѣ кажется, онъ мурно думалъ о потомкахъ, что будто никто не въ состояніи будетъ судить о его ошибкахъ.

И тагъ, ты напрасно просишь у меня толкованій этого автора; въ нихъ гораздо больше того, что мнѣ не нравится,

чѣмъ того, что нравится. Если жъ ты возразишь, почему я давалъ ихъ другимъ; то, послушай, не всѣмъ вѣдь должно питаться одною и тоюже пищею. Иисусъ питаетъ въ пустынѣ гораздо большес число людей ячменными хлѣбами, и меньшее пшеничными. Коринѳяне, между которыми было распространено любодѣяніе болѣе, чѣмъ между другими язычниками, были напоены молокомъ, потому что не могли принять твердой пищи, а ефесяне, которые не были обличены ни въ какомъ преступленіи, питаются небеснымъ хлѣбомъ отъ самаго Господа и познають тайну, сокровенную отъ вѣковъ. Не обращай вниманія на возрастъ и авторитетъ тѣхъ, которые получили отъ меня экземпляры (толкованій Ретиціа), поелику и юный Даніилъ судить старцевъ, и Амосъ, пастырь козъ, обличаетъ начальниковъ священническихъ.

36. Письмо къ Марцеллѣ о болѣзни Блезиллы.

Авраамъ искушается посредствомъ сына и обазывается вѣрнымъ. Иосифъ продается въ Египтѣ, чтобы пропитать отца и братьевъ, Езекиа устрашается близкою смертію, чтобы потоками слезъ вымолить себѣ еще пятнадцать лѣтъ жизни. Петръ апостоль соблазняется во время страданій Господа, чтобы послѣ горькихъ слезъ услышать: *паси овцы моя* (Іоан. 21, 17). Павелъ волгъ хищный и Веніаминъ юнѣйшій во ужасѣ (Іс. 67, 28) подвергается слѣпотѣ, чтобы прозрѣть, и пораженный внезапнымъ ужасомъ мрака, призываетъ Господа, котораго давно уже преслѣдовалъ, какъ человѣка.

Такъ и мы теперь, любезная Марцелла, видѣли, что наша Блезилла уже 30 дней горитъ въ постоянномъ лихорадочномъ жару, да познаетъ, что нужно отказаться отъ удовольствій тѣла, которое скоро будетъ добычею червей. Пришелъ и къ ней Господь Іисусъ и коснулся руки ея и вотъ возставши она слу-

жить Ему. Она истлѣвала въ безопасности и, связанная узами богатствъ, уже лежала во гробѣ вѣка сего. Но возшумѣлъ Иисусъ, и, возмутившись духомъ, возопилъ говоря: *Безилла, гряди вонъ* (Іоан. 11, 43). На зовъ Христа она возстала и, вышедши, трапезуетъ съ Господомъ. Іудеи будутъ грозить и шумѣть, будутъ покушаться убить воскресшую; одни апостолы будутъ вѣщать хвалу. А она знаетъ, что жизнь свою обязана тому, кто возвратилъ ее. Знаетъ, что объемлетъ ноги того, чьего суда боялась не задолго предъ тѣмъ. Тѣло лежало почти бездушное, и близкая смерть поражала чуть дышачіе члены. Къ чему тогда служила помощь родственниковъ?—къ чему слова, которыя бесполезнѣе всякаго дыма? Ничѣмъ не обязана тебѣ, неблагодарное родство, та, которая умерла для міра и ожила для Христа. Кто христіанинъ, тотъ пусть радуется, кто гнѣвается, тотъ тѣмъ самымъ заявляетъ, что онъ не христіанинъ.

Для вдовы, разрѣшенной отъ брачной связи, нужно только твердо пребывать въ своемъ положеніи. Быть можетъ когонибудь соблазнить траурная одежда. Но такого человѣка соблазнить и Іоаннъ, большій въ рожденныхъ женами, названный ангеломъ и крестившій самого Господа,—Іоаннъ, который былъ облеченъ въ одежду изъ верблюжьяго волоса и подпоясанъ кожаныиъ поясомъ. Не нравятся комунибудь дешевыя кушанья? Но что можетъ быть дешевле саранчи?—Болѣе служатъ соблазномъ для очей христіанскихъ тѣ женщины,—которыя подкрашиваютъ пурпуромъ и другими притираньями глаза и губы; у которыхъ лица, набѣленные (*girseeae*) и обезображенныя чрезмѣрною бѣлизною, напоминаютъ собою идиоловъ; у которыхъ случайно выкатившаяся изъ глазъ неожиданная слеза проводитъ борозду по лицу. Самое число лѣтъ не можетъ вразумить такихъ женщинъ, что онѣ уже старухи; изъ чужихъ волосъ онѣ устрояютъ себѣ парикъ, разглаживая старческія морщины, думаютъ возвратитъ протекшую юность, и дрожащими стопами

ндя впереди толпы внуковъ, воображаютъ себя дѣвочками. Пусть стыдится женщина христіанка, если она поддѣлываетъ красоту природы, если ради чувственныхъ пожеланій прилагаетъ заботу о плоти, *сущи* въ которой, по слову апостола, Христу *удовити не могутъ*.

Наша вдова прежде убиралась довольно прихотливо и цѣлый день смотрѣлась въ зеркало, чего ей еще недостаетъ. А нынѣ открыто говоритъ: *мы же вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, въ тожде образъ преобразуемъ отъ славы въ славу, якоже отъ Господня духа*. Прежде служанки убирали голову, и волнистыми повязками прикрѣплялся бесполезный парикъ (*vertex*), а нынѣ голова оставлена безъ вниманія, для нея довольно и того, что она покрыта. Въ былое время мягкій пухъ казался для нея чѣмъ-то жесткимъ, а на разосланныхъ коврахъ она едва могла лежать, а нынѣ она поспѣшно встаетъ на молитву и звонкимъ голосомъ предвосхищая у другихъ *аллилуйю*, первая начинаетъ хвалить Господа своего. Склоняются колѣна ея на голую землю и лице, прежде начаемое бѣлками, омывается частыми слезами. Послѣ молитвы звучать псалмы,—и усталая спина, колеблющіяся колѣна и смыкающіеся отъ сна очи едва могутъ добиться себѣ покоя при чрезмѣрно возбужденномъ состояніи духа. Туника Блезиллы покрыта грязью вслѣдствіе долгихъ возлежаній ея на землѣ. Башмакъ ея дешевъ, а цѣна золотканной обуви раздается нуждающимся. Поясъ не блеститъ золотомъ и дорогими камнями; онъ шерстяной и при всей простотѣ очень чистый; онъ приспособленъ къ тому, чтобы стягивать одежды, а не рвать ихъ. Если змій позавидуетъ этому подвигу и льстивою рѣчью будетъ убѣждать вкусить опять отъ запрещеннаго дерева, то онъ будетъ пораженъ не пятаю, но анаемою, и когда онъ будетъ издыхать въ прахѣ, то будетъ ему сказано: *иди позади сатана* (Марк. 8; 33), что значить: противникъ. Ноелику про-

тивниъ Христа и антихристъ—тотъ, кому непріятны заповѣди Христовы.

Скажи пожалуйста, были ли когда нибудь поступки болѣе соблазнительныя, чѣмъ поступки апостовъ. Они оставляютъ старика отца съ кораблемъ и сѣтями. Мытарь встаетъ съ мытницы и слѣдуетъ за Спасителемъ: ученикъ, желающій возвратиться домой и проститься прежде съ своими домашними, возбраняется голосомъ учителя. Отцу не отдается послѣдняго долга (погребенія): и признается дѣломъ благочестія—быть нечестивымъ ради Господа.—А насъ, такъ какъ мы не облакаемся въ шелковыя одежды, считаютъ монахами. Такъ какъ мы не упиваемся и не хохочемъ во все горло, насъ пазываютъ постниками и угрюмыми. Если туника наша не блеститъ чистотою, тотчасъ съ перекрестка кричатъ: »вотъ лжеучитель и Грекъ«. Пусть издѣваются, пусть превозносятся люди, отормленныхъ съ тучнымъ чревомъ, Блезилла наша посмѣется и не обратитъ вниманіе на злорѣчіе болтливыхъ лягушекъ, когда и самъ Господь ея былъ названъ Веельзевуломъ.

37. Письмо къ Павлу о кончинѣ дочери ея Блезиллы.

Кто дастъ главѣ моей воду и очесемъ моимъ источникъ слезъ и плачуся (Иер. 9, 1) не объ уязвленныхъ изъ народа моего, какъ говоритъ Іеремія, не о бѣдствіи Іерусалима подобно Іисусу; нѣтъ; буду оплакивать святость, милосердіе, невинность, чистоту, буду оплакивать всѣ добродѣтели, соединенныя въ одной личности и сраженныя смертію. Буду плакать не потому, чтобы въ судьбѣ усопшей было что нибудь плачевное, но потому, что для насъ тяжела и прискорбна разлука съ нею. Кто безъ слезъ вспомнить, съ какимъ жаромъ двадцатилѣтняя жепщина взяла на себя знамя креста? Казалось, что она жалѣла

не столько о кончинѣ мужа, сколько о потерѣ дѣвства. Кто безъ рыданій представитъ себѣ убѣдительность ея рѣчи, изящество языка, твердость памяти, остроту ума? Когда слышишь ея греческій разговоръ, думаешь, что она не знаетъ полатыни; когда она заговоритъ полатыни, никакъ не узнаешь въ ней чужестранку. И даже—подобно самому Оригену, которому за это дивится вся Греція, въ немного—не скажу мѣсяцовъ, но дней—она такъ успѣшно препобѣдила трудности еврейскаго языка, что въ чтеніи и пѣніи псалмовъ не отставала отъ своей матери. Скромная одежда ея (усонпей Блезиллы) не отличала, какъ это часто бываетъ, гордый духъ: нѣтъ, съ глубокимъ смиреніемъ она одѣвалась также какъ и дѣвицы служанки, и никакъ нельзя было разпознать въ ней госпожу: она отличалась только большею небрежностію въ одѣждѣ. Колебались ея стопы отъ болѣзни, тонкая шея едва поддерживала блѣдное и содрогающееся лице, и однакоже во всякое время въ рукахъ ея были или пророки, или евангеліе. Очи ея полны слезами, рыданіе захватываетъ голосъ, и изсохшіи языкъ не орошаютъ раздраженныя внутренности. Когда святое тѣло сокрушала горячка, и толпа близкихъ окрушала ложе умирающей, послѣднія слова ея были: помолитесь Господу Иисусу, да проститъ мнѣ, что я не могла выполнить то, что хотѣла«. Будь спокойна, дорогая Блезилла, ты, одѣжды которой были бѣлы во всякое время. Бѣлизна одѣждъ есть чистота всегдашняго дѣвства. Мы вѣримъ, что истинны слова наши: *никогда не поздно обращеніе*. Прежде всего разбойнику сказано: *аминь глаголю тебѣ, днесъ со мною будешь въ раи* (Лук. 23, 43). Когда бремя тѣла было сложено, душа возлетѣла къ своему создателю и долго странствовавшая возвратилась въ прежнее отечество. Затѣмъ устроятся по обычаю похороны, тянется впереди процессія знатныхъ лицъ, надъ погребальными носилками растянутъ золотой балдохинъ. Мнѣ казалось, Блезилла говорила тогда съ

неба: »не узнаю одеждъ: этотъ покровъ—не мой; это украшеніе мнѣ чуждо«.

Но что же я дѣлаю? Хочу удержать слезы матери, и вмѣсто того самъ стенаю. Признаюсь въ своей слабости: все это письмо пишется слезами. Плакалъ и Иисусъ о Лазарѣ, потому что любилъ его.—Плохъ тотъ утѣшитель, который не можетъ подавить своихъ рыданій, чье сердце размячено, кто едва выговариваетъ слова, заглушаемые рыданіями. Свидѣтель Иисусъ, за которымъ нынѣ слѣдуетъ Блезилла; свидѣтели—святые ангелы, общеніемъ которыхъ она нынѣ наслаждается,—что я терплю тѣ же мучительныя скорби, какія и ты, дорогая Павла; будучи отецъ ея по духу и воспитатель по любви, я иногда говорю: »да погибнетъ день, въ онъ же родился (Іер. 20, 14). И еще: *горе мнѣ мати, вскую мя родила еси мужа, который во враждѣ со всею землею (Іер. 15, 10). И еще: праведенъ еси, Господи, обаче суды возлагаю къ тебѣ: что яко путь нечестивыхъ спъется (Іер. 12. 1)? И еще: мои же въ малъ не подвижастся нозъ, въ малъ не проліяшася стопы моя (Пс. 72 7 2—3). И я сказалъ: како увѣдъ Богъ? и аще есть разумъ въ Вышнемъ? Се сіи грѣшницы и гобзующіи во вѣкъ удержаша богатство (—ст. 11—12). Но съ другой стороны там же говорится: аще повѣмъ тако, се роду сыновъ твоихъ преступихъ (—ст. 15). И въ моемъ умѣ не часто ли волнуется потокъ подобныхъ мыслей? Зачѣмъ нечестивые старики такъ долго наслаждаются богатствами вѣка сего? Зачѣмъ не выработавшаяся юность и безгрѣшное дѣтство поражаются во дни своего ранняго цвѣта? Отчего часто дѣти двухлѣтніе, трехлѣтніе и сосущіе матерніе сосцы попадаютъ во власть демона, поражаются проказою, страдаютъ желтухою, и наоборотъ нечестивцы, прелюбодѣи, убійцы, святотатцы богохульствуютъ, наслаждаясь здоровьемъ и крѣпостію силъ тѣлесныхъ? А между тѣмъ сказано, что неправда отца не вмѣнитъ сыну и душа*

согрѣшившая сама умереть. Если же остается въ силѣ древнее положеніе, что грѣхи отцевъ падаютъ на чадъ (Исх. 34, 7), то несправедливо было бы за безчисленные грѣхи многолѣтняго отца отмщать на невинномъ младенцевѣ. *И рѣхъ: еда убо всуе оправдихъ сердце мое, и умыхъ въ неповинныхъ руцѣ мои, и быхъ язвенъ весь день* (Пс. 72, 13—14). Но при этой мысли я вмѣстѣ съ пророкомъ внутренно рѣшилъ въ себѣ: *и нещесвахъ разумѣти: сіе есть трудъ предо мною, дондеже войду во святило Божіе и разумѣю въ послѣдняя ихъ* (—ст. 16—17). Ибо *суды Господни бездна многа!* И еще сказано: *о глубина богатства и премудрости и разума Божія! Яко неиспытани судове его и неизсмѣдовани путіе его* (Рим. 11, 33). Богъ благъ, и все, что дѣлаетъ благій, по необходимости должно быть ко благу. Потерянь супругъ; я скорблю, что это случилось. Но такъ какъ это угодно Богу, я перенесу несчастіе благодушно. Не стало единственнаго сына; это горестно, но не безотраднo, потому что взялъ тотъ, кто далъ. Если я буду слѣпъ, то меня утѣшитъ чтеніе друга. Если глухія уши откажутся слышать, то я буду свободенъ отъ пороковъ; я буду думать ни о чемъ иномъ, какъ только о Господѣ. Будеть угрожать кромѣ того и суровая бѣдность, холодъ, болѣзнь и нагота; я буду ждать оканчивающей все смерти, буду считать кратковременнымъ то зло, за которымъ послѣдуетъ лучший исходъ. Будемъ разсуждать согласно съ изреченіемъ нравоучительнаго псалма: *праведенъ еси, Господи, прави суди твои* (Пс. 113, 137). Это можетъ сказать только тотъ, кто славить Бога во всѣхъ своихъ страданіяхъ и, считая ихъ заслуженными, хвалится Его милостію среди самыхъ злоключеній. Ибо *возрадовашася дщери іудейскія* во всѣхъ судьбахъ Господнихъ. Если слово Іуда значитъ *признаніе*, а признательна всякая душа вѣрующая, то необходимо именующій себя вѣрующимъ во Христа долженъ радоваться во всѣхъ судьбахъ Христовыхъ.

Я здоровъ; благодарю Создателя. Я боленъ, и за это хвалю волю Божию. *Егда бо немощствую, тогда силенъ есмь* (2 Кор. 12, 10); сила духовная совершается въ немощи тѣлесной. И апостолъ терпитъ нѣчто такое, чего не хочетъ, объ избавленіи отъ чего троекратно молится Господу. Но получаетъ такой отвѣтъ: *довлѣтъ ти благодать моя; сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Чтобы апостолъ не возгордился по причинѣ многихъ откровеній, данъ ему нѣкоторый напоминатель немощи человѣческой, подобно тому, какъ при празднованіи триумфа торжественную колесницу сопровождалъ спутникъ, послѣ каждаго восторженнаго клика гражданъ, говорившій триумфатору: »помни, что ты человѣкъ«!

Отчего же намъ тяжело переносить страданія? За чѣмъ мы скорбимъ объ умершихъ? Мы не для того родились, чтобы жить здѣсь вѣчно. Авраамъ, Моисей, Исаія, Петръ, Іаковъ, Іоаннъ, Павелъ, сосудъ избранный, и даже Самъ Сынъ Божій умираетъ; а мы сѣтуемъ когда покинетъ тѣло какой-нибудь человѣкъ, который быть можетъ для того и *восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ его. Угодна бо бѣ Господеву душа его. Сего ради* Богъ и поспѣшилъ извести ее *отъ среды лукавствія*, (Прем. Сол. 4, 11. 14), чтобы на долгомъ жизненномъ пути она не заблудилась въ извилистыхъ тропинкахъ. Пусть плачутъ о мертвомъ, но о такомъ, котораго принимаетъ геенна, котораго пожираетъ тартаръ, для чьей казни пылаетъ вѣчный огонь. А мы, при концѣ жизни сопутствуемые сонмомъ ангеловъ, встрѣчаемые самимъ Христомъ, мы напротивъ того должны тяготиться, если слишкомъ долго заживемъ въ этой смертной хранилѣ. Ибо, *живуще въ тѣль, отходимъ отъ Господа* (1 Кор. 5, 6). Пусть объемлетъ насъ любовь, выражаемая въ словахъ псалмопѣвца: *увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися, всемихся съ обитателями Кидара; много пришельствова душа моя* (Пс. 119, 5. 6). Если слово *Кидаръ*—

значить *тьма* и *міръ* здѣшній есть *тьма*, такъ какъ *свѣтъ* во *тьмѣ* *свѣтитъ*, и *тьма* его не *пріятъ* (Іан. 1, 5), то порадуемся за нашу Блезиллу, которая изъ *тьмы* перешла въ *свѣтъ*, и, пылая живою вѣрою, приняла вѣнецъ за совершенное дѣло. По истинѣ если бы ранняя смерть застала ее среди мыслей о временныхъ привязанностяхъ и земныхъ утѣхахъ, не угодныхъ Богу, въ такомъ случаѣ слѣдовало бы о ней сокрушаться, слѣдовало бы пролить потокъ слезъ. А нынѣ, когда за четыре почти мѣсяца до смерти, она очистилась такъ сказать вторымъ крещеніемъ преднамѣреннаго подвига, и наконецъ жила такъ, что, поправши міръ, постоянно думала о монастырѣ, нынѣ убойся, какъ бы Спаситель не сказалъ тебѣ: *зачѣмъ ты гнѣваешься, Павла, что твоя дочь сдѣлалась моею дочерью. Зачѣмъ ты досадуешь на Мой приговоръ и своими непокорными слезами выражаешь ко мнѣ нерасположеніе? Вѣдь ты знаешь, что Я думаю о тебѣ и о близкихъ твоихъ. Ты отказываешь себѣ въ пищѣ не ради поста, но по причинѣ печали. Я не люблю такого воздержанія. Такіе посты—противны Мнѣ. Я принимаю къ Себѣ душу, которая отдѣляется отъ тѣла прежде, чѣмъ Я воззову ее. Пусть у глупой философіи будутъ подобные мученики: Зенонъ, Клеовротъ, или Катонъ. Духъ мой почиваетъ только на кроткомъ, и молчаливомъ, и трепещущемъ словесъ моихъ* (Ис. 66, 2). Чтò толку, что ты обѣщалась идти въ монастырь, какъ бы для того, чтобы отличаясь одеждою отъ другихъ знатныхъ женщинъ казаться себѣ болѣе благочестивою? Твоя упорная въ сѣтованіи мысль стоитъ шелковыхъ одеждъ. Ты убиваешься и растроиваешь свое здоровье, и убѣгаешь суроваго судіи, какъ будто попадешь не въ Мои же руки. Убѣгалъ когда-то отъ Меня Іона смѣлый пророкъ, но и во глубинѣ моря онъ остался Моимъ. Если бы ты вѣрила, что дочь твоя жива, то ты никогда не сокрушалась бы о томъ, что она перешла въ лучшій міръ. Черезъ своего апостола, Я заповѣдалъ

да не скорбимъ о умершихъ, подобно язычникамъ. Стыдись, язычница ¹⁾ превосходить тебя терпѣніемъ. У діавола оказалась лучшая служительница, чѣмъ у Меня. Она воображаетъ, что ея невѣрный мужъ перенесенъ на небо; а ты не вѣришь, или не хочешь вѣрить, что твоя дочь пребываетъ со Мною.

Ты скажешь: »отчего ты запрещаешь мнѣ плакать, тогда какъ и Іаковъ, облекшись во вретиче, оплакивалъ Іосифа и, когда собрались къ нему всѣ родственники, не хотѣлъ принять утѣшенія, говоря: *спиду къ сыну моему, стѣтя во адъ* (Быт. 37, 35). И Давидъ, сокрушаясь объ Авессаломѣ, покрывъ главу рыдалъ, повторяя: *сыне мой Авессаломе, сыне мой Авессаломе кто дастъ смерть мнѣ вмѣсто тебе, сыне мой, Авессаломе*, (2 Цар. 18, 33). Не говорится ли о плачѣ надъ Моисеемъ, Аарономъ и другими ежегодно празднуемыми святыми? Отвѣтъ на это очень не труденъ. Іаковъ оплакивалъ сына, котораго считалъ убитымъ и къ которому самъ собирался сойти въ преисподнюю, говоря: *спиду къ сыну моему стѣтя во адъ*, потому что Христосъ тогда еще не отверзъ дверь рая; Его кровь еще не угасила пламенное и обращающееся оружіе херувимовъ, стоящихъ при входѣ въ рай. Также и объ Авраамѣ извѣстно, что онъ вмѣстѣ съ Лазаремъ былъ въ преисподнихъ, хотя и въ мѣстѣ прохладномъ. И Давидъ не безъ основанія плакалъ о сынѣ отцеубійцѣ, тогда какъ не могли испросить продолженія жизни другому своему сыну—младенцу, не плакалъ о немъ, потому что зналъ, что онъ безгрѣшенъ. Неудивительно также, что согласно съ древнимъ обыкновеніемъ заповѣданъ былъ плачъ о Моисеѣ и Ааронѣ, тогда какъ и изъ Дѣяній апостольскихъ видно, что уже при свѣтѣ овангелія братія въ Іерусалимѣ совершили надъ Стефаномъ *плачъ велий* (Дѣян. 8. 2).

1) Разумѣется Павлина, жена нареченнаго консула Претекстата; жрица языческая. См. выше письмо блаж. Іеронима 22, стр. 146.

Да и во всѣхъ мѣстахъ писанія великое стenanіe означаетъ не малодушіе стенающихъ, какъ думаешь ты, но великолѣпіе похоронъ и множество погребаящихъ. Наконецъ о погребеніи Іакова такъ говорится въ писаніи: *И взыде Іосифъ погребсти отца своего и совзыдоша съ нимъ вси рабы Фараона, и старъѣйшины дому его, и вси старъѣйшины земли египетскія, и весь домъ Іосифовъ и братія его. И немного ниже: и совзыдоша съ нимъ и колесницы и конницы, и бысть полкъ великъ зло. И потомъ: и рыдаша его рыданіемъ велимъ и крѣпкимъ зло* (Быт. 50, 7. и слѣд.). Этотъ торжественный плачь не означаетъ того, что египтяне долго собрушались объ Іаковѣ, но выражаетъ собою только пышность погребенія. Конечно точно также были оплакиваемы Ааронъ и Моисей. Я не могу достаточно восхвалить тайны писанія и подивиться божественному смыслу, заключенному въ простыхъ словахъ: отчего упоминается о плачѣ надъ Моисеемъ, а при разсказѣ о погребеніи Іисуса Навина, мужа святаго, не говорится, что онъ былъ оплакиваемый? Оттого что въ Моисей, то есть въ ветхомъ законѣ, всѣ люди подлежали осужденію и поэтому слезы были удѣломъ низходящихъ въ преисподнюю, согласно съ словами апостола: *и царствова смерть отъ Адама даже до Морсея и надъ несогрѣшившими* (Рим. 5, 14). Въ Іисусѣ же, то есть въ благовѣствованіи, когда отверсты двери рая, за смертію слѣдуетъ радость. Іудеи и до нынѣ оплакиваютъ умершихъ и съ обнаженными ногами лежатъ на пеплѣ, облекшись въ вретѣща. И чтобы довершить свое суевѣріе, іудеи по пустѣйшему обычаю фариисейскому, сначала вкушаютъ пищу изъ чечевицы, показывая этимъ вслѣдствіе какой пищи они потеряли свои права первородства. Поистинѣ, не вѣруя воскресенію Господа, іудеи готовятъ кѣ пришествію антихриста. Мы же облекшіеся во Христа и сдѣлавшіеся по словамъ апостола (1 Петр. 2, 9) царскимъ и священнымъ народомъ, не должны

печалиться о умершихъ. *И рече, сказано, Морсей ко Аарону и Елеазару и Итамару сыномъ его оставшимся: главъ вашихъ не покрывайте и ризъ вашихъ не раздирайте, да не умрете и на весь сонмъ будетъ гнѣвъ* (Лев. 10, 6). Не раздирайте одежду вашихъ, сказано, и не совершайте языческаго плача, чтобы не умереть. Смерть наша есть слѣдствіе грѣха.

Въ той же книгѣ Левитъ записано постановленіе, быть можетъ на чей-нибудь взглядъ суровое, но необходимое для вѣры, именно: первосвященнику запрещено приступать къ мертвымъ отцу, матери, братьямъ и дѣтямъ бонечно для того, чтобы душа, посвященнаго божіимъ жертвоприношеніямъ, и всецѣло погруженная въ божественныя тайны, не увлеклась какимъ нибудь страстнымъ волненіемъ. Не то ли же самое только другими словами предписывается въ евангеліи, когда говорится, чтобы ученикъ (Христа) не прощался съ домашними и не возвращался похоронить умершаго отца? *И отъ святыхъ, сказано, да не изыдетъ и да не осквернитъ имени святаго Бога своего, яко святой елей помазанія Бога его на немъ* (Левитъ гл. 21 ст. 12). Конечно, увѣровавши во Христа, принявши елей помазанія Христова и нося Его въ себѣ, мы не должны изходить изъ храма, тоестъ удаляться отъ христіанскаго подвига, ни изходить вонъ, тоестъ принимать участіе въ языческомъ невѣрїи, но должны быть всегда внутри, тоестъ служить волѣ Божіей. Это мы сказали для того, чтобы вслѣдствіе незнанія писаній ты не считала законнымъ своего плача, чтобы ты не заблуждалась, думая, что поступаешь разумно. Доселѣ я говорилъ такъ, какъ будто бы рассуждалъ съ обыкновенною христіанкою, какихъ вездѣ много. Но теперь, когда я знаю, что ты отреклась отъ всего міра и, отвергнуши и поправши утѣхи вѣка сего, посвятила себя ежедневнымъ молитвамъ, пощепіямъ, чтенію; когда ты, по примѣру Авраама, хочешь удалиться изъ земли твоей и отъ родни твоей, чтобы оставивши халдеевъ

и Месопотамію войти въ землю обѣтованную; когда все свое имѣніе ты или раздала бѣднымъ или заживо умерши для міра, прежде смерти отказала дѣтямъ, то я удивляюсь, что ты дѣлаешь то, что и въ обыкновенныхъ женщинахъ заслуживаетъ порицанія. Приходитъ тебѣ на память разговоръ Блезиллы, ея ласки, бесѣды и участіе, и тебѣ тяжело, что ты лишилась всего этого. Мы извиняемъ слезы матери, но должна же быть мѣра скорби. Если я смотрю на тебя какъ на родительницу Блезиллы, то не могу осуждать твоего сѣтованія, но если смотрю на тебя какъ на христіанку и монахиню, то сими именами уже исключаются материнскія чувства. Твоя рана свѣжа, и всякое прикосновеніе, какъ бы оно ни было осторожно, не столько врачуетъ, сколько раздражаетъ ее. Но отчего же не попытаться внушеніями разума подавить горе, которое должно быть смягчено временемъ? Ибо и Ноеминь, убѣгая отъ голода въ землю моавитскую, потеряла и мужа и дѣтей, и когда родные оставили ее безъ помощи, Руфь чужеземка не отступила отъ нея. Смотри, за какую заслугу зачтена Руфи помощь, поданная оставленной всѣми женщиной. Отъ потомства Руфи рождается Христоръ. Взгляни на Іова, сколько онъ переносилъ, и увидишь, что ты слишкомъ нетерпѣлива, тогда какъ онъ, обративъ глаза къ небу среди развалинъ дома, покрытый ранами, преслѣдуемый безчисленными бѣдствіями и, наконецъ, искушаемый лукавыми словами жены, сохранилъ непобѣдимое терпѣніе. Знаю, что ты скажешь: »эти бѣдствія ему, какъ праведному, были посланы для испытанія«. Избирай и ты одно изъ двухъ, что желаешь: или будь святою и выдерживай испытанія, или будь грѣшницею и ропщи, когда постигаютъ тебя бѣдствія, хотя бы ты заслуживала еще большихъ. Но къ чему выводить примѣры изъ древности? Послѣдуй современнымъ образцамъ. Святая Меланія, истинная знаменитость между христіанами нашего времени (да дастъ Господь и тебѣ и мнѣ въ день свой

имѣть часть вмѣстѣ съ нею!), когда тѣло ея мужа еще не остыло и не было погребено, потеряла сразу двухъ сыновей. Я хочу рассказать вещь невѣроятную, но, Христось свидѣтель, неложную. Кто тогда не думалъ, что она, полупомѣшанная, съ растрепанными волосами, въ изорванной одеждѣ, будетъ терзать грудь свою? Но она не пролила капли слезъ, она стояла неподвижно, и припадши къ ногамъ Христа и какъ бы держась за Него, радовалась. »Удобнѣе, сказала она, я буду служить Тебѣ, Господи, когда Ты освободишь меня отъ такого бремени«. Но быть можетъ другія привязанности побѣдили ея твердость. — Нѣтъ; насколько она стала выше ихъ, она доказала впоследствии своими отношеніями къ единственному, оставшемуся у ней сыну; отдавши ему все свое имущество, уже при наступленіи зимы она поплыла въ Іерусалимъ.

Пожалуйста пощади себя, пощади свою дочь, уже царствующую со Христомъ, пощади по крайней мѣрѣ свою Евстохію, юный и неопытный возрастъ которой пужается въ твоёмъ руководствѣ. Свирѣпствуетъ нынѣ діаволь, видя торжество одной изъ твоихъ дочерей, со скорбію сознаетъ себя пораженнымъ, и старается надъ остающеюся въ живыхъ твоею дочерью одержать ту побѣду, которую потерялъ въ борьбѣ съ усопшей. Излишняя любовь къ своимъ роднымъ есть пелюбовь по отношенію къ Богу. Не могу безъ стенаній высказать того, чтò хочу сказать. Когда изъ середины погребальной процессіи выносили тебя, впадшую въ обморокъ, народъ перешептывался между собою: »не правду ли мы говаривали? Мать жалѣетъ о дочери, доведенной до смерти постами, жалѣетъ о томъ, что не имѣла впуконъ по крайней мѣрѣ отъ втораго ея брака. Догонѣ этихъ противныхъ монаховъ не выгонять изъ города, не побьютъ камнями, не потопятъ въ рѣкахъ? Они обманули несчастную матрону. Что она не хочетъ быть монахиней, видно изъ того, что ни одна язычница никогда не

оплакивала такъ дѣтей своихъ*. Какъ, ты думаешь, эти рѣчи прискорбны для Христа! Какъ радуется сатана, который спѣшитъ теперь исторгнуть твою душу, и, представляя тебѣ благовидный поводъ для плача, когда предъ очами твоими постоянно вращается образъ твоей дочери, — желаетъ умертвить мать побѣдительницы и водвориться въ уединеніи оставшейся въ живыхъ ея сестры (т. е. Евстохіи). Я говорю не для того, чтобы испугать тебя; нѣтъ, свидѣтель Господь, — какъ бы стоя предъ Его судилищемъ, я вотъ что внушаю тебѣ. Нужно оставить эти слезы, полныя оскорбленія святыни, полныя невѣрія, не имѣющія мѣры, могущія приблизить къ смерти. Ты рыдаешь и причитаешь, и, какъ бы поджигаемая какимъ-то пламенемъ, всѣми силами постоянно убиваешь себя. Но къ подобной тебѣ женщинѣ идетъ милостивый Іисусъ и говоритъ: *«что плачешь? отроковица твоя умерла, но спитъ»* (Марк. 5, 39.). Пусть смѣются обружающіе; такое невѣріе свойственно іудеямъ. А если ты станешь принадлежать къ гробницѣ своей дочери, то ангель съ упресою скажетъ *«зачѣмъ ты ищешь живую съ мертвыми»* (Лук. 24, 5)? За это самое, Марія Магдалина, когда узнала голосъ Господа, зовущаго ее, и пришла къ ногамъ Его, то услышала слѣдующее: *не прикасайся Мнѣ, не убо вздохъ ко Отцу Моему* (Іоан. 20, 27), то-есть: *«ты, считающая Меня мертвымъ, лежащимъ во гробѣ, недостойна прикоснуться ко Мнѣ воскресшему»*.

Какіе, ты думаешь, кресты, какія мученія терпитъ нынѣ наша Блезилла, видя, что Христосъ гнѣвается на тебя? Въ отвѣтъ на твои стенанія, она нынѣ взываетъ тебѣ: *«если ты, мать, когда нибудь меня любила, если я сосала твои сосцы, если я воспитана твоими наставленіями, то да не будетъ моя слава для тебя поводомъ къ неудовольствію; не дѣлай того, чтобы намъ пришлось разлучиться навѣки. Ты, можетъ быть, думаешь, что я одинока. Нѣтъ, вмѣсто тебя у меня есть Марія.*

Матерь Божія. Я вижу здѣсь многихъ женщинъ, которыхъ прежде не знала. О, какъ прекрасно это общество! Здѣсь есть евангельская Анна пророчица, и, порадуясь, я въ три мѣсяца стяжала то, что она приобрѣла многолѣтними трудами. Мы получили одну и ту же пальму непорочности. Ты жалѣешь, что я оставила міръ? А я жалѣю о вашей участи, жалѣю о васъ, доселѣ заключенныхъ въ темницѣ вѣка,—о васъ, ежедневно ведущихъ борьбу и увлекаемыхъ къ погибели то гнѣвомъ, то скупостію, то нечистыми пожеланіями, то иными порочными возбужденіями. Если ты хочешь быть моею матерію, постарайся угодить Христу. Я не признаю матери, неугодной моему Господу*. Многое еще говоритъ Блезилла, о чемъ я умалчиваю. Она молигъ Бога за тебя, и мнѣ, спокойному за нее, просить прощенія прегрѣщеній, за то, что ради ея спасенія, я увѣщевалъ, умолялъ и перенесъ на себѣ нерасположеніе ея близкихъ.

Поэтому я торжественно и рѣшительно обѣщаюсь: пока духъ мой оживляетъ эти члены, пока я нахожусь въ сей жизни, дотола Блезиллу будетъ провозглашать мой языкъ, ей будутъ посвящены мои труды, для нея будетъ работать мой умъ. Каждая страница будетъ звучать въ честь Блезиллы. Куда ни пойдутъ памятники моей рѣчи, вмѣстѣ съ моими произведеніями, будетъ шествовать и она. Объ ней, какъ о постоянномъ предметѣ моей мысли, будутъ читать дѣвы, вдовы, монахи, священники. Кратко время ея жизни, но память ея будетъ вѣчная. Живущая со Христомъ на небесахъ, должна жить и въ устахъ человѣческихъ. Пройдетъ настоящій вѣкъ, наступятъ вѣка послѣдующіе, которые будутъ судить безъ любви и безъ ненависти. Между именами Павлы и Евстохіи станетъ посрединѣ имя Блезиллы. Никогда не умретъ она въ моихъ книгахъ. Всегда услышитъ мои бесѣды съ ея сестрою и матерію.

38. Письмо къ Марцеллѣ объ Оназѣ.

Врачи, называемые хирургами, почитаются жестокими, и несчастны они. Не несчастіе ли—не соболѣзновать о чужихъ ранахъ, безъ милости рѣзать мертвые члены, безъ содроганія совершать операцію, которая приводитъ въ ужасъ страдающаго, и за это считается врагомъ? Такова природа человѣческая; для нея горька истина, а пороки кажутся ей пріятными. Исаія не стыдился ходить нагимъ во образъ будущаго плѣна (Ис. 20, 2). Иеремія изъ среды Іерусалима посылается къ месопотамской рѣкѣ Евфрату, чтобы среди враждебныхъ народовъ, гдѣ живетъ ассиріянинъ и находятся полчища халдейскія, положить свой чресленникъ (*περιζωμῆς*) на истлѣніе (Иер. 13). Іезекіиль получаетъ приказаніе ѣсть хлѣбъ, приготовленный изъ разныхъ овощей и обрызганный пометомъ человѣческимъ, потомъ коровьимъ (Езек. гл. 4), и безъ слезъ видитъ смерть своей жены (гл. 24). Амосъ изгоняется изъ Самаріи (Ам. 7.). Зачтоже? Конечно за то самое, что врачи духовные, разсѣкая язвы грѣховъ, зовутъ къ покаянію. Апостоль Павелъ говоритъ: *врагъ вамъ быхъ, истину вамъ глаголя* (Гал. 4, 16). И такъ какъ рѣчи Спасителя казались жестокими, то многіе изъ учениковъ Его пошли назадъ. Неудивительно же и то, что мы, возставая противъ порока, оскорбляемъ людей. Я намѣренъ отыскать зараженные и страдающіе зловоніемъ носы, такъ пусть и боится тотъ, у кого зараженъ носъ. Я встаю противъ пустаго каркарья вороны, — такъ пусть и смекнетъ ворона, что она пустая болтунья. Какъ будто только и есть одинъ человѣкъ во всемъ Римѣ съ носомъ, испорченнымъ ранами разврата? Какъ будто одинъ Оназъ Сегестанъ, раздувши щеки, бросаетъ изъ нихъ слова, напыщенные и пустые, какъ пузырь? Я говорю, что злодѣйствомъ, клятвопреступленіемъ, ложью и некоторыя лица купили себѣ достоинство,

не вѣсть какое. Что нужды въ томъ тебѣ, который чувствуетъ себя невиннымъ? Я осмѣиваю адвоката, который самъ имѣетъ нужду въ защитникѣ, смѣюсь надъ краспорѣчьемъ, которое стоитъ два гроша,—какая нужда въ томъ тебѣ, который такъ краспорѣчивъ? Я встаю противъ пресвитеровъ-взяточниковъ; тебѣ, богачу, зачѣмъ озлобляться? Мнѣ угодно смѣяться надъ масками, почными совами, нильскими чудовищами; такъ все, что бы я не сказала, ты думаешь, что это—противъ тебя? Не кажется ли тебѣ, что ты хорошъ потому, что носишь счастливое имя (*Onasus*—отъ *ὄνασιν*, помогать, пользу приносить)? Но даютъ и роицѣ названіе свѣтлой (*lucis*), хотя она отнюдь не свѣтитъ; саду имя парка (*parcae*), хотя онъ ничего не падитъ; фуріямъ—Евменидѣ, несмотря на то, что онѣ нисколько не благосклонны; и въ народѣ зовутъ эѳіоповъ серебряными. Если ты сердиться, когда описываютъ предметы скверные, такъ я воспую тебя съ Персіемъ:

Пусть царь и царица въ зятя тебя ищутъ,
Пусть юныя дѣвы тебя завлекаютъ,
Пусть все, что ты топчешь, становится розой,—

однако я далъ бы тебѣ совѣтъ скрыть нѣчто, чтобы казаться еще лучшимъ. Еслибы не видно было носа на твоёмъ лицѣ и не слышенъ былъ звукъ твоего голоса, тогда бъ ты могъ казаться и пригожимъ и краспорѣчивымъ.

59. Письмо къ Марцелю.

Тексты, которые тебѣ приводилъ какой-то послѣдователь Моктана, и въ которыхъ Спаситель нашъ обѣщается, что Онъ пойдетъ ко Отцу и пошлетъ Утѣшителя—эти тексты выбраны изъ Евангелія отъ Іоанна. Объ исполненіи обѣщаній Спасителя въ определенное время свидѣтельствуютъ Дѣянія апостольскія. Въ десятый день, сказано, по вознесеніи, то-есть въ пятидесятый по воскресеніи Господа сошелъ Духъ Святой и стала неодинакова рѣчь вѣрующихъ: такъ что каждый сталъ

говорить языками всѣхъ народовъ, и когда нѣкоторые еще маловѣрные сначала считали исполнившимися Духа Святаго пьяными, то Петръ сталъ въ срединѣ апостоловъ и всего собранія и сказалъ: *мужіе іудейстїи и живущїи во Іерусалимѣ аси, сіе вамъ разумно да будетъ, и внушите малалы моя. Не бо, якоже вы нещцуете, сіи пьяни суть: есть бо часъ третїи дне. Но сіе есть реченное пророкомъ Іоилемъ, и будетъ въ послѣдніе дни, глаголетъ Господь, излю отъ Духа Моего на всяку плоть, и прорекутъ сынове ваши и дочери ваша: и юноши ваши видѣнїя узрятъ, и старцы вашн сонн видятъ: ибо на рабы моя и на рабыни моя, во дни оны излю отъ Духа Моего* (Дѣян. 2, 14 и слѣд.). Итакъ. если апостоль Петръ, на которомъ Господь основалъ церковь, упомянулъ, что въ это время исполнились пророчества и обѣщанія Господа, то какъ можемъ мы назначать для этого другое время? Если возражать, что впоследствии пророчествовали четыре дочери Филиппа и существовалъ пророкъ Агавъ и что при раздѣленїи Духа, кромѣ апостоловъ и учителей, какъ пишетъ апостоль, образовались и пророки и самъ апостоль Павелъ пророчествовалъ многое о будущихъ ересьяхъ и о концѣ міра, то пусть знаютъ наши возражатели, что мы не столько отрицаемъ пророчества, запечатлѣнныя кровїю Христа, сколько не принимаемъ (ложныхъ пророковъ) несогласующихся съ авторитетомъ Писанїи ветхаго и новаго Заветовъ. Мы расходимся съ монтанистами въ исповѣданїи вѣры. Мы признаемъ Отца и Сына и Св. Духа отдѣльными лицами и соединяемъ ихъ по существу; они, слѣдуя догмату Савеллія, втѣсняють Троицу въ предѣлы одного лица. Мы не столько одобряемъ, сколько допускаемъ второй бракъ по повелѣнїю Павла, чтобы юныя вдовы выходили замужъ; они вторичный бракъ считаютъ такимъ преступленїемъ, что каждый второбрачный, по ихъ мнѣнїю, прелюбодѣй. Мы вмѣстѣ со всѣмъ христіанскимъ міромъ.

по преданію апостоловъ, постимся одну четырехдесятницу; они постятся три четырехдесятницы въ годъ, какъ будто бы страдали три Спасителя. Мы не говоримъ, чтобы не слѣдовало поститься даже въ теченіе цѣлаго года, за исключеніемъ пятидесятницы; но иное дѣло приносить даръ по необходимости и иное по своей волѣ. У насъ епископы занимаютъ мѣсто апостоловъ; а у нихъ епископы стоятъ на третьемъ мѣстѣ. Ибо первенство у нихъ занимаютъ патріархи изъ Пепузы фригійской, на второмъ мѣстѣ стоятъ такъ-называемые у нихъ ценоны, уже на третье, то-есть почти на послѣднее мѣсто свергаются епископы; какъ будто становится знаменитѣе ихъ религія оттого, что у нихъ считается послѣднимъ то, что у насъ признается первымъ. Они отлучаютъ отъ церкви почти за каждый проступокъ; мы же ежедневно читаемъ: «хочу лучше покаянія грѣшника, нежели смерти его» (Езек. 18, 25). *Еда падаѣи не возстаетъ, глаголетъ Господь* (Иерем. 8, 4) и: *возвратитесь сынове возвращающіися, и исцѣлю сокрушенія ваша* (Иерем. 3, 22). Они строги не потому, чтобы грѣшили меньше нашего, но разница между нами и ими въ томъ, что они стыдятся признаться въ грѣхахъ своихъ, какъ будто праведники; а мы, прибѣгая къ покаянію, легче заслуживаемъ прощеніе. Умалчиваю о гнусныхъ мистеріяхъ, которыя соединены съ жертвоприношеніемъ груднаго младенца мученика, которому еще надлежало бы жить. Съ своей стороны я хочу лучше не вѣрить этому: пусть будетъ ложно все то, что говорится о кровопролитіи. Очевидно должно быть для насъ безбожіе тѣхъ, которые говорятъ, что Богъ сперва хотѣлъ спасти міръ въ ветхомъ Заветѣ черезъ Моисея и пророковъ, но такъ какъ не могъ этого исполнить, то Самъ принялъ плоть отъ Дѣвы и въ лицѣ Христа, глаголавшаго, подъ видомъ сына подъялъ за насъ смерть. Но поелику оба эти раза не могъ спасти міръ, то наконецъ сошелъ въ видѣ Св. Духа на Мон-

тана и безумныхъ женщинъ Приску и Максимилу. Такимъ образомъ оказывается, что отверженный и женоподобный Монтанъ имѣлъ то изобиліе даровъ духовныхъ, котораго не имѣлъ Павелъ, говорящій: *отчасти бо уразумѣваемъ и отчасти пророчествуемъ* (Коринѳ. 13, 9); и: *видимъ убо нынѣ яко зеркаломъ въ гаданіи* (1 Кор. 13, 12). Вотъ тѣ стороны ученія монтанистовъ, которыя не заслуживаютъ опроверженія; изложить ихъ изувѣрство, значитъ опровергнуть его. Нѣтъ нужды каждую нелѣпость, высказываемую ими, коротко опровергать въ особомъ письмѣ, тѣмъ болѣе что и ты, крѣпче всего держась за Писаніе, не столько заинтересована ихъ вопросами, сколько желаешь знать, что я объ нихъ думаю.

40. Письмо къ Марцеллѣ противъ новаціанъ.

На короткій вопросецъ, который ты прислала, короткій и прямой отвѣтъ. Если на основаніи словъ Евангелія: *уже речетъ на Сына человеческого отпустится ему, а уже сие речетъ на Духа Святаго, не отпустится ему ни въ семь вѣтъ, ни въ будущемъ* (Матѳ. 12. гл. 32; Марк. 3, 29),—если на основаніи этихъ словъ Новаціанъ утверждаетъ, что грѣшить противъ Духа Св. можетъ только христіанинъ отвергнувшійся Христа; то очевидно, что іудеи, которые въ то время ¹⁾ богохульствовали, не подлежатъ грѣху богохуленія, тогда какъ они, подобно нечестивымъ вертоградарямъ, убивъ пророковъ, замыслили убійство Господа и дотога были отягчены грѣхами, что для спасенія ихъ пришелъ Сынъ Божій. Самый ходъ рѣчи долженъ убѣдить Новаціана, что непростительнымъ признается богохульство не тѣхъ людей, которые отверглись Христа, бывъ принуждены къ тому пытками и различными мученіями, но тѣхъ, которые, созерцая дѣла Божіи, клеветуютъ и провозглашаютъ въ нихъ дѣйствіе силы демоновъ и всѣ совершенныя

1) Т. е. во время произнесенія приведенныхъ словъ Спасителя.

предъ ихъ глазами знаменія приписываютъ не Божественному величію, но діаволу (Матѣ. 12; Марк. 3; Лук. 11). Потому-то и Спаситель нашъ всю силу Своего отвѣта направляетъ къ тому, чтобы показать, что не можетъ сатана сатану изгоняти и что царство его не подверглось внутреннему раздѣленію. Если діаволь старается мучить твореніе Божіе, то какимъ же образомъ, не становясь въ противорѣчіе самъ съ собою, онъ можетъ сообщать здоровье больнымъ и убѣгать отъ тѣлъ людей бѣсноватыхъ. Пусть Новаціанъ укажетъ какагонибудь христіанина изъ тѣхъ, которые вынуждены были принести (языческую) жертву, который бы сказалъ предъ судомъ трибунала, что все написанное въ Евангеліи совершено не Сыномъ Божіимъ, но вельзевуломъ, княземъ бѣсовскимъ, и тогда можетъ утверждать, что хула на Духа Св. не отпустится этому человѣку.

Предложимъ болѣе тонкій вопросъ: пусть отвѣчаетъ Новаціанъ, что значить *рекши слово* на Сына человѣческаго и что значить хулить Духа Св.? Что касается меня, то я согласно съ смысломъ изреченія утверждаю, что тѣ, которые отверглись Христа вслѣдствіе преслѣдованій, *рекши слово* на Сына человѣческаго, но не хулили Духа Святаго. Потому что, если ктонибудь на вопросъ: христіанинъ ли онъ, отвѣтитъ, что онъ не христіанинъ: то отрицаясь такимъ образомъ Христа, т. е. Сына человѣческаго, онъ не оскорбляетъ Духа Святаго. Если же, по ученію еретика, отрицаясь отъ Христа, человѣкъ чрезъ то самое отрицается и отъ Св. Духа, то какимъ же образомъ изрекшій слово на Сына человѣческаго можетъ не грѣшнить вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ Духа Святаго. А если, по мнѣнію Новаціана, въ этомъ мѣстѣ подъ Святымъ Духомъ надобно разумѣть Отца, то должно сказать, что отступающій отъ Христа и не упоминаетъ объ Отцѣ во время своего отрицанія. Когда апостоль Петръ, утрашенный вопросомъ рабыни, отрекся Господа, то какъ вы думаете.— противъ Сына человѣческаго,

или противъ Духа Святаго онъ согрѣшилъ? Еслибы онъ хотѣлъ свои слова: *не знаю чловѣки смѣшнымъ образомъ истолковать такъ, что онъ отрекся не Христа, но чловѣка, то онъ сдѣлалъ бы лжецомъ Спасителя, Который прямо предсказалъ ему, что онъ отвергнется Его, Сына Божія. Если же Петръ отрекся Сына Божія, вслѣдствіе чего и плакалъ горько и трехкратное отреченіе загладилъ трехкратнымъ исповѣданіемъ: то очевидно, что грѣхъ прогнѣвъ Духа Святаго не можетъ быть отпущенъ, потому что заключаетъ въ себѣ богохульство: ты видишь силу Божію, а дѣла приписываешь веэльзевулу. Пусть докажетъ Новаціанъ, что какой нибудь отступникъ отъ Христа назвалъ Его веэльзевуломъ, я согласенъ, что такой чловѣкъ послѣ отпаденія не можетъ получить помилованія. Иное дѣло отвергнуться Христа, уступая пыткамъ, и иное дѣло называть Его діаволомъ, какъ это при внимательномъ чтеніи могутъ представить тебѣ самыя слова Писанія и какъ текеть рѣчи.*

Можно бы и протрапнѣе поговорить объ этомъ предметѣ, но такъ какъ друзьямъ и гостямъ нашимъ мы не можемъ отказать въ нашемъ присутствіи, а у тебя не хотимъ задерживать отвѣта, котораго ты, какъ видно, сильно желаешь, то мы сжимаемъ обширное разсужденіе въ краткую замѣтку, продиктовавъ не столько посланіе, сколько толькованіе. Прощай.

41. Письмо къ Марцелгѣ.

Амвросій¹⁾, благодаря бумагѣ, писцамъ и издержкамъ котораго нашъ повстингъ Адамангъ и Халкентеръ (с. с. Оригенъ) написали такое безчисленное множество книгъ.—этотъ

¹⁾ Амвросій сначала послѣдователь Маркіона, потомъ вслѣдствіе вліянія Оригена обращенный къ церкви.—діаконъ и исповѣдникъ Христовъ—упоминается въ каталогѣ церковныхъ писателей; гл 56. Такъ какъ, благодаря его усердію, издержкамъ и настоятельности, Оригенъ продиктовалъ множество книгъ, то онъ оцѣнъ какъ *βυροδότης* Оригена т. е. побуждатель къ трудамъ

самый Амвросій, въ одномъ письмѣ, писанномъ къ Оригену изъ Аѳинъ, рассказываетъ про себя, что онъ никогда въ присутствіи Оригена не принимался за пищу безъ чтенія, никогда не ложился спать, пока одинъ изъ братій не прочитывалъ нѣчто отъ священныхъ Писаній. Такъ поступалъ онъ днемъ и ночью, такъ что чтеніе смѣняло молитву, а молитва—чтеніе.

Дѣлаемъ ли мы, желудочныя животныя, когданибудь чтонибудь подобное? Если только второй часъ застанетъ насъ за чтеніемъ, мы уже зѣваемъ,—потирая лицо руками, мы едва сдерживаемъ досаду и какъ-бы послѣ продолжительныхъ трудовъ опять принимаемся за мірскія занятія. Не говорю объ обѣдахъ, которыми подавляется отягощенный умъ. Стыдно говорить о тѣхъ частыхъ поздравленіяхъ, для которыхъ или мы сами ежедневно отправляемся къ другимъ, или постороннихъ къ себѣ ожидаемъ. Затѣмъ начинаются разговоры, тянется пошлая рѣчь, подвергаются осужденію отсутствующіе, чужая жизнь оцѣнивается, угрызая другъ друга, мы снѣдаемъ другъ друга. Такое наше повседневное принятіе пищи. А когда уйдутъ друзья, мы принимаемся за счеты, и—то ярость наводитъ на насъ львиный образъ, то забота наша устремляется на избытки, лежащія на лѣта многи. И не вспомнятся при этомъ слова Евангелія: *безумне! въ сію ночь душу твою истязжутъ отъ тебе, а яже уготовалъ еси, кому будутъ* (Лук. 12, 20)? Изыскиваются одежды не для употребленія только, а для удовольствія. Гдѣ представляется сокращеніе издержекъ, тамъ и нога быстрѣе, рѣчь живѣе и ухо внимательнѣе. Еслиже слышимъ объ убыткѣ (какъ это часто въ хозяйствѣ случается), то лице наше покрывается грустью. Мы рады деньгамъ, и жалѣемъ одного обоба. Потому-то и пророкъ, видя въ одномъ человѣкѣ такую измѣнчивость фізіогноміи вслѣдствіе душевныхъ волненій, молить Господа: *Господи! во градъ Твоемъ уничтожили лице ихъ* (Пс. 72, 20). Созданные по образу и

по подобію Божию, мы вслѣдствіе нашихъ пороковъ принимаемъ на себя множество лицъ. Какъ на театральной сценѣ одинъ и тотъ же актеръ — то представляетъ могучаго Геркулеса, то превращается въ нѣжную Венеру или въ дрожащую Цибеллу: такъ и мы (которые *еще бы не отъ міра были*, то міръ ненавидѣлъ бы насъ) столько имѣемъ образовъ подобій, сколько имѣемъ грѣховъ. Такъ какъ мы среди волненій протекли уже большое жизненное пространство и корабль нашъ — то носимъ былъ вихрями бурными, то разбивался о подводные камни, — поэтому поспѣшимъ, какъ можно скорѣе, войти въ сельское уединеніе, какъ бы въ нѣкоторую пристань. Тамъ ржаной хлѣбъ, овощи, орошенные собственными руками, молоко, сельскія увеселенія доставятъ дешевую и невинную пищу. При такомъ образѣ жизни ни сонъ не отвлечетъ отъ молитвы, ни пресыщеніе — отъ чтенія. Въ лѣтнее время древесная тѣнь можетъ доставить уединенное убѣжище. Осенью самая благотворенность воздуха и попадавшіе листья указываютъ мѣсто отдыха. Весною поля красуются цвѣтами и подъ жалобныя напѣвы птицъ усладительнѣе будутъ воспѣваться псалмы. Если настанетъ холодъ и зимніе снѣга, то я не стану погупать дровъ, я или прободрствую или пересплю холодное время. Одно достовѣрно знаю, что я не замерзну напрасно. Оставимъ Риму его суетню, пусть арена свирѣпствуетъ, циркъ безумствуетъ, театры роскошествуютъ и, сказать про себя, пусть ежедневныя визиты продолжаются въ сенатѣ римскихъ матронъ. *Намъ же еже приимлятися Богови — благо есть, полагати во Господь упованіе наше* (Пс. 72), — чтобы, когда убожество это смѣнится царствомъ небеснымъ, чтобы намъ воскликнуть: *что ми есть на небеси и отъ тебе что восхотѣхъ на земли!* Т. е. намъ ли сокрушаться, отыскивая малое и тлѣнное на землѣ, когда мы такъ много нашли на небѣ. Прощай.

42. Письмо къ Марцелль.

Обыкновенно тѣлесное отсутствіе восполняется духовнымъ общеніемъ и въ этомъ отношеніи каждый поступаетъ согласно съ своими преобладающими склонностями. Вы присылаете дары, мы отвѣчаемъ благодарственнымъ посланіемъ. Но при этомъ, такъ какъ дары принадлежатъ сокровеннымъ дѣвамъ, мы хотимъ показать, что въ самыхъ этихъ подарочкахъ заключается нѣкоторый таинственный смыслъ. Вретище есть символъ молитвы и поста. Кресла означаютъ то, что дѣва не должна дѣлать ни шагу вонъ изъ дому. Восковыя свѣчи напоминаютъ, что съ возженными свѣтильниками нужно ожидать пришествія Жениха. Чаши означаютъ умерщвленіе плоти и духъ всегда готовый къ мученичеству, ибо *чаша Господня уповающи мя, яко державна* (Пс. 22, 5). Для непокровенныхъ женщинъ маленькое опахало для прогнанія небольшихъ насѣкомыхъ имѣетъ то возвышенное значеніе, что скоро надобно оставить роскошь, потому что убиваемыя мухи уничтожаютъ запахъ благовонія. Вотъ символы для дѣвы и для матроны. А для насъ ваши дары имѣютъ обратный смыслъ, именно: празднымъ свойственно сидѣть, кающимся—лежать во вретищѣ, пьющимъ—нужно чаши имѣть. Отъ почнаго же страха и влѣдствіе того, что духъ всегда возмущается злою совѣстію, позволяется и восковыя свѣчи зажечь.

43. Письмо къ Азелль.

Я былъ бы неразуменъ, еслибы думалъ, что я въ состояніи воздать тебѣ благодарность. Одинъ Богъ можетъ воздать твоей святой душѣ то, чего она заслужила. Я же недостойный не могъ никогда ни думать, ни желать, чтобы ты оказала мнѣ такую любовь о Христѣ. Впрочемъ хотя нѣкоторые и считаютъ меня злодѣемъ, покрытымъ великими преступленіями и хотя

по грѣхамъ моимъ и этого даже мало: все-таки ты хорошо поступаешь, что даже и худыхъ въ душѣ твоей считаешь добрыми. О чужомъ рабѣ опасно судить (Рим.л. 14. 4), тѣмъ богуе неправоугодно говорить худое о праведномъ. Да, придетъ тотъ день, когда и ты вмѣстѣ со мною поскорбишь о томъ, что не многіе горѣли такою любовью.

И человекъ порочный, перемѣчивыи и непостоянный, лживый и обольщенный коварствомъ сатаны. Что же безопаснѣе—вѣрить ли порицаніямъ, или предполагать невинность, или же совсѣмъ не желать вѣрить даже виновности? Нѣкоторые цѣловали мои руки и въ тоже время змѣиными устами порицали: на губахъ скорбь обнаруживали, а въ сердцѣ радовались. Господь видѣлъ и смѣялся имъ и меня, раба своего, соблюдалъ съ ними до будущаго суда. Тотъ походку и улыбку мою порицалъ, тотъ надъ лицомъ моимъ издѣвался, этотъ въ простотѣ моей видѣлъ нѣчто другое. Я три года почти прожилъ съ ними. Меня окружала густая толпа дѣвъ,— и я, сколько могъ часто, бесѣдовалъ съ ними отъ божественныхъ книгъ. Частое повтореніе такихъ уроковъ породило короткость, короткость установила довѣріе. Пусть же скажутъ, какія иныя были у нихъ чувства въ моемъ присутствіи, кромѣ чувствъ, приличныхъ христіанину? Взялъ я деньги у кого нибудь, или не отвергнулъ большихъ или малыхъ подарковъ? Звучала ли въ моей рукѣ чья нибудь мѣдь? Позволилъ ли себѣ когда нибудь двусмысленную рѣчь, или наглый взглядъ? Обращаютъ вниманіе только на то, что я мужчина и это съ тѣхъ поръ, какъ Павла отправлялась въ Іерусалимъ. Но пусть повѣрили лежцу; почему же не вѣрятъ его отрицанію? Вѣдь обвинитель и потомъ защитникъ одинъ и тотъ же человекъ, и конечно онъ говоритъ правду скорѣе всего подъ вліяніемъ мученій. чѣмъ въ веселую пору. Видно вымыслу легче вѣрятъ, его

охотно слушаютъ и даже побуждаютъ придумать его, даже когда онъ еще не существуетъ.

Пока я не зналъ жилища святой Павлы, до тѣхъ поръ гремѣла ко мнѣ любовь всего города. Почти общій судъ признавалъ меня достойнымъ высшаго священства. Обо мнѣ говорили блаженной памяти папѣ Дамасу. Меня считали святымъ, признавали смиреннымъ и краснорѣчивымъ. Неужели жъ я вошелъ въ домъ какогонибудь развратника? Ужели я увлекся шелковыми одеждами, бѣстѣящими камнями, раскрашеннымъ лицомъ, жадностью къ золоту? Нѣтъ, римская матрона могла покорить мою душу только слезами и постами, — только та могла привлечь мое вниманіе, которую я видѣлъ въ печальномъ одѣяніи, ослѣпшею отъ слезъ, которую часто солнце заставляло по цѣлымъ ночамъ умоляющею милосердіе Божіе, — только та, чья пѣснь была псаломъ, предметъ разговора — Евангеліе, чьи утѣхи состояли въ воздержаніи, а жизнь — въ постничествѣ. Меня радовала только та, которую я никогда не видѣлъ за пищею. Но какъ скоро за ея чистоту я началъ уважать и почитать ее, и удивляться ей, тотчасъ оставили меня всѣ добродѣтели.

О зависть, первая язва! о сатанинское коварство, всегда преслѣдующее святыхъ! Не другія какіянибудь римскія женщины сдѣлались предметомъ городской басни, а именно Павла и Меланія, которыя презрѣвъ имущества свои, оставивши все дорогое, подняли крестъ Господень, какъ иѣкоторое знамя благочестія. Еслибы онѣ наслаждались въ баняхъ ¹⁾, употребляли бы благовонныя мази, то въ своемъ богатствѣ и вдовствѣ онѣ нашли бы оправданіе роскоши и свободы, могли бы слыть господами и святыми. Но онѣ хотятъ казаться прекрасными

1) *Balneas potent.* По другому варіанту: *Bajas petent*, еслибы онѣ переселились въ Баи. *Baii* — пріятнѣйшій городъ въ Кампаніи.

во вретницѣ и нецелѣ и низойти въ геенну огненную съ постомъ и грязью: очевидно, что не такимъ погибнуть съ шумомъ при рукоплесканьяхъ толпы. И пусть бы язычники или іудеи осмѣивали такую жизнь, тогда Павла и Меланія могли бы находить утѣшеніе въ томъ, что онѣ не нравятся Христу. Но, увы! люди—христіане, оставивъ попеченіе о собственномъ домостроительствѣ, и не замѣчая бревна въ собственныхъ очахъ, въ чужомъ глазѣ отыскиваютъ сучецъ. Они оскорбляютъ святыя подвиги и въ оправданіе собственной виновности думаютъ: нѣтъ святыхъ, всѣ достойны порицанія,—погибающихъ толпа, грѣшниковъ безчисленное множество.

Ты любишь мыться каждый день: другой такую опрятность считаетъ грязью. Ты изрыгаешь рябчиковъ и превозносишь осетрину: я бобами наполняю свой желудокъ. Тебя увеселяетъ толпа скомороховъ: меня плачущія—Павла и Меланія. Ты жаденъ на чужое, онѣ своимъ пренебрегаютъ. Ты утѣшаешься надъ сладкими винами: онѣ пьютъ холодную воду еще съ большею пріятностію. Ты считаешь себя пропавшимъ, если въ настоящую минуту ничего не имѣешь, не поядаешь, не проглатываешь: онѣ желаютъ будущаго и увѣрены, что все сказанное въ Писаніи—истина. Пусть будетъ тщетно и глупо вѣрить въ воскресеніе тѣлъ: что тебѣ до того? Намъ напротивъ твоя жизнь не нравится. Ты считаешь такихъ людей несчастными, а мы тебя считаемъ несчастнѣйшимъ. Мы платимъ другъ другу одинаковою монетою, а потому и кажемся другъ другу безумствующими.

Это я наскоро написалъ, госпожа моя Азелла, взошедши уже на корабль, задушаемый горемъ и слезами, я благодарю Бога моего, что Онъ удостоилъ меня быть однимъ изъ тѣхъ, кого міръ ненавидитъ. Помолись же, чтобы я возвратился изъ Вавилона въ Іерусалимъ, и чтобы владычествовалъ мною не Навуходоносоръ, но Іисусъ, сынъ Іоседека: пусть прійдетъ

Ездра, что по толкованію означаетъ *помощникъ*, и отвелъ меня въ мое отечество. Я безразсуденъ былъ, когда желалъ воспѣвать пѣснь Господню на *земли чуждой* и, оставивши сіонскую гору, обратился за помощію къ Египту. Я забылъ предостереженіе евангельское, что выходящій изъ Іерусалима тотчасъ впадаетъ въ разбойники, его обнажаютъ, ранятъ и убиваютъ. Еслиже священникъ и левитъ и прошли съ презрѣніемъ, есть однакожъ тотъ милосердый самарянинъ, который на упрекъ іудеевъ: *самарянинъ ты и бѣса имаша* (Іоан. 8), отрицая въ себѣ бѣса, не отрицался, что онъ самарянинъ, потому что іудеи самаряниномъ называли того, кого мы называемъ стражемъ (*custos*). Пусть нѣкоторые считаютъ меня злодѣемъ; я охотно пришлю имъ раба, какъ свидѣтельство вѣрности. И Господа моего іудеи называли волхвомъ; считали возмутителемъ и апостола. Я не изытъ отъ искушеній чловѣческихъ (1 Кор. 10). Какой же родъ тѣсноты я перенесъ, вопиствуя за крестъ? На меня ввели безчестіе ложнаго преступленія. Но я знаю, съ доброю или худою славою достигается царство небесное.

Привѣтствуй Павлу и Евстохію, моихъ во Христѣ, угодно или нѣтъ это міру, Привѣтствуй мать Албину и сестру Марцеллу и Марцелину и святую Фелициту и скажи имъ: предъ судищемъ Христовымъ мы станемъ вмѣстѣ, и тамъ обнаружится, кто какъ жить. Вспомниай обо мнѣ, ты, примѣръ непорочности и украшеніе дѣвства и укрощай морскія волны твоими молитвами.